ЖУРНАЛ ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ

Огни Кузбасса

ИЗДАЕТСЯ С 1949 ГОДА

№ 3 / 2023

МАЙ – ИЮНЬ

Литературный журнал
выходит
при поддержке
Министерства культуры
и национальной политики
Кузбасса

Главный редактор
С. Л. ДОНБАЙ

Редколлегия:
Татьяна ИЛЬДИМИРОВА
Андрей КОРОЛЕВ
Вера ЛАВРИНА
Дмитрий МУРЗИН
(ответственный
секретарь)
Наталья МУРЗИНА
Юлия СЫЧЕВА
Елена ТРУХАН
Дмитрий ФИЛИППЕНКО
Марина ЧЕРТОГОВА
Евгений ЧИРИКОВ
Григорий ШАЛАКИН

*Адрес редакции: 650000,
Кемеровская область – Кузбасс,
г. Кемерово, пр. Советский, д. 40,
тел. 8 (3842) 36-85-14*

16+

Содержание

ПОЭЗИЯ

Анатолий Аврутин. Птица русского слова ... 3
Елизавета Боргест. В усталой аллее ... 21
Иван Щелоков. Годы торопят, и жизнь нарасхват ... 30
Андрей Аксёнов. Я увидел всё случайно ... 41
Татьяна Копытова. Пенсионная пастораль ... 76
Михаил Рантович. Немые звуки на снегу ... 88

ПРОЗА

Дмитрий Филиппов. Аппендицит. Р а с с к а з ... 7
Сергей Чиняев. Лубяной сундучок. Р а с с к а з ... 23
Анатолий Байбородин. Сказка. Р а с с к а з ... 33
Сергей Чернопятов. Как мы падали с паровоза. Р а с с к а з ы ... 43
Елена Кадомцева. Р а с с к а з ы ... 78

ПУБЛИЦИСТИКА

Виктор Коврижных. Вольные мысли огородного философа. ... 90
Владимир Иванов. Наряд голого короля ... 94
Виктор Коняев. Хвори наши – наши скорби. И крест! (заметки неравнодушного). ... 101

ЗАПОВЕДНАЯ СИБИРЬ

Любовь Арбачакова. О неошаманах Горной Шории ... 128
Анатолий Сазыкин. «Многое мне сегодня дано...» (к юбилею Любови Никитовны Арбачаковой) 130

БИБЛИОТЕЧЕСТВО

Эдуард Анашкин. «Покуда муж громит врага...» ... 134
Валентина Ефимовская. Встреча со святынями ... 138

КНИГА ПАМЯТИ

Андрей Махалов. Отец (штрихи воспоминаний) ... 141
Вячеслав Кабин. Байки сибирского аборигена (окончание) ... 145

И БОЛЬШИМ, И ДЕТЯМ

Артур Ахметшин. Болеть не страшно. Р а с с к а з ... 156
Анжела Бецко. Корову любила трава ... 160

СВЕТЛИЦА

Екатерина Новикова. Светятся люди от счастья. С т и х и ... 161

КРИТИКА. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Мария Бишокова. «Подумать о душе» (о журнале «Огни Кузбасса» № 1, 2022). ... 162
Надежда Куракина. Новый смысл мелочей быта (о сборнике стихотворений Галины Золотаиной «Давайте о хорошем») ... 165
Татьяна Горохова. Вспомнить про «гениев чистейшей красоты». Отклик на сборник стихов Андрея Пятака «Моя соседка Мона Лиза» ... 166

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ

Литературная хроника. Подготовил **Дмитрий Мурзин** ... 29, 75, 100, 168

Русскому поэту Игорю Киселёву – 90 лет

(1933–1981)

* * *

Не знаю, к несчастью ли, к счастью,
В предчувствии ль близкой беды,
Я стал ощущать себя частью
Деревьев, и звезд, и воды.

И вот что случилось однажды:
Под солнцем, в июльской пыли,
Внезапно я вздрогнул от жажды,
Почувствовав жажду земли.

Я сбился с ослепших тропинок,
Бессильной тоской исходя,
И тысячью хрупких травинок
Я ждал, задыхаясь, дождя.

Подумав: должно быть, я болен, –
Упал от дорог вдалеке.
Но был я и лесом, и полем,
И птицей, летящей к реке.

Я знал, что не лес и не птица,
Не в силах поднять головы, –
Не птица, а только частица
И леса, и птиц, и травы.

Какое короткое лето
Бежит, спотыкаясь, к пруду!..
Я вышел из этого леса
И в этот же лес я уйду.

Дорогой Анатолий Юрьевич! Поздравляем Вас, известного русского поэта, желанного автора журнала «Огни Кузбасса», со славным 75-летием! Между Кемеровом и Минском большое расстояние, но для нас оно не преграда! Желаем здоровья и творческого долголетия!

Анатолий АВРУТИН

ПТИЦА РУССКОГО СЛОВА

* * *

Кто там плачет и кто там хохочет,
Кто там просто ушел в облака?
То ли кречет кричит, то ли кочет...
То ли пропасть вдали, то ль река...
И гадаю я, тяжко гадаю,
Не поможет здесь даже Господь, –
Где прошли мои предки по краю,
Чем томили суровую плоть?
Зажимаю в ладонях монетку
И бросаю в бездонье пруда –
Робкий знак позабытому предку,
Чтобы молвил – откуда?.. Куда?..
И вибрирует гул непонятный
Под ладонью, прижатой к земле,
И какие-то сизые пятна
Растворяются в сумрачной мгле.
И вдруг чувствую, дрожью объятый,
Посреди перекрестья дорог,
Как ордою идут азиаты
На восток... На восток... На восток...
Но не зрится в прозрениях редких,
Что подобны на детский наив, –
То ль с ордою идут мои предки,
То ль с дружиной, орды супротив?
И пока в непроявленной дали
Растворяются тени теней,
Чую – токи идти перестали,
А вокруг – все мрачней и темней.
И шатаюсь я вдоль раздорожий,
Там, где чавкает сохлая гать,
И все Бога пытаю: «Я – божий?..»
А Господь отвечает: «Как знать...»

3

* * *

«У всех народов национальность – имя существительное, и только «русский» – прилагательное...»
Из одной публикации

Русский – прилагательное, слышали?
То, что прилагается к добру,
К радуге над мокнущими крышами,
Без которой вздрогну и умру.

Русский – прилагательное... Тихое...
На вопрос ответствует: «Какой?»
И кружатся аист с аистихою,
И над Храмом лучик золотой.

Русский – прилагательное... Чуткое...
Что не знает каменных палат,
Но всегда соседствует с побудкою,
Если вдруг тревогу протрубят.

АВРУТИН Анатолий Юрьевич *родился 3 июля1948 года в Минске. Окончил БГУ. Автор двадцати четырех поэтических сборников, изданных в России, Беларуси, Германии и Канаде, шести книг переводов, лауреат Национальной литературной премии Беларуси, Большой литературной премии России, международной премии имени Марины Цветаевой и многих других. Обладатель «Золотого Витязя-2022» в жанре поэзии. Академик Международной Славянской Академии литературы и искусства (Варна, Болгария), главный редактор журнала «Новая Немига литературная». Указом Президента Беларуси награжден орденом Франциска Скорины (2019), а также одноименной медалью (2009). Название «Поэт Анатолий Аврутин» в 2011 году присвоено звезде в созвездии Рака. Живет в Минске.*

Русский – прилагательное... Странности
Всех грамматик мира одолев,
Русские давно привыкли к данности:
Кровь за кровь, но песню – нараспев.

Не дождавшись божьего пришествия,
Не страшась, что ворог зол и лют,
Эти «прилагательные» шествуют,
Женщин любят, плачут и поют...

Недругам – всегда падеж винительный,
И ломоть последний – для своих.
Ничего не знаю существительней
Этих «прилагательных» родных.

* * *

Купола обронили рассветную медь,
Скакуны истоптали копыта...
Ничего не узнать... Никуда не успеть...
И молельня еще не открыта.

Вы куда ускакали? Вернитесь сюда,
Воротите свое, заревое.
Где-то женщина плачет, бушует вода,
Позабыв о вселенском покое.

Где-то пенная ярость по краю летит,
Хорошо, если сникнет у края,
Оборвав этот гибельный цокот копыт,
Ничего о грядущем не зная.

Потрясенный предутренним этим лучом
И ступню о травинку обрезав,
Понимаешь, что годы свистят
над плечом,
По-кулацки паля из обрезов.

Что вот-вот и нагнется плюгавенький
хлюст
Над панелью с делением красным...
И уже не увидишь ни ласковых уст,
Ни рассвета с лучом непогасным.

И останется только зеленый надел,
Где не топлена хата пустая.
И Господь не узнает, чего ты хотел,
О травинку ступни обрезая...

* * *

Этот мир, мучительный и грешный,
Эта, в боль струящаяся, даль...
Все пройдет... И я пройду, конечно,
Как проходят август и печаль.
Как слепец проходит возле края
Бездны, до которой полруки,
Как проходит женщина босая
Через луг, и дальше напрямки.
Все пройдет... И горечь под гортанью...
И любовь... И этот сизый дым.
Непременно станет синей ранью
То, что было поздним и ночным.
Будет даль... И будет свежий ветер
Гулко дуть судьбе наперерез.
И кого-то снова не заметят,
Что прошел... И в сумерках исчез.

ПТИЦА РУССКОГО СЛОВА...

1

Лампа коптит... Тень из угла...
Мамина ласка....
В гемоглобин с детства вошла
Русская сказка.

Как от нее сердцу тепло
Ночью суровой!..
Сказка... А с ней в сердце вошло
Русское слово.

Слово поет... С ним по утрам
Встать интересней.
Включишь с утра радио... Там
Русская песня.

Чуть подпоешь... Выпьешь вина ...
Вот и не люто.
Только б не знать, как же страшна
Русская смута!

Не виноват? – Казнь без вины,
Бой до победы...
Боже ты мой, как же страшны
Русские беды!

Бой отгремит, боль отойдет...
Вновь, без опаски,
Чей-то малец на ночь прочтет
Русскую сказку...

2

Вновь пламень и пепел... Не выйти из сечи,
Где вражий клинок тебе целит в живот.
Но отзвуки русской спасительной речи
Доходят до сердца с загробных высот.

Напрасное время...Тоска и усталость,
И некому нас от беды уберечь.
Почти ничего-то у нас не осталось –
Одна лишь великая русская речь.

По-русски хрипящие, снова и снова
Встают, чтобы с Пушкиным рядом
стоять.
И тупятся сабли о русское слово,
И враг по своим начинает стрелять.

Пусть вороны гибель им злобно
пророчат! –
По-русски умея сносить неуют,
По-русски рыдают, по-русски хохочут,
По-русски победные песни поют...

Потомки опричнины и Пугачева
Взошли из земли, чтобы в землю и лечь.
Лишь только бы слышалось русское слово!
А дальше?.. А дальше хоть голову с плеч...

3

Всем ведомо – в начале было слово,
И лишь потом вселенский гул возник.
Но слово то – всему первооснова:
И замыслу, что дерзок и велик,
И царскому высокому указу,
И записям немого чернеца,
Что начертал единственную фразу,
Не описав сраженья до конца...
В том слове русском, слове исполинском,
Смешалось все – молитвы горький ком,
Истошный стон на поле Бородинском,
Истошный вой на озере Чудском...
То слово и казнило, и прощало,
С ним лед под крестоносцами трещал.
И было в слове – Родины начало,
А Родина – начало всех начал.
Вобрало слово первое признанье,
Последний гвоздь из смертного креста...
«Не укради!..» – начертано в «Писанье...»
И «Не убий!..» – ответствуют уста...
Все молвлено... И все вокруг не ново.
Как в черный омут канули века.
Но если есть и Родина, и Слово,
То есть и дом... И память... И строка...

4

Этот рокот вселенский.
Мрачны небеса.
На душе пустота... Только снова
Белоснежным крылом ослепляет глаза
Птица русского слова.

А казалось – Батыи
Всех черных эпох
Закопытили ширь, затоптали.
Знали, слово – основа, за слово – под вздох,
Пусть подохнут в печали...

Только в келье строчил
Неизвестный монах
Книгу жизни, что зла и сурова.
Не за харч, не за славу... Чтоб взмыла
сквозь страх
Птица русского слова.

Тяжелы были мысли...
И жить – тяжело.
Жалкий лучик пустив сквозь бойницы,
Солнце тысячи раз за деревья зашло...
Он писал, яснонолицый...

Выцветали чернила,
Болело в груди.
Кровью харкал...Знал – нету другого.
И молился, и Бога просил – огради
Птицу русского слова...

Горизонт непонятным
Свеченьем объят.
На Руси, под гортанные крики,
Нынче русские русским по-русски велят
Знать другие языки...

5

Не умею сказать по-французски
Ни «природа», ни «блузка», ни «лес»...
У француженок яркие блузки,
Видел всяких – и в блузках, и без...

Все блуждается в том, полудетском
Восприятье... Что Бог триедин,
Не умею сказать на немецком,
Хоть мы некогда брали Берлин.

Не умеешь... Не знаешь... Не видишь...
О, словесности водораздел!
Ни иврит мне неведом, ни идиш,
И английского не одолел.

Все на русском... Конечно же, плохо
Помнить лишь «камарад» и «капут»!
Но, когда озверела эпоха,
Только крикни: «Ура!» ... И поймут...

6

Все ничейно... Поля? – Вот те на...
А по-русски выходит «поляна».
И высокое слово «страна»
На две трети читается «рана».

Сердце Родины. Ширь да подзол.
Хоть в «подзоле» все чудится злое.
Это кто к нам с небес снизошел?
«Снизу шел» ... Остальное пустое...

Все рыдали княжны в теремах,
Расшивали рубакам рубаху.
Ох, Владимир ты свет Мономах,
Что ж преемники дали-то маху?

Сколько взгляд ни мечи из-под век –
Лишь устанут набрякшие веки,
А тут все не поймешь – «человек»:
О челе или, может, о веке?

Так вот, мучась, уйдем навсегда
В мир, где больше ни боли, ни бреда.
Помня – русское слово «беда»
Все ж две трети от слова «победа».

7

Сын русского слова, внук русской
словесности,
Мне русская мука – молочная мать...
Зубами скриплю, угасая в безвестности,
Словами давлюсь, не умея смолчать.
Где нету моста, прошагаю по жердочке,
Где птицы умолкнут, там я запою...
Словцо нацарапав на треснувшей
форточке,
Гвоздем начинаю поэму свою.

По-русски сомненьями тягостно мучиться,
От русской печали хватив «первача».
... И кто там бредет, будто хворая утица,
Крыло, что сломали, едва волоча?
А кто там поет, как свирель одинокая,
По-русски тоску вознося в небеса,
То «акая», то умилительно «окая»,
Немного по-скифски прищурив глаза?

А это Отчизною мучиться велено
Тому, кто по-русски поет о Руси.
И русская музыка, русским навеяна,
Все стонет, веля – ни о чем не проси!
И я не прошу... Ничего, что попрошено
Ни счастья не даст, ни спасет
в свой черед.
В сугроб упаду... И пусть русской порошею
Безвестный мой след навсегда заметет...

Дмитрий ФИЛИППОВ

АППЕНДИЦИТ

Рассказ

Их нашли в начале апреля.

Земля, еще не оттаявшая после зимы, отходила в траншее неровными смерзшимися слоями, и в одном из отвалов ковш экскаватора развоpотил бруствер пулеметного гнезда, обнажив желтые кости. Скелет немецкого солдата сохранился полностью, только череп был смят и проломан в нескольких местах. Возле останков лежали гильзы от пулемета MG-42, противопехотная граната с трухлявой деревянной рукояткой и стеклянная фляжка с отбитым горлышком. Рядом был обнаружен еще один скелет, и по пуговицам сгнившей гимнастерки да ржавой медали «За оборону Ленинграда» его идентифицировали как солдата РККА.

Останки двух бойцов лежали на дне траншеи вплотную друг к другу, правая рука красноармейца словно приобнимала немца в районе шеи. Поисковики хлюпали на дне ямы весенней холодной грязью, осторожно снимали слои земли вокруг скелетов. Время сжалось на семьдесят лет и приоткрыло маленькую щелку: посмотрите, как все было на самом деле.

Алексей Головач, командир поискового отряда «Витязь», спокойно и обстоятельно, с чувством рабочего превосходства докладывал подъехавшему на место чиновнику:

– Костные останки обнаружены на глубине полутора метров, скелеты в сохранности, за исключением солдата вермахта: череп пробит в четырех местах, разломан по основанию лобной кости. Судя по всему, его просто прикладами добивали. Наш боец погиб предположительно от пистолетного выстрела в упор. Видите, у него руки в районе шейных позвонков немца. Они схватились в рукопашной, наш боец начал душить, и немец, скорее всего, застрелил его.

– Откуда знаешь, что из пистолета? – спросил чиновник.

– Кирилл Сергеевич, – улыбнулся Головач, – мы не первый день в поиске. Рядом обнаружены гильзы от пули калибра 7,65 миллиметра. Такие пули были в пистолетах «Люгер», это знаменитый «Парабеллум».

– А сам пистолет... – начал Родионов.

– ...обнаружить не удалось, – картинно развел руками командир отряда. – Иначе бы мы как законопослушные граждане непременно сдали бы его органам правопорядка.

– Ох, демоны, попадетесь когда-нибудь!

– Посмотрите в наши честные глаза...

– Короче, – прервал чиновник.

– Так вот. Боец Рабоче-крестьянской Красной Армии идентифицирован по пуговицам от гимнастерки и сохранившейся медали «За оборону Ленинграда». Медаль не номерная, смертного медальона при нем не было, так что личность установить не представляется возможным. А немца

ФИЛИППОВ Дмитрий Сергеевич *родился 5 сентября 1982 года в городе Кириши Ленинградской области. Окончил филологический факультет Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. Работал педагогом-организатором, грузчиком, продавцом, подсобным рабочим, монтажником вентиляции. Служил в армии на территории Чеченской Республики с 2006 по 2008 год. Старший сапер. Работает начальником сектора молодежной политики Пушкинского района Санкт-Петербурга. Осенью 2022 года ушел добровольцем на СВО.*

определили так же по пуговицам и крючкам от кителя, кускам шинели и гранате М-24. Вот они, – Головач показал горсть позеленевших от времени пуговиц. – Цинковая фурнитура с четырьмя дырочками, такие были только у немцев. В траншее также обнаружены в большом количестве гильзы от «Косторeза».

– От чего?

– Немецкий пулемет MG-42. Наши солдаты прозвали его «Косторезом» за исключительную убойную силу. По ходу, пулеметчиком был наш фашист, а пулеметчиков ой как не любили, в плен старались не брать...

– А сам пулемет?

– Не было его в траншее.

– Леша, – напрягся Родионов, – вот сейчас не смешно.

– Да не было, Кирилл Сергеевич, мы же не психи – пулемет тырить. И кому он нужен? Столько лет в земле... От него бы только труха ржавая осталась.

Родионов и Головач были знакомы пять лет, и, как всегда бывает при длительном знакомстве, между ними выстроилась линия не высказанных вслух договоренностей. Чиновник понимал, что если отнять у поисковиков хабар, – им станет неинтересно копать; но и те в свою очередь не наглели, «черным копательством» и мародерством не занимались. Жизнь всегда вносит свои коррективы в букву закона.

– Есть понимание, когда они погибли? – спросил Родионов.

– Да, в период с декабря 43-го по январь 44-го. Эта территория, – командир очертил рукой полукруг, – была под немцами. Первая линия обороны, самый «передок». Когда в сентябре 41-го немцы вышли к Пулковским высотам, на этом участке создалась благоприятная обстановка для дальнейшего продвижения. Видите эти валы? Здесь насыпи возводили еще до революции, когда строили ветку Императорской железной дороги. Они защищали пути от метелей и вьюг зимой. И как раз между этими валами по железке можно было скрытно выдвинуть войска по направлению к шоссе. Что немцы и сделали. У шоссе их остановили – конечно, ценой огромных потерь. Но в самой линии фронта образовался выступ, вклинивавшийся в нашу оборону. Немцы его звали «Палец», а наши солдаты – «Аппендицит». Командование не раз предпринимало попытки срезать этот выступ и выровнять линию фронта, но все впустую. Самый замес здесь был с 13 по 16 декабря 1943 года, перед операцией «Январский гром». Выступ мешал атаке на Александровскую. Еще есть версия, что командование стремилось выровнять линию фронта аккурат ко дню рождения Сталина, но это так себе мнение. В итоге «Аппендицит» атаковали части 189-й стрелковой дивизии силами двух батальонов и одной штрафной роты, даже несколько раз занимали немецкие позиции, но фрицы нас выбивали.

– Ты мне целую лекцию сейчас прочитал.

– Здесь все в костях, Кирилл Сергеевич. Все поле перед насыпью, в самих траншеях... По донесениям о безвозвратных потерях, тут около пятисот человек лежит, и все с пометкой «оставлен на поле боя».

– Вы же каждый сезон здесь работаете.

– И каждый год находим бойцов. И долго еще будем находить. У нас семь человек в отряде, у всех работа, семьи... Это капля в море. По-хорошему, здесь нужна полноценная поисковая операция. С выделением строительной техники, разбивкой палаточного городка, с графиком обследования территории...

– Ну, это не ко мне вопросы, – открестился Родионов.

– А к кому? Вы здесь власть.

– У нас даже целевой статьи нет под такой проект, я уже не говорю о финансировании. Это должно быть решение на уровне правительства города. Нет у района полномочий на такие операции, нет, понимаете?

– Ладно, это я вслух мечтаю...

– Пишите обращение на главу, мы перепра-вим его в профильный комитет.

– Да там отписка будет, мы все это проходили уже.

– Скорее всего. Но у района руки связаны. Давай дальше.

– А дальше все просто. С 15 октября 1943 года эти позиции заняла 215-я пехотная дивизия вермахта и стояла до января 1944-го, пока их не выбили окончательно. Пулеметчик наш, скорее всего, оттуда. Бои здесь были жестокие. На Александровку наступал 110-й стрелковый корпус, наступал неудачно, много народу полегло. Но это была масштабная операция, наступление не останавливалось, все рвались вперед. Не было времени мертвыми заниматься. Похоронные команды просто сваливали тела в траншею, никто особо не разбирался в те дни, где наши, где немцы... Так бойцы и остались лежать.

– В целом ясно. Хорошо. Звони в полицию, пускай вызывают криминалистов и пакуют останки.

– Кирилл Сергеевич... – замялся Головач. – Может, мы сами...

– Не может. Нет у вас полномочий на эксгумацию. И саперов надо, чтобы гранату забрали.

В этот момент в траншее что-то громко плюхнулось в лужу. Поисковики нестройно матюгнулись. И буквально через несколько секунд окликнули командира:

– Леша, тут еще два бойца. Тоже немцы, по ходу...

Командир спрыгнул в траншею. Родионов, чертыхнувшись, полез за ним по следу экскаватора, стараясь ничего не касаться и не испачкать пальто и брюки. Резиновые сапоги, всегда лежавшие в багажнике автомобиля для таких случаев, тут же обросли комьями грязи, все хлюпало и чавкало под ногами. Из траншеи несло ледяным могильным духом.

Останки немцев обнаружили случайно. От стенки траншеи отвалился пласт земли и открыл нишу, в которой лежали, полусогнувшись и поджав ноги, скелеты двух людей. Из земли торчали полусгнившая немецкая каска, ржавый ствол винтовки и почерневший от времени газбак.

Его-то Головач и взял в руки, встряхнул. И радостно услышал, как что-то звенькнуло внутри. Попытался открыть защелку тубуса, но она сгнила полностью и сломалась от первого прикосновения. Тогда командир отряда просто с усилием провернул крышку и высыпал содержимое на землю.

Фольга от шоколада, прямоугольные пакетики непонятного назначения, зубная щетка, бритва, комок сгнившей бумаги, по-видимому, письма, и Железный крест.

Головач с усилием сглотнул, руки его задрожали. Он аккуратно очистил кусок металла от земли.

– Самая распространенная награда вермахта, – пояснил Родионову. – Железный крест первого класса.

И замолчал, неуверенно глядя в сторону.

Возникла неловкая пауза, во время которой все участники разговора понимали, о чем это молчание. По закону, все трофейные предметы являются собственностью министерства обороны.

– Хорошо, – улыбнулся Родионов. – Будем считать, что я его не видел.

– Золотой вы человек, – повеселел Головач.

– Зато я видела.

Мужчины резко, как по команде, обернулись. На бруствере окопа у самого края стояла молодая симпатичная девушка и с усмешкой прищуривалась. Шерстяная шапочка, легкая синяя куртка, джинсы. Одета легко и удобно. Прядь русых волос выбивалась из-под шапки. Глядя на нее снизу вверх, Родионов успел подумать, что сам он выглядит по-идиотски, и спросил недовольно:

– А вы, собственно, кто такая?

– Алиса Михеева, интернет-портал «Мойка.ру».

Из неотправленных писем Курта Мольтке, ефрейтора 380-го гренадерского полка 215-й пехотной дивизии

14 декабря 1943 года

Здравствуй, отец! Не знаю, когда смогу отправить тебе это письмо. С каждым днем обстановка на фронте все напряженней. Но и в этой Богом забытой земле есть место для чуда. Вчера, 13 декабря в 6 утра я сменился с дежурства в районе «Пальца» (я ведь писал тебе о «Пальце»), и был отправлен в расположение батальона. И ровно через час началась сумасшедшая атака русских. Я даже заснуть не успел. Они хлынули на наши позиции с трех сторон. Фриц Майер, сменивший меня на позиции, погиб в этом бою. Наши солдаты сражались храбро, но русские озверели от ненависти, они ползли и ползли вперед, цепь за цепью, линия за линией. Это жестокий, хитрый враг, но и бесстрашный, надо отдать им должное. Здесь все идет не так, как мы планировали.

Через два часа все было кончено, русские ворвались в наши траншеи и захватили «Палец». Я наблюдал за этим со стороны из расположения батальона. Все поле перед насыпью было усеяно трупами наших и русских солдат. И знаешь, что было самое жуткое? Тишина после атаки. Я сейчас попробую объяснить. Всегда после успешной атаки начинается зачистка траншей от врага. Раненых или берут в плен, или добивают выстрелом на месте. Но тут не было выстрелов. Это значит, что не было раненых. Погибли все, кто находился на позициях, абсолютно все.

С начала атаки полк подняли по тревоге. На фронте в эти дни установилось затишье, поэтому все внимание командования 18-й армии было обращено к нам. Из штаба пришел приказ: сектор должен быть возвращен и сохранен.

Наша 2-я рота под командованием лейтенанта Шенка, 10-я рота оберлейтенанта Шепфлина и взвод штурмовой роты атаковали «Палец» со стороны разрушенной деревни Redkoe Kuzmino. Мне сложно описать этот бой, отец. Как будто все вокруг сошло с ума. Мы быстро преодолели отрезок поля, отделяющий нас от валов вдоль железной дороги. Наши минометы подавили врага и позволили ворваться в траншею, и вот тут начался настоящий ад. Весь день мы пытались выбить русских из траншей, но они вцепились в них зубами, каждое ответвление, каждый боковой ход превращался в неприступную крепость. Они забрасывали нас гранатами, поливали из пулеметов и никак не хотели умирать.

С правой стороны контратаковала 3-я рота под командованием гауптмана Штейма. И когда они взяли свой участок «Пальца», и мы сжали русских с двух сторон, – началась рукопашная. Весь день во время боя русские пытались прислать своим частям подкрепление, но наши пулеметчики не давали им подойти. К вечеру в траншеях осталась горстка бойцов, человек десять-пятнадцать. Сами траншеи были завалены телами, и в этом месиве уже сложно было разобрать, где наши, а где русские. И вот эти обреченные на смерть люди, грязные, рваные, с диким взглядом, в котором уже нет ничего человеческого, достали штыки, саперные лопатки и бросились на нас с диким криком. Одновременно с этим русская артиллерия начала работать по позициям «Пальца», несмотря на то, что там были их собственные солдаты. У этих зверей нет понятия о воинской чести, они не берут в плен и готовы размолотить всех, даже своих, лишь бы одержать победу.

Признаюсь честно, отец, мы дрогнули. Мы не выдержали этой атаки мертвецов и воя мин над головой и по свистку фельдфебеля откатились метров на сорок. А как только стемнело, русским все же удалось направить подкрепление к захваченным траншеям «Пальца».

После девяти вечера мы снова пошли в атаку, на этот раз не поротно, а мелкими группами, по пятнадцать-двадцать человек. Под прикрытием темноты нам удалось вплотную приблизиться к «Пальцу», мы вновь ворвались в траншеи, снова началась рукопашная. Участок постоянно подсвечивался осветительными ракетами, и было похоже, что нас забросили в мерцающий сон. Я не знаю, сколько прошло времени: и бомбежка, и контратаки русских, взрывы гранат, свист пуль, треск автоматных очередей, – все смешалось в дрожащий студень без времени и без смысла. Я даже не помню, как мы подошли к кончику «Пальца». Мы пробирались в траншеях по телам убитых, остро пахло кровью и мочой.

В какой-то момент мне захотелось умереть.

В темноте меня сбили с ног, и не было сил подняться. Я лег на чье-то тело, лицо мое вплотную приблизилось к лицу убитого. Он вонял нечистотами и смертью, но мне уже было все равно. Я закрыл глаза и мгновенно заснул, отец. Не знаю, сколько я спал, может быть, пять часов, а может быть, пять минут, но когда я проснулся, – вокруг звучала родная немецкая речь. Русских выбили с «Пальца», все было кончено.

Странное чувство поселилось в душе. Несмотря на то, что мы победили – полная апатия, никакой радости. Пропали все чувства, даже страх смерти. После боя, перед самым рассветом наш пулеметчик Ганс Винкельхок поднялся на бруствер первой линии траншей и закурил. Сам грязный, руки по локоть в крови, он просто стоял, курил и смотрел в сторону русских позиций. До переднего края было не больше ста метров, и снайпер противника тут же начал вести огонь. Он стрелял по Гансу и никак не мог попасть, а тот не уклонялся, просто стоял и курил, даже когда русская пуля щелкнула его по каске. Он только пошатнулся на краю окопа. И никто его не осудил, никто не крикнул: «Ганс, что ты делаешь?» Просто это было... так нормально, так естественно, что не вызывало никаких сомнений в его праве. Только докурив сигарету, отбросив окурок в декабрьскую слякоть, Ганс спрыгнул в окоп и подошел к своему пулемету.

После боя наш измотанный батальон был снят с позиции и отправлен в тыл на отдых в деревню Mestelevo, но пополнения мы не дождались, уже после обеда поступил приказ вернуться и занять оборону. На позициях «Пальца» нас ждал штурмовой батальон, прибывший из резерва 18-й армии. Рослые, откормленные парни в чистой форме: рядом с ними мы казались расхристанным сбродом. Они фотографировались в траншеях на фоне окоченевших тел русских солдат, были в целом веселы и довольны жизнью. Сволочи, даже трупы не убрали! Когда гауптман Баудер, принявший командование нашим батальоном после ранения Альтштадта, сделал замечание их командиру, тот лишь отвернулся,

словно ничего не слышал. Тогда гауптман отказался принимать позиции в таком состоянии. Командир штурмового батальона разозлился, навис над Баудером и начал, брызжа слюной и матерясь, как грузчик в пивной, требовать, чтобы тот отдал нам приказ занимать траншеи. Баудер роста невысокого, но крепкий, коренастый, из тех людей, что не хвалят день, пока не наступит вечер. Он коротко развернулся и ударил командира штурмового батальона под дых. На этом разговор был окончен. И пока штурмовики убирали трупы, Баудер связался со штабом полка и добился, чтобы одна рота этих чистюль осталась для усиления. Так было правильно. Оставшимися силами нам «Палец» не удержать.

Я наблюдал за командиром краем глаза, пока устанавливал пулемет на бруствере окопа, и мне пришло в голову, что он самый настоящий хамельнский крысолов, а мы – неразумные дети; сейчас он достанет дудочку, заиграет свою волшебную мелодию, и мы, зачарованные ее звуками, прямиком зашагаем к позициям русских.

Знаешь, отец, эта мысль не кажется мне такой уж безумной.

– Сколько стоит Железный крест?

Оказавшись в дурацкой ситуации на раскопе, Родионов пригласил журналистку в кафе, чтобы в спокойной обстановке все объяснить. Еле заметным кивком позвал с собой и командира поисковиков. Они сели в «Белом кролике» в центре города.

– Это зависит от сохрана, от класса, – уверенно начал Головач и достал крест из кармана. – Видите, застежка на реверсе награды, а верхняя рамка гладкая – это значит, что крест первого класса. У второго класса на вершине впаяно кольцо для крепления ленты. В остальном они идентичны.

Девушка явно заинтересовалась:

– А кого им награждали?

– Всех. Надо было выполнить пять особо опасных заданий и быть награжденным Железным крестом второго класса.

– Как интересно, – Алиса легким движением руки поправила прядь волос, так невзначай, по-женски, как бы говоря этим: я ничего не понимаю в ваших мальчишеских штуках. – Так сколько он стоит сейчас?

– Ну... от десяти до двадцати пяти тысяч рублей. Опять же...

Родионов, не выдержав, толкнул поисковика ногой и перебил:

– Вы с какой целью интересуетесь? Все предметы, оружие и амуниция, найденные во время поисковых работ, являются собственностью министерства обороны и будут переданы по акту в районный военкомат. Мы не торгуем трофеями.

– Разумеется, – улыбнулась журналистка. – Вы не против, если я включу диктофон?

– Против. Я готов в частном порядке ответить на ваши вопросы, но если вам нужен официальный комментарий, – обращайтесь в пресс-службу администрации. Я не уполномочен общаться со СМИ.

– Хорошо, хорошо...

– Как вы вообще там оказались?

Девушка доверительно потянулась к чиновнику через столик, так близко, что он услышал запах ее волос, и тихо произнесла:

– В кроличью нору свалилась.

И глазами стрельнула. Родионов сглотнул.

– Хорошо. Какие у вас вопросы?

– На прошедших недавно общественных слушаниях был утвержден проект планировки территории района. На том месте, где мы с вами встретились, будет построен образцовый жилой квартал. При этом, насколько мне известно, территория не обследовалась на наличие взрывоопасных предметов и неучтенных воинских захоронений. Как вы это прокомментируете?

Милая девушка исчезла. Напротив Родионова сидел опытный, въедливый журналист, полностью владеющий историей вопроса и знающий, что спрашивать. Чиновник понял, что попался на крючок, как доверчивый сытый сазан, но попытался еще трепыхнуться, соскочить.

– Ну, как не обследовалась? – Кирилл Сергеевич добродушно улыбнулся. – Вот прямо сейчас и обследуется. Мы, по-вашему, просто так в грязи там ковырялись? Только сегодня за один день поисковым отрядом «Витязь» были обнаружены останки четырех солдат, один наш боец и трое, предположительно, немцы.

– Это все замечательно, только, по закону, застройщик сначала должен был провести необходимые инженерные работы, а потом приступать к планировке территории, – Алиса сделала ударение на слове «сначала». – А что мы наблюдаем сейчас? ООО «Стройинвест» уже проект на своем сайте опубликовал, а работы по поиску бойцов только начались.

– Простите, по какому закону?

– Постановление Правительства Российской Федерации номер четыреста два. Слыхали о таком?

– Нет, знаете, первый раз...

– Определяет перечень видов инженерных работ перед застройкой.

– Ну, я не в отделе строительства работаю, я больше с поисковиками...

– Зачем вы виляете?

Подсекла и потянула. Все, крючок плотно зацепил губу, и даже прервать разговор у чиновника не было повода. Родионов переглянулся с поисковиком.

– В кроличью нору, говорите?.. Ладно, давайте начистоту. Я ведь прекрасно знаю ваш портал, вы одну гадость про городскую власть пишете. Что бы я ни сказал – вы мои слова перевернете и вырвете из контекста, если так будет нужно для репортажа. Вот вы говорите, «четыреста второе постановление», а кто его контролирует? У района нет полномочий обязать застройщика провести эти работы. Мы можем написать ему, порекомендовать, пальцем погрозить, а обязать не можем: земля в частной собственности. Вот так устроен этот закон.

Идем дальше. Во всей нашей необъятной стране организацией поисковых работ перед застройкой занимаются муниципальные образования, за исключением трех городов федерального значения: Москва, Севастополь...

– Санкт-Петербург. Это я знаю.

– Не сомневаюсь. Только поисковые отряды – это общественные объединения, они не подчиняются ни городской, ни районной администрации. Где хотят – там и работают. И по факту получается, что как только начинается новая стройка, я звоню вот этому человеку, – Родионов указал на командира отряда, – и прошу его: «Леша, выйди, пожалуйста, на территорию, иначе все застроят к чертовой матери». И Леша выходит со своим отрядом, и поднимает бойцов, и мы их хороним потом со всеми воинскими почестями. А если бы не было Леши – их кости перемолол бы экскаватор, и все. Понимаете? А вы, вместо того, чтобы писать о реальных проблемах, о лакунах в законах и подзаконных актах, начинаете кошмарить район в своих статьях.

Официант принес три кофе и чизкейк для девушки. Пока он выставлял заказ на стол, повисла неловкая пауза. Алиса сделала глоток горячего капучино, прищурилась.

– Вы какую-то ведьму из меня слепили, а я всего лишь хочу разобраться.

– Так разберитесь, напишите о проблемах района, об отсутствии финансирования. Мы бьемся, как рыба об лед, чтобы совладать с застройщиком, а от вас одни плевки в спину.

– От меня?

– Ну, не от вас лично... Извините, если обидел.

– Вы меня тоже извините, я как-то агрессивно начала разговор. Я просто не привыкла к откровенности из уст чиновников, и опыт общения с ними у меня был не самый лучший.

– Знаете, что мы сделаем? Давайте обменяемся телефонами, – Родионов протянул девушке свою визитку. – И если у вас появятся вопросы, звоните мне напрямую. И с застройщиком не все так плохо: на контакт идет, от поисковых работ не отказывается, выделил экскаватор. Я думаю, общими усилиями справимся.

– А что будет с немецкими солдатами?

– Отдадим Народному совету Германии, есть такая организация, – ответил Головач. – Они их похоронят на немецком кладбище подо Мгой.

Прощались почти друзьями. Алиса попыталась заплатить за свой заказ, но Родионов великодушно отверг ее порыв. Мужчины провожали журналистку долгим ноющим взглядом.

– Классная задница, Кирилл Сергеевич?

– Не борзей.

Через два дня на портале появилась статья «Стройка на костях», прочитав которую, Родионов матюгнулся и достал телефон, чтобы позвонить журналистке. Но равнодушный женский голос сообщил, что абонента с данным номером не существует.

Из неотправленных писем Курта Мольтке, ефрейтора 380-го гренадерского полка 215-й пехотной дивизии

15 декабря 1943 года

Здравствуй, отец!

Сегодня в батальоне праздник: из обоза прислали чистое белье, свежие одеяла и порошок против вшей. Отвратительно пахнет, скажу я тебе, но штука действенная. Мы не мылись две недели, и если бы я оказался сейчас перед твоими глазами, ты бы не узнал собственного сына. И еще, пожалуй, зажал бы нос, потому что несет от меня на несколько метров. Батальон вонючих уродцев.

Лейтенант Шенк сказал, что наша рота по графику будет мыться завтра: полчаса на отделение. Это сказочное время, можно отскрести въевшуюся под кожу грязь и даже почесать себе за ушком. На войне самые обычные вещи вдруг обретают великую ценность.

Вчера вечером, когда мы очистили позиции «Пальца» от трупов и восстановили траншеи, лейтенант позволил отправить одного человека в ларек к маркитанту, мы пили коньяк, ели шоколад. Полевая кухня расстаралась и не пожалела нам тушенки на ужин. Кажется, такие дни больше всего запоминаются, заполняют пустоту в душе... Как будто теплый ветерок подул с моря.

Русские не проявляли активности весь день, вели ленивый обстрел, мешая восстанавливать позиции, зализывали раны. Нам крепко досталось, но враг был разбит. Только Ганс Винкельхок никак не может прийти в себя, даже коньяк ему не помог. Сидит у своего пулемета и смотрит пустым взглядом в одну точку. Я не раз видел такой взгляд у наших бойцов. Что-то ломается в человеке, и он уже не может найти смысла во всем происходящем, перестает ценить собственную жизнь. Солдат с таким взглядом – не жилец, он притягивает смерть, и от него стараются держаться подальше.

Помнишь, полгода назад, когда англичане разбомбили наш дом, мне дали отпуск на три недели? В Хайльбронне я встретил нашего соседа Эверта Готтфрида. Он вернулся по ранению, насовсем. Его призвали на два года раньше меня, оказывается, он служил в 11-й пехотной дивизии, под Sinyavino, это километров сто от наших позиций. Ты должен помнить Эверта, мы вместе ходили в народную школу, только он был старше на несколько лет, потом ушел в профессиональную школу и отучился на переплетчика. Так вот, он начал войну еще во Франции, потом учился в Потсдаме на офицера. В боях под Sinyavino он был в звании лейтенанта, и ему оторвало правую ногу. Мы встретились около ратуши, он стоял на костылях и смотрел на старинные часы на башне. Стрелка подходила к двенадцати.

Он узнал меня, но особой радости от встречи не выказал. Его взгляд... Он был точь-в-точь, как сейчас у Ганса, как до этого у Фрица, Отто и еще многих, многих наших ребят: смесь грусти и пустоты. Мы обменялись парой фраз, поговорили о событиях на Восточном фронте, я ругал наше командование, а он только сдержано улыбался в ответ.

В этот момент часы пробили двенадцать. Ангел справа от часов поднял свой горн, и позолоченные бараны под циферблатом столкнулись лбами. Золотой петух прокукарекал, а второй ангел, тот, что слева, перевернул песочные часы.

Эверт повернулся ко мне и сказал: «Когда-нибудь все это закончится, и кем мы вернемся в обновленный мир? Героями войны? Нет. Вот этими песчинками. Нас переворачивают из стороны в сторону, и мы течем, течем...»

Через неделю его убило во время очередной бомбежки.

...Пришли повара с флягами. Обед. Отец, я прервусь ненадолго, а вечером обязательно допишу тебе. Вот будет занятно, если ты получишь все мои письма одновременно.

Что-то неприятно шипело и булькало в недрах кофейного аппарата. Диваны в приемной были мягкими, комфортными, но Родионов ерзал и никак не мог удобно устроиться. В прозрачной папке лежала распечатанная статья и подборка документов о поисковых работах. Родионов ослабил галстук. Было душно.

Неумолимо зазвонил телефон. Секретарь сняла трубку.

– Кирилл Сергеевич, проходите, глава ожидает.

Огромный кабинет. Длинный лакированный стол.

– Владимир Иванович, вызывали? – голос неожиданно задрожал, и Родионов кашлянул для уверенности.

Глава ничего не ответил, небрежным движением руки указал место рядом с собой. Бросил на стол распечатанную статью:

– Что это?

– Я сейчас все объясню...

– Да уж постарайся.

Глава был человеком скрытным и недоверчивым, что для его должности являлось скорее плюсом. Людей видел насквозь. Решения принимал мгновенно и никогда их не менял, даже если они были ошибочными. Болтали про него разное: и что откаты берет, и что служба заказчика у него, как болонка на привязи, – но слухи тем и волнительны, что их невозможно проверить.

Родионов сбивчиво начал рассказывать о встрече с журналисткой. Если вляпался, главное,

не врать. Глава слушал его с полминуты, а затем внезапно смял статью и швырнул бумажный комок в начальника сектора.

Лицо его наливалось кровью долго и страшно, словно включился внутренний подзавод, и глава ждал, пока ярость достигнет точки кипения и прорвется с матами и слюной.

– Я-а-а-а... Меня-а-а-а... – взревел глава. – С утра в хвост и в гриву... Со всей пролетарской нежностью... А ты-ы-ы... – он захлебывался словами. – Жопой перед тобой покрутили – и поплыл, как кусок говна в проруби...

– Да я же...

– Ты же... Бык на лыжах! Пиши опровержение, чтоб через час у меня на столе лежало! Вылетишь у меня, как пробка, с госслужбы... Дармоеды... Я научу вас Родину любить...

Уже в дверях, стоя на ватных ногах, Родионов обернулся:

– Владимир Иванович...

– Ты еще здесь?

– Бойца нашего похоронить надо.

Глава устало посмотрел на Родионова, как на дурачка:

– Пошел вон с глаз моих.

Еще до обеда опровержение опубликовали на сайте администрации, но уже пошла волна в социальных сетях: десятки постов, сотни репостов, тысячи комментариев. Региональные группы и подкасты бурлили, обсасывая новость со всех сторон, и проклинали бездушную власть.

К вечеру позвонил помощник военкома Гнатюк:

– Наслышан, Кирилл Сергеевич, сочувствую.

– Вот давайте без этого...

– Есть разговор.

Чиновник оделся быстро, компьютер выключать не стал. В дверях его поймала помощница:

– Кирилл Сергеевич, вас женщина одна уже два часа дожидается.

– Ну, так примите ее.

– Говорит, ей лично вы нужны.

– Наташа, завтра, завтра. Скажи, что у меня неприемный день.

С помощником военкома встретились в сквере напротив здания администрации. Гнатюк начал вкрадчиво, но сразу по делу:

– Вам знакома фамилия Коряков?

– Нет.

– Этот человек сейчас работает в Комитете по работе со СМИ, сам местный, из бывших ментов, возглавлял райотдел. Есть мнение, что это он заказал известную статью. И именно он сейчас главный претендент на кресло главы. Это не государственник – бизнесмен чистой воды. Его задача – рубить бабло, подмять под себя все строительные истории.

– А откуда информация?

– От «серых». Инфа – сотка. А самое главное, он готов прийти не просто так, а с заносом. А занос по данной должности вы даже себе представить не можете. Я, конечно, точно не знаю, свечку не держал, но пять лет назад на должность начальника одного таможенного управления по Северо-Западу занос был триста кусков. И не рублей, как вы понимаете. Накиньте инфляцию, уровень должности и примерно можете представить сумму. А для него и для тех, кто за ним стоит, триста тысяч – это вообще не деньги.

– На уровне губернатора решают?

– Не думаю, «вицики», скорее всего. Есть еще один претендент, вы его прекрасно знаете, по фамилии Дикий. Его недавно с позором выгнали из Комитета по энергетике, человек три месяца без работы сидит. Но я не уверен, что у него будет столько денег для заноса.

– А чем же нынешний оплошал? Из-за статьи?

– Не смешите, кого интересуют какие-то писульки? Статья только повод. А причина в том, что он не умеет договариваться. «Стройинвест» им очень недоволен. Он не согласовывает им начало строительства без соцпакета: школа, садики, поликлиника... А за этой фирмой стоят серьезные люди, и они не готовы терять серьезные деньги. Плюс, он старый уже, шестьдесят пять лет – не шутка. Он реально динозавр, привык к цивилизованной коррупции, когда все раз в месяц стабильно заносят. По чуть-чуть, но в сумме нормально набегает. Учреждения – с мертвых душ зарплату, коммерсы – барашка в бумажке... А для Корякова это не интересно, он новой волны чиновник, беспредельщик. Ему нужны миллионные откаты, он на эту мелочевку не будет размениваться.

– Зачем вы мне это все рассказываете?

Гнатюк улыбнулся.

– Вот мы и подошли к самому главному. Когда новый упырь придет – он начнет вычищать прежнюю команду. Головы полетят россыпью. Но и нынешний перед уходом может дров наломать... Вот вы на охоте были когда-нибудь?

– Нет.

– Это очень, очень зря. Рекомендую. Незабываемо бодрит. Жаль, но тогда вы не знаете, как раненый кабан себя ведет. О-о-о... Это действительно страшно. Он крушит все на своем пути. Так и этот может: чтобы выжженное поле после

себя оставить. В общем, Кирилл Сергеевич, тяжелые времена наступают. А за вами «косяк» с этой статьей.

– Ну, я не такой большой начальник, чтобы быть кому-то интересным.

– Так я же не пугать вас пришел. В страшные времена кто-то гибнет, а кто-то выплывает наверх. Это когда все устаканится, возможности карьерного роста нулевые, а в момент перемен надо только успеть оказаться в нужном месте в нужное время. И у одного моего знакомого есть выходы на Корякова, они вместе служили. Он сам к нему на поклон пойдет, но могу и за вас слово замолвить.

– Так мне предложить ему нечего.

– Это сейчас нечего. А у меня есть идея, как из вашего нищего подведа сделать ветеранский центр с программами наставничества для молодежных организаций. Это актуалочка сейчас. И можно будет под это дело привести деньги из города. А с хороших денег можно сделать хороший занос. И себя не забыть.

– И вы, конечно, это учреждение хотите возглавить?

– Возражать не буду.

– У нищего подведа, как вы говорите, уже есть руководитель.

– Полетаева, что ли? Вот кого надо менять в первую очередь. И она не усидит на своем месте.

– Нина Николаевна хороший управленец.

– Зря вы ее защищаете. Я пока не буду развивать эту тему, но вы запомните мои слова: она первая вас подставит, стоит чуть-чуть оступиться... В общем, подумайте. Очень шаткая у вас позиция, но из нее можно достойно выйти. От вас нужен ответный ход. Главу уже не спасти, а Коряков оценит ваше бездействие.

– Падающего – подтолкни?

– Не мы такие, жизнь такая. Всего наилучшего.

После разговора Родионову захотелось помыться.

Из неотправленных писем Курта Мольтке, ефрейтора 380-го гренадерского полка 215-й пехотной дивизии

15 декабря 1943 года

Сегодня над позициями русских пролетел наш самолет-разведчик «Фокке-Вульф», разбрасывая листовки, но летчик не учел потоки ветра в ста метрах над землей, и практически все листовки отнесло к нашим позициям. Маленький прямоугольный кусок бумаги с косыми жирными зелеными линиями, что-то написано по-русски. Судя по цифрам, обращение к бойцам 189-й стрелковой дивизии. Но каждый из нас, кто поднял с земли этот листок, подумал об одном и том же: это обращение к нам. Настроение сразу испортилось.

После обеда из штаба дивизии приехал с проверкой подполковник Шельм, он был очень удивлен, что мы не убрали трупы с позиций, а только перевалили их на бруствер траншей, используя вместо мешков с песком. Он орал на капитана Баудера, потребовал всех наших погибших солдат отнести в тыл, к обозу и передать похоронной команде, привести в порядок траншеи. Смешной человек, мы ходим по колено в талой грязи, нет досок, бревен, мы как в мышеловке на этом «Пальце»: некуда даже сбрасывать отстрел пулеметных гильз. Саперы за ночь под регулярным беспокоящим огнем русских восстановили проволочные заграждения, потеряв одного человека убитым и трех ранеными. И это все, что мы можем сделать в таких условиях. Честно говоря, было жалко убирать трупы, они служили дополнительной защитой. Окоченевшее тело хорошо держит пулю.

Подполковник привез плохие новости: русский перебежчик сообщил, что противник готовит новую атаку на позиции «Пальца», штурм начнется завтра утром.

Эта новость ввергла нас в уныние, только Ганс Винкельхок, наконец, оживился. Он снял с какого-то русского коричневые фланелевые перчатки, сел в блиндаже и начал чистить и смазывать свой пулемет, напевая себе под нос мотив «Девушки под фонарем». У него прорезался аппетит, Ганс ежеминутно отвлекался, выдавливал из тюбика пайковой сыр прямо в рот. «Ганс, ты бы лучше начистил свой запасной ствол», – шутили ребята. Но Винкельхок не понял шутки, сказал, что запасной ствол не пригодится.

Все это странно, отец! Русские понесли ощутимые потери, только сумасшедший решится на повторную атаку, когда уже упущен момент внезапности. Мы убиваем этих азиатов день за днем, выкашиваем пулеметными очередями, морим голодом, разрываем снарядами, но они воскресают и через три дня вновь готовы атаковать. Нам никогда не завоевать эту дикую северную страну, потому что мы не умеем воскресать.

Когда стемнело, лейтенант Шенк отправил меня и Ганса на правый фланг, на позиции штур-

мовой роты. Мы должны были забрать у них ящик с патронами. Эти бравые ребята, эти псы войны, каждый из которых был вооружен новенькой штурмовой автоматической винтовкой, сидели в подавленном состоянии. Да, не каждый из них доживет до завтрашнего вечера. В моем газбаке лежал Железный крест, который мне вручили после боев за Spasskuyu Polist, он ударялся о стенки и гремел на ходу. Эти болваны зашипели, что я демаскирую их позиции. Тяжело им завтра придется. Ганс плюнул одному из них под ноги, завязалась словесная перепалка.

Внезапно метрах в десяти от позиций разорвался снаряд, выпущенный из русской пушки, штурмовики попадали в грязь, над головой засвистели осколки. Ганс повернулся ко мне и сказал: «Не знаю, кого больше хочу убить: русских или этих трусов». Оставшуюся часть дороги мы молчали.

Сейчас уже глубокая ночь, но никто не спит. Пока я пишу эти строки, на стороне русских снова все пришло в движение. Шумят тягачи, подтягивая артиллерию, над окопами стоит гул, вырастающий из топота сотен ног и приглушенных голосов солдат противника.

Я сижу в блиндаже, тускло мерцает огонь в печке, буквы пляшут перед глазами, но я должен писать. Если я поставлю точку, то сойду с ума от бессилия.

Я не успею отправить тебе это письмо, но какое это имеет значение, ты не отвечаешь...

Я прошу... не молчи, отец!

Почему ты молчишь?..

Главу сняли через неделю после выхода статьи и уже на следующий день в администрацию привезли Корякова.

Это был плотный мужчина среднего роста с красным мясистым лицом и мягким, почти детским, подбородком. Он ни к кому не приглядывался, шел вальяжной походкой хозяина, поправляя полы дорогого пиджака. Блестели лакированные туфли и позолоченные запонки, и сам он сиял, как купол церкви солнечным днем. Улыбался новый глава широко, от всей души, добродушно похохатывал при разговоре. Крепкий водитель двух метров росту шел следом и нес коробку с личными вещами.

Впрочем, добродушие нового хозяина района никого не могло обмануть. На первом же аппаратном совещании он грубо прервал доклад начальника отдела культуры. Тот по привычке расписывал успехи отдела и упомянул о третьем месте на международном конкурсе инструментальных исполнителей.

– Третье? И что, это успех?

– Ну... Это серьезный международный конкурс, можно считать, что наши ребята очень достойно выступили, – завилял начальник отдела.

– Здесь я буду решать, какое место достойное, а какое нет. Запомните все: ниже первого для меня мест не существует, а значит, и для вас тоже.

Внешне ничего не изменилось, только воздух в администрации сгустился, ходить по коридорам старались тише и, как по команде, перестали опаздывать на работу.

Через три дня в отпуск с последующим увольнением по собственному желанию ушли начальник отдела строительства и инвестиций и директор службы заказчика.

На четвертый день Коряков представил заместителям и начальникам отделов своего советника: молодую, ухоженную девушку лет тридцати с хищной улыбкой и похотливым взглядом. Он переключил на нее все вопросы социальной сферы и взял под личное управление отдел строительства. Разделяй и властвуй: замы не понимали, с кем и что теперь согласовывать, администрацию затрясло.

К концу недели у главы дошли руки до Родионова.

– Заходи, садись, чувствуй себя, как дома, – по-свойски махнул Родионову рукой.

– Но не забывай, что в гостях, – добавила помощница.

Родионов присел. Стул показался горячим.

– Мы с Аллочкой наслышаны о тебе. Ты все сделал правильно.

– Кирилл Сергеевич умеет принимать самостоятельные решения, – Алла даже не улыбнулась, а чуть обозначила улыбку, при этом неотрывно смотрела в глаза Родионову, заставляя его отвести взгляд.

– Это все замечательно, – продолжил глава, – только отныне слово «самостоятельно» забываем. Все решения и вопросы по поисковым работам согласовываешь с Аллой. Если она тебе что-то поручает, считай, – это я поручаю. Я внятен?

– Так точно!

– Вот это по-нашему.

Родионова не покидало чувство, что весь разговор был срежиссирован заранее, и его, как волан, кидают из стороны в сторону.

– Чтобы не было иллюзий... Я, Кирилл, пришел в район надолго, а в людях прежде всего ценю преданность. Парень ты перспективный, в начальниках сектора засиделся. Ты уж не разочаруй меня.

Глава говорил спокойно, не давил, но при этом каждым словом пробовал Родионова на зуб, внимательно следил за его реакцией.

– Теперь к делу. Все поисковые истории в новом квартале сворачивай, хватит уже в земле ковыряться. На следующей неделе застройщик выйдет на нулевой цикл.

– Но мы же еще не все обследовали, – растерялся Родионов. – Если пойдет экскаватор, – полезут кости.

– А ты сделай так, чтобы не полезли. А если полезли, то тихонько, почти бесшумно.

– Поднимется волна в СМИ...

– Не поднимется, этот вопрос Аллочка возьмет на себя.

Повисла пауза, которую нельзя было затягивать. Глава произнес все, что хотел. Для Родионова настал момент истины, когда надо было принимать решение, но правильного решения не было. Он прислушался к себе, но ничего не услышал, кроме гулкой пустоты. Ничего не было, кроме пустоты и многолетней привычки к подчинению.

– Я вас услышал, Леонид Александрович!

– Вот и ладушки.

– Надо будет похоронить... – к горлу подступил неприятный комок.

– Обязательно похороним. Готовь церемонию, напиши мне речь. Все сделаем в лучшем виде.

Уже в дверях глава остановил Родионова и спросил:

– Ты ведь знаешь этого... из военкомата... Как бишь его?

– Гнатюк, – подсказала Алла.

– Точно. Что за фрукт?

– Грамотный специалист, хорошо знает нормативную базу, языком не болтает.

– Вот это главное. Ну, все, иди...

Выходя из приемной, Родионов механически отметил, что пропали мягкие удобные кресла и на их месте появились обычные скамейки.

У кабинета его перехватила помощница Наташа.

– Кирилл Сергеевич, помните, неделю назад вас старушка дожидалась? В общем, она опять приходила, просила передать это вам.

Наташа протянула Родионову несколько пожелтевших от времени листков.

– Что это?

– Письмо, которое ее мать то ли получила во время войны, то ли сама написала...

– А мне оно зачем?

– Она сказала, что, может, его в школьный музей передать? Там вроде бы о боях за наш город.

– Ну, так пусть идет в отдел образования. Я-то здесь при чем?

Наташа виновато пожала плечами, но руку с письмом не убрала.

– Ладно, давай, посмотрю позже.

Голова гудела. Пустота в душе наполнялась чем-то тягучим и липким. Родионов открыл окно и закурил прямо в кабинете. Настроение было мерзкое.

Зазвонил мобильный, незнакомый номер.

– Кирилл? Здравствуйте, это Алиса... Нам надо поговорить.

Из неотправленных писем Курта Мольтке, ефрейтора 380-го гренадерского полка 215-й пехотной дивизии

16 декабря 1943 года

Не умру, не умру, не умру... не умру, не умру, не умру, не умру, не умру... не умру, не умру, не умру, не умру, не умру, не умру... не умру, не умру, не умру, не умру, не умру, не умру, не умру, не умру, не умру, не умру, не умру, не умру, не умру, не умру...

Отец, страшно...

Весна обрушилась вдруг и без подготовки; в один день зазвенела капель, зажурчали ручьи в проталинах, воздух стал теплым, вкусным, наполнился голубиным клекотом, вороньим граем; земля, размякшая от внезапной слабости, пачкала брюки, липла к обуви, и, казалось, все вокруг, родившись заново, было скользким и ошарашенным.

У памятника, перед самым постаментом, стояли на подставках четыре гроба. Полукругом выстроились ветераны, школьники, официальные лица. Справа и слева от памятника – фигуры солдата, склонившего голову, – уходили шеренгами бугорки могил.

Иерей поправил стихарь, его помощник достал зажигалку и поджег ладан в кадиле, по воинскому мемориалу поплыл запах благовоний.

– Братья и сестры, помолимся в память усопших воинов, за веру, Отечество и народ жизнь свою положивших, от ран и глада скончавшихся,

невинно умученных... Прости им, Господи, прегрешения их, вольныя и невольныя...

Благословен Бог Наш, ныне и присно и во веки веков, аминь!.. Молим Тя, Преблагий Господи, помяни во Царствии Твоем православных воинов, на брани убиенных, и приими их в небесный чертог Твой, яко мучеников изъязвленных, обагренных своею кровию, яко пострадавших за Святую Церковь Твою и за Отечество, еже благословил еси, яко достояние Твое...

Напряженно замерла в стороне рота почетного караула.

По окончании литии к микрофону пригласили главу.

– Дорогие друзья! Сегодня мы хороним советских солдат, отдавших жизнь за свободу и независимость нашей Родины, за нас с вами. В преддверии Дня Победы над фашистскими захватчиками...

Родионов обернулся. По аллее, ведущей к воинскому захоронению, торопливо шагал командир поисковиков. Обойдя собравшихся с краю, аккуратно протиснулся сквозь толпу и встал рядом с чиновником, успел произнести:

– Пробки жуткие, Кирилл Сергеевич...

Окинул коротким взглядом пространство перед памятником... и начал меняться в лице. Так и замер с открытым ртом, окаменев скулами, лбом, подбородком.

– А почему четыре гроба?

– Все нормально, Леша, так надо, – ответил Родионов, не оборачиваясь.

Головач приблизился вплотную к чиновнику и зашептал в самое ухо:

– Нет, не нормально. Мы нашли одного солдата РККА, одного! Откуда четыре гроба? Вы что...

Командир не решился произнести вслух свою догадку, настолько она его оглушила.

– Отойдем, – сказал Родионов.

И он спокойно, обстоятельно рассказывал поисковику, что Народный совет Германии отказался принимать останки, потому что при них не обнаружено смертных медальонов, а значит, невозможно установить личность солдат вермахта, а значит, люди, которые занимаются этим в России, не получат со стороны Германии никакого вознаграждения. Он рассказывал, что в морге, куда поступили останки, не интересовались, кто немец, а кто русский, а службе по вопросам похоронного дела вообще все равно: они получили заявку на четыре гроба, вот и подготовили ровно четыре гроба, и выкопали могилу достаточной для этого ширины. Да, это ошибка, но они случаются в нашей работе, а собравшимся здесь людям не надо знать всей правды, иначе выйдет скандал. Родионов рассказывал убедительно, он умел это делать, но сам не верил ни единому произнесенному слову.

– Так действительно будет лучше для всех, – Родионов по-отечески положил руку на плечо командира.

– Да пошел ты! – Головач дернул плечом.

Круто развернулся и зашагал прочь. Лишь раз обернулся, чтобы произнести:

– Забудь мой номер.

Оркестр заиграл траурный марш, гробы поплыли к могиле. Почетный караул взял оружие на изготовку. Залп! Еще один! Родионов вздрагивал от выстрелов.

Командир удалялся походкой взбешенного человека, а чиновник не мог ему объяснить, почему все происходит именно так, а не иначе, да и себе не смог бы этого объяснить. И не виноват застройщик, который всего лишь хочет возвести жилой квартал и заработать денег. И не виноват глава, которого посадили в кресло под конкретную задачу. И не виновата девочка-журналистка, сбивчиво объяснявшая, что ее статью полностью переписали и велели молчать, это не ее слова. И он, Родионов, тоже не виноват, что у него есть жена и дочь, их надо кормить, раз в год вывозить на море, платить ипотеку за квартиру. Никто не виноват. И все виноваты... И уж точно Родионов не смог бы объяснить, почему три старых листочка одного письма, написанного много лет назад и случайно попавшего ему в руки, заставят его плюнуть на все и принять единственно верное решение. Может быть, самое важное за всю его жизнь, из тех решений, за которые апостол Петр пропускает в рай.

Вернувшись к захоронению, чиновник дождался своей очереди и бросил комок земли на крышку гроба.

Из неотправленного письма Екатерины Синельниковой, сержанта, санинструктора 891-го стрелкового полка 189-й стрелковой дивизии

Здравствуйте, глубокоуважаемая Мария Акимовна!

Пишет вам Катерина Синельникова, боевая подруга вашего сына Семена. Должна сообщить вам тяжелую новость, сын ваш, капитан Семенов Семен Иванович, пал смертью храбрых 16

декабря прошлого года, я была рядом с ним почти до самого конца и обещала ему написать вам письмо в случае чего. Вот и настал этот случай.

Сначала хотела написать вам из госпиталя (меня ранило в том бою, из которого не вернулся мой товарищ и ваш сын Семен), но врачи запретили, организму был нужен полный покой. Пишу вот сейчас, когда наши войска гонят фашистскую нечисть с ленинградской земли.

Перед тем, как обо всем вам поведать, я бы хотела сказать о самом Семене: это был верный друг, преданный товарищ, настоящий коммунист. Его любили и уважали все: от простых бойцов до командиров. Он умел увлечь людей, зажечь в их сердцах огонь, говорил всегда горячо и страстно, с огромной верой в каждое слово. Не знаю, писал он вам или нет, но его даже наградили медалью «За боевые заслуги», хотя агитаторов политотдела вообще редко награждают. Но уж такой он был, за любое дело брался смело и всегда доводил до конца.

Он и в тот день не должен был идти в атаку, но сам упросил командира полка, просто не мог стоять в стороне. Надо сказать, что офицеров не хватало, за три дня до этого наш полк безуспешно атаковал противника, даже занял траншеи на сутки, но сил их удержать не хватило. Очень многие погибли в том бою или были тяжело ранены.

В 09:28 началась мощная артиллеристская подготовка, и ровно в 09:30 командир 1-го батальона капитан Самохвалов отдал приказ к началу атаки. Только внезапной атаки не получилось. За две минуты до нашего артналета противник начал контрподготовку. Это значит, что немцы знали о нашем наступлении.

Атака практически сразу захлебнулась, бойцы залегли. Уже через несколько минут начался сильный минометный обстрел, немцы не жалели мин, а укрыться в ровном поле было негде. На острие атаки стояла рота штрафников, их командир старший лейтенант Леонтьев был тяжело ранен, а командир соседней роты автоматчиков старший лейтенант Алексеев был убит. Тогда капитан Самохвалов приказал Семену взять командование ротами на себя.

Ваш сын личным примером поднял бойцов в атаку, одним рывком роты преодолели 100–150 метров, отделявшие их от переднего края опорного пункта «Аппендицит». На моих глазах один солдат голыми руками задушил фашистского пулеметчика, но и сам погиб при этом. Бойцы ворвались в траншеи и захватили их практически без боя – немцы отошли на запасные позиции.

Начиная с 12 часов дня противник беспрерывно контратаковал, но все атаки удалось отбить при грамотном управлении боем со стороны капитана Семенова.

К вечеру силы наши иссякли, а подкрепление прислать не было возможности: немцы простреливали из пулеметов и минометов все подходы к опорному узлу сопротивления. Как только начало темнеть, Семен отправил меня вместе с ранеными бойцами в тыл, во время этого перехода я сама получила ранение от осколка мины. А сам он с десятью бойцами остался удерживать позиции. В этот момент немцы открыли шквальный огонь тяжелой артиллерией по всему фронту, а как только обстрел стих – молниеносной контратакой ворвались на захваченные нами позиции. Получается, Семен спас мне жизнь своим приказом: если бы я осталась, то непременно бы лежала сейчас убитой.

Сама я не видела, как он погиб, но двоим бойцам из штрафной роты удалось отступить к железной дороге, к позициям полка. Один из них и рассказал, что капитан Семенов был тяжело ранен после артобстрела, но сражался до последнего. Он умер с оружием в руках, сраженный автоматной очередью.

Перед тем, как отправить меня в тыл, он крепко сжал мою руку и попросил: «Только живи, Катюша! Если что случится – напиши моим родителям все как есть».

После возвращения из госпиталя я хотела забрать фотокарточки Семена, чтобы переслать их вам, но все его личные вещи уже были сданы по описи в штаб...

Перечитала письмо и поняла, что не смогу его отправить, военная цензура не пропустит. Поэтому не буду писать номер полевой почты, а когда кончится война – найду вас и передам все лично в руки. Ваш ленинградский адрес я взяла в штабе, в личной карточке Семена он есть.

Хотела промолчать, но, наверное, не получится. Семен просил... Рассказать все как есть... Не могу спокойно писать, слезы наворачиваются. Конечно, мы были не только друзья с вашим сыном. Я полюбила его, а он полюбил меня. В госпитале врач мне сказал, что у меня будет ребенок.

А это значит, что Семен жив, он живет во мне.

С уважением, Катерина Синельникова.

– Алиса? Здравствуйте, у меня есть для вас материал.

Статья, вышедшая на следующий день после церемонии захоронения, вызвала эффект разорвавшейся бомбы. Городские власти попытались дать опровержение, но в распоряжении журналистов неизвестным образом оказались копии протоколов раскопа и эксгумации, фотографии останков, скриншоты переписки с Народным советом Германии. Новость дошла до федеральных телеканалов, и даже пресс-секретарь президента был вынужден дать краткий комментарий. Усугубило ситуацию то, что все произошло практически ко Дню Победы.

Из Москвы, из министерства обороны и администрации президента была направлена комиссия, чтобы на месте во всем разобраться. Коряков не усидел в своем кресле, его сняли через два дня. Да и никто бы не усидел в таких обстоятельствах. Земляные работы в районе опорного пункта «Аппендицит» были приостановлены до выяснения.

Комиссию ждали 12 мая. Днем ранее Родионов вместе с помощником военкома выехал на место, чтобы еще раз лично все проверить. Все так же ярко светило солнце, апрельская грязь успела подсохнуть за эти дни.

– Когда я служил в таможне, пришел к нам в отдел один паренек, Вадим Недвецкий, – не спеша начал Гнатюк. – Пацан как пацан, звезд с неба не хватал, знал свое место, понимал политику партии. Пришел по блату, но не шибко железному, так, знакомый хороших знакомых. Казалось бы, чего еще? Служи – не хочу. А тут из главка начались кадровые проверки: шерстили всех, кто в армии не отслужил. У него была отсрочка по учебе, и на ее излете он к нам и устроился. Шеф ему говорит: давай, Вадим, вот тебе месяц сроку, а вот тебе телефон хорошего человека. Позвонишь, скажешь, что от меня, заплатишь, сколько попросит, и будет тебе счастье и военный билет. А Вадим уперся – и ни в какую. Нет, говорит, стыдно мне билет покупать, пойду служить. Дело, конечно, правильное, армия еще никому не вредила, только теплое место не будет ждать, пока принципиальный мальчик долг Родине отдаст. Теплые места не могут долго оставаться в холоде, их должны греть такие же теплые задницы. Ему и так объясняют, и эдак, а он слышать не хочет.

– И что с ним дальше было?

– А я не знаю. Ушел в армию и пропал с горизонта. Больше я его никогда не видел.

– Поучительная история, – усмехнулся Родионов.

– Чужие ошибки никого не учат. Надо просто уметь слышать, что тебе умные люди говорят... Вы ведь знали, что в гробах будут фашисты?

– Знал.

– Я одного понять не могу: зачем? Коряков вас принял, обласкал, ввел в свою команду. Через пару месяцев стали бы начальником отдела, через год – замглавы... Зачем? Вы же опытный человек, прекрасно понимаете, что систему не победить и не изменить. Сейчас все поутихнет, на смену Корякову придет какой-нибудь Хряков, и территорию все равно застроят.

– Погода сегодня хорошая... – Родионов сощурился от ярких солнечных лучей, бивших прямо в глаза.

– Что?

– Я говорю, погода отличная. Наконец-то весной запахло.

– Вы какой-то блаженный, ей-Богу.

– Мне Головач рассказывал, что в поиске разные вещи происходят. Бывает, в одной воронке все так перемешано, что не разобрать, где чьи кости. Тогда по умолчанию принято считать, что останки – наши. Лучше похоронить немца на нашем кладбище, чем нашего солдата – на немецком. Так принято среди поисковиков.

– Какие, нахрен, кости? Вы и себе, и мне карьеру сломали.

Родионов остановился, внимательно посмотрел на помощника военкома.

– У нас под ногами лежат солдаты. И если им суждено прорасти камнем, то пусть это будет школа или детский сад. Тогда они не зря удобрили эту землю.

– Да вы романтик, Кирилл Сергеевич. Бойцы погибли много лет назад, им уже все равно, чем они прорастут.

– Мне не все равно.

Елизавета БОРГЕСТ

В УСТАЛОЙ АЛЛЕЕ

* * *

Не расплескать в себе добра
И удивиться,
как впервые,
Что выпал белый снег с утра
И что деревья – кружевные..,
И в рукавицу подышать,
И отпустить дыханье паром,
И изумлённо угадать
Себя иной
в обличьи старом,
И рассмеяться, опоздать,
И отразиться встречно в лицах,
И новой строчкою в тетрадь
Нежданной радостью пролиться!

* * *

Мои стихи несёт по свету
Судьбы немилосердный ветер,
Их превращая на лету
В исписанных клочков тщету...
О, сколько их в чужих карманах,
И на салфетках в ресторанах,
И на открытках –
в тщетный путь
Отправив,
не хочу вернуть.
Но есть Стихи!
На крыльях света
В сиянье звёзд
живущим где-то
Их отправляю в долгий путь,
Чтоб долг Души – Душе вернуть.

* * *

Какое горькое искусство –
Платить заранье по счетам,
Где пониманье,
как ни грустно,
Всего дороже стоит нам...
По сути быть –
но лишь казаться,
Терять – ещё не обретя,
И неизменно оставаться –
Лишь неизбежно уходя...
О, как я это грустно знаю,
Но, не склоняя головы,
Себя предательски теряю
Пред жёсткой алчностью молвы.

БОРГЕСТ Елизавета Николаевна *(1955–2018) родилась в городе Орехово-Зуево. Окончила Кемеровский государственный медицинский институт. Работала в санитарной службе Кемерова врачом по коммунальной гигиене. Была участником кемеровской поэтической студии «Притомье». Публиковалась в альманахах «Кузбасс литературный» и «Огни Кузбасса». Ее песни и литературно-музыкальные произведения звучали в передачах кемеровского радио и телевидения, стихотворение о любви было удостоено персональной премии А. Г. Тулеева. Жила в Кемерове.*

* * *

В. С.

Как ты устал, мой милый,
как устал,
Расшатывать непрочный пьедестал,
Ты на него возвёл меня,
и вот –
Как горек и язвителен твой рот!
Всё та же скука, та же суета...
Тебе со мной такая маята,
То смех, то слезы...
Этот пьедестал
Сама обрушу,
если ты устал.
Но истина окажется проста –
Что я, к тебе сошедшая,
не та!
Уйду, тебе свободу даровав,
Закат в полнеба будет так кровав,
Что ты поймешь,
как пуст звеняще ты
Без этой самой горе-маяты.

* * *

Какая в мире тишина…
И дремлет переплет окна,
И в чёрной рамке за окном,
Как серый улей, дремлет дом...
И слёзы высохли уже,
И всё обрушилось в душе,
И тяжелеет у виска
Крылом заломленным рука,
И тенью горестной у рта
Сгустилась ночи чернота.

* * *

Рёбра старой скамейки белеют.
В тихом шорохе лиственных стай
В этой желтой усталой аллее
Вымеряю шагами печаль...
Вечер тихо струит над землею
Ароматов тягучую лень,
И бредет неотступно за мною
Моя серая длинная тень...

* * *

Урони в ладони каплю,
Вечер, урони...
Словно теплыми руками,
Сердце обними...
И с печалью и укором,
Одинок и сед,
Жёлтым глазом светофора
Посмотри мне вслед...

* * *

Отчего так печальна Нежность...
Отчего так Печаль нежна...
Эта гулкая неизбежность –
Невесомое счастье сна...
И стараешься сквозь ресницы
Удержать лучезарный сон...
Если Счастье во сне мне снится,
Отчего так печален он?..

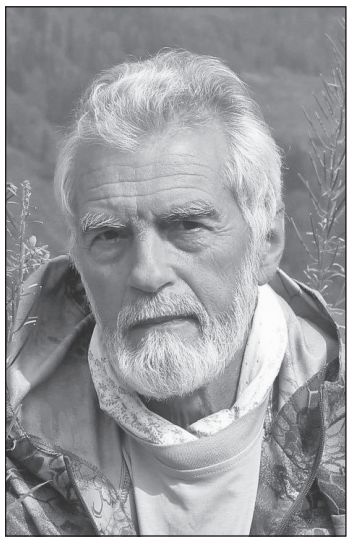
* * *

Не хочу я о будущем знать!
(Слишком много пророческой боли...)
Но уже не могу не читать
Между строчек своих поневоле...
И ложится мне камнем на грудь
Изречённое каждое слово,
Словно молнии взблеском,
сурово
Озаряя смертельную суть!

Сергей ЧИНЯЕВ

ЛУБЯНОЙ СУНДУЧОК

Рассказ



От автора

Эту историю поведали мне Аркадий и Надежда Зотовы, проживающие ныне в селе Тесь Минусинского района Красноярского края. А юные их годы прошли в рудничном поселке Верхняя Ивановка, что был отстроен в среднем течении реки Усы под горой Марганцевой. Но в пятидесятых годах прошлого столетия рудник закрыли, люди, бросив свои дома, разъехались.

И вот уже на склоне лет в веке нынешнем Зотовых неудержимо потянуло в памятные с детства места. Они приехали. Конечно, от времени уж давно обветшали и развалились деревянные дома, а потом по долине прошлась еще и золотодобывающая старательская артель, после которой от поселка и вовсе не осталось следа. Но по-прежнему звенели знакомые Зотовым с детства ручейки, шумели речные перекаты, все так же пахла пихтачом тайга и незыблемыми стояли скалы.

По воле случая в одном месте на берегу Усы мы оказались одновременно. Познакомившись, до глубокой ночи беседовали у костра о прошлой жизни исчезнувшего поселка. Много интересного, радостного и печального рассказали Зотовы о событиях давних лет. Тогда и услышал я о трагедии семьи первого директора Верхне-Ивановской сельской школы.

* * *

С приходом весны рабочий поселок геологоразведчиков еще долго оставался под снегом. В ту зиму намело его особенно много: домишки, что были срублены под самой горой, завалило пухляком по самые крыши. Но вот, где-то уж к апрелю, от прилетевших с юга теплых ветров глубокие таежные сугробы набухли влагой, отяжелели. С каждым днем весеннее солнце поднималось все выше, и мягкая царствующая белизна от жгучих истомляющих лучей стала медленно оседать, подтаивать, и теперь уж не была похожей на праздничную белую скатерть, а все более превращалась в морщинистую серенькую шагрень. Вскоре появились проталины и, почуяв ласковое тепло, из-под земли, всем на радость, пробились первые подснежники.

Этой весны директор начальной школы Порфирий Гаврилович Журавлев дожидался в небывалом ранее томлении духа. Ждал он тепла с надеждой на свершение потаенных, зародившихся еще зимой планов о своем дальнейшем житье. В эту таежную глушь – Верхнюю Ивановку – его направил Наркомпрос после войны, сразу, как только было принято решение о строительстве школы на Усинском руднике. Почему именно его отправили, как говорится, «куда подальше», Журавлев мог лишь догадываться; водились за ним грешки. Верхне-Ивановская шко-

ЧИНЯЕВ Сергей Викторович *родился 3 октября 1953 года в селе Терехино Новокузнецкого района Кемеровской области. Служил в армии. В 1981 году окончил Томский государственный университет. Отработал в полевой геологии более тридцати лет. Прошел путь от маршрутного рабочего до главного геолога. Работал в Монголии. Печатался в областной газете «Край», в журнале «Огни Кузбасса». Живет в Кемерове.*

ла размещалась в обычном рубленом доме, в котором было всего две комнаты: в одной учебный класс, а в другой учительская. Впрочем, и учеников в школе было немного, как говорится, можно по пальцам перечесть, но при этом дети были разновозрастные.

Вот прошло уж несколько лет после открытия школы. Журавлев весьма активно работал, подобрал учителей из прибывших на рудник семей, и все вроде бы шло хорошо – наладился учебный процесс. Но скучно стало жить в этом медвежьем крае Порфирию, да и дети подрастали... «Здесь, у черта на куличках, ни театра, ни цирка, даже кино ребяткам ведь негде посмотреть, – сожалел он, кручинясь. – Ладно, мы с Катериной пожили... Ну, Машенька еще город мало-мало помнит, а Лешка-то вообще дикий – здесь народился, и окромя поросшей пихтачом скалы, что нависла над холодной рекой напротив поселка, ничего отродясь и не видел».

Вот и зародилась у Журавлева мыслишка: съездить в город вместе с семьей да все там, на месте, толком-то и разузнать. То есть навести справки о сроке своего пребывания на Ивановском руднике. Ведь заславший его в тайгу народный комиссариат к тому времени уже упразднили, и на смену ему пришло министерство просвещения. Думал Порфирий, что даже если новое начальство не позволит ему остаться в городе, то хоть семью удастся пристроить в более удобном для проживания месте.

В Ивановке, если судить по тамошним меркам, условия быта у директора школы были довольно сносными: добротно срубленный дом, огород, да и с дровами на зиму помощь оказывали – жить можно. Хотя и сам Журавлев без дела не сидел: любил он березовые чурочки поколоть, мебель кое-какую в доме сам смастерил. А в прошлую зиму увлекся лубяным промыслом: из осинового луба изладил небольшой сундучок, да такой изящный тот получился, что не мог он на свою работу налюбоваться. Покрыл сундучок лаком, узоры масляными красками на нем стал выдумывать, а детишки тут же рядышком крутились и все подсказывали, уговаривали свое дорисовать. Супруга Порфирия – Катерина – смотрела на них и тихо радовалась, а то, не удержавшись, и сама к ним с советами да уговорами подсаживалась. Однако Журавлев полагал, что лубочный узор нужно осмыслить, и не торопился завершать роспись.

Но однажды заметил Порфирий, что на сундучке появляются не его узоры. Он даже стал угадывать руку художника: «Вот голубые незабудки – это явно женушка постаралась, а эти вот ромашечки сбоку – то старшая Машунька подрисовала. А вот еще красные нечеткие ягодки на тыльной стороне – это уж точно младшенький Алешенька красил, озорничал, видно, пока никто не одергивал». Хотел было возмутиться Порфирий, но, подумав немного, не стал корить своих домочадцев за их художества и даже похвалил помощников, потому как видно было, что старались родимые, малевали со всей душой. Получился вроде как семейный промысел. В сундучке этом хранили потом самое ценное из того, что было в доме, да еще метрики на детей, документы и другие важные бумаги.

А весна уж в полную силу бесцеремонно хозяйничала в сонных таежных дебрях: растопила остатки белого покрова, растормошила убаюканные зимними вьюгами обомшелые пихты, пробудила укрывавшихся под снежным одеялом лесных обитателей. Вскоре вскрылась закованная в ледяной панцирь река, и жители поселка дружно высыпали на берег поглазеть и послушать ледовый ход. Сверкающие прозрачной голубизной льдины, проплывая мимо, цеплялись краями за берега, шебаршили, словно возвещали о скором открытии навигации. Основной лед прошел довольно быстро, а недавно скатился с верховьев самый последний рыхлый ледок, и, хотя по тенистым уремистым распадкам еще лежал плотный крупчатый снег, днем в поселке уж по-летнему было тепло.

Эта весенняя теплынь охмеляла Журавлева и исподволь навевала воспоминания о прошлой городской жизни. Он теперь все чаще выходил на берег, смотрел на разлившуюся речку, уносящую свои холодные воды к большим селениям. «А там, на большой земле, в городе-то, надо полагать, уж совсем лето...» – думал Порфирий.

И вдруг ему припомнилось, как годами раньше, где-то в последних числах месяца мая, его приглашали на день рождения одного большого городского начальника. Славно тогда погуляли... «Сколько же лет-то прошло?» – задумался Журавлев и, загибая пальцы рук, вдруг осознал, что в этом году у того начальника юбилей. «Вот было бы хорошо попасть на этот праздник да преподнести такому влиятельному человеку

хороший дорогой подарок!» – пришло на ум Порфирию. Денег у него поднакопилось предостаточно, ведь в тайге-то и тратить их не на что. Авось и посодействует начальник в его устройстве.

Журавлев даже задумался о выборе подарка, и вспомнилось ему, как азартно в прошлый раз вели разговор о рыбалке на тайменя. «Спиннинг! – решил Журавлев. – Самый лучший, самый дорогой! И блесен набор!»

После таких размышлений Порфирий и вовсе потерял покой – все его мысли были теперь о скорейшем отбытии в город.

Карбасы с конной тягой к тому времени еще не ходили до Верхней Ивановки – не сезон: вода большущая, силен еще был поток, да и набитая копытами бечева подтоплена – места лошадям для хода маловато.

Однако безучастно ожидать прибытия первого карбаса на рудник Порфирию Гавриловичу было теперь тягостно. «Да еще и не факт, что для всего моего семейства в той лодке найдутся места. У рудничного начальства-то масса проблем накопилось, и оно тоже ожидает карбаса», – трезво рассудил Порфирий. Соразмерив такую перспективу со своими замыслами, решил он потолковать с местным шорцем, который уж не первый год гонял свою плоскодонку по Усе на шестах (лодочных моторов в то время на руднике еще не было).

На просьбу Журавлева – сплавить его со всем семейством до города – шорец Анисим отреагировал скептически. И, неторопливо раскурив трубку, молвил:

– Большая вода, однако!

– Да вниз ведь, не вверх, – стал уламывать его Порфирий. – По такой-то воде быстрее скатимся. Ты же тут, считай, самый опытный лоцман! Все перекаты, все камни знаешь. А я, если что, на шесте могу носовым встать...

Анисим в задумчивости воззрился на реку. А как же тут не задуматься – ему ведь потом опять в верха, считай, целую неделю подниматься. Да и опаска потихоньку нутро гложет, но разве объяснишь это директору. Заметив, что шорец колеблется, Журавлев посулил за его нелегкие труды солидное денежное вознаграждение. Анисим отвел взгляд от реки, но согласия на его лице так и не обозначилось.

– А еще впридачу и ружье тебе отдам, – подзадорил Порфирий, вспомнив, как еще по осени шорец ласково гладил блестящие стволы его двустволки.

Такой щедрый подарок развеял сомнения лодочника. Немного помявшись для солидности, Анисим согласился. На том они и столковались меж собой, ударили по рукам и уговорились отчалить на следующий же день – как водится, с утречка пораньше.

В приподнятом настроении Порфирий направился домой с радостной весточкой о завтрашнем отплытии; по пути завернул в школу и упредил о том учителей.

Для семейства Журавлева это известие не было чем-то совсем уж нежданным: велись уж о том разговоры. Но чтоб так неожиданно и скоро!.. В доме поднялись суматоха, беготня, посыпались вопросы: что брать, что оставить? Каждый старался отстоять свое – самое дорогое, самое любимое. Дети собирали игрушки, а Катерина никак не хотела расставаться с зингеровской швейной машинкой. Пришлось Журавлеву объяснять да уговаривать, что ничего лишнего брать сейчас нельзя, потому как избыточный груз лодочник не возьмет. Единственной вещью, на которой все единодушно сошлись, был лубяной сундучок: его-то уж никак нельзя оставить. Да еще теплые вещи необходимы, на реке пока зябко – вода-то ледяная. Согласился Порфирий и на уговоры супруги про пуховые подушки: веса в них немного, а детям под сиденья будет в самый раз. Но чем дольше продолжались сборы, тем сильнее Катерина чувствовала какое-то внутреннее волнение и, обняв подушку, она вдруг призадумалась, подсела на лавочку к мужу и молвила:

– Все же боязно как-то, Порфирушка. Может, обождем чуток? Вода-то эвон какая полая...

Однако, одержимый своим желанием, Журавлев убедил ее в безопасности предприятия, сославшись на опытность лодочника.

Хлопоты со сборами продолжались до самого вечера. Вскоре и ночь подступила. Взбудораженные сборами Журавлевы долго не могли уснуть, лишь далеко за полночь обитатели дома утихли.

Утром, когда рассвет еще только занимался, Порфирий поднял всех на ноги. Екатерина укутала детей потеплее, да и сама обрядилась в стеганую телогрейку, а Журавлев напялил овчинный почти неношеный тулуп, выделенный ему когда-то рудничным завхозом. Такой уте-

пленной компанией с узелками и подушками семейство отправилось на берег. На полпути обернулись и еще раз попрощались с домом: вернутся ли они сюда когда-нибудь?..

Анисим уж поджидал их, пристроившись на носу прогонистой, как тот щуренок, лодки. Компания дружно поприветствовала дядю Аниса (то было настоящим его именем, но все привыкли называть его на русский манер Анисимом), – тот в ответ лишь слегка кивнул головой. Порфирий, не откладывая обещанное на потом, передал шорцу охотничье ружье.

– Вот спасибо, директор, однако! – заулыбавшись, поблагодарил Анисим и пригласил всех усаживаться в лодку.

Солнце еще не поднялось из-за горы, и по реке стелился седой туман. Екатерина с Машенькой разместились на сидушке посреди лодки, предварительно подложив на отпаченную холодным туманом досочку захваченные из дома подушки. Малого Алешеньку матушка посадила на колени, а Порфирий прошел в носовую часть, где для него был приготовлен добротный длинный шест. Лубяной сундучок, дабы не испачкался и не сломался в дороге, Маша бережно пристроила у себя на коленочках.

Анисим взялся за шест, слегка кивнул головой, как бы подав знак готовности Журавлеву, и они скоро вытолкали лодку на течение. На стрежне суденышко понеслось быстрее, зашлепали волны о борта лодки. Анисим уверенно правил плоскодонкой, отталкиваясь с кормы шестом, и умело обходил опасные камни.

Однако на душе Катерины было неспокойно, и чем дальше они отдалялись от поселка, тем сильнее ее охватывало чувство тревоги: что-то недоброе, зловещее мерещилось ей в холодных мутноватых струях полноводной реки. Она старалась не показывать своего волнения, а лишь плотнее прижимала к себе детей. Порфирий на носу зорко всматривался вдаль, и когда по курсу лодки обозначались буруны от выступающих камней, подавал рукой знак Анисиму. Но шорец хорошо знал фарватер и почти не обращал внимания на его отмашки. Журавлев помогал кормщику шестом лишь на плесах, дабы ускорить ход лодки.

Неспокойна, своенравна и напориста весенняя река. То она, беснуясь, клокочет, бурлит – словно злится, то вдруг притихнет и умиротворенно зашелестит водами, как бы заплетая в длинные косы водяные струи, а потом вдруг снова озлится и, взбесившись, понесется неистово, отплевываясь желтоватой пеной.

Невозмутимость и даже какая-то флегматичность Анисима на корме вселяла уверенность, шорец без лишней суеты управлялся шестом, удерживая лодку в нужной струе. Журавлев улегся в носовой части и теперь, с мечтой о будущей городской жизни, любовался своим семейством. Ребятишкам было зябко, они все плотнее жались к матери, и Катерина, приобняв, как могла, согревала их. Но вот Анисим изменился в лице, поднялся с кормы и, вытянувшись во весь рост, стал пристально вглядываться вперед. Там, вдали, за поворотом реки заслышался приглушенный гул, и, по мере продвижения лодки, он все нарастал и нарастал, постепенно преобразуясь в зловещий звериный рев. Это подавал голос полноводный Казырсинский порог. От этого предупреждающего рыка даже на лице всегда спокойного шорца обозначилось волнение. Анисим теперь чаще толкался шестом, направляя лодку в основную струю бушующего потока. Журавлев, надеясь на его опытность, пока не предпринимал каких-либо действий, он лишь урывками поглядывал то на захваченного работой кормщика, то на супругу, в страхе прижимающую к груди детей.

Вот стремнина подхватила плоскодонку и потащила в бучило порога. Большая стоячая волна обдала всех холодным каскадом брызг. Журавлев вцепился в древко шеста мертвой хваткой, готовый в любой момент помочь кормщику. Обернувшись, он заметил, как Анисим на корме суетливо работал шестом, а семейство его в испуге прижалось к самому днищу лодки; в памяти Порфирия вдруг всплыли рассказы людей о коварстве порога. Журавлев снова глянул вперед и содрогнулся от ужаса: прямо по ходу лодки из воды торчал и быстро приближался огромный серый валун. Порфирий вскочил и, желая уйти от столкновения, изо всех сил толкнулся шестом, чтобы отвести нос от камня.

– Айя! Ай-я-я-яй!.. – последнее, что услышал Порфирий с кормы.

Лодку боком понесло на камень, тут же придавило к мокрому шершавому лбу мощным потоком, перехлестнуло напористой волной, и следом раздался зловещий хруст...

Случилась беда; не учел Журавлев, а скорее всего, и не знал об особенностях горных потоков, о невидимых глазом направленных стру-

ях. Зря он вмешался в действия опытного шорца...

Все произошло в какие-то мгновения. Оказавшись под водой, Порфирий попытался выбраться на поверхность потока, но его тут же затягивало водоворотом и тащило дальше. Единственное, что он успел заметить, – как по реке уносятся обломки переломленной надвое лодки. Людей в тех обломках не было.

Еще долго его тащило бурным течением, било о камни, но в какие-то мгновения Порфирий успевал хватануть ртом воздуха и снова подчинялся беснующейся силе воды. Наверно, благодаря овчинному тулупу ему еще удавалось держаться ближе к поверхности воды. Когда его в очередной раз прижало к камню, он немного опамятовался и сумел переместиться за валун – в образовавшийся за камнем затишек. От студеной воды руки почти онемели, но, собрав последние силы, Порфирий ринулся к берегу.

Преодолевая бурное течение, он все же добрался до бечевника и, обессиленный, упал на камни. Через мгновение опомнился, вскочил и ошалелыми глазами воззрился на реку. Его взор пристально скользил по торчащим из бучила валунам, но ничего, кроме яростной воды, разбивающейся брызгами о каменные лбы, он не увидел.

– Ка-те-ри-и-ина! – упав на колени, выдавил из себя Порфирий срывающимся голосом, всматриваясь в глубины клокочущей воды. А потом разразился горькими рыданиями: – Катень-ка-а-а...

Слезы застлали ему глаза, он их смахивал и все смотрел и смотрел в пучину порога, словно надеялся там кого-то разглядеть. И вдруг запричитал:

– Детки-то наши где? А?

Всхлипывая, спрашивал он у жены, словно та была еще жива и ответственна за ребят. Но такой сейчас она ему виделась; что-то странное деялось с его сознанием, похоже, был он грани помешательства.

Долго еще сидел Порфирий на берегу, выплакал все слезы, и они солью иссохли на лице. Но не хотела его душа принимать очевидную реальность происшедшей трагедии, оставлял он в себе надежду – так ему было сейчас легче. В голове его возникали несуразные вопросы: «Почему никого не видно? И куда делся Анисим?»

С этими мыслями он встал и, так и не сняв намокшего тулупа, побрел вдоль берега. Взор его был прикован к коварной реке, он почти не смотрел под ноги, спотыкался, падал, снова вставал и шел, гонимый иллюзорной надеждой. Кровью сочились ссадины на теле, но не обращал он внимания на боль, он ее даже не чувствовал.

Долго брел Журавлев по берегу – казырсинские пороги растянулись более чем на два километра. И постепенно до него стало доходить, что напрасны его надежды, что не найдет он никого. Отчаялся уж Порфирий, но тут, чуть поодаль, заметил он в прибрежных кустах что-то небольшое, яркое. «Ну, конечно же, – это наш сундучок», – узнал Порфирий коробушку. Сбросив тулуп, опрометью бросился он в реку, добрел до кустов и, ухватив расписной сундучок, выполз с ним на берег. Обняв коробушку, Порфирий накрылся тулупом, и на него тут же навалилась дрема. В забытьи представились ему Катерина с детишками, усердно вырисовывающие цветочки на сундучке... Сейчас ему казалось, что жизнь их теплится в этой лубяной коробушке и его душа тоже сейчас там, вместе с ними. Потом привиделась дорога, вспомнилось, как Машенька бережно держала этот сундучок на коленках... И безжалостная явь снова будто иглой пронзила его сердце – возвращалось к нему осознание реальности.

– Машунька, – прошептал он каким-то чужим осипшим голосом. Всплыл в его памяти и образ Катерины, а потом и Алешки, в страхе прижавшегося к матери. Тело Порфирия вновь содрогнулось от рыданий, но слез у него уже не было – плакал он душой.

Потом на него снова навалился неумолимый сон, он быстро сомлел, завернулся во влажный тулуп, и, невзирая на грохот порога, проспал, как ему казалось, целую вечность.

Проснулся Журавлев на исходе дня, все происшедшее на реке показалось ему уже каким-то давнишним. Он покручинился еще, погоревал. А порог все так же неумолчно ревел, словно голодный зверь, но теперь его рокот стал Порфирию ненавистен. В нем вдруг вскипела ярость, и, перебивая сердитый рев, срывая голос, он заорал:

– Ну, что ты зверем орешь, гад! А? Куда ты дел моих детей, сволочь?.. Будь ты проклят во веки веков!

И потом уже тише прошептал:

– Будь ты проклят, окаянный!

Когда он выплеснул наружу всю свою накопившуюся горечь, всю захлестнувшую его ненависть к злосчастному порогу, ему даже немного полегчало. Порфирий поднял сундучок и, прижав к груди эту самую дорогую теперь для него вещь, побрел берегом в направлении поселка.

В Чек-Су Журавлев притащился далеко за полночь. Поселковые собаки, завидев его, взъерепенились и, следуя за ним по пятам, оглашали окрестности громким лаем. Не обращая внимания на псов, Порфирий добрел до знакомой избы. Постучал в дверь. Ему с опаской открыли. Никто его сразу не признал. Да и трудно было в нем разглядеть директора Ивановской школы. Вид у него действительно был страшный: всклоченные поседевшие волосы, исцарапанное ветками лицо, безумно-вытаращенные глаза. Да и одет пришлый незнакомец был в грязный изодранный тулуп. Он больше похож был теперь то ли на лешего, то ли на беглого каторжника. Забоялись давние знакомцы пускать его в дом. К тому ж к груди гость прижимал какой-то ларец – не иначе ограбил кого! Лишь при свете керосиновой лампы разглядели и опознали:

– Ты ли это, Порфирий Гаврилыч?!

Смертельно уставший Журавлев лишь слегка кивнул. Засуетились хозяева, проводили в дом, чайник на плиту поставили. Стали приставать с вопросами: что, мол, случилось, да как? Но не до разговоров было Порфирию, усталость клонила в сон. Отозвался он на вопросы лишь коротким пояснением:

– На порогах... Все... – с трудом выдавил из себя. И, сглотнув подступающий к горлу комок, добавил: – Я один выплыл.

Ошеломленные известием хозяева пытались дознаться:

– Кто ж с вами был-то?

– Все-е! – надрывно простонал Порфирий. – И Катерина, и дети... Шорец Анисим нас сплавлял, – известил он сжигающую его душу правду. И, не желая далее вести разговор, спросил: – Где можно прилечь?

Ему указали место, помогли снять тулуп. Хотели забрать сундучок, но Порфирий, сверкнув колючим взором, наотрез отказался с ним расставаться. Так в обнимку с коробушкой и уснул. Ему думалось, что расстанься он с этим сундучком – и порвется тонкая ниточка, связывающая с его родными. Через эту коробушку он ощущал дарованную ему благодать, позволяющую еще сохранять в теле дух и жить на этой земле.

Спал Журавлев до полудня. По поселку уже разнесли слухи о трагедии на пороге. Нашелся даже свидетель, который видел, как по реке плыла подушка, а на ней вроде как лежал ребенок. Эта молва и вовсе довела Порфирия до умопомрачения. В его воспаленном мозгу стали возникать видения: вот Катерина укладывает Алешеньку на подушку и отпускает его по течению бурной реки, а сама, помахав на прощанье рукой, тонет в пучине...

На следующий день Журавлев уехал из поселка. Однако до города он так и не добрался. Не вернулся потом и обратно в школу на Ивановку. Долго о его судьбе ничего не было известно. Средь людей даже пошли кривотолки, что не пережил он горя, надорвал сердце мукой душевной и, наверно, где-то по дороге-то и скончался.

Но Порфирий Гаврилович был жив. Только не мог теперь жить, как прежде. Круто изменилась его новая бытность. Добравшись до небольшого селения Околье, что притулилось на берегу Томи недалеко от Мысков, он решил там и обосноваться. Спокойное это было место, тихое, и оно показалось Порфирию подходящим, сообразным для проживания в его нынешнем расположении духа. Как-то само собой так случилось, что оказался Порфирий неким отшельником. Был доселе Журавлев человеком неверующим, а теперь в доме его появилась иконка, и под ней – бесценная для него реликвия: лубяной сундучок.

Не умел Журавлев правильно по церковным канонам читать молитву, а лишь смотрел на образ и что-то неслышно шептал губами. А потом, склонившись над коробушкой, предавался щемящей до боли в сердце печали. Он теперь понимал, что и его вина была немалой в той трагедии.

Такая тихая жизнь вполне устраивала Порфирия, но иногда черными ночами являлась ему в сновидениях Катерина и с ласковым укором, глядя ему в глаза, проникновенно сетовала: «Упреждала же я тебя, Порфирушка... Вот ведь как вышло...» И дети в тех снах смотрели на него вопрошающе, как-то по-взрослому, будто винили его в своей погибели. Оттого, наверное, были ему такие видения, что была за ним виноватость, и осознание этой вины снедало ему мозг. Пытался

он даже сквозь сон оправдаться, говорил, что всего лишь желал для них лучшей доли... Но следом, откуда-то со стороны, возникал Анисим и тоже смотрел на него с горькой укоризной, да все пытался вернуть ему подаренное ружье – будто хотел воротить время вспять. От этих навязчивых видений Журавлев просыпался, вскакивал с кровати и, усевшись на коленях возле сундучка, зажигал под иконкой свечу. Поминал он, как умел, усопших.

Всю оставшуюся жизнь Порфирий казнил себя за то опрометчивое роковое решение. Он так и остался затворником на берегу Томи, жил с неутихающей душевной мукой. Зарос Журавлев бородой, неразговорчивым стал, и несведущие люди прозвали его бирюком. Отходил душой Порфирий лишь в своей хибарке, мысленно беседуя с лубяной коробушкой, словно через вещицу эту открывался ему чудесный светлый проход, и через какие-то потаенные тончайшие каналы Катерина и дети слышали его – по крайней мере, он в это верил.

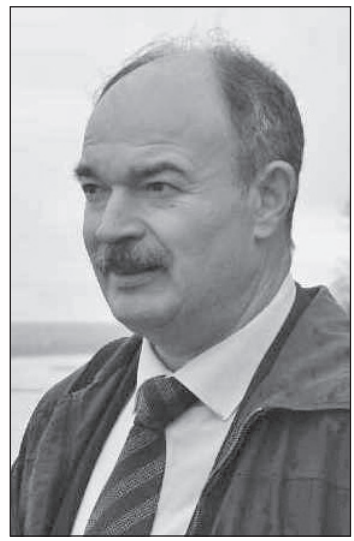
Иной раз он с замирающим сердцем открывал ларец, загрубевшими пальцами перебирал бережно полуистлевшие метрики с расплывшимися чернильными надписями, и в эти минуты из сундучка исходило осязаемое теплое свечение. А может быть, ему это только казалось, но он видел этот чудесный свет. Вероятно, то было общение тоскующих душ его родных, ведь толика их была вложена и Катериной, и ребятишками в немудреные, но так любовно намалеванные росписи на ларце, и радость та сохранилась в лубяной коробочке. Виделись тогда Журавлеву оставленный на Ивановке дом, школа и такие милые сердцу лица. Он все помнил из той прошлой жизни и теперь вымаливал себе прощение.

* * *

Со временем острая душевная боль Журавлева притупилась, но щемящая тоска по семье так и не покидала его. А каждую весну во время ледохода Порфирия какой-то неудержимой силой влекло на берег. Однако стоило ему замечтаться, вспомнить о той последней усинской весне, как мерещилось ему, что средь хаоса нагромождения льдин плывет по реке пуховая подушка...

Поздравляем с юбилеем!

Любовь Арбачакова



Иван ЩЕЛОКОВ

ГОДЫ ТОРОПЯТ, И ЖИЗНЬ НАРАСХВАТ…

* * *

Годы торопят, и жизнь нарасхват –
Оптом, в рассрочку и просто поштучно.
Разве из нас кто-нибудь виноват,
Что оказался в цивильной толкучке?

Хочется солнца, рыбалки, реки,
Книжки хорошей и женщины верной,
Но задыхаются в пульсе виски,
Словно матросы от дыма в таверне.

Жизнь – не базар, только разницы нет:
Кто продает, кто скупает с азартом
В чередовании смыслов и лет
Наше стремленье к небесному старту...

Воздух вдыхаю до хруста в хребте,
Вихрям противлюсь, как дедова кровля,
И на пути от мытарства к мечте
Не принимаю такую торговлю.

* * *

С крыш на солнышке – кап, кап, кап...
А в тенечке снег – скрип, скрип, скрип...
В терпком счастье из хвойных лап
Мы на ощупь живем, на всхлип...

Нет другого – терпеть, терпеть,
Ведь терпение – жизнь и Бог...
А не станем терпеть – смерть, смерть:
Без зазыва – и на порог.

Чьи-то губы – к губам, к губам...
Чьи-то щеки – в огне, в огне...
Что обещано было нам,
Промоталось на стороне.

Лишь на солнышке – кап, кап, кап...
А в тенечке до полдня – скрип...
Вынь из сердца занозу-кляп:
Не на всхлип надо жить – на вскрик!

* * *

Время ты, времечко – прялка бабуси.
Что ни случилось бы – ссучена нить.
– Кончу куделю – другою займуся:
Зиму-то надо хоть как пережить!..

От Покрова и до Пасхи Христовой
Крутится, вертится веретено.
– Будет бойцам на Донбассе обнова...
Было ж такое, пускай и давно!

Нет перерыва у прялки бабуси.
Что ни куделька – Господен ей суд...

ЩЕЛОКОВ Иван Александрович *родился в 1956 году в Воронежской области. Автор тринадцати книг. Печатался в «Литературной газете», альманахах «День Поэзии. XXI век» за 2006–2021 гг., журналах «Наш современник», «Москва», «Молодая гвардия», «Роман-журнал. XXI век», «Сельская новь», «Воин России», «Пограничник», «День и ночь» (Красноярск), «Север» (Петрозаводск), «Огни Кузбасса» (Кемерово), «Дон» (Ростов), «Русский литературный журнал в Атланте» (США), «Новая Немига литературная» (Белоруссия), «Азербайджан», в литературном альманахе «Казахстан – Россия» и других коллективных сборниках. Заслуженный работник культуры России, лауреат многих литературных премий. В настоящее время главный редактор литературно-художественного журнала «Подъем», председатель правления Воронежского регионального отделения Союза писателей России.*

Овцы – в хлеву, в палисаднике – гуси:
Хлопают крыльями – время пасут.

– Бабушка, хватит, устала, наверно!
Можно ли днями сучить да мотать?..
Русское время – бабусина вера
И в Иисуса, и в Родину-мать.

* * *

Дождаться апреля – и к предкам
Поехать на родину. Там
Синицей докучной соседка
Вспорхнется навстречу гостям.

Поманит крылами к погосту,
К родительским тихим крестам.
– Куды дольше жить – девяносто?!
Избави Господь, чтоб до ста...

И выплеснет жалость рекою
Из чуткого сердца она:
– Вон горе-то нонче какое,
Как в нашенском детстве – война!

Одна я на целой середке,
Других не осталось годков.
Недавно помер и Серенька –
Последний из всех мужиков...

Спасибочки, птица-синица,
За светлые в грусти часы,
Что есть нам куда возвратиться
Из черной своей полосы!

УЛИЧНЫЙ ГАРМОНИСТ

На углу Комиссаржевской,
Вдоль пилястр кинотеатра
Ходит люд, мужской и женский,
То туда, а то обратно.

Ходит, думает о всяком,
О плохом, и о хорошем,
И о том – пора бы слякоть
Заменить уже порошей...

В перекрестье судеб встречных
В темной курточке кургузой
Гармонист поет сердечно
Песни бывшего Союза.

Токарь высшего разряда
С оборонного концерна,
В горбачевскую разрядку
Для державы стал не ценным.

Слава улиц – меда ложка.
Нет обид на век коварный.
Даже рад, что на гармошку
Поменял станок токарный.

Он по кнопочкам пройдется
И зальется баритоном.
На столбе фонарь качнется,
Вспыхнет ярче на полтона.

Мастер уличного пенья
Ладит гаммы, как детали,
В общей массе – для веселья
И отдельно – для печали.

Сохранил он честь и душу,
Пережил позор и беды...
– Спой-ка, батя, про Катюшу...
– Не-е, сперва про День Победы!

* * *

Грянул первый мороз – и трава в серебре,
На подворьях все громче утиные крики...
Прогуляюсь по лугу с утра в ноябре,
На болоте нарву горсть подмерзшей брусники.

В девяностые кто-то из местных дельцов,
В предприимчивой хватке себя выражая,
Посадил здесь бруснику – аж тыщу кустов,
Но, к несчастью, собрать не успел урожая...

Разрослась куда зря – от ручья до бугра,
Одичала совсем у заросшего дота.
А когда созревать наступает пора –
Будто капельки крови роняет здесь кто-то...

Лает пес за соседским забором с тоски,
Завывает, бедняга, в неволе от скуки...
Погружаюсь в брусничные эти деньки,
Как в озябшие – с улицы – женские руки.

И ныряю в ладони на пару секунд,
И глаза закрываю в растрепанных чувствах.
Но кроваво-брусничные будни секут
И сердцам не дают от себя же очнуться.

А еще этот ветер, сбивающий с ног...
А еще эти сводки с фронтов на Донбассе...
И со всех переулков, с болот и дорог
Листья гонит, как души от взрыва фугаса.

* * *

Ночь вымерит взглядом комбата
Посты, снаряжение, танки
И ляжет солдатским бушлатом
На стылое тело землянки.

И выпорхнет сердце за бруствер
Случайной испуганной птицей.
И звезды вползут по-пластунски
В траншеи, чтоб в них закрепиться.

И месяц – космический коптер,
Мелькнув отражением в луже,
В мгновеньях правды окопной,
Как все, уповает на дружбу.

Он верит в победу и Бога,
И в крестик под теплой тельняшкой,
И что отоспится немного
Наутро в соседнем овражке.

А дальше – как будет, так будет.
Вернется заря из разведки...
Война – вереница из буден
С забытой в бушлате конфеткой.

* * *

Вдох – на выдох и выдох – на вдох.
Дышим, дышим, и значит – живем.
Ветры сеют свинцовый горох,
Превращая Донбасс в смертозем.

В ветрах – гарь, хоть хватай горстьми.
В хатах рыщет спецназ сквозняка...
У калитки мальчик лет восьми
Укрывает под курткой щенка.

Дышим, мать твою, дышим в такт!
Нам дыхалка в сраженьях – как Спас.
Сердце – сорванный танковый трак
Под огнем с терриконовых трасс.

Весны будут, и будет тут сев.
Ты погодь-ка, дружок ячменек!..
С гранатометом на холм присев,
Дышит через прицел паренек.

Он оставил за Доном поля,
Для него страда сегодня – война.
Он-то знает, как дышит земля
И как стонет от боли она.

Вдох – на выдох... И новый вот вдох...
В счастье – выдохнем, в горе – вздохнем.
Слушай землю, пока не оглох:
Не померла... И мы не помрем!

* * *

По клеточкам, по веточкам,
По синим лоскуткам
В сердца заходит вечное
И остается там.

Чирикает воробушком,
Порхает мотыльком,
Чтоб помнили хорошее,
Забыли о плохом.

Чтоб все сиюминутное,
Все сумрачное зло
Сменилось на уютное
Душевное тепло.

Горят на щечках ямочки,
Влюбленный льется бред...
У вечного мы лямочки –
Тянуть идущих вслед.

* * *

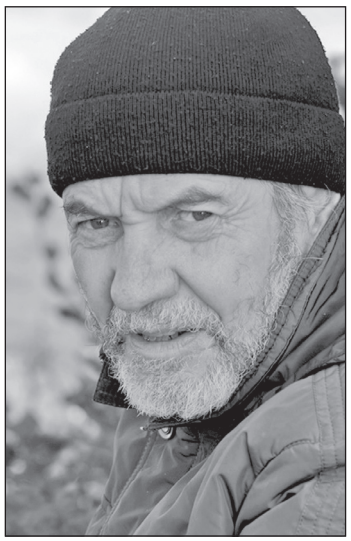
По мерзлым былинкам бурьяна,
По льдинкам на дне колеи
Зима к нам приходит нежданно,
Как тайная весть о любви.

Как вера – в себя или близких,
Как птичье паренье ресниц
Девчонки из школьной записки
В заоблачных высях страниц...

Как заячий след – на сугробе
И стежка – по соснам к реке...
Как самое важное – чтобы
От ненависти вдалеке.

Чтоб в поисках нужного счастья
Январь не слетал кувырком,
И к светлому был бы причастен,
И темное скрыл бы снежком.

В желанье быть чутким и точным
Черкнет пусть на полном бегу:
«Останься, любовь, многоточьем
На чистом январском снегу!»



Анатолий БАЙБОРОДИН

СКАЗКА*

Рассказ

Аминь глаголю вам, аще не обратитеся и не будете яко дети, не внидете в Царство Небесное.
Благая Весть от Матфея, 18:3

...О ту суровую зиму зяб я в приземистой избе, что таилась в узкой таежной пади, на отшибе старого байкальского села Култук. Щербатую улочку, вьющуюся вдоль студеного ручья, сжимали крутые хребты, где в добрые времена шумела кедровая тайга, а ныне тоскует на зимней стуже реденький березнячок и осинничек.

Поддужными бубенцами отзвенели введенские морозы, ночами крались рождественские, а уж с небес косилась на село крещенская стужа; зимующие птахи таились в густых сосновых кронах, в дуплецах, и лишь дятел-трудяга, умостившись на щелястом, ветхом столбе, лихо молотил сосновые шишки. Улетит в тайгу, вернется с шишкой и, сунув ее в щель, молотит, отчего снег возле столба усеян рыжими хлопьями.

Близился Спиридон-солноворот, когда солнце повернет на лето, а зима на мороз. Солнце со Спиридона нарядится в праздничный сарафан и кокошник, сядет в телегу и тронется в теплые земли. А Зима бродит в медвежьей шкуре, ночью постукивает колотушкой об избяные венцы, будит хозяюшек: «Бабы, топите печь!..». И ежели Зима гуляет в поле, за ее сарафаном вьются метели, ежели по лесу – сыплет из рукава иней, а коли по реке бежит – на три аршина воду кует.

Бушевал пред ледоставом Батюшка-Байкал, и, словно в зачарованном царстве, со скал и крутых яров свисали ледяные наплески, мерцали цветами радуги на ярком полуденном солнце, голубовато и призрачно светились в сумерках, рябиново рдели на алых зорях. А Морозко, малое чадо Матушки-Зимы, в лунные ночи колонковыми и беличьими кисточками малевал на стеклах синеватые листья и травы.

Я грел озябшие руки у чела русской печи, солово глядя, как цветастые крылья огня колышутся над жаркими углями, словно девы-плясуньи в радужных сарафанах; и дремотная истома одолевала, наплывали видения...

* * *

Старшая дочь привиделась. Вспомнил: давненько – в обед сто лет – семья моя обитала в Нижнеангарске. Меня и жену, вчерашних студентов филфака, с годовалой Аленой услали на Северный Байкал воспевать Байкало-Амурскую ма-

* Журнальный вариант

БАЙБОРОДИН Анатолий Григорьевич *родился в забайкальском селе Сосново-Озерск. По окончании Иркутского государственного университета (филологический факультет) работал журналистом в сельских и областных газетах Восточной Сибири, преподавал стилистику русского языка на факультете филологии и журналистики ИГУ, создал курс и пособие «Русская народная этика». Возглавлял издательство «Иркутский писатель». Ныне – литературный редактор православного альманаха «Иркутский Кремль». Автор многих книг, вышедших в Иркутске и Москве. Лауреат «Большой литературной премии России», премий «Литературной газеты» имени Дельвига, имени святителя Иннокентия Иркутского. Член Союза писателей России. Живет в Иркутске.*

гистраль. И мы под задорное пение «Самоцветов» воспевали в здешней газете дорогу в светлое будущее:

Рельсы упрямо режут тайгу.
Дерзко и прямо, в зной и пургу.
Веселей, ребята! Выпало нам
Строить путь железный, а короче – БАМ...

И помню: на Рождество Христово сморенный Батюшка-Байкал еще полусонно бродил, а на святой седмице залег в ледяную берлогу, поворочался в дреме и уснул, похрапывая и бормоча сквозь сон. О ту студеную пору я, сманив бамовских друзей в свое барачное жилье, посиживал в застолье и хмельно подтягивал певшим:

Где-то багульник на сопках цветет,
Кедры вонзаются в небо.
Кажется, будто давно меня ждет
Край, где ни разу я не был...
Возле палатки закружится дым,
Вспыхнет костер над рекою...
Вот бы прожить мне всю жизнь молодым,
Чтоб не хотелось покоя.

За окошком вызрели синие сумерки, быстро сгустились в ночную темь, и жена ворчливо спросила: «Ты что, хочешь, чтобы Алена в яслях ночевала?» Ринулся я в детские ясли и, помню, вез Аленушку рысью – с горы же – мчал на санках по накатанной тропе, что тускло посвечивала в дремотном свете изветшавшей луны. В бараньей шубейке до пят, увязанная пуховой шалью, дочь, откинувшись на спинку, полеживала барыней, косилась на избяные окошки, откуда лучился ласковый свет.

Что греха таить, будучи навеселе, торопясь в дружеское застолье, не упомню, сколь и пробежал я с хребта к Байкалу, как вдруг учуял: с пустыми санями бегу. Оглянулся: мамочки родны, Алену по дороге потерял! Перепугавшись, рванул обратно в хребет, треть версты отмахал да подле яслей и нашел потерю: укутанная в шубейку, словно в тунгусскую малицу*, сверху повязанная козьей шалью, тихо, мирно полеживала дочь на обочине тропы, задумчиво глядела на мигающие звездочки. Помнится, с горьким вздохом подумал: поэт либо живописец растет. И словно в ясную байкальскую воду глядел...

Ныне старшая дочь – матерая журналистка, а кажется, еще вчера в селе Сосново-Озерск возил кроху на велосипеде в детский сад: помотавшись по чужим, сырым углам, семья моя укочевала туда, где я вырос. Велосипед украли (село не зря в народе прозвали Сосновка-воровка) – и должны были украсть: в промозглые ноябрьские сумерки припедалил в казенную баню, ткнул велосипед в темных сенях и пошел париться. Хотя еще в предбаннике подумал: «Украдут же. В коридор бы затащить, поближе к тете Дусе кассирше...» Но лень, усталость, вялость одолели, вот и махнул рукой. Согрешил – искусил воров; говорено же: худо не клади, в грех не вводи.

Полвека миновало, а кажется, Алена только недавно пошла в деревянную Сосново-Озерскую школу, и в первом классе оказалось четыре Байбородиных – три Алены да сродница Светка, и учительница вызывала Ален к доске по имени-отчеству. А чего дивного, коли полдеревни Байбородиных, и на погосте уйма.

* * *

Намедни ворчливая литературная дама, со вздохом глядя на меня, дивилась:

– Странно, а дочери красивые, благочестивые...

Я смиренно согласился: прости, Господи, барахтаясь в порочных страстях, опутанный тиной, словно в трясине, не возрос до благочестия, и детство дочерей текло под буйные песни и пляски, под треп богемных приятелей. На глазах дочерей, увы, случались и мои причудливые похождения во хмелю...

* * *

Кажется, еще вчера семья вернулась в Иркутск, и Алена из художественной школы пришла зареванная: однокашники дразнили Матрешкой за то, что на рождественской елке, обрядившись в крестьянский сарафан, пела она народную песню «Ай-чу-чу, ай-чу-чу, я горошек молочу». В средней школе посмеивались – ладно, там дурни, коим взрослые втемяшили в головы, что для русаков русское народное – позорное, но в художественной школе эдакое?! И ведь могли и ей внушить, чуралась бы русских песен; но, чую, слава Вышнему, звучат в ее душе небесная печаль и радость русских напевов.

Вижу сквозь вечерний сумрак: двухэтажный краснокирпичный дом, с тыльной стены едва зримый из зарослей одичавшей яблони; вижу Алену с подружками: привязали кошку поводком к яблоне, а сами влезли на древо, расселись по ветвям, словно птички-синички, и клюют мелкие яблочки, щебечут, хохочут... Хотя и смалу обидчивая, Алена – хохотушка, палец покажешь – хохочет, но я радовался: это знак доброй, нелукавой души...

* Малица (ненецк. мальця) – одежда северных оленеводческих племен в виде облачения из оленьих шкур мехом внутрь, с разрезом для головы и с капюшоном.

* * *

Следом за старшей привиделась и младшая дочь. Привиделось далекое, чудное и чудное, вроде из русской сказки... В рабоче-крестьянские лета Иркутский Дом литераторов жил на широкую ногу в добротном купеческом особняке с нижним ярусом из красного кирпича и верхним деревянным, но оштукатуренным и побеленным; под межъярусным карнизом красовались львиные морды, похожие на гривастых поэтов, голосящих стихи, а вдоль крыши – губастые бабьи лица, похоже, музы для вдохновения здешних стихотворцев.

Канул восемьдесят девятый год, и по городу шатался хмельной Мороз Иваныч, околачивая березовым батожком старгородские тополя, отчего корявые дерева жалобно стонали; а мы с пятилетней Машей катили в полупустом и гулком автобусе, спешили в Дом литераторов на елку.

Кондуктор утомленно известила:

– Остановка «Роща»...

И Маша голосисто, на весь автобус пропела:

В роще моей пел соловей,
Спать не давал теще моей.
В рощу пойду, сгоню соловья,
Спи спокойно, теща моя...

А потом выдала переиначенный куплет из песни, что пел наш зять во хмелю:

А где мне взять такую тещу,
Чтобы купила «Жигули»...

В Доме литераторов роилось десятка два писательских чад и внучат, наряженных зверушками, пичужками, бравыми гусарами, лихими казаками и даже богатырями, но особенно много порхало по залу снежинок. А мы, Машины предки, сшили дочери сарафан и кокошник на семейский** лад; хотя поначалу я думал из цветастого платка свить кичку, как бабы после бани крутят полотенце на мокрые гривы, но вспомнил: кокошники носили девки, а кички – мужние бабы.

На той памятной елке, когда отроки в бабочках, отроковицы в бальных платьишках читали поэтов «золотого» и «серебряного» века, Маша пропела частушки:

Мама сшила мне штаны,
Из березовой коры.
Чтобы попа не болела,
Не кусали комары...

Что хотите говорите
На меня, на сироту,
Съела окуня живого,
Шевелится в животу...

Прости, Господи, нас, охальников, подучивших малое чадо соромной частушке, какие после войны пели вдовы горемычные, – пели, хлебнув самогона, палящего душу, пели мстительно и отчаянно...

Перед чаепитием Мороз одаривал писательских чад гостинцами. Не упомню уж в кого наряженная, жалась к деду Распутинская внучка, которой, по веселому поминанию Валентина Григорьевича, Мороз всучил акварельные краски, и внучка в свой рост раскрасила стены в его жилище.

После той елки, помню, Нелли Семеновна, писательский бухгалтер, еще четверть века с умилением вспоминала Машины частушки. А Маша уже осилила исторический факультет, аспирантуру, и летами уезжала с археологами на раскопки, рыла древние земли, где в захоронениях дюжели черепа (лизнешь: коли сладко – больше тысячи лет костям), а рядом – ножи, каменные или бронзовые...

Маша уже в зрелых летах, а кажется, еще вчера царапала корявыми печатными буквицами: «Папа, жилаю здоровя, чтоб возил меня на плечах...» Вот для чего нужно ей было отцово здоровье, любила кататься на моих плечах. Едет, бывало, из детского сада, горделиво и свысока поглядывая на безлошадных ребятишек, вынужденных чесать пехом.

Потом в лифте потешный папаша обычно велел ей нажать пальцем нос, иначе кабина не поедет, а сам исподтишка тыкал кнопку. И когда однажды я нажал кнопку лифта, забыв про Машин нос, и когда кабина полетела вверх, дочь укорила: «Ага, обманывал...»

На таежной даче, прозванной Лесная заимка, Маша резво лазила по деревьям и заборам, отчего схлопотала прозвище Мартышка, Мартын, и уж в средних классах училась, а, бывало, окликнешь: «Мартын!» – откликается «Чего?» Я даже на водосточной бочке написал «Мартын», но вскоре приехал приятель, репортер Мартынов, прочел ту надпись и обиделся, поминая, как в детстве дразнили его: «Мартын, Мартын залез за тын. Уселся криво, упал в крапиву...»

* * *

Вообразил я предков в набедренных повязках, с каменными ножами окруживших мамонта, но вдруг спохватился, хлопнул в беспамятный лоб: «Господи Иисусе! Да завтра же у Маши именины! И как это я запамятовал?!». Яро поскреб лохматую бороду: чем одарить, чем подивить дочь?

** Семейские – старообрядцы Забайкалья.

Однажды на Машины именины сочинил дурацкий стишок «Маша и гречневая каша»:

Папа сказки писал,
папа шибко устал
и... на пол упал.
А дочь его Маша
съела три чаши
гречневой каши,
папу на руки взяла,
искупала в Байкале
и каши дала...
Папа ожил и стал орать:
«Хочу романы писать!..»

Дальше про маму, упавшую в грядки, про сестру Алену, упавшую в акварель, а потом – назидание:

Лишь восемь лет девочке Маше,
но какая сила в гречневой каше!..

Сим глупым стишком пытался я привадить Машу есть гречневую кашу, которую дочь на дух не переносила (а за что эдакая немилость к сытной гречке, ныне смутно помню; кажется, в детском саду перекормили). Сочинил я стишок и, помнится, домовито прикинул: впарить бы в лавку, где торгуют крупами: реклама же. И, глядишь, ребятишкам на молочишко...

И опять у Маши день рождения, опять я, зимуя на Лесной заимке, чесал затылок, гадал, чем порадовать малышку, что бы эдакое еще удумать? Увы, отлучиться с лесной заимки я мог лишь на другой день ближе к вечеру и вряд ли успел бы купить подарок; но, может, и успел бы до закрытия книжной лавки, где покупал дочерям русские сказки, да вот беда-бединушка: купил бы накупил, да купило притупило – в пустом кармане блоха на аркане.

Пригорюнился, призадумался, повалился на топчан, укрытый овчинным тулупом, задремал и... цветным чародейным сном привиделась лесная сказка...

Я пробудился на закате дня и решил сочинить Маше сказку, а в ней запечатлеть старика, вроде таежного лешака, и потом – деда Савраску, бабку Малахайку и Аленушку с Машенькой. Потешная байка про косопятого старика давно и озорно ворошилась в дремучем воображении, слезно просилась на бумагу, но руки не доходили, отвлекали сказы да простушки-повестушки, сочиненные не для малых, но для бывалых. Однако сказка не увяла в памяти, а, словно яблонька, укрылась листвой, зацвела белым цветом и, благодаря Маше, налилась сочным яблочком.

Себя не похвалишь, кто похвалит; смалу и по сивую бороду любил я русские сказки, паче сибирские, посему и запев выплелся, словно из тальниковых прутьев затейливое лукошко, а в лукошке – ягода морошка:

«В добром царстве, русском государстве жили-были дед да баба у самого синего леса. Деда звали Савраска, бабу – Малахайка. Жили они, поживали и добра наживали. И нажили под старость лет двух чадушек – Оленушку да Машеньку... Дивная вышла сказка: в тайгу наладился дед Савраска. Землянику собирать, кости древние размять. Глянул в окошко: у калитки лукошко. Может, ребятешки подкинули кошку? Узнать охота, вот и выбежал дед за ворота. Дивится: чтой-то в лукошке том шевелится? Размотал дед пеленки, а там – девчонки-даренки. Обрадел дед Савраска да бабке Малахайке сказал: дескать, Боженька детишков послал...».

С натуры – чего мудрить? – запечатлел я характеры Аленушки и Машеньки, дочерей своих:

«Оленушка послушная росла, и звал ее дед Умка. Деду с бабкой подсобляла: грядки поливала, травушку полола, рученьки колола. А после вечерошней молитвы браво засыпала. Только Машенька не спит. Ножками сучит. Оленушку дразнит... Стал дед Савраска ворчать и ругаться: «Вот Оленушка-то умка, а ты пошто такая чумка?! Эй, Косопят, борода до пят, забери-ка нашу Машу...».

Но Маша потом исправится, глядя на сестрицу Аленушку, ибо мой сказ, молвленный в лад народным сказкам, завершится ласково. Хотя раньше пугал Машу: «Ты шибко-то не шали, а то выведу в повести страшной...»

На рассвете – густой снегопад, а после полудня запуржило, заметелило, собаку встоячь заносило снегом; и рождалась сказка под вой метели в трубе, когда столь отрадно печное тепло. Вот и опустился с небес студеный декабрь, – воистину, студень, стужайло[***], ибо к лютому морозу народилась уйма рябины, и волки выли за околицей, и дрова горели в русской печи с треском, полыхая не белым, а красным полымем, и кошка, свернувшись клубком, денно и нощно дрыхла на печи. А ясными ночами в небе ярко цвели звезды: блестящие – благочестивые души, тусклые – грешные.

На столешнице, крытой облинявшим зеленым сукном, среди чернильных пятен уложил я стопу писчей бумаги, взял остро очиненный простой карандаш и стал сочинять сказку; плел бисерным почерком, словно мышка-норушка вытянула цепочку следов по белу снегу.

[***] Студень, стужайло – так в старину называли месяц декабрь.

Сочинил сказочку вчерне; по-доброму – переписать бы набело, но поленился, решил отпечатать на машинке, попутно правя, а потом сшить в книжечку, раскрасив цветными карандашами. Глянул на печатную машинку, и вдруг явилась сказочная дума... Под гнетом из стопы дородных книг покоилась свежая береста, которую я тут же расслоил и разрезал на тонкие листы. Заправляя тонкие берестяные листы в машинку, внося поправки, отпечатал «Косопята...»; затем на полях пробил гильзой дырочки и заплел листы берестяной тесьмой. Не угомонившись, тут же докрасна накалил в русской печи гвоздь, зажал его плоскогубцами и пустил по берестяным полям скупые узоры.

Когда засинели сумеречные окошки и заголосили горластые байкальские петухи, на письменном столе красовалась лесная сказка «Косопят-борода до пят», отпечатанная на берестяных листах. Припомнил я сказочную ночь и грустно улыбнулся: голь на выдумки хитра! Родилась самодельная книжка – не с пустыми руками явлюсь на Машины именины, а с лесным гостинцем.

В семейном застолье отведали пирог с грибами и румяные шаньги с брусницей и творогом, спели в хороводе: «Как на Машины именины испекли пирог из глины...», а потом спели: «Как на Машины именины испекли мы каравай, вот такой ширины, вот такой вышины...» И когда вновь уселись за стол, я вручил Маша берестяную книжку. Вскоре дочь знала сказку наизусть, от зубов отскакивало; и вроде не зубрила, а «Косопят...» сам собою, сказочно вошел в душу и память.

* * *

Справили именины, и опять я задумался, почесывая бороду: «А почему «Косопят...» лишь Машу потешает?! Пусть и другие чадушки повеселятся». И решил я заново отпечатать сказку, но уже на листах писчей бумаги...

Скоро сказка сказывается, да не споро дело делается... Изрядно поправив, отпечатал сказ на машинке, а затем почитал, вслушался и чую: там и сям пустил петуха, словно певчий, коему медведь ухо оттоптал, – топтыга же. Глянул на сказку, как на цветастую роспись, вижу: и бедно, и бледно. Пошел опять править, и эдак четырежды набело переписал, едва угомонился, а Маша осерчало ворчала: мол, берестяная сказка красивше бумажной...

«Косопят...» узрел белый свет сперва в журнале «Сибирячок», потом в московском «Роман-журнале для детей». Прозвучала сказка на иркутском радио, где Косопята и деда Савраску играл артист Юрий Жигарьков, а Машу, Олену и бабку Малахайку – Маша. Вскоре театр народной драмы поставил спектакль по мотивам сказки – и уж четверть века кажет ребятишкам.

А тогда возмечтал я издать сказку цветной книжицей, посвятить книжицу Маше, поскольку Маше и подарил берестяного «Косопята...», поскольку Машу и вывел в образе сказочной Маши. Но мечта мечтой, вроде блажи, а в жизни мечта не споро воплощается.

Сказочная судьба у «Косопята...» и косопятая: четверть века бился, колотился, чтобы издать сказку, но все без прока. Уж и Маша заневестилась, а сказка так и не облачилась в книжный сарафан. Уж и художник Федор Ясников, лет десять игравший Косопята в театре, намалевал лубочные картинки, где шибко уж красиво вышел Косопят, словно Федор, глядя в зеркало, рисовал. Уж и посеяли мы акварели Федора, уж и художница Маргарита Марцинечко нарисовала другие картинки; уж и Марк Демидов умудрился поведать «Косопята...» по-британски; уж и готова была книжка к печати, но, увы... Ходил я с протянутой рукой, словно церковный христарадник, но и гроша не выходил.

«Косопят...» еще не обрел книжного облачения, а высоколобые ученые мужи, почитав на русском и английском, уже хлопали по плечу: браво... Помню, сочинил хвалебный отзыв даже американский профессор Майкл Майлам[****]:

«Anatoly Baiborodin has written a wonderful children's story, A Tale: Heel Twister – All-Beard-Mister, that has the feel of a traditional Russian tale. The energy, vibrancy, and playfulness of the language turns the reading into a song. The rhymes are often quite unique, the neologisms witty without being pedantic, and the rhythm carries the tale with a deft lightness. M. Martsinechko's delightful illustrations also invoke the mood and style of the Russian fairy tale. And M. Demidov's translation renders a very creative Russian text into a very creative English... Dr. Michael C. Milam, American Studies Chair, senior professor Irkutsk State Linguistic University»[*****]

Каюсь, прости Господи: гляну, бывало, ночным завистливым оком: в книжных лавках – цветасто

[****] Майкл Майлам писал о сказке в 2007 году, когда служил профессором Иркутского государственного лингвистического университета и дружил с переводчиком и преподавателем английского языка Марком Демидовым.

[*****] «Анатолий Байбородин написал чудесную русскую сказку для детей «Косопят-Борода до пят», в которой ощущается дух традиционного русского сказа. Энергия, мелодичность и живость языка превращает чтение в речитатив. Сами рифмы зачастую совершенно уникальны, неологизмы остроумны и лишены назидательности, а ритм ведет повествование сказки с изящной легкостью. Восхитительные иллюстрации Маргариты Марцинечко также порождают настроение и стиль русской сказки. Перевод же Марка Демидова воплощает высокохудожественный русский текст в высокохудожественное английское повествование... Д-р Майкл Майлам, зав. кафедрой американистики, профессор Иркутского Государственного Лингвистического Университета».

наряженные книги писателей-приятелей, сочиненные для малых чад; а рядом – аршинные книжищи в картонных переплетах, на блескучей бумаге, какие о ту пору издать, что пуд золота накопать. А я тощую книжицу, перед помянутыми книгами стоящую гроши, четверть века не мог издать. С шапкой по миру бродил, кланялся, гнул спину, – не переломится, с души не убудет, – да так, не солоно хлебавши, и махнул рукой на «Косопята...». Брались иные доброхоты, мимолетно впадая в детство, но тут же взрослели и остывали к детской сказке.

Четверть века томился «Косопят...» в картонной папке, словно в сумрачном, тесном чулане, где пауки денно и нощно плетут паутину, где шебаршит хлебной коркой мышка-норушка. И когда я забыл про «Косопята...», случилось сказочное чудо...

Помню: храм Иерусалимский, за высокими сводчатыми окнами синеет вешнее небо, желтовато светятся древние лиственницы, и молятся Богу захожане, вроде меня, заросшего грехами, а с ними и оглашенные, и верные прихожане. Помню, воспел я двухвековой кладбищенский храм и погост Иерусалимский: «Не впервой я в сем храме на молебнах и богослужениях, но радостно дивлюсь во всякую обедню: под родительской опекой уйма ребятишек, словно в ясли либо детский сад угодил, либо выбрел на майскую поляну, где солнышками желтеют цветы-одуванчики, колышутся, словно кружатся в хороводе; и вспомнилось реченное Царем Небесным о чадах малых: «Аминь глаголю вам, аще не обратитеся и не будете яко дети, не внидете в Царство Небесное: иже бо смирится яко отроча сие, той есть болий во Царствии Небесном; и иже примет отроча таково во имя мое, Мене примет; и иже аще соблазнит единого малых сих, верующих в Мя, лучше есть ему, да повесится жернов осельский на вые его, и потонет в пучине морстей».[******]

Увы, отвлекаясь от богомолья, невольно поглядывал на счастливые семейные пары, увешанные чадами; зрел с душевной отрадой и светлой печалью – не сподобился семейно молиться в храме; зрел с надеждой: сии будут молиться за нас, грешных, и моления их, смалу боголюбивых, омытые слезной жалью, услышат Царь Небесный, Царица Небесная и все святые. Наслышан: четверо – ребята старосты Алексея Дорошенко; видел: светло улыбались богомольцы, глядя, как смело и умело причащалась его малая дочь, что еще под стол пешком ходила. А их, отроче младо, к причастию выстроилась вереница, у иных – лики иконные, словно у пастушка Варфоломея, грядущего преподобного Сергия Радонежского, коего дивно запечатлел Михаил Нестеров на божественном холсте. Ох, светили бы их лики вечно, не гасли на ветрах житейских...

Глядя на чадушек, что от горшка два вершка, забавно осеняющих себя крестным знамением, призабылся в наплывающих видениях и очнулся в Иерусалиме: Царь Небесный на жеребяте въезжал в святой град, евреи устилали путь покровами, бросали под копыта пальмовые ветви, а ребятишки восторженно голосили Христу: «Благословен грядый во имя Господне!.. осанна в вышних!..». Славословили Христа и взрослые, хотя, опаленные страстями, ликовали не ради спасения души и обретения Царствия Небесного, но с ожиданием от Сына Божия утробных благ и земного величия иудейскому царству. Не дождавшись, обозлившись, спустя четыре дня истошно вопили: «Да будет распят... Кровь Его на нас и на детях наших...».

После заутрени прихожане пили чай с постными пирожками – дар благодетельного купца; и за чаем разговорился я с Алексеем Дорошенко, что служил в храме старостой и алтарником, а в миру – купец первой гильдии, говоря на царский лад. После третьей чашки я осмелел, поведал Алексею о горемычной судьбе «Косопята...» и робко показал сказку в цветной распечатке. Повертел Алексей доморощенную, кустарную книжечку, полистал и говорит:

– Эх, отпечатать бы на бересте... Хотя можно и раскрасить под бересту... А что, брат Анатолий, издадим сказку...

Я обомлел от радости, а благодетель:

– ...тиражом эдак... в пять тысяч...

Я ошалел от сей блажи:

– Пять ты-ы-ысяч?!

Вспомнил я писателя-горюна, вообразил пачки книг на тесной кухне и ужаснулся:

– Куда такую уйму?!

– В детские приюты отвезем, – успокоил Алексей. – А потом и Рождество близко, ребятишкам подарим...

На радость мою накануне Рождества Христова в Иерусалимском приходе издали цветную книжицу «Косопят-борода до пят» и в Сочельник, уложив сказку в праздничные пакеты, после рождественской обедни вручили малым чадушкам.

[******] «Истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное; и так, кто умалится, как это дитя, тот и больше в Царстве Небесном; и кто примет одно такое дитя во имя Мое, тот Меня принимает; а кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его во глубине морской».

* * *

И пошел «Косопят...» бродить, колесить по белу свету, и я следом, но едва поспевал. Помню, завернул в заснеженный детский сад; читал сказку говорливым детишкам, коих усмиряла детсадовская няня:

– Косопят приде-от, а кто шалит, того забере-от и в лес унесе-от!..

Прочитал, утер пот со лба, интересуюсь:

– Вопросы есть?

Вижу, отроче младо трясет ручонкой. Ну, думаю, любознательный малый – будущий книгочей, а может – бери повыше – писатель, и дал слово малышу.

– А можно Вашу бороду потрогать?

– Бороду?! – оторопел я. Но, поразмыслив, согласился: чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало.

Согласился на свою шею, вернее, на свою бороду, ибо взметнулся лес ручонок: все вдруг возжелали потрогать мою бороду. Видимо, в детских головушках слился я со сказочным Косопятом, у коего борода седа до пят...

Не поспел я и глазом моргнуть, налетели озорные чада, мурашами забегали по мне, задергали бороду, зашиньгали, словно шерсть из кудели, примотанной к прялке. Оробел я, стал переживать: эдак и бороды лишишься...

Чудится, родился я в рубашке... и с бородою до пупа. Ибо сколь ни щурю глаз, не могу усмотреть далекие лета, когда по лености бросил бриться и дал волю бороде. Помню, летом гостил в прибайкальском селе; бродил в сосновом бору, что за околицей. Возвращаясь с корзиной рыжиков, вывернул из проулка в улицу и столкнулся с мамашей, что вела за ручонку малого. Парнишонка выпучил глаза и кажет чумазым пальчиком на меня, бородатого: «Дедя...», а деде лишь перевалило за тридцать...

О ту бородатую пору узрела свет моя книга повестей «Старый покос», и дальний знакомец, прищуристо оглядев бороду, странно усмехнулся: «Забавно, в писатели выбьются, и сразу – борода...». И мать моя, за семьдесят лет наглядевшись на гладко выбритых советских мужиков и стариков, ворчала: «Сбрей-ка ты, парень, бороду, а то вылитый дед Мазай. Куда торопишься?! Не торопись, еще походишь в стариках...».

А забородател я лет в тридцать не за идею, от лени-матушки, что поперед меня родилась; только позже возрос и до бородатой идеи[*******]. Но о ту гладковыбритую советскую пору даже бородатые мужи, не говоря уж про молодь, водились редко, а ежли молодой и с бородой, то бритые старики сварливо говаривали: «Однако, паря – геолог либо приискатель. Перекати поле, вроде шатунов ранешних... Рыщут, чо не теряли, в бане не моются, пню горелому молятся... Одно слово – в поле ветер, в заде дым...».

Но вернемся в детский сад... Когда озорники, жаждущие потеребить мою горемычную бороду, свились в клубок, воспитательница властно разметала кучу-малу, утихомирила вертлявых и горластых, и чадушки следом за няней гуськом пошлепали в столовую, пахнущую манной кашей и компотом. Когда и меня угощали, вспомнил я со вздохом – Господи, уже полвека миновало! – как Аленушка, старшая дочь моя, года два служила няней в детсаду, в той группе, где сестра Маша ума набиралась. И, может, Алена, разводя семейщину, давала Маше побольше каши, вот Маша и росла крепышом.

Вспомнилось и свое деревенское малолетство... Мать, Царствие Небесное, в детсад меня не пихала: то ли платить было нечем, то ли озорной и вороватый рос, и мать боялась осрамиться. А посему я, обдирая лохмотья с обгорелого носа, поддергивая семейные трусы на лямке (штанов по лету не полагалось), глазел в заборные щели на детсадовских сверстников, что качались на качелях и кружились на цветастых каруселях. С лютой завистью зарился и ворчал, слыша тоскливое урчание в пустом брюхе: «Чо им не качаться, налопались манной каши, напились компота...».

А лет через пять старшая сестра Валя, окончивши педучилище, пришла воспитателем в вожделенный детский сад. И я, отроком целивший в художники, акварелью и гуашью малевал сестрицу Аленушку и братца Иванушку, Ивана-царевича, взнуздавшего серого волка и в обнимку с царевной

[*******] В Русское Средневековье православного без бороды батюшка не благословлял, а помрет – прямая дорога в ад. «Бог создал человека бородатым: только коты и псы не имеют ее», – говорил патриарх Адриан. Русские полагали: бритье бороды и усов ведет к содомии, ибо лицо мужика становилось круглым и гладким – бабьим... Митрополит Даниил в двенадцатом поучении сурово осуждает женоподобных парней и мужиков: «...женам позавидев, мужское свое лице на женское претворяеши...» Пострижение бороды, усов в допетровскую эпоху считалось тяжким грехом, уподоблялось мужеложству и прелюбодейству, наказывалось отлучением от церкви. Человек создан по подобию Божию и, следовательно, грешно искажать божественный облик. Противники петровского брадобрейства утверждали: «...людей, кто бороды бреет, не велено в земле погребать», а следует «яко же пса кинуть в ров». Посему многие, проклиная Петра, испорченного европами, сохраняли свои насильно отрезанные бороды и завещали положить после их смерти в гроб, чтобы предъявить на том свете.

скачущего выше леса дремучего, а потом – Кокованю и девчонку Даренку из бажовского сказа «Серебряное копытце»; и за рисунки сестра приносила мне из кухни чашу манной каши и кувшин компота.

Сестра Валя, выйдя замуж, поначалу жила с мужем в родительском доме. Потом родила девчушку, зятя забрали в армию; и, коль мать с отцом жили на таежной заимке, где ухаживали за крупнорогатым совхозным скотом, то Вале пришлось доглядывать за мной и сестрой Анной. Помню, по осени пошел во второй класс, и Валя вела меня в школу за ухо, словно телка на поводке: добрых обуток нету, а в ичижонках из сыромятной кожи я отказался идти. Вот и пришлось сестре меня за ухо вести...

Но то листочки, ягодки вызрели позже... Валя с полуторагодовалой дочуркой поутру ушла в детский сад, а я в серванте надыбал гематоген, на вид и вкус напоминающий конфеты, прозванные ирисками. Решил попробовать, и так напробовался, что к вечеру весь гематоген умял. Да и забыл об этом, заигравшись с дружком возле калитки. А когда сестра, махая кочергой, словно саблей, вылетела за ворота с бранью, я рванул наутек. Помню, Валя с криком гналась за мной до перекрестка, а там запыхалась. Да и напрасно бежала: сроду ей было меня не догнать, поскольку я от страха не бежал, а летел ветром.

Деревенское детство мое и отрочество, словно голубовато-сизый туман на утренней заре, истаяло в памяти. А если из пучины лет силком извлекал детские, отроческие годы, то они походили на полевые цветы, сплющенные, засушенные в школьной хрестоматии, и уже мало волновали осеннюю душу.

Вот и детство дочерей уже виделось смутно, бегущими по небу и тающими облаками, кои не сливались в тучу, дабы пролиться сквозь солнце слепым, грибным дождем.

* * *

Пока я поминал свои деревенские детские годы, ребятишки, похлебав киселя, гомонящей стаей полетели на заснеженный двор; и я, отведав манной каши, побрел следом. «Ну, – думаю, – умеете бороду драть, умейте и свою подставлять...». Подумал я эдак, и карапуз, что возжелал потрогать мою бороду, вообразился бородатым, со старческими, круглыми очечками, жалобно висящими на переносице...

В голубоватом, заснеженном саду, запрягшись в легонькие санки, я катал детишек, и в отместку за бороду взбрыкивал с лошажьим ржанием, круто поворачивал, сваливая в снег веселых седоков. Увы, вышло, не отомстил, а ублажил: вынырнув из снежных суметов, огольцы с радостными воплями снова лезли в санки. Ух, и упарился же я, и воскликнул: «Эй, Косопят, борода седа до пят! Угомони-ко малых ребят!» Притихли чадушки, задумались, а я откланялся: «Храни вас Боже, отроче младо!..».

Давненько родился на белый свет «Косопят-борода до пят» – рождение сказки заросло бурым и сизым мхом да брусничником, словно таежная валежина, – и по ветхой памяти забыл я, где в судьбе сказки быль, где небылица про синегривую кобылицу, и ежели что приукрасил, не обессудьте: сочинитель же.

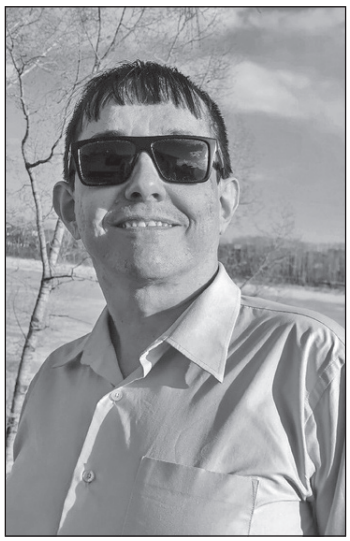
* * *

В бешеные девяностые читал о христопродавцах, полонивших землю русскую, вспоминал дочерей и размышлял в записной книжке: «Тяжко Алене с Машей, добрым и наивным, в утробном мире, что кишмя кишит мошенниками. Тоска щемит душу... Ладно, я пожил при народной власти, когда сельские батраки, деготные мужики от сохи и бороны, фабрично-заводские работяги выбивались в кремлевские вельможи, в мировые светила искусства и науки. Вот и я, седьмое чадо пастуха и скотника, аж в писатели угодил. Пожил, вкусил радостей земных, нагрешил с три короба, прости, Господи, раба Божия, но и нечто доброе сотворил; и братья, сестры во Христе, дочери помолятся о душе моей грешной, свечку запалят у Христова Распятья. А вот как жить сынам и дочерям, коль русским миром нежить правит, кои глазом не моргнут – с потрохами несчастный народишко продадут?! Как жить внукам и правнукам, когда антихрист воцарится?! Сгинуть в муках или выживать на побегушках у князя смерти?..

Даже прошаки на церковной паперти не унывают, на Бога уповают: мол, не зальем землю слезами, не утешим супостата печалью. Когда чудилось: жизнь – помирай ложись, подходил я к убогому калеке, сшибающему копейки на церковной паперти, думал о его житейском лихе, и своя жизнь казалась не жизнь, а малина. И не унывает же, радуется синему небушку, ласковому солнышку, доброму погляду, милостыне...»

Однажды, тяжко занедужив, написал я дочерям из больницы: «Дщери мои, ежли одолеет грешное уныние: мол, житуха убогая, перебиваемся с хлеба на квас, гляньте на бродягу, спящего на лавочке, и жизнь ваша покажется вам счастливой, и возблагодарите Христа Бога за дарованное счастье. Обо мне не печальтесь – здоров, как бык; а вот стану, как доходяга с церковной паперти, тогда пособляйте. На том и кланяюсь с пожеланием любви к Вышнему, ближнему, благочестия, терпения, смирения и спасения. Ваш отец».

Лето, осень 2014, осень 2017, зима 2021,
осень 2022 года



Андрей АКСЁНОВ

Я УВИДЕЛ ВСЁ СЛУЧАЙНО

* * *

Я был рожден в стране Советов,
Пусть там и жил всего лет шесть
И плохо помню время это,
Но все ж воспоминанья есть.

В архивах памяти хранится,
Как по Томи сплавляли лес,
Как я любил в воде резвиться,
Казалось все страной чудес.

И помню: катера ходили,
Их называли все «Заря»,
От них большие волны были,
Что с ног могли свалить меня.

Как я мечтал стать пионером,
Ведь в пионерах брат с сестрой,
Хотелось тоже быть примером,
Чтоб все могли гордиться мной.

Я плохо помню время это,
В Союзе жил всего лет шесть,
Но все же горд – в стране Советов,
Родиться выпала мне честь!

* * *

Тихо сгорбилась старая верба
Над рекою, на самом яру,
Стала гнуться, скрипеть на ветру,
Потемнело осеннее небо.

По ночам с каждым днем холоднее,
Сквозь надутые щеки злых туч
Пробивается солнечный луч,
Но становится он все слабее.

Проторенной небесной дорогой
Полетели на юг косяки,
А по глади холодной реки,
Лист плывет золотою пирогой.

ЗИМНЯЯ НОЧЬ

За рекою в белой дымке
Многоглазый город спит,
А береза, как в косынке
Дева юная, стоит.

Над березой мириады
Ярких и неярких звезд,
Чутко дремлет у ограды
В старой будке строгий пес.

АКСЁНОВ Андрей Николаевич *родился в Кемерове 27 июля 1985 года. В 8 лет потерял зрение из-за опухоли головного мозга. В 1995 году начал писать стихи. Окончил школу для слепых и слабовидящих детей в Кемерове. Публиковался в журнале «Огни Кузбасса», в сборниках «Небо на ладони» и «Кемерово – город поэтов». Автор двух сборников стихов. Посещал литературную студию «Притомье». Участвует в работе поэтического клуба «Озарение». Награжден медалью Кемеровской области «За веру и добро». Живет в Кемерове.*

Всюду тихо. Громко очень
Под ногами снег хрустит,
За рекою в зимней ночи,
Многоглазый город спит.

ДВЕ ПАРАЛЛЕЛИ

Мы с тобой две параллели,
Две планеты, две стены,
Все же встретиться сумели
И теперь мы сплетены.
Все нарушив аксиомы,
Вновь не станем далеки.
Счастлив я, что мы знакомы
Всем законам вопреки.

* * *

Разбуди меня к зиме,
Когда ляжет снег повсюду,
Я тебя ругать не буду,
Только ты прижмись ко мне.

Разбуди, когда ветра
Будут выть, как псы цепные,
Станут все дома седые,
Реки же из серебра.

Разбуди меня к зиме,
А иначе невозможно,
Просто стало жить тревожно,
А спокойно лишь во сне.
Разбуди, когда в стране
Будет мир царить, веселье,
Это будет, без сомненья,
Разбуди меня к зиме.

КРЕСТНЫЙ ХОД

Я увидел крестный ход –
Шел священник в рясе длинной,
За собой он вел народ
По пустой дороге пыльной.

Шли с молитвой на устах
Позади, оставив беды,
С крепкой верою в сердцах
Бабы шли, мужи и деды.

Вел священник их давно,
Люди шли, расправив плечи,
Прожигая полотно
Темной мглы, сияли свечи.

До мурашек по спине
Все торжественно-печально,
Звезды плыли в вышине...
Я увидел все случайно.

КУЗНЕЧИК

Оглохла ночь от стрекотанья,
– Чему ты радуешься, друг?
Зовешь, быть может, на свиданье
Своих застенчивых подруг?

Тебя, наверно, слышат звезды,
Кругом такая тишина,
Все в мире спит. Ведь очень поздно,
Тебе ж, кузнечик не до сна.

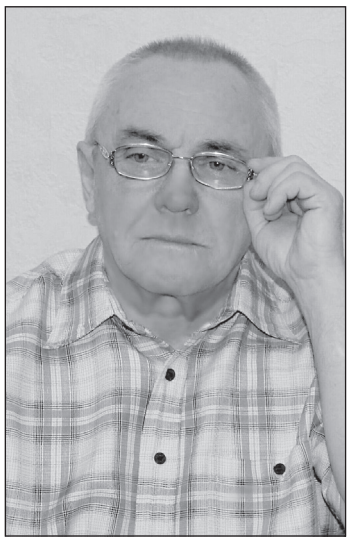
Выводишь радостные трели
До первых солнечных лучей.
Сел август тихо на качели,
Мирясь с бессонницей своей.

Оглохла ночь от стрекотанья,
Ни огонька, лишь тишь вокруг
Да звезд далекое мерцанье.
– Чему ты радуешься, друг?

МНЕ ПРИСНИЛСЯ НОЧЬЮ МАЙ

Мне приснился ночью май,
В легкой зелени природа,
Возвращенье птичьих стай,
Детский смех за огородом.

И черемух белый цвет
Я во сне увидел тоже.
Только жаль, что в май билет
Наяву мы взять не можем.



Сергей ЧЕРНОПЯТОВ

КАК МЫ ПАДАЛИ С ПАРОВОЗА

Рассказы

КОЛЯ-КАТЯ

Сжать твою, мой ангел, руку
Я спешу в последний раз...
Александр Пушкин

Первый, кто увел у меня в юности девушку, был человек неопределенного пола.

Это случилось теплым июньским вечером в третьей четверти прошлого века. Они уходили с агитплощадки полуобнявшись, и я никак не мог осознать, что моя верная подруга, с которой у нас было столько всего... уже не моя. И эта метаморфоза произошла буквально за полчаса. Ведь еще тридцать минут назад мы возвращались из кинотеатра, по дороге хохоча, повторяли реплики героев из любимого фильма «Бриллиантовая рука», под музыку из которого у стенки, на самом последнем ряду, так сладко было целоваться. «Помоги мне, сердце гибнет!» – мычали мы друг другу, иногда отрывая наши губы. Это счастье мы испытывали полчаса назад, пока не пришли на агитплощадку, где находился Он.

Агитплощадка – это сколоченная из досок сцена, перед которой располагались рядами деревянные лавочки, раскрашенные на скорую руку. В частном секторе этот очаг политкультуры должен был раскрашивать нашу серую полудеревенскую жизнь. И, возможно, первое время кто-то из лекторов действительно заглядывал в наше захолустье, чтобы скучным голосом прочитать очередной опус в духе «Есть ли жизнь на Марсе?» Но я таких лекторов не встречал. А встречал я на этих, таких уютных скамейках соседских друзей и подруг. Особенно подруг – двойняшек Таню и Тамару, наших заводил еще с горшка, когда еще не было ни сцены, ни лавочек.

Сестренки вытаскивали из своего двора стулья, табуретки, ящики, рассаживали нас, дошколят, предварительно проверив у каждого «билетик» с циферкой, оторвав кончики бумажек со словом «Контроль». Двойняшки вели свой бесконечный концерт, начиная с чтения стихов и продолжая пением песенок, танцами народов мира, демонстрацией фокусов...

На улице стоял теплый, ласковый июнь, и хотя звездочки на небе только-только начинали включаться, а необыкновенный концерт находился в самом разгаре, из соседних дворов уже разносились голоса наших мам:

– Сережа-а, домой! Толя-а!.. Саша-а!.. Нина-а!.. Домой!

Но занавес не опускался, и сестренки выводили звонкими голосами:

Рисует узоры мороз на оконном стекле.
Но нашим девчонкам сидеть не по нраву в тепле.
Девчонки, девчонки несутся по снежным горам.
Девчонки, девчонки, ну как не завидовать вам!

ЧЕРНОПЯТОВ Сергей Васильевич *родился в 1956 году в Кемерове. Работал аппаратчиком на ПО «Азот», пожарным. Посещает литературную студию «Притомье». Автор девяти книг. Публиковался в журнале «Огни Кузбасса». Член Союза писателей России. Живет в Кемерове.*

И никто из зрителей, присутствовавших на этом концерте, не замечал, что текст любимой песни Таня и Тома зачем-то переделали, что вместо «девчонки, девчонки» нужно петь «мальчишки, мальчишки несутся по снежным горам». И я изо всех сил старался пересилить свою стеснительность и крикнуть певицам: «Неправильно поете! Надо – мальчишки, мальчишки!»

Мне была до слез обидна эта неправда, но когда в очередной раз через дорогу слышалось мамино «Сережа-а!», я, пробравшись сквозь ряды стульев, уже бежал на другую сторону улицы. А ласковый ветерок уже стирал с моих щек остатки горьких слезинок. Ох уж эти мои первые горькие слезы! Первые обиды. Это было настоящее детство!

Итак, Он. А он ли? На первый взгляд, пришелец выглядел таким же 17-летним пацаном, как и мы, аборигены, если бы не его американские джинсы, которые явно диссонировали с нашими, пошитыми на прокопьевской фабрике. На тенниске незваного гостя что-то кричали латинские буквы, а сам он вытягивал под гитару сладким тоненьким голоском:

У беды глаза зеленые...

В поле ласковое выйду я
И заплачу над собой.
Кто же боль такую выдумал
И за что мне эта боль?!

И не только девочки, но и парни, словно магнитом, были притянуты этим варягом. Мы невольно подбирались поближе, чтобы разглядеть это инопланетное существо, которое называли то Колей, то... Катей.

– Ну что, мальчики, читаем? – неожиданно спросил гость, отложив гитару в сторону.

И не успели мы ответить, как он стал сыпать незнакомыми именами:

– Тумас Транстремер... Уолт Уитмен... Уинстон Оджен... Пруст... Джойс... Ну, на худой конец Сэлинджера «Над пропастью во ржи» вы должны были прочитать?

Никого из названных авторов мы не знали.

– Как вы тут живете, в этом болоте?! – воскликал пришелец, состроив гримасу и оглядываясь по сторонам.

– А ты где живешь? – спросил я, и он, улыбнувшись, ответил:

– Я – в городе, на левом берегу, в самом центре. Сюда заглянул в поисках друга. Вообще-то собираюсь в Москву или Ленинград, оттуда легче за бугор свалить.

И тут же, вспомнив о гитаре, провел рукой по струнам.

– Ну, что вам еще изобразить? Разве что «Мишель» Поля Маккартни...

И в тишине июньского вечера по улице вновь понесся его тоненький, гладящий нервы и возбуждающий что-то ниже пояса голосок, от которого у наших подружек глаза засияли ярче звезд, загорающихся в небе.

Сладкоголосый Коля или Катя поражал нас. Поначалу он затмил собой наши чувства к девчонкам. Но спустя немного времени после прихода Коли-Кати я испытал мучительное состояние жгучей ревности. Она выжгла у меня все внутри. О, эти девичьи взгляды на объект восторга!

Да, благодаря гитаре я имел успех у девочек, которых не любил, но это было уже после армии, где я и научился играть на модной шестиструнке. А тот летний печальный вечер вспоминался на другой день, как кошмарный сон, потому что, только звезды стали зажигаться над нашей агитплощадкой, моя легкомысленная подружка в своем коротеньком цветастом сарафанчике как ни в чем не бывало, без тени вины на лице, подошла ко мне, сидящему на лавочке, и обвила мою шею ласковыми руками. И я вмиг позабыл то, что случилось вчера.

Самым радостным для меня оказалось то, что разлучник наш на этот раз не пришел (или не пришла). Даже имени этого демона никто вокруг не упоминал, словно случившееся вчера было просто диковинным сном. По молчаливому уговору никто не касался досадного случая.

Мы с моей девушкой продолжали дружить. Ездили в старую филармонию – то на «Греческую эстраду», то на Аллу Пугачеву доарлекинского периода, певшую в народном духе: «Хорошо-то хорошо-о-о, да ничего хорошего». А в нашем районном ДК часто выступали гипнотизеры и вытворяли что хотели с несчастными зрителями:

– Зажмите пальцы в замок. На счет «три» попробуйте разомкнуть. У кого не получается, выходите на сцену, мы вам поможем в вашем несчастье.

Тот, кто поддавался гипнозу, силился оторвать одну ладонь от другой и служил марионеткой для манипулятора. Чего только не вытворял над ним заезжий гастролер! Моя подружка сидела рядом и хохотала до слез, звонко и заразительно. Я тоже смеялся...

Что-то все равно изменилось в наших отношениях. Мы почему-то перестали ходить на кинокомедии. Ближе к осени она уехала в Новосибирск и поступила в институт. А я начал учиться в училище на электрослесаря и ездил на левый берег. Я стал почти городским: записался в областную библиотеку, в которой взял повесть Сэлинджера «Над пропастью во ржи» ...

А когда я увлекся Пушкиным и начал жадно читать воспоминания о нем и работы пушкинистов, то понял ревность поэта к Дантесу, представлявшему собой тоже нечто двуполое, как и пришелец в моей юности. По-моему, такие отклоненные от нормы существа по самой своей природе имеют свойство поселяться в женских сердцах – надеюсь, не во всех. Что касается Дантеса, то общеизвестно, что для барона Геккерена он был не Жоржем, а Жозефиной...

Когда Дантес появлялся на балу, дамы начинали чувствовать дьявольское притяжение к нему, как ни к кому другому из мужчин. И можно ли винить Наталью Николаевну Пушкину в том, что и она потеряла голову?

ОХОТНИК ЗА УДИВЛЕННЫМИ ВЗГЛЯДАМИ

Самолет набрал высоту и, с облегчением вздохнув, заработал в своем привычном режиме. Облегченно вздохнула и жена, и этим самым вздохом развязала ему руки, которые поглаживали подарок для нее уже вторые сутки.

Их маленькая дочка мирно посапывала курносым носиком, отвернувшись от круглого оконца, успевшего надоесть видом скучных кучевых облаков, плывших внизу. Он понял, что настал момент, будто специально созданный для подношения подарка.

Бусы, которые он купил в приморском магазинчике, ничем особенно не отличались, и, будь он один, то, наверное, прошел бы мимо, даже не взглянув на эту нитку со стекляшками. Но рядом с ним шла жена, и в каждой бусинке отразился ее восхищенный взгляд, который тут же потух, потому что стоили бусы немало, а на оставшиеся деньги еще нужно было купить обнову для дочки.

Мгновение, и жена, увлекаемая толпой, уже стояла у другого прилавка, что-то с интересом рассматривая. Он же, напротив, даже не сдвинулся с места. Бумажные деньги, которые, случалось, выпирали из его карманов, всегда мешали ему жить. Но на этот раз их сохранилось ровно столько, сколько стоили эти бусы.

Спрятав украдкой покупку в карман, он стал отыскивать в толпе зеленое пальто жены. По дороге назад они больше молчали. Каждый был погружен в свои мысли. А мысли их сильно разнились. Был день отъезда. Она думала о том, как упаковать в чемоданы вещи, которые почему-то всегда в них не входят, во что одеть дочку и мужа. И что надеть самой? И приедет ли вовремя машина, чтобы увезти их в аэропорт? И будет ли летная погода?

А он думал о том, когда удобнее подарить ей то, что лежало теперь у него в кармане. Иной раз при ходьбе ему чудилось, что камушки издавали чуть слышимый звук, и тогда он рукой придерживал их, озираясь по сторонам.

Когда упаковывали чемоданы, он делал это чисто машинально. Иногда ловил в зеркале отражение своей блаженной улыбки и спешно надевал на лицо маску невозмутимости. «Нет, пока еще не время для подарка».

Потом была дорога в аэропорт. И опять он чувствовал, что не подоспело еще то желанное время. «Ну когда же, когда?»

Наконец-то поднялись в воздух. А он все выжидал, боясь не уловить миг. Ведь он, охотник за удивленными взглядами, никак не мог бы удовлетвориться простым вручением подарка. Ему непременно требовалась почва для этого. И та самая благоприятная почва подвернулась здесь, на десятикилометровой высоте! В этакой невесомости... Жена, как и дочурка, безмятежно спала.

Он переключился на вопрос самому себе: все ли она купила во время поездки, что хотела? И выходило, что, увы, далеко не все. И это «не все» в его кармане сейчас не лежало. Каким же нелепым и жалким он показался вдруг себе самому со своими стекляшками-камушками, жалобно звякнувшими в кармане его поношенных брюк...

Но вот оно – чудо! Жена, очнувшись ото сна, почему-то сказала ему, как, должно быть, неплохо смотрелись бы на ней бусы, которые она видела недавно в магазинчике... И он, как ловкий фокусник, делает одной рукой отвлекающий жест в сторону иллюминатора, а другая рука надевает подарок на красивую шейку.

Очень аккуратно и почти незаметно. Он интригующе щелкает пальцами. Она опускает глаза, удивленно смотрит на бусы, переводит взгляд на него. Так смотрят на волшебников или на тех, в кого влюблены. Взгляд этот длится всего мгнове-

ние. Но не ради ли такого мгновения и стоит жить?!

С сознанием удачно выполненного дела он блаженно откидывается на спинку кресла и, закрыв глаза, проваливается в сон под мерный гул летящего самолета.

Девяностые годы прошлого столетия...

ТВОРЧЕСКИЙ ОТЧЕТ

Ты что, с паровоза упал?
(учитель математики Михал Саныч – ученику, не способному решить уравнение)

Именно это событие положило конец моим «падениям с паровоза». А получилось все так. Наш выпускной класс должен был отчитаться. И притом не абы как, а творчески. Уж что-что, а творить мы умели: артистов в классе собралось множество. И для отчета была выбрана близкая нам военная тема – мы все на ней выросли.

Нанятый для этой цели баянист мужественно не пил до самой генеральной репетиции. Но именно на генеральную он и не явился...

Припоминаю, еще в пятом классе случился такой эпизод. Однажды прямо на уроке мой одноклассник Коля Логинов эффектно так взял баян у учителя пения и заиграл лучше него. И я учился играть на баяне у друга Кольки, хотя и понимал, что так же, как у него, у меня не получится.

И вот прямо перед концертом пришлось нам сменить отрепетированную тональность: уже под мой аккомпанемент класс поет, пляшет, танцует. Гимнастерки на парнях сидят, как влитые. Медали, ордена позвякивают на груди так, что аж сердце заходится от щемящей радости и волнения. В образы входим!

И уже «бьется в тесной печурке огонь», и «темная ночь». И разудалые пляски возле костра, и тоска по Родине, и провожающая девушка – в «синем платочке», и «Катюша», выходящая на берег крутой... И уже поневоле начинаешь верить, будто ты сам прошел теми самыми дорогами, где «пыль да туман, да степной бурьян». И «куда теперь идти солдату, кому нести печаль свою?»

А идти теперь «солдату» пришлось в школьный спортзал. И именно туда понес свою радость, а не печаль наш 10-й «Д» класс. И бутылка «горькой» нас там ждала. И в тот вечер она везде так гармонично выглядела: и между брусьями, и под баскетбольной корзиной, и на матах, особенно на матах. Теплая, правда, была. И закуски тоже мало. Но кого это волновало? Короче, мы «отстрелялись», и отстрелялись, надо сказать, весьма неплохо!

А наутро была математика. И тогда я впервые не «упал с паровоза». Впервые за два года я получил по математике четверку. Конечно же, я понимал, что эта моя хорошая оценка была не за синус с косинусом или тангенс с котангенсом, а именно за «Темную ночь» мне и накинул лишний балл наш фронтовик Михал Саныч. Именно за «Землянку» он в тот раз «не уронил меня с паровоза», как бывало обычно. И за «Эх, дороги...» не постучал он костяшками своих пальцев о стол, намекая на мою математическую тупость...

Вот с этого-то самого урока я и решил взяться всерьез за математику.

Правда, прежние частые «падения с паровоза» порядком давали знать о себе. А до настоящего выпускного экзамена оставался всего один месяц...

ОДНО МГНОВЕНИЕ ИЮНЯ

Галине Карагод –
учителю, поэту, кулинару

Тополиный пух, лениво кружась, мягко опускался на площадь Пушкина. Он ложился на самого бронзового Поэта, на головы чтецов, которые, как всегда в этот чудесный июньский день, окружив Александра Сергеевича, делились друг с другом стихами – и своими, и нетленными строками именинника.

На этом празднике Она сидела на лавочке – с палочкой рядом и с сумкой, из которой вырывался аромат ее замечательных пирожков. Улыбаясь, Она наблюдала, как ее друзья по «Притомью» один за другим выходили к «свободному микрофону». Собраться с силами и примкнуть к собратьям по перу – дело недолгое. Но она приберегала эти силы на дорогу в Дом литераторов, чтобы там любимцы муз смогли отведать припасенное ею лакомство. А для этого нужно было встать задолго до конца выступлений и преодолеть длинный для нее путь по Советскому проспекту.

Я, разрываясь между тем, чтобы еще остаться и послушать стихи гостей, и тем, чтобы догнать нашу кормилицу, принял решение: поспешить и предложить Ей свою помощь. Ассоциации, как всегда, своей назойливостью доставали меня. Почему-то неожиданно мне припомнился Штирлиц, переправлявший пастора Шлага через грани-

цу. И уже во мне внутренне зазвучал закадровый голос Копеляна: «И тут только он подумал: а ведь пастор совсем не умеет ходить на лыжах. Ну, ничего, дойдет, тут недалеко...»

Я себя не успокаивал, догоняя свою старшую подругу и забирая у нее из рук еще теплый пакет.

– Ты знаешь, а я все-таки съезжу в Париж! – произнесла Галина Васильевна, с облегчением вздохнув. – Французский вот изучаю, – улыбнувшись, добавила она, озорно глянув на меня, словно ожидая увидеть в моих глазах сомнение.

Только его, сомнения, не было и в помине. Я уже тоже испытывал азарт. Я сам уже загорелся этой идеей. И уже думал о том, как управлюсь с огородом, как за год скоплю нужную сумму и увижу этот великий город. Увидеть Париж и умереть? Нет, я не умру. А останусь жить, потому что об этой поездке нужно будет рассказать всем обделенным, которые не увидели Елисейских полей, Монмартра, Эйфелевой башни, не посетили Лувр...

Опираясь на палочку, моя собеседница продолжала делиться планами, и мне нестерпимо хотелось, чтобы они непременно осуществились.

И вновь ассоциации. Штирлиц с пастором едут в машине. А из радиоприемника несется голос непревзойденной Эдип Пиаф: «Падам, падам, падам...»

СВЕТ В ОКНЕ

«В целом форум писателей Кузбасса обнажил ряд насущных проблем литературного сообщества Кемеровской области и наметил пути их решения»

(«Огни Кузбасса» № 4–2015, «Литературная хроника»)

Женщины за моей спиной оживленно обсуждали длину волос и бороды у Дмитрия, сидевшего в президиуме. Известное с революционных лет выражение: «Каждая кухарка должна уметь управлять государством» стало вдруг необычайно понятным, ощутимым, как доносившееся до моего слуха жаркое, неравнодушное дыхание.

Рядом с писательницами время от времени ворчал угрюмого вида недовольный мужчина, вставляющий в диалог двух дам свои ядовитые реплики, совершенно далекие от темы разговора, на что немедленно получал строгие замечания: «Сейчас же прекрати, нужно быть хоть чуточку добрее к людям». Угрюмый на время замолкал.

Выглядело все это как-то по-семейному, по-домашнему. Мне подумалось: «Люди из одной студии, но не из нашего города».

И как же стало радостно и светло от того, что я и Лена, сидевшая рядом со мною, не переходили на личности, а разговаривали сугубо о стихах, пусть и несовершенных. И до чего же выгодно мы отличались от приезжих. Волну недовольства уравновешивала моя соратница по перу. Она оказалась для меня светом в окне, который согревал справа. Впрочем, слева было само окно, которое освещало не только нас с Еленой, но и симпатичную пару впереди, Его и Ее, для которых, казалось, никого и не существовало вокруг. И этот форум проводился только для них двоих...

ЕСТЬ ЖЕНЩИНЫ В РУССКИХ МЕГАПОЛИСАХ

Я впервые не смог написать стихотворение. Хотя тема просто замечательная: Бузова во МХАТе.

Мне все время казалось, что откуда-то с небес летит: «Не верю!» Я знал, что это Станиславский, и кричит он не мне, а новоиспеченной актрисе, но произведение мое куражилось, не желая вливаться ни в одну форму.

Ну что ж, думаю, вот наконец время пришло впервые расписаться в собственном бессилии. Боязнь подпасть под обаяние этой очаровательной женщины оттолкнула мою музу. Да, камнем преткновения стала, как ни странно, героиня – Ольга Бузова. Про которую однажды Татьяна Анатольевна Тарасова воскликнула на «Ледниковом периоде»: «Как она тянет ножку!..»

Это фантастическое трудолюбие звезды заставило восхититься великого тренера. А Бузова шла к такой похвале без малого 17 лет – столько длится поистине эпохальный проект «Дом-2», на котором выросло целое поколение юношей и девушек в нашей стране.

Каждое новое столетие начинается с новой модой. И нынешний век не исключение, на всей Руси царствует мода на дилетантов. А Бузова как самая яркая представительница воинствующего дилетантизма владеет умами и сердцами молодых.

Но я-то старый! И чего мне бояться, привитому не только антиковидной вакциной, но и культурой Золотого и Серебряного веков? А тьма юнцов фанатеет, сливаясь в экстазе с музыкой и поэзией звезды, рукоплещет диве, встающей на коньки в

«Ледниковом периоде», покупает втридорога билеты во МХАТ.

Далее. Она должна пусть не писать, но хотя бы рисовать картины, устраивать выставки, и эти произведения искусства, несомненно, будут раскупаться.

На днях Бузова не полетела в космос! И это стало для нее настоящим ударом. Представляется, с какими рыданиями она по ночам обливала слезами подушку, колотя кулачком по соленой наволочке: «Ну почему, почему эта Пересильд сейчас на орбите, а не я?! Ведь ее провожали в полет только редкие коллеги по актерскому цеху и столько же будут ожидать на Земле. Она не Бузова! Вижу, как бы меня встречали поклонники по всей стране, от Калининграда до Владивостока. Терешкова отдыхает!»

Однажды Оля озвучила свою сокровенную мечту. Казалось бы, что еще ей надо для полного счастья? Нужно, чтобы ее знал Путин! Чего проще – президент узнает конкурентку, если Ольга пойдет по стопам своей соратницы по «Дому-2». И пройдет она наверняка намного дальше Ксении Анатольевны, которая не сочиняет для песен ни стихов, ни музыки, как Бузова, не поет, как Бузова, не катается на коньках, как Бузова, не играет во МХАТе, как Бузова. И не хочет в космос, как Бузова.

О Бузовой можно еще долго говорить, но лучше она сама за себя скажет своим творчеством в эпоху торжества самодеятельного искусства.

О ЧЕМ Я ЕЙ НЕ РАССКАЗАЛ

За три минуты нашего знакомства я умудрился ее обидеть. Так быстро у меня не получалось даже с мужиками. Нужен все-таки повод, элементарная мотивация, а она при наличии немереного таланта всегда отыщется. В моем случае и искать-то, собственно, ничего не надо было, просто назвать свое имя – Сережа, и в глазах женщины замелькала ее далекая юность, до краев наполненная невыносимо-сладостной болью. Знающие люди говорят, что такая ускоренная кинохроника происходит перед смертью, но смерти, слава Богу, не случилось, потому что еще стоило жить, требовалась новая доза для страданий.

Мы праздновали юбилей нашего Учителя, и моя соседка по столу спросила меня:

– А как зовут жену юбиляра? Верой?

И я только было стал отвечать, как она, не дослушав, ускользнула, уже поздравляя мастера и «Веру». Когда соседка возвратилась, мне казалось, что вся моя спина пропитана укоризною ее взгляда.

– Зачем же так обманывать?! – бросила она, шурша пакетом и собираясь покидать праздник. Слова «до свидания» не прозвучало, зато удар маленьким кулачком между лопаток дал мне понять, что она получила от меня все, что хотела.

Дама надевала пальто, а я стоял перед проблемой – оставаться ли за праздничным столом, уставленным экзотическими закусками, которые мне, человеку из провинции, редко доводилось пробовать. Уходить ли от бутылок самых причудливых форм, в которых жидкость золотистого цвета проглядывала сквозь живописные этикетки? Остаться ли мне со всем этим великолепием, где в зале звучала чарующая музыка, гремели тосты для мэтра от талантливых гостей в поэзии и прозе? Или, тяжко вздохнув, ринуться вослед, броситься в погоню за обиженной? Подняться ль по крутым ступеням из такого уютного подвальчика и, обращаясь к рассерженной женщине, произнести несколько искренних, добрых слов о романе, прочтенном мною намедни, в ответ получив сначала удивленный взгляд, затем благодарную улыбку, растворившись в которой, я мгновенно бы забыл брошенный впопыхах ломившийся под тяжестью деликатесов стол?

Разучившийся гулять со спутницами, я б сбивался то на широкий, то на узкий шаг. Я бы излагал своей очаровательной собеседнице, что меня покорило в ее произведении. Женская проза – это жанр, который редко жалуют мужчины из-за излишней чувственности. Преувеличенные эмоциональные всхлипы, в минуту меняющееся настроение – все это мешает погружаться в роман, повесть, рассказ. Но больше всего раздражает, когда персонаж мужского рода произносит реплики с женской интонацией. Слабый пол-то ладно, это естественно, когда дама истерит, но когда слабонервное излияние исходит от внешне брутального типа, становится не по себе. Появляется досада и вырывается реплика: «Ну неужели мы так разговариваем? Совсем как гомики или трансвеститы!»

Обо всем этом я бы вел беседу с замечательной дамой-прозаиком, в романе которой женщины разговаривали как женщины, а мужчины как мужчины. Я бы сравнил мою спутницу, замедлившую шаг, с графиней Ростопчиной, которая, конечно же, уступала ей в творчестве.

Пушкин горячо спорил с Вяземским, приводя в доказательство другу отрывки из романа графи-

ни, где обезображенный ранами на лице боевой полковник разражается монологом – предложением с деепричастными оборотами в целую страницу. Несчастные слушатели в салоне писательницы не могли раньше времени оборвать чтение пьесы и покинуть гостеприимную хозяйку, так как выход из комнаты охраняли два страшных бульдога. Только хитрый Гоголь обычно останавливался за порогом и мог откланяться в любое время.

Вспоминая классиков, я бы сравнивал творения знаменитых литераторов с творчеством моей спутницы не всегда в пользу первых. Заведя разговор об Ирине Одоевцевой, я бы сам удивился, насколько они похожи – идущая рядом со мной и та, из Серебряного века, тоже страдавшая от мужского эгоизма и с таким же терпением несущая свой крест.

И, возможно, моя спутница вдруг остановилась бы, пристально посмотрела на меня и спросила:

– Кто вы? Лев Толстой? Только он умел так глубоко заглядывать в женскую душу.

Я бы загадочно улыбнулся, давая ей понять, что она недалека от истины. И ответил бы, что умею читать книги, весь погружаясь в сюжет, поэтому каждое произведение для меня кинематографично. До сих пор перед глазами стоит душераздирающая картинка, как вы, далеко от дома, жестоко и цинично обманутая любимым и его другом – демоном, вы, несчастная девчонка, лежите на холодном полу в преддверии Нового года, в чужом городе, в чужой квартире, свернувшись калачиком, и горько рыдаете...

Кровью сердце обливалось, когда на представлении вашего романа кто-то из публики задал глупый вопрос:

– Да как же вас угораздило?

И вы, подписывая очередную книгу, с пионерским задором улыбаясь, воскликнули:

– А, дура была!

«Календарь закроет старый лист, – вспоминается бодренькая детская песенка, – ну, прибавь-ка ходу, машинист!» Блаженны те, у кого календарь закрывает старый лист. А как быть тем, у кого старые листы не закрываются?..

Но довольно о грустном, и я перехожу на песни недетские, которые позволяют назвать мою воображаемую спутницу сестрой. «Сронила колечко» и «Сяду я на лавочку». Под эти композиции я, возможно, был зачат. Когда мама с отцом после очередного застолья уходили в свою комнату, моя любимая бабуля еще сидела за столом с рюмочкой красного вина и вытягивала звонким сопрано:

– Заби-илось серде-ечко о-о-о ми-и-ло-о-ом дружке-е-е...

Разунылые бабины песни я научился петь с теми же интонациями – причем раньше, чем научился разговаривать. Помнится, в Ленинграде, в гостинице, сидя с другом за бутылочкой, я вдруг затянул, вспомнив бабушку:

– А я-а-а, молода-а-а-ая, страдаю по не-о-ом!

В номер постучались две старушки и, войдя, с удивлением осматривались вокруг.

– А где она?

– Кто?

– Да та, кто сейчас пела.

– Да вот она, – показал друг на меня.

Удивлению старушек не было предела, когда я спел им от начала до конца «Сронила колечко со правой руки».

Я шел со своей милой спутницей... Смеркалось, накрапывал осенний дождик, а песни, о которых я рассказывал, неожиданно связали нас, позволяя мне считать ее сестрой или хотя бы подружкой из параллельного класса, ведь мы были одногодки. Все у нас оказалось параллельно: и томские берега, и бабушкины песни, и музыкальные семьи.

Брат моей мамы дядя Миша был заслуженным артистом Башкирии. Придя с фронта, долгое время жил в Уфе. Гастролируя после войны по Сибири, выступал на одних площадках с Александром Вертинским. И я вырос под яркими афишами, которыми была обклеена вся бабушкина кухня. Под огромными красными буквами – «Киселев Михаил, исполнитель лирических и жанровых песен. Заслуженный артист БАССР» – с утра до вечера взирал на меня красивый кудрявый дяденька, как бы говоря: «Слушайся бабушку, мою маму, я скоро приеду и узнаю, не обижал ли ты ее».

Став пенсионером, дядя Миша часто приезжал к нам и отдыхал за рюмкой коньяка.

– Сколько, Серега, я должен тебе рассказать о жизни! – с грустью произносил он бархатным баритоном. И, изредка трезвея, оглядывал меня, старшеклассника, мутным взором.

Огромный, седокудрый, появлялся дядя Миша рядом со мной, когда я на несколько минут садился за фортепьяно, купленное в кредит для младшей сестренки. Я пытался освоить дядин репертуар, играя фокстроты из трофейных филь-

мов – «Серенада Солнечной долины» и «Девушка моей мечты».

В актовом зале школы на большой перемене я картинно подходил к фортепиано, артистично откидывал фалдочки воображаемого фрака, открывал крышку расстроенного инструмента, отыскивал в обступившей меня толпе одноклассников удивленные глаза девочки моей мечты и с нехарактерной для меня самоуверенностью исполнял фокстрот.

Мне декабрь кажется маем,
И в снегу я вижу цветы.
Отчего так в мае сердце замирает,
Знаю я, и знаешь ты.

Эти маленькие концерты на большой перемене стали самыми сладкими воспоминаниями, что подарила мне школа. На закатной поре жизни я лелеял мечту воспроизвести на встрече одноклассников этот музыкальный номер. Думал, что если толстая темная коса девочки моей мечты ушла в область воспоминаний, то удивленные глаза остались в яви. Но не сбылось. Узнал случайно, что нет уже и глаз удивленных – ковид, проклятый ковид...

Обо всем этом я бы мог рассказать женщине, идущей рядом, если бы бросился за ней. Не забыл бы поведать о трофейном аккордеоне, подаренном дяде Мише маршалом Толбухиным, который услышал о том, как мой дядька сыграл в Вене «Венский вальс» на простой двухрядке.

И я бы обязательно прочитал моей спутнице свои стихи, если бы сделал правильный выбор, оторвав жадный взгляд от праздничного стола.

КАК МОЙ ПАПА ХЛЕБНУЛ МУРЦОВКИ

Зайдя к своей сестре в магазин, где она, 17-летняя выпускница торгового училища, начинала свой трудовой путь, я, подойдя к прилавку бакалеи, не нашел на ее лице улыбки, такой с детства привычной и доброй.

– Папка телеграмму прислал, – произнесла она вместо привета, взвешивая что-то очередному покупателю.

– Что-то случилось? – встревожась, спросил я.

– Я не знаю.

И сестра протянула мне, вынув из кармана белого халатика, свернутый пополам листок. Я развернул его и прочел печатные буквы на наклеенной полоске: ДОЧА ЗАБЕРИ МЕНЯ ОТСЮДА. И обратный адрес: Калининская область, Осташковский район, село Селижарово. Папку нашего в который раз отторгала его родина.

– У заведующей я уже отпросилась, – грустно сказала Галя. – Сколько денег на дорогу надо туда и обратно? Узнай, пожалуйста, на вокзале стоимость билета на поезд.

Заверив ее, что все узнаю, я успокоил сестру. Раз у папки нашлись силы, чтобы отправить телеграмму, значит, он в порядке. Отец вырос в оккупации и поднимал свою семью 12-летним подростком, когда в их хате хозяйничали гитлеровцы. Так просто папка никогда не сдастся. Сестра переживала, потому что, в отличие от меня, вернувшегося из армии, дальше города никогда не ездила. А тут – ехать на Селигер, к истокам Волги, чуть ли не на край земли.

Отец очутился на родине в третий раз. Сначала ему пришлось покинуть ее с младшими братьями и сестрами, спасаясь от преследования, – как людям, жившим в оккупации, а не ушедшим с нашими отступающими войсками.

Начало 60-х годов. На сибирской земле стояла оттепель в буквальном и переносном смысле. Я, шестилетний хохочущий мальчишка, в залитой солнцем комнате показывал на отца пальцем:

– Папка, ты тетенька!

Отец только что пришел из парикмахерской, где сделал «химию», и выглядел совсем не моим папкой. Его неожиданно кудрявая голова отражалась в зеркале. В то время по нашему допотопному телевизору «Рекорд» я часто видел чернокожую тетеньку Анжелу Дэвис. Папа походил на нее, только с белым лицом. Он любил стоять у зеркала и подолгу сравнивать себя с героями виденных фильмов. Но сейчас его лицо было растерянно-глуповатым. Все его кумиры – и Василий Гурзо, и Николай Рыбников, и Сергей Миронович Киров, и Зигмунд Колосовский, и Александр Пархоменко – никак не совпадали с образом кудрявого в данный момент их поклонника.

– Папка, ты тетенька! – кричал я, почему-то радуясь. – Пап, надень мамино платье!

И он надел платье, повязал голову косынкой и сотворил для меня концерт, двигаясь по солнечной комнате в цветастом крепдешине, плавно покачивая бедрами и скрипя половицами. Потом я видел много разных Авдотий Никитичн, Вероник Маврикиевн, Сердючек и новых русских бабок. Всех их затмила роль моего отца.

На дворе стояла оттепель. А это значит – исчезла опасность враждебного внимания власти к людям и затеплилось желание побывать на родине. Там, на местах жестоких боев, глубокой осенью 41 года он ползал по вспаханному взрывами картофельному полю, уже заметенному снегом, и собирал порезанные осколками клубни, чтобы спасти от голода младших братьев и сестер. Больная мать не могла ему помочь. Старший брат бил врага на фронте и в 43-м пропал без вести.

На глазах мальчика проклятые фрицы зарезали кормилицу-корову, еще и отбирали дранки, которые он жарил на печи. Приходилось снова одеваться и, прислушиваясь к выстрелам, потому что жили почти на передовой, по глубокому снегу направляться в поле.

Вася (так звали отца) знал, что, когда стреляют наши, нечего было и думать ползти на сбор урожая. Русская артиллерия работала лучше немецкой, опровергая мнение, что снаряды не могут попасть в одну и ту же воронку дважды. Наши попадали по два и даже по три раза, как бы вгоняя в гансов осиновый кол. А вот немцы стреляли, как по линейке, не возвращаясь в те места, которые уже перепахали. В такие моменты наблюдательный Васька и полз следом за взрывами, засовывал пальцы в рот, чтобы согреть, и вновь рылся в снегу и комьях замерзшей земли, нащупывая клубни, которые бережно укладывал в котомку.

Когда сгущались сумерки, он поворачивал к дому. Взрывы грохотали где-то далеко, и Васька вставал, с трудом вытаскивая из глубокого, по пояс, снега драные валенки, доставшиеся от старшего брата. Чтобы не заплутать, шел по собственному следу. Снег, набившийся тоже под братову фуфайку, таял на теле, но влага не была холодной, пока он не сбавлял ход, пока, запыхавшись, не останавливался на минуту. Передохнув, он закидывал котомку на плечо и продолжал путь. И улыбался, представляя, как сегодня вечером досыта накормит семью.

Помню, как я, 15-летний, зачитавшись очередной книгой, забыл, что нужно принести воды из колодца. А усталый отец вернулся с заводской смены. Переступив через порог и увидев в прихожей пустые баки, он начинает воспитывать меня:

– Аркадий Гайдар в твои годы полком командовал, а ты и воды не принесешь в дом!

Я виновато отмалчивался, откладывал в сторону путешествие в подлодке с капитаном Немо, брал гремящие пустые ведра и, тяжело вздыхая, брел к колодцу.

Но однажды – и что на меня нашло? – на очередное сравнение меня с писателем-героем я взъерепенился и, услышав «Да Гайдар в твои годы...», выпалил:

– Да Леня Голиков в твои годы застрелил немецкого генерала, надел его китель и фуражку, взял в руки портфель с секретными документами и пришел в партизанский отряд, за что ему дали звание Героя Советского Союза!

Папа поначалу остолбенел. Но я хорошо знал своего отца, и не приходилось сомневаться, что последнее слово все равно останется за ним. Когда у него заходили желваки на скулах, руки сжались в кулаки, а глаза налились кровью, я понял, что наступил ему на самую больную мозоль. Отец, который всю жизнь брал пример с героев книг и фильмов, конечно же, должен был равняться на таких, как Леня Голиков.

В военное время он однажды проявил отчаянную храбрость. Выстругал из дерева гранату, измазал глиной и землей и потом поднял ее на немца. А тот в ответ не выстрелил – то ли потому, что разглядел муляж, то ли потому, что оказался не немцем, а финном. На этом подвиг папки завершился.

Но в минуту брошенного мною ему в лицо обвинения он имел такой вид, будто снова переживает тот миг с гранатой...

Мой папа хлебнул мурцовки, как любил он выражаться. Часто, наблюдая за воздушным боем над селом нашего краснозвездного ястребка с фашистским стервятником, Вася думал, что младшие сестра и братья скоро проснутся от голода и опять уставят на старшего грустные глаза. А он будет молиться, чтобы скорее наступила весна.

Весна – это жизнь, которая торопится появиться из-под земли. Это лебеда, крапива, которую можно варить. А там и речка освободится ото льда, и будет какая-никакая рыбка. А может, и наши, наконец, погонят немцев...

Так и случилось. И с победной весной 45-го Василий направился в Ригу, где, по слухам, можно было разжиться чем-нибудь съестным. Он ехал на крыше вагона-товарняка. И потом ездил так еще не раз.

Ему случалось драться из-за куска хлеба с другими такими же пацанами, уходить от погони, когда шла облава на беспризорников. Отец добывал еду и всегда возвращался к голодающей семье, неся харчи, по его словам, и в руках, и в зубах.

То, что мы родом из Торжка, папа не раз твердил мне и моей сестре. А что это такое, я узнал, повзрослев, только из книг. Это то, что, какой бы враг ни приходил незваным гостем, свой дом, свою крепость – не покидать.

Это-то и стало преступлением папки и его семьи. Они должны были отступить вместе с нашими отступающими войсками. «Был в оккупации» – значит, ты предатель Родины. Этот приговор в анкетных данных стоял, как клеймо.

Отцу пришлось бежать в Сибирь, где он среди многих красавиц облюбовал мою маму. Так благодаря означающему позор приговору я и появился на свет.

МОЯ ЛИМОНИЯ

Когда друг детства прочитал рассказы Эдуарда Лимонова и стал делиться со мной впечатлениями, я понял, что он в жизни не испытывал тех переживаний, которые испытал я. Небольшой рассказ «Обыкновенная драка» прошел мимо его внимания, ничуть не затронув ни ума, ни сердца.

Этот рассказ всколыхнул мое воспоминание, болезненное и не залеченное до сих пор. Рассказ о жутчайшем бессилии перед наглостью и хамством, превосходящем тебя физически, и невозможности этому противостоять. Читая рассказ Лимонова, я переживаю это состояние вновь и вновь.

Грубая сила прижимает тебя к стене и со снисходительной улыбкой выворачивает у тебя карманы. А у тебя в душе безысходность и беспросветность – прекрасные слова с возмутительной приставкой «без».

Рассказ «Обыкновенная драка» освежил до мурашек на теле все эти переживания моих двенадцати лет, как тогда я считал, переживаний посильных, но спустя полвека так не думаю. Старый учитель-историк дал мне книгу Эдуарда Лимонова, и этот автор, которого я до тех пор не знал, сделался мне сразу близким. Стало как-то легче дышать, понимая, что есть на земле человек, тоже испытавший подобное. Заливаясь кровью, он нашел в себе мужество владеть собой, а самое главное – отличные русские слова, которые всегда помогали выстоять в борьбе с захватчиками. «Ты зря связался со мной, я не умею полудраться», – так сказал Лимонов своему обидчику, громиле, сорвавшему очки с его друга и саданувшему кулачищем в лицо Эдуарду, когда тот вежливо попросил вернуть очки.

Писатель рассказывает, как пришлось прикинуться побежденным. Громила расслабился, пританцовывая, играя на публику. «Он поверил в мое подчинение и, разевая рот, в хохоте стал позировать толпе. Продолжая бормотать: я извиняюсь... я виноват... будем друзьями, я соединил обе ладони замковым захватом, как учил меня больше тридцати лет тому назад Коля-цыган, и, перенеся в этот молот всю мою силу, какая имелась в пьяном, но тренированном теле, я ударил его сбоку и снизу в затылок, под ухо. Так взбесившаяся ветряная мельница могла бы сбить с ног зеваку, если бы идиот оказался вдруг на уровне ее могучего крыла. Он рухнул наземь». А дальше были те слова: «Меня трогать не надо, противопоказано, я не умею полудраться...»

Эти чувства до боли были знакомы мне. С ощущением убийственного бессилия мне впервые пришлось столкнуться, когда я, 12-летний, поздней осенью шел встречать из школы сестренку-первоклассницу.

В районе, где мы жили раньше, хулиганы отсутствовали. Это может показаться странным, но правда: пацанам не было нужды учиться драться. У нас никогда не было синяков на лице. Ободранные коленки и локти, но синяков – никогда. И лишь переехав в другой район, я впервые за 12 лет ощутил кровь на губах. И чувство заплывшего глаза оказалось не из приятных.

Любимую сестренку я пошел встречать через магазин. «Морские камушки», которые мы с сестренкой страстно любили, радостно шуршали обертками: кулечек, что дала мне продавщица, я привычно, как учил нас папа, разделил пополам, рассыпав конфеты по боковым карманам своей выходной курточки. Улыбка не сползала с моего лица, я всегда предвкушал вручение этого лакомства, и благодарное выражение личика сестренки было для меня высшей наградой. Магазин находился рядом со школой, и я не думал, что дистанция в сто метров станет новым учебным заведением, в котором отметки ставятся кровью.

Они появились неожиданно, три парня примерно моего возраста, не дав мне пройти сквозь яблоневый сад, отделявший школу от магазина. Хрустя во мраке валенками по ноябрьскому снегу, преградили дорогу и прижали к ограде. Если бы я знал тогда, что они держат в страхе весь район, я, наверное, повел бы себя по-другому. Но я не сознавал опасности.

Увидев на моей ладони блаженство с изюмом, троица потребовала отдать его им, что я и сделал, щедро ссыпая конфеты из кулака одному из них, а затем наделив остальных всей своей долей. При

этом улыбка не сходила с моего лица. Они сразу же захрустели, ухмыляясь. И, неожиданно для меня, стали по очереди залезать в другой карман, выгребая то, чем я собирался обрадовать сестренку после звонка с последнего урока.

Сейчас, спустя полвека, я пытаюсь представить выражение своего лица. Жизнерадостная улыбка медленно гаснет, переходя в удивление и растерянность. Прожив двенадцать лет на свете, я словно заново рождался в этом мире. В мире жестокости, безнадеги, беспросветности, наглости.

Даже не предполагая, с кем имею дело, я попытался не отдать оставшиеся конфеты и выдергивал из кармана руки грабителей. Разноцветные камушки, выхваченные светом дальнего фонаря, стоявшего у магазина, посыпались на снег. Я уловил растерянность на лице самого настырного пацана. Никто из них не ожидал сопротивления. Но через секунду-другую будто молния обожгла мое лицо. Боль походила на ту, когда я упал с трехколесного велика, пытаясь преодолеть кювет, и перелетел через руль лицом на землю. Тогда я на миг потерял сознание.

Так и в этот раз. Но что-то теплое на губах привело меня в чувство. Это была кровь. Подставив к лицу ладонь, я с удивлением наблюдал ее приток. Старый фонарь над магазином показал, что ладошка уже полная.

До сих пор не могу понять, кто тогда диктовал моей потрясенной мальчишеской голове, что делать в этой ситуации. Видимо, кровь было жалко выливать в снег, и я, не дожидаясь второго удара, ткнул своей ладонью, как сейчас бы определил, по-бабьи, но достал до лица обидчика и стал вертеть всей пятерней по наглой ухмылке, пытаясь закрасить белевшую в сумерках физиономию. И пока двое других, уставившись в растерянности на лицо друга, решали, как со мной расправиться, я, как раненый зверь, рыча от боли, обиды и бессилия, махая кулаками налево и направо, пробивал себе путь домой.

Встречать сестру уже не имело смысла. Без конфет я к ней никогда не ходил. Отец ушел на работу во вторую смену. И впервые в жизни я пожалел, что у меня нет старшего брата.

Уткнувшись дома в подушку, я тихо выл от невыносимой обиды, облизывая такую непривычную, огромную губу. Мама необычайно ласково и нежно гладила меня по голове и тихонько рассказывала о своем отце, моем деде, которого тоже били, но он, стойкий, выжил. Мама вспоминала о брате – дяде Мише, которого на войне свои вели на расстрел, потому что он вышел из окружения без документов, но он не дал себя расстрелять. От рассказов моей милой мамы мне становилось все легче и легче, и соленая подушка вздрагивала все реже и реже.

Успокоенный мамой, я сладко засыпал, не подозревая о том, какие испытания ждут меня впереди, сквозь какие засады мне придется пробраться в этом бандитском районе, сколько крови еще прольется не только на снег, но и на траву, и на опавшие листья.

Недавно друг рассказал мне, что последний из тех трех моих обидчиков, редко выходивший из тюрьмы на волю, оставил мир живых. Я думал, что обрадуюсь, но этого не произошло. Полвека – это все-таки действенный бальзам, чтобы залечить детские раны.

ПЕРВЫЕ НАДЕЖДЫ ПЕНСИОНЕРА

Солнце привычно клонилось к закату, как и подобает поступать светилу, когда детский сад закрывается на ночной отдых. «Каждый день в 19 часов старый негр закрывался на засов...» Напевая свою любимую песенку, ночной сторож Анатолий Егорович Белопятин уже было взял в руку потертый, видавший виды навесной замок, чтобы замкнуть калитку, как неожиданно услышал звонкий голос, летевший со второго этажа. Чистое, серебристое сопрано выводило:

Осенью, в дождливый серый день
Проскакал по городу олень...

Песня начиналась осторожно, как бы на ощупь. По мере того как голос креп, наливался уверенностью, слова приобретали все новые и новые тона. Песня обогащалась красочным звучанием, уходила прочь скованность. Благодаря изумительной акустике музыка заполняла все пространство детсада.

Вернись, лесной олень,
По моему хотенью,
Умчи меня, олень,
В свою страну оленью!

И уже казалось, что это сам детский сад кричит в родной березовой роще, призывая к себе это сказочное животное.

Сторож был отзывчивым человеком. Будто сам он – лесной олень, Анатолий Егорович стал осторожно подниматься по ступеням лестницы на второй этаж. И он увидел поющую.

Он бежал, и сильные рога
Задевали тучи, облака.

Снежана Викторовна, заведующая детсадом, стройная и миловидная в своем бальзаковском возрасте, держала в руках микрофон и пела под минусовку. Лицо Белопятина расплылось в улыбке. Большой юморист, будь он знаком поближе со своей начальницей, непременно бы изобразил оленя, скачущего навстречу исполнительнице, растопыривши над головой рабочие руки с длинными, как у пианиста, пальцами.

Снежана Викторовна ничуть не смутилась при его появлении, выключила музыку и спросила:

– Ну как?

– Вы мне снова подарили детство! – поднял большой палец Белопятин.

– Вот готовлюсь к конкурсу «С песней весело шагать по просторам», – вздохнула Снежана Викторовна. – Сроки поджимают, к выходному от детсада нужен номер. И опять все сваливается на меня. Девочки из подготовительной группы могут помочь только в бэк-вокале... Понимаю, что номер слаб, но что еще можно придумать? Анатолий Егорович, посоветуйте! Ведь вы музыкальный человек!

Он услышал настоящий крик о помощи. Было время, когда он играл в разных ВИА, лабал в армии и на заводе, где работал. Гитара, синтезатор и даже барабан... Но никогда не пел на сцене. А вся слава (и особенно внимание девушек) всегда доставалась его друзьям-вокалистам. Так не пора ли, наконец, запеть? Вот этот шанс, может, последний в жизни!

– Хорошо, Снежана Викторовна. Я помогу вам сделать этот номер. Но с одним условием.

– С каким? – насторожилась заведующая.

– Я хочу эту песню спеть вместе с вами.

Сначала на ее лице проявилось недоумение, потом оживление, переходящее в радость.

– А что! Давайте споем! Как говорится, старый конь борозды не портит. Мне будет на сцене не так волнительно. Но только вы уж, Анатолий Егорович, не подведите с креативом.

Будто орган заиграл в груди Белопятина. Но не фугу Баха, а джазовую композицию Дюка Эллингтона.

Сказочная ночь! Оставшись один, сторож буквально порхал от одного окна к другому, любуясь лунным светом. Он с наслаждением пел об олене своим чуть простуженным баритоном.

Белопятин начал готовиться к выступлению. Он будет петь на сцене! Пусть не один, а со Снежаной Викторовной. Но это все-таки дуэт, а не хоровое пение, где тебя как личности словно и не существует. А здесь от твоего бархатного баритона зависит серебряное сопрано. И если они сольются воедино, случится успех. Благодарные слушатели районного ДК будут рукоплескать! Потом состоится вручение премии лауреата с плавным переходом в банкет. А главное – тебе и зарплату могут добавить. Потому что спасенный должен достойно отблагодарить спасителя.

Начались многочасовые репетиции. Актовый зал детского сада поистине работал на износ. Слова «Лесного оленя» уже знали не только каждый воспитатель, няня, медсестра, повар, но и дети ясельной группы, не говоря уже о штатном кухонном коте Саньке.

Девочки из подготовительной группы чудесно поддерживали голос Снежаны Викторовны, стараясь подражать жестам бэк-вокалисток Льва Лещенко. Появились и мальчики – плоды белопятовского креатива. Но их не так-то легко было разглядеть за большими бумажными листами с картинами осени: дождливый серый день, унылые городские дома, голые деревья, засыпанная желтыми листьями мостовая. Они бежали ручейком, поэтому оленю оставалось лишь подрыгивать копытами, стараясь не уронить с головы корону.

Рога поначалу сделали из папье-маше, но те слетали при малейшем повороте шеи, и поэтому взяли настоящие из «Уголка юного натуралиста». Никакой даже акселерат из подготовительной группы их не удержал бы, и пришлось пригласить на роль оленя плотника Игоря, еще молодого, но рано сдавшего физически. Парень славный и безотказный, он с охотой взялся за рога и нахлобучил их на ноющую после вчерашнего голову.

Мелодия песни оказывала оздоравливающее действие, ноги поневоле поднимались, и плотник как бы вскачь летел по воображаемой гулкой мостовой.

Свой баритон к сопрано заведующей Белопятин приладил так, будто всю жизнь пел с ней. Внешне, на взгляд со стороны, они не гармонировали: она – высокая стройная брюнетка с серьезным, наполненным ответственностью лицом, он – невысок, с резкой сединой, окружающей облысев-

шую макушку, но с озорным, детским взглядом и выражением блаженства от льющейся песни. Маленькие бэк-вокалистки так же наслаждались пением, покачивая еще не существующими бедрами.

Генеральная репетиция была незабываема, став прелюдией апофеоза в день выступления. В общем, все прошло прекрасно. Кроме долгожданной прибавки к зарплате.

КУЗБАССКИЙ БАСЕ

Друг мой Борис снова сочинил три строчки и снова бросил их в пространство, да так, что я не успел записать ни одного слова. А вернее, в который раз за последние сорок лет поленился захватить с собой ручку и бумагу, зная, что в любую минуту друг может сочинить хокку.

Почему автор не записывает сам? А потому, что это никому не нужно, говорит он, и ему можно верить. Поэт прожил жизнь, и в какой бы обстановке ни произносил только что сочиненные строки, в ответ видел лишь кривые усмешки. Леденящее сердце непонимание – что может быть печальнее? «Счастье – это когда тебя понимают».

Что это? Человек родился не в той стране и не в том веке? Или неумение найти своих по духу?

Ветви деревьев
Опутаны пением птиц
Словно паутиной. Утро!

Укрыла роща от дождя
Разнолистьем своим
Девушку без зонта

Вот и лето прошло
Желтолистным рукопожатием
Встречает меня сентябрь

Лунные тени деревьев
Как привидения
В зимнем лесу

Снежным сфинксом
Увенчал печи трубу
Январский снег

Сквозь ветви снежные
Следит за мной
Кровавый солнца глаз

Начавшись во вторник
Он кончился в среду
Год белой мыши
То ли капли падают на листья
То ли листья собирают капли
Осени утро

Я ночной тропинкой
По лесу проходил
Луна за мной следила

Вот те крохи, которые я записал за неизвестным поэтом XXI века Борисом Дюкаревым.

Для меня поэзия ценна в прикладном плане. Сам я сочиняю более приземленные строфы. Видимо, поэтому и получаю приятные отклики от моих непритязательных близких. В свое время я учился писать лишь для того, чтобы поздравить кого-либо с праздником. Иногда я спрашиваю друга:

– Боря, а в твоем духе можно поздравить с днем рождения?

И он на лету бросает мне:

Вот и пришла 55-я весна
Сколько их было
А сколько осталось

– Браво! – восторгаюсь я и даю более трудное задание:

– Ну а с Днем шахтера можешь поздравить?

Он ничуть не смущается:

Миллионы над головою тонн
Миллиарды под ногами лет
Шахтера труд

Эти строки я успел нацарапать чуть ли не на трамвайном билете и послал поздравление знакомому шахтеру Коле Бацевичу, гармонисту-балагуру, на открытке. Тот прослезился.

А когда я радостно показал другу недавно полученную корочку ветерана труда, он тут же бросил у двери:

Между двух бесплатных проездов
Умещается
Наша жизнь

Бывает, что мы сочинительствуем на пару.

Пока выдавливал из себя
Раба

Раб дракона родил,

начинает Боря. А я продолжаю:

– Теперь воюю на два фронта
Жму раба
И бью дракона

Может, мы бы с ним спелись, как Ильф и Петров, но образование у нас не то. Борис в техникуме на механика учился, а я и того ниже – в училище на электрослесаря. Но, встречая друг друга, сыплем репликами:

– Ты же знаешь, как я тебя уважаю, но...

– Что, жалкая, ничтожная личность?

– Уйдите от меня с вашим железом, я вас презираю!

И мы дико хохочем, как выражался гусекрад Паниковский, прикидывая, сколько весят гири из чистого золота.

Мы без конца можем цитировать, но хочется стихов. Я читаю другу Сашу Черного, он мне Пастернака. Я ему Бунина, он мне Гумилева. А потом оба – Пушкина. Но Боря – приверженец восточной поэзии, и для него Керай, Иссе, Ранеэцу, Дзесо, Оницура, Бонте, Сико, Рета, Бусон, Гедай, Кито, Иоса, не говоря уже о Басе, – совсем не пустые звуки. Они его лекари, врачующие душевные раны, а может, и физические недуги.

Печальный мир
Даже когда расцветают вишни
Даже тогда

Эти строки принадлежат Иссе, но, как мне кажется, под ними подпишется любой житель Земли.

Я работаю сторожем детсада, Борис – охранником в банке. Однажды с ним поздоровалась очень пожилая женщина и назвала по имени.

– Простите, вы меня знаете? – удивился он.

Оказалось, что старушка – бывшая учительница.

– Но как вы смогли меня запомнить?

– Как можно было вас, Боря, не запомнить, – ответила она. – Хотя я всего неделю вела историю в вашем 6-м «Б»: нас, географов, иногда просили подменить учителей истории. Однажды после такого урока последним выходил из класса наголо остриженный, серьезный не по годам мальчик с большими печальными глазами. Остановившись возле моего стола, он вполголоса, чтобы слышала только я, произнес: «Анна Петровна, географию вы хорошо знаете, а историю не очень», – и вышел с огорчением на лице. Этим мальчиком были вы, Боря. Этот случай отложился в моей памяти на пятьдесят лет и никогда не забудется, пока я жива. Благодаря вам я тщательнее стала готовиться к урокам».

Мой друг, давно забывший тот урок, был чрезвычайно удивлен и принес извинения за свою детскую дерзость. Но она совершенно не была эпатажем. Влюбленный в историю Древней Руси, он болезненно относился к любой неточности в изложении предмета. Все учебники по любимой дисциплине Борис в летние каникулы прочитывал от корки до корки.

Ну ладно, пойду прогуляюсь по направлению к банку, захватив ручку и тетрадку. Авось на друга накатит вдохновение, и он вновь зашвырнет что-нибудь в пространство. А я попробую перехватить хотя бы три строки.

МОЙ ОДНОКЛАССНИК

Обстановку он сбрасывал с балкона шестого этажа – серьезно, обстоятельно, со знанием дела, словно занимался этим всю жизнь.

Сначала перевалился через металлические перила и полетел диван, причем асфальта он коснулся не мягким местом, как бутерброд, а днищем, тут же разлетевшимся в щепки. Затем вошел в штопор сервант, за ним кухонный гарнитур, обеденный стол и стол для приготовления пищи. Девятиэтажка насторожилась от необычного шума.

Я после ночной смены выглянул в окно. Знакомый балкон на развороте нашего дома быстро наполнялся мебелью и так же быстро опустошался. «Виктор, наверное, уезжает», – подумал я, отойдя от окна, и стал стелить постель. Потом снова посмотрел – осталось там хоть что-то целым?

Оказывается, да. И эти уцелевшие вещи Виктор с особой бережностью, если не со священным трепетом, грузил в машину. «Естественный отбор», – подумал я. Этого статного парня с неблагозвучной кличкой Сиска надо было бы звать Дарвином.

Имя делает судьбу. И вместо отравления молодого организма анилином на заводе он мог бы жить поближе к фауне и ухаживать, скажем, в зоопарке за обезьянами.

– Что за шум? – спрашивает из своей комнаты моя дочь.

– Сиска уезжает.

– Кто-кто?

– Мой одноклассник освобождает свою квартиру.

Дочь подходит к окну и с интересом наблюдает за новым циклом погрузочно-разгрузочных работ, когда с балкона планирует шифоньер, размахивая дверцами, словно крыльями. Похоже, дочка не сильно удивлена происходящим. Она в курсе и подвигов собственного отца, который, было дело, один(!) на кураже вынес пианино по лестнице с девятого этажа.

– Одноклассник, – повторяю я, – уезжает, Витька.

– У вас что, все такие были в классе?

Я подумал об исключениях, но почему-то ответил:

– Все.

– А с чем это связано? – недоумевает девочка-старшеклассница.

По привычке всему находить объяснение и оправдание, я хотел выразиться красиво, что мы дети XX съезда партии (1956 года рождения) и что Хрущев своим докладом наложил на нас ответственность родиться свободными. Но вдруг вспомнил нашего математика Михал Саныча и весело, с пионерским задором ответил:

– Да мы падали с паровоза!

– Что, все, что ли?

– Ну, не совсем, конечно. Кто-то удержался за трубу. И ударялись по-разному, кто жизненно важными органами, а кто не очень важными.

Нет, что ни говори, а удобную формулу придумал старый математик. В ответ на любой каверзный вопрос можно сослаться на железную дорогу.

Железная дорога! С ней связаны первые яркие впечатления моего детства. Помню отца, оседлавшего прицеп между вагонами. Волжские страдания на гармошке заглушали стук колес.

– Папа! – плакал я, детсадовец. – Слезь оттуда, иди в тамбур, упадешь!

– Не бойся, сынок, твой отец ниоткуда еще не падал!

И я успокаивался.

После войны, будучи подростком, папка ездил на поиски продуктов в Ригу на крыше вагона (тогда он жил близ Торжка), единственный кормилец семьи после гибели старшего брата Спиридона.

Пройдя в войну все круги ада, отец ничего не боялся. И потому голосистая гармонь-подруга поддакивала басами под стук колес своему захмелевшему другу: «не падал, не падал, не падал...»

Ритм колесного перестука всегда что-то будит в моем подсознании. Что-то пронзительно знакомое всплывает в нем. Оно помнит волнующий запах паровозной гари. И так хочется в стихах выразить то, что невозможно рассказать в прозе...

ОТПУСК

Я в отпуске! Слово-то какое замечательное, меня отпустили на все четыре стороны! И во все хочется смотреть, пока не закружится голова! В отпуске можно себе позволить... все что угодно! Можно прикинуться обиженным и уехать куда глаза глядят, например, во Владивосток – на край земли!

Но сначала в деревню, к маме, на Иню, где изумрудная низенькая травка плавно переходит в мягкий, чистый песок. Он омывается медленной, ленивой речкой, чье дно устлано таким же мягким подводным ковром, как и на берегу, таким же приятным для ступни, что больше хочется по дну ходить, а не плавать.

Чемодан, полный тушенки «Китайская стена», и желание накормить лакомой пищей из Поднебесной родных с непреодолимой силой гонит меня на автовокзал. Однако последний автобус до станции Промышленная показывает мне только свою заднюю часть, думая, что я буду печалиться. Но он не знает моего характера, унаследованного от бати. Да, деревня отменяется, отменяется моя ласковая Иня. Значит, намечается Тихий океан. И железнодорожный вокзал призывно маячит по соседству.

В городе Владивостоке который год живут без зарплаты мои голодающие тети – тетя Катя, тетя Дуся и тетя Вера. И эти три сестры не рвутся в Москву. Я верю, что они с нетерпением ждут меня к своим столам, некогда ломящимся от обилия дальневосточных блюд, а нынче там лишь рыба да икра, которая до чертиков надоела, и хочется мяса, чем я и постараюсь их, родных, побаловать.

Билет на поезд Москва–Пекин в кармане, вагон почему-то всегда № 9, и нижняя полка, что не в проходе, – любимое место моей жизни! Гудок – и ни с чем не сравнимое чувство блаженства от движения, от мелькания привокзальных построек, и вскоре леса и луга, и уже можно осмотреться, кто рядом с тобой в вагоне, в купе.

Но вагон плацкартный, так что про купе я погорячился. Озираясь, понимаю, что со всех сторон меня окружают ребята и девчата из Китайской Народной Республики. А из РСФСР я один. Ну, не совсем один, со мной моя гитара, на которую закордонные пассажиры смотрят с особым любо-

пытством, и уже кто-то из них начинает мурлыкать «Подмосковные вечера». «Что ж ты, милая, смотришь искоса?..» – это, по их мнению, обращение к китаянке. Я не стал их разубеждать, и уроки русского начались.

Их «поднебесный» спирт пошел на ура под мою «Китайскую стену» и под Высоцкого в моем исполнении, а песни Высоцкого они, как оказалось, отлично знали. И вот уже высказано предложение провезти меня контрабандой в Пекин – «А там недалеко и до твоего Шанхая». Это я им все уши прожужжал про Александра Вертинского, который перед возвращением на родину несколько лет провел в Шанхае.

На рассвете я проснулся под стук колес, нет, не от головной боли. А от той, какую я никогда до этого дня не испытывал. Я читал о ней, смотрел фильмы, но не ведал ее силы. Эта боль называется «ностальгия». И хотя сквозь сиреневый туман поезд приближался только к Байкалу, я почувствовал острый, резкий, ни с чем не сравнимый приступ ностальгии. Буквально суток мне хватило, не видя русских людей, заболеть так тяжело.

Тихо, чтобы не разбудить соседей, я поднялся с полки и прокрался в купе проводницы. Когда она открыла дверь, мне показалось, что на меня смотрит инопланетянка, как их рисуют в популярных изданиях. Невероятно большие голубые глаза смотрели на меня и улыбались.

Стакан горячего чая и русская девушка – что еще надо, чтобы встретить старость, как говорил Абдулла из «Белого солнца пустыни». Ностальгию как рукой сняло. Я пел песни. В промежутках между ними она рассказывала о себе, и так задушевно, как случается только в поездах, когда изливаешь душу до самого донышка, зная, что никогда с этим собеседником больше не встретишься.

Вчера я был чужим среди своих, хотя мне казалось, что я свой среди чужих. За стаканом чая девушка воскресила для меня картину вчерашнего, когда я стал главным героем вагона. Аргументируя чемоданом с «Китайской стеной» внутри, я доказывал, что я больше китаец, чем ребята из Пекина. Вторым моим козырем были упоминания о Конфуции и Лао-цзы, о которых мои друзья из Поднебесной имели смутные представления. Ну и, конечно, даосизм оставил в моей душе неизгладимый след – древнекитайская религия, завезенная Бодхидхармой из Индии. Свои познания я преподносил внимательным слушателям то в манере Виталия Вульфа, закидывая ногу на ногу, то вдруг вскакивал, и во мне уже говорил протяжным тенором, почти переходящим в фальцет, Эдвард Радзинский.

Тушенка, конечно, под корявое бряцание подруги-гитары отправилась к себе на родину. Моя щедрость после превышения дозы напитка может достигать заоблачных высот. Хотя я знаю, что китайские парни изо всех сил противились получению такого дорогого подарка.

О «Китайской стене» я вспоминал в тоске на обратном пути, когда, не евши четверо суток, просил машинистов подобрать меня, упавшего с паровоза. Один из пяти сжалился надо мной и в нарушение инструкций, рискуя лишиться работы, открыл мне двери хвостовой. Я радовался этому месту, как родному дому.

Осмотры на станциях, солдаты с автоматами, глубокая ночь. Луч фонаря, благосклонно ползущий мимо меня. Бешеный стук сердца. В такой момент можно поседеть. Станцию Слюдянка я запомнил на всю оставшуюся жизнь. Я боялся не за себя, хотя мне и мерещилась очередь из автомата от воина, награжденного потом отпуском за проявленную бдительность, а за машиниста, который мог пострадать.

...В десятом классе мне никак не удавалось решить элементарное уравнение. И старый учитель в сердцах восклицал: «Чернопятин, ты что, с паровоза упал?!» Как он угадал мою судьбу?

КАПИТАН СОРОКИН

Когда я уходил в армию, на вокзале меня провожали мама, отец, бабушка и сестра. В отличие от моих друзей, которых отправляли служить и любимые девушки со слезами на глазах. Я же подругой обзавестись не успел. Всему виной были книги, поглощаемые запоем, прошедшие со мной тернистый путь, стартанув прямо с горшка, пробежав подготовительную группу детсадика, прожив со мной подпольно на всех уроках школы-десятилетки и выжив на всех занятиях в училище, где я учился на электрослесаря. Именно из-за своих любимых книг я так и не узнал там ни «правила буравчика», ни «закона Ома для участка цепи», да что там говорить – для всей цепи! Сейчас вспоминаю: чего я еще не узнал из электротехники? Да ничего, если говорить откровенно, не узнал! Только и могу вкрутить лампочку. С тем и махнул отдавать долг Родине. Зато в отличие от друзей никаких переживаний об оставленных на гражданке девчонках.

Как я успокаивал сослуживцев, долго не получавших писем от любимых! Моя начитанность была великим подспорьем в этом. Умение грамотно, без мата выражаться позволяла мне играть очень нужную в армии роль психотерапевта. Я сочинял для девочек письма, в каждой строчке пропитанные любовью, – в духе то Достоевского, то Толстого, то Тургенева. А вот в стиле Гоголя письма получались все как бы с протянутой рукой, потому что у него единственного из русских классиков не было любимой на родине. Зато никогда не служившему в армии Николаю Васильевичу всегда требовались деньги, как, впрочем, и мне, пишущему маме с просьбой подкинуть защитнику Родины хоть рублик, чтобы сходить в кафешку и выпить там пару стаканчиков морса. В сорокаградусную жару это было так желанно, хотя и лишь увеличивало жажду.

В редкие минуты перекура (а я не курю) я мчался в ротный красный уголок, где жили мои любимые в твердых и мягких переплетах. Но я искал среди этого гарема в первую очередь раздетых – без корочек, зная, что именно эти книжки – примы.

Я служил в войсках связи. И на занятиях, о Боже, по электротехнике, где мой взвод проходил закон Ома, преподаватель-лейтенант приказал:

– Курсант Чернопятов, встать! Три наряда вне очереди!

Так я в третий раз не узнал, что же это за закон такой – «Ома».

В наряде, ползая по полу с тряпкой, я размышлял: а может, надо было бросить читать и вместо этого заниматься девчонками? Ведь любил же одноклассницу, «то робостью, то нежностью томим». Стеснялся к ней приблизиться. Такое бывает и у девочек. Недавно от корки до корки прочитал роман писательницы, где героиня, уже учась в институте, играла с подругой в куклы.

Во время учебки в пекле Самарканда мне пришлось надолго забыть свой книжный гарем. Полгода я не прикасался ни к одной из любимых, живя надеждой на встречу с ними.

На очередном марш-броске под белым солнцем пустыни меня еле догнал наш командир отделения и, задыхаясь под противогазом, прохрипел:

– До чего же ты выносливый, Чернопятов!

А чего мне не быть выносливым, когда я на практике в Кемерове в момент аварийного выброса метанола читал в противогазе «Декамерон»?

И все-таки Всевышний меня услышал. И после учебки, не знаю, за какую святость, под городом Дзержинском, где наша часть стояла не в песках, а среди привычных мне снегов, я был вызван к комбату, который прямо с порога как оглоушил меня обухом по голове:

– Рядовой Чернопятов, назначаю вам место службы в школе прапорщиков!

В горле у меня запершило, и я вместо «Есть!», не забыв, правда, приставить ладонь к виску, только и прошептал:

– За что?

Я знал, что в прапорах нужно служить 25 лет. Но ведь сейчас не царское время, чтобы отправлять на такой срок безо всякого моего желания! И только прибыв через сорок минут пешего хода в кабинет начальника школы прапорщиков, я вздохнул с облегчением. Оставшиеся полтора года срочной службы я буду называться каптенармусом. По учебке я знал, что это каптерщик, то есть житель каптерки, или адъютант старшины Валеры, который и стал для меня главным командиром до конца службы.

А я для курсантов стал лучшим другом. Ведь вообще-то каптерка должна открываться строго по часам, но поскольку я жил в ней и днем и ночью, будущие прапорщики могли заходить в мой дом круглосуточно.

Моя любимая бабуля с раннего детства учила меня молиться. И теперь я внутренне посылал благодарения Богу. Библиотека части распахнула передо мной свои двери. Я вновь вдохнул аромат стеллажей. А взглянув на библиотекаря – девушку с погонами сержанта, чуть не упал от головокружения. В жизни не видел никого красивее этой феи. Какие там Бриджит Бардо и Клаудия Кардинале? Вот когда рядовой Сергей Чернопятов понял, что повзрослел. Но, тем не менее, от книг не отказался. Старая любовь не ржавеет!

В библиотеке я и встретил капитана Сорокина, который, войдя, приветливо улыбнулся девушке, а затем, повернувшись ко мне, протянул широкую ладонь и приятным баритоном произнес:

– Ну, здорово, Серега! Меня можешь называть Владимиром во внеслужебной обстановке. Я был у твоего старшины и порадовался за Валеру, что наконец-то ему нашли помощника. Думаю, что ты и меня будешь иногда выручать.

Признаться, за полгода службы я позабыл, что люди могут говорить так задушевно, тем более офицер с рядовым. Библиотекарша не скрывала влюбленности глаз, глядя на среднего роста, ку-

дрявого, лет тридцати пяти капитана, у которого не сходила с лица русская, естественная улыбка, так не похожая на американскую.

Выходя из библиотеки, я услышал, как офицер мягко сказал красавице:

– Галочка, извини, как освободился – сразу к тебе. Встретимся в Доме офицеров.

Нагруженный книгами, которые с восторгом хватал с полок, даже не глядя на названия, я ввалился в каптерку, и старшина Валера, по-свойски хлопнув меня по спине, стал расспрашивать, откуда я родом да где до этого служил. Я понял, что приплыл в родную гавань, и что служить буду «рад стараться», как отвечали на благодарность в царской армии.

Курсанты в батарее были разных возрастов, от недавних 20-летних дембелей, прибывших из ГСВГ, из Польши, Венгрии, Чехословакии, до 35-летних отцов семейств, решивших бросить гражданку. А моя служба оказалась не пыльной: выдавать форму, постельное и нательное белье, портянки в банный день. Или охранять чемоданы моих новых друзей, которые любили нагрянуть ко мне по ночам и вести до рассвета душевные разговоры, угощая вкусным кофе.

Капитан Сорокин служил в должности замполита школы прапорщиков. Политруков я с детства видел на плакатах – с поднятым пистолетом, поднимающих бойцов в атаку, идущих со знаменем впереди, берущих высотку и водружающих знамя. А здесь я увидел работу политрука мирного времени. Обычно воины не склонны к жалобам. И, будь на месте Сорокина другой офицер, они не протоптали бы тропку к его кабинету. Но Сорокин обладал настоящим магнитизмом. Многим хотелось побеседовать с ним и получить доброжелательный ответ на любой вопрос. Меня самого так и тянуло заглянуть к нему на огонек и обсудить с ним, таким же книгочеем, как я, любимую книгу, но приходилось пропускать вперед курсантов с печальными лицами, более меня нуждавшихся в добром слове.

Я наблюдал, какими просветленными выходят от Сорокина парни, словно полчаса назад их не обременяли проблемы. Да, наш политрук, пожалуй, был покруче плакатных. А случись что, я ничуть не сомневался, что капитан Сорокин так же вынет из кобуры оружие и поднимет полк в атаку.

Я все ждал, когда смогу оказать ему помощь. Узнав от друзей-курсантов, что он занимается рукопашным боем, я жил в предвкушении чего-то необычного. И вот такое время пришло.

С новым набором курсантов замполит попросил командиров взводов узнать, кто чем прежде занимался: бокс, самбо, карате, вольная борьба... Выявленные ребята и были направлены к Сорокину, то есть в мою сушилку, что находилась при каптерке. Сушившиеся вещи я на время убрал. Парни разных возрастов – кто весело, кто растерянно – переступили порог импровизированного спортзала. В мою бытность их набралось человек двенадцать.

Мы услышали бодрый шаг, и на четвертый этаж, совершенно не запыхавшись, взбежал капитан Сорокин. Как всегда, улыбаясь, он с каждым познакомился, протягивая ладонь для рукопожатия.

– Ну что, парни, ремни, сапоги долой! Пришло время размяться.

Сорокин сам снял фуражку, портупею и сапоги. Вышел на середину сушилки, пригасив улыбку и вмиг преобразившись.

– Сейчас перед вами нет никакого капитана Сорокина. А есть враг, которого необходимо положить на пол любым способом, ногами или руками. Ну, друзья, не стесняйтесь!

Курсанты, смущенно улыбаясь, переглядывались со стоящими по соседству: иди, мол, ты, а потом уже я. Капитан не демонстрировал никакой стойки, а спокойно стоял и ожидал первых приближающихся соперников. Один из троих здоровяков-боксеров пробасил:

– Надо бы перчатки, товарищ капитан, покалечим!

– Не надо перчаток, – улыбнулся Сорокин и каким-то неуловимым движением положил бугая на пол, за ним второго. На это потребовалась доля секунды. С третьим он, как бы забавляясь, поиграл в бокс, крутанулся, и курсант, будто наткнувшись на скалу, повалился на первых двух, копошащихся на полу. Восстанавливая дыхание, они пытались сначала подняться на колени.

А на замполита уже налетала партия самбистов. Их он уложил так же быстро и бережно, дополнив кучу-малу. Стоя в проеме двери, я смотрел и не узнавал Сорокина – без тени улыбки, стопроцентно собранного. Девять из двенадцати лежали на полу, а оставшиеся трое так и не двинулись с места, наблюдая за аттракционом расширенными глазами.

Смущенно улыбаясь, парни поднимались с пола и получали от капитана похвалы, каждому он нашел доброе слово и пожал руку. Всех желаю-

щих он пригласил в свободное от службы время к себе в боевую группу.

Потом одному из боксеров Сорокин стал объяснять его ошибку:

– Вот смотри, Саша, как ты ударил...

И тут капитан неожиданно подозвал меня:

– Серега, ну-ка надень лапы, я покажу ему, как бил он и как надо бить.

Для занятий были приготовлены две лапы. Никогда до этого я их не надевал и сейчас с трудом натянул на ладони и выставил вперед, чувствуя себя дурак дураком. Неожиданный удар без замаха, резкий звук – и я уже лечу пушечным ядром, сознавая, что готов разбить затылок и медленно сползти по стене. Но капитан успел подставить широкую ладонь между мною и стеной.

– Ну что ж ты, Серега, не сделал ногами упора! – укоризненно сказал он. Я почувствовал его учащенное дыхание.

Это Сорокин показал, как неправильно бил боксер. А если бы показал, как бить правильно? Успел бы он поймать меня?

Когда все со мной обошлось благополучно, парни расхохотались. Посыпались шуточки, цитаты из песен:

– Не улетай, родной, не улетай!

Парни с удовольствием занимались у Мастера. А из нашего отделения срочной службы, где были два каптенармуса, два повара, пара водителей и два писаря (в общем, каждой твари по паре, потому что две батареи), как раз писари, интеллигентнейшие ребята при штабе, достигли в боевых искусствах высоты, достойной учителя, и как спарринг-партнеры стали для него незаменимы.

Капитан рассчитывал привлечь и меня, но после первых тренировок, когда пришлось бить руками по разным твердым предметам, мои конечности так распухли, что невозможно стало играть на синтезаторе. Этого я не мог себе позволить: по выходным мы с двумя гитаристами и барабанщиком подрабатывали на танцах в Доме офицеров.

Однажды нам с капитаном, шагающим в сумерках в этот очаг культуры, повстречалась подвыпившая компания. Мы шли в гражданке. На военных шпана сильно не задиралась, а над двумя штатскими можно было и покуражиться. И один проходящий грубо двинул Сорокина плечом. В предвкушении аттракциона я мысленно потер руки. Однако капитан посторонился, обаятельно улыбнулся и... извинился. И мы двинулись дальше.

– Товарищ капитан, но их же всего пятеро! – в недоумении воскликнул я.

– Но они слабые, – со вздохом ответил Сорокин. – А силу нужно применять только в крайнем случае.

Когда осенний набор курсантов покинул школу, получив прапорские погоны с двумя звездочками, в казарме поселилась непривычная тишина. Но замполит все равно приходил в каптерку, раздевался до пояса и с неизменной улыбкой заставлял меня выходить на природу, прихватив с собой ведро воды и полотенце. В густом сосняке он начинал крутиться дервишем между деревьями, то руками, то ногами, а то и всеми четырьмя конечностями одновременно молотя по стволам с сокрушительной силой. Упираясь ступнями между двух стволов, он как бы пытался срубить сосны ладонями. Потом я обливал водой его тело, состоящее из одних мышц, и Сорокин, растирая ладонями их великолепные бугры, предлагал мне, посмеиваясь, повторять эти невозможные трюки.

– Вот где-то так, Серега, и нужно жить и работать. Русский офицер должен уметь драться не только в составе армии или роты. Он должен уметь воевать и в одиночку.

Новый набор курсантов еще не прибыл, и наше отделение срочников не пошло в столовую, а обедало в казарме. Сорокин преподал нам истину:

– В каждую секунду жизни вы, ребята, должны быть собранными, без напряжения, но и без расслабленности. Сосредоточенность должна поселиться в вас навсегда, чтобы из любого, самого затруднительного положения вы в доли секунды могли найти выход. Допустим, я за этим столом в окружении врагов. Внезапно им стало известно, что я не их товарищ. Неподготовленного человека шестеро скрутят в момент...

За столом нас было как раз шесть. Витька и Саня по правую руку от Сорокина, Генка и Толян по левую, я с Михой напротив капитана. Поэтому все пунктирные движения мастера я уловил до мельчайших подробностей.

– Засекайте время! – воскликнул капитан.

И он «обезвредил» нас за три секунды. В первую двумя локтями сбросил со стульев одновременно Витька и Гену, во вторую от костяшек двух кулаков упали Толя и Сашка, в третью Сорокин перевернул стол и надел его нам с Михой на головы. На четвертую капитан уже уходил в дверь.

Как пишется в фильмах, «при съемке этого эпизода никто не пострадал». Уцелел даже чайник, стоявший пустым на столе.

Однажды Сорокин привел меня в свой кабинет, открыл шкаф и стал доставать из него фотоальбомы. Из одного выпал снимок человека в кимоно, взлетевшего над полом с вытянутой вперед ногой. Я подал фотокарточку капитану, и он начал рассказывать:

– Вот, Серега, чем я занимаюсь уже 17 лет, начиная с 10-го класса. И, чтобы умение не пропадало напрасно, постоянно пишу рапорта в специальные организации. Хочу побывать в горячих точках, но, похоже, никому я не нужен...

Печально звучало это признание тогда, в апатичные годы «застоя»... Нашел ли свое призвание капитан позже, когда погорячело в Афганистане и потом по всему СССР, я не знаю. А тогда в его кабинете я листал и листал фотоальбомы с удивительными снимками. Здесь было все: бокс, вольная и классическая борьба, самбо и дзюдо, джиу-джитсу и кунг-фу, у-шу и карате... В тот день целую лекцию по восточным единоборствам прочитал мне незабвенный капитан Сорокин, страдавший от невостребованности в глухомани заштатного городка...

НЕ ЛЕНИВЫЙ И ЛЮБОПЫТНЫЙ

Я маленький. Проснусь у бабушки, потрескивает веселая печка на кухне и веет ароматом румяных лепешек на сковородке. В предвкушении завтрака думаю про песни, которые поют по радио, – маленькому коричневому ящичку на побеленной известью стене.

Встань пораньше,
Встань пораньше,
Встань пораньше,
Ты увидишь, ты увидишь у ворот,
Как веселый,
Как веселый,
Как веселый барабанщик
В руки палочки кленовые берет,

– бодро выкрикивал пацан слова о каком-то веселом мальчике, наверно, таком же шестилетнем, как я, но в то же время и не таком же. Что-то подсказывало мне, что это какой-то необыкновенный мальчишка, не похожий ни на меня, ни на моих друзей-соседей.

Мои друзья детства. Я пытаюсь представить: кто бы мог быть этим веселым барабанщиком? Ну, конечно, не Санька за стенкой, которого мать, вечно усталая, стегала солдатским ремнем с большой желтой звездой. Когда по радио давно уже проиграл гимн нашей страны, Санька не мог встать пораньше, да еще в руки палочки кленовые взять.

Это не был и Вовка, который жил через огород. Родители его новорожденную крикливую сестренку укачивали лишь под утро, и греметь барабаном Володька просто бы не додумался. Кленовые палочки не взял бы в руки и Толька, мой друг из дома напротив – счастливый обладатель грузовика в обеденный перерыв отца, когда можно посидеть на упругом кожаном сиденье, вдыхая запах бензина и держась за волшебную баранку, до которой он не каждого пацана допускал. Его отец самый первый из нашего квартала уходил на работу, поэтому Толька в роли веселого барабанщика никак не укладывался в моей голове.

Еще рядом жили две сестренки-двойняшки. Если им дать по палочке, они все равно не смогли бы барабанить, так как каждая тянула бы инструмент на себя. Их брат был уже не мальчик, к тому же не из веселых. Так что, перебрав все свое дворовое окружение, я так и не доверил никому кленовые палочки.

Сам я вставал рано, а один раз проснулся, когда за окном еще только-только забрезжил рассвет. Тихонечко, чтобы не разбудить домашних, откинул дверной крючок и шагнул в туман, окунул ноги в росу. С самого крыльца начиналась трава по колени. Трусы намокли (они у меня на вырост, ниже коленей). Пробираюсь к воротам.

Звякнув цепью, из будки выскочил Мальчик – старый седой пес. Его глаза смотрели на меня совсем не по-собачьи. Говорят, собаки не смеются и не удивляются. Еще как удивляются! Я прикладываю палец к губам и крадусь к воротам дальше, следуя песне: «Ты увидишь у ворот...»

Перекладина, соединяющая штакетины на калитке, отшлифованная моими сандалиями, моя первая качель-карусель, уже ждала своего маленького дружка. Поднимаю разбитую коленку, хватаюсь пальцами за штакетины, и я над землей. Просунул белобрысую голову на улицу, смотрю во все глаза. Где же он есть, этот веселый барабанщик?

Туман стал рассеиваться, и, как на проявляемой папой фотографии, через дорогу проявился соседний забор, потом закрытые ставни и крыши

спящих домов. Все вокруг спало – ни лая собак, ни пения птиц. Спал даже Толькин отец, который самый первый просыпался на нашей улице. Так и не увидев веселого барабанщика, я в грусти спустился с перекладины. Пес Мальчик проводил меня до крыльца, как показалось мне, сочувственным взглядом.

Только ступив на теплый половик, я почувствовал, как замерзли ноги. Пробрался до кровати и юркнул под бабушкин бочок. О веселом барабанщике я перестал думать.

Всегда пишут, что то или это потом снилось. Я бы хотел увидеть барабанщика хотя бы во сне. Но такого сна не случилось. Однако разбудила меня опять-таки песенка:

Встань пораньше,
Встань пораньше...

Я лежал с закрытыми глазами, слушал песню и думал, что больше вставать так рано не буду.

ДИРЕКТОР КОТЕЛЬНОЙ, или КАК Я СТАЛ ЛИТЕРАТОРОМ (из цикла «15 лет счастливой заводской жизни»)

К этому поприщу меня подтолкнул начальник цеха Бурлов. Пригласив меня в свой кабинет, он без обиняков спросил:

– Сергей, ты хочешь стать директором котельной?

Вмиг обрадованный, я отвечал:

– Конечно же, Иван Егорыч, кто же этого бы не хотел!

– Тогда иди и руководи, – произнес он, махнув рукой в сторону окна, из которого виднелся компактный корпус с высокой трубой, струящей веселый светлый дымок.

Котел-утилизатор, к которому мне было суждено прикипеть на 15 лет, считался экспериментальным по сжиганию хвостовых газов, загрязняющих небо над городом. Поэтому старое, теплое словечко «кочегар» я не употреблял, предпочитая ему слово «эколог» в ответ на вопрос «кем работаешь?»

Да, я работал экологом – это сущая правда. Потому что вокруг котельной я разбил вишневый сад. К столетию ухода из жизни Чехова (2004) этот сад насчитывал ровно сто стволов. А в 95-м, обходя свое новое пристанище, я хозяйским глазом прикидывал контуры главной аллеи и расположение столика с лавочками. И думал, какие плоды будут нависать над головами моей дружной смены – озорными девчонками, которые по праздникам захотят прийти к «отшельнику» хотя бы на несколько минут, чтобы укрыться под сенью деревьев от своих шумных машин.

Технологический процесс работы ничуть не мешал заниматься посадкой бархатцев вдоль дороги, выкладывать клумбы из кирпича, выкапывать отростки вишен и сажать их ровными рядами. Почва благоприятствовала садоводству. Знакомые работяги удивлялись:

– Серега, ты колдун! Палку в землю сунешь – и она цветет!

Заброшенные мичуринские сады за городом так и просились, чтобы я перенес их на завод. Кроме вишни я приютил у себя иргу, черемуху, смородину, малину, крыжовник, облепиху, яблоньку, черноплодку... А кабачки и тыквы, разрастаясь, чуть ли не заползали на трубу.

В долгие зимние вечера я сколачивал стеллажи для книг, дожидавшихся меня на свалках. В тот год горы гонимой литературы были особенно высоки. Люди меняли мебель, а под нее подбирались и корочки классиков, поэтому вместе с сервантами к мусорным бакам шли и Сервантесы. Ровным строем, как они и стояли годами в квартирах, располагались Чехов, Тургенев, Лев Толстой и так далее.

У меня глаза разбегались, как у Али-Бабы в пещере с сокровищами, когда я складывал стопки томов в свои безразмерные челночные сумки.

Бытовка в котельной превратилась в настоящую библиотеку. В нее валило полцеха – безвозвратно, слава Богу, забирая книги, а то мне некуда было бы вешать спецодежду.

Котел-утилизатор работал без малейшего усилия с моей стороны. Газ в топке горел то синим, то ярко-оранжевым пламенем, насосы подкачивали воду до безопасного уровня, труба выпускала в небо струйку почти невидимого дыма. Единственное, что обескураживало, так это экзамен по профпригодности. В обиход вовлекались новые слова, например, «риски» – слово, которое я с детства знал лишь в единственном числе.

И я решил зарифмовать инструкцию. Благодаря этому мои коллеги легко запоминали сложные термины и благополучно сдавали экзамены строгой комиссии.

Школьная программа по литературе прошла мимо меня. Мне безумно увлекательно читалось

на всех уроках и дома до двух часов ночи, пока отец не гасил свет («Экономить надо электроэнергию!»). И тогда я забирался под одеяло с Джоном Сильвером и фонариком. В пионерлагере одноклассницы, издали завидев меня, кричали, пародируя классную (я машинально прятал книжечку под столик): «А Чернопятов опять читает!»

Полистав увесистый труд какого-то восточного мудреца о самодисциплине, я в котельной претворил теорию в жизнь. Даже по самому трудному для меня Достоевскому перевыполнил план, прочитав «Бесов», не изучавшихся в школе. Чтением стихотворных сочинений по мотивам классиков я развлекал гостей, заходивших ко мне на чашечку кофе.

И как же мои писания не походили на то, чем школьники мучаются на уроках!

Недавним летом мне посчастливилось побывать в Ялте и укрыться от палящего солнца в тени кедра, 120 лет назад посаженного Чеховым. «Кого-нибудь это дерево спасет под своей кроной», – писал Антон Павлович жене Ольге. Я сидел на лавочке возле скромного дома классика и вспоминал свой вишневый сад.

Сочными ягодами его ныне, наверное, лакомятся мои благодарные коллеги-заводчане.

60-ЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ КОЧЕГАРА
(Говорят друзья)

Начальник смены Андрей Новиков – Командор:

– Ребята, если честно, мы работали на износ. И каждый из нас в этом износе находил свою отдушину. Один пил беспробудно, пока его не уволняли, хотя он был великолепным слесарем. Другой... Хотя других не было, все пили. Не пил только я, но обо мне особая история и в другом месте. А вот почему не пил вот этот лысый черт – Серега Чернопятов, для меня загадка и по сей день.

В советское время был такой фильм: «Беспокойное хозяйство». Табличка с надписью «Хозяйство Семибаба», Михаил Жаров наяривает на аккордеоне. У нас на заводе можно было снимать аналогичное кино, поменяв только фамилию Семибаба на Чернопятова и аккордеон на гитару.

Котельная установка работала под бдительным оком моего подчиненного, который понял, что он этой установке и не нужен. Зато какую деятельность он развернул вокруг корпуса, утопающего в вишневом саду! Гостеприимный столик накрывался на двенадцать персон, ровно столько человек бросало свои рабочие места и во главе со мной стремилось под покровом поздних июльских сумерек на огонек к Серегиной беседке. Тайком, поодиночке, потому что охрана не дремала и патрулировала дороги.

Стол ломился от ветчины, сала, буженины, сыра, селедочки, лука с укропчиком, салата из помидоров и огурцов, а к чаю гора конфет: «Красная шапочка», «Мишка на Севере», «А ну-ка отними», «Курортные», «Трюфели»... Непонятно, на какие шиши все это приобреталось в годы тотального безденежья.

Задушевные беседы велись под чашечку кофе, а после третьей рюмки в руках хозяина появлялась гитара, которая, нарушая конспирацию, то весело, то надрывно благодарно пела о каждом госте. А насосы котельной подвывали, загоняя водичку в баки. Жарко пылала печь оранжевым пламенем, к ярким июльским звездам из трубы вырывался дым.

Технологический журнал за все 12 часов заполнялся при свете утренней зари. В клеточки заносилось множество цифр, которые рисовали картину невыносимо тяжкого труда в ночную смену. Все это было в прошлом веке, когда нам, работающим на износ, целый год не выдавали зарплату.

Подруга дней моих суровых – лаборантка Валентина:

– Мне случалось работать во многих местах, но труд на заводе я не считаю за работу, потому что жизнь скрашивали такие люди, как вот этот юбиляр. «Директор» котельной, в которую я заглядывала якобы за анализом, а на самом деле на чашечку кофе и на новоиспеченное стихотворение тогда еще начинающего графомана.

Вспоминается первое замечательное произведение Сергея – «Ведро и Афедрон». Как я заливисто хохотала уже от одного лишь названия! Но то было только начало, можно сказать – юность творчества моего удивительного друга, который впоследствии не раз поминал добрым словом меня и начальника смены Андрея. Он утверждал, что именно на нас отточил свое поэтическое перо и что по гроб жизни теперь обязан при каждом удобном случае наливать нам – и не только кофе.

Его поэзия звучала на каждой гулянке, которые мы устраивали между компрессорами и центрифугами. Стихи читались в противогазах под грохот старого оборудования, под невыносимый вой сгорающего турбинного газа. Он сочинял сти-

хи, сколачивая для меня спальный топчан из двух поддонов, утащенных из склада готовой продукции.

Он слагал строфы, когда мы тащили мое импровизированное ложе на верхние этажи, надсажаясь между узкими лестничными пролетами. Мой друг писал даже тогда, когда я выходила на балкон в своем коротеньком белом халате с многочисленными дырами от кислоты, как от шрапнели, и танцевала для него ламбаду. Как обычно, бросив на самотек производственный процесс, Серега косил траву между деревьями и задирал голову так, что с головы падала каска. Он наблюдал трогательный стриптиз на скорую ногу, показываемый только в его честь. Проходящая в столовую бригада слесарей тоже пыталась получить наслаждение и высоко задирала головы, но поэт прогонял их криками: «Хороша Маша, да не ваша!» И снова брался за литовку.

И новые яркие образы рождались с каждым взмахом его косы.

КАК Я ЗА ПУШКИНА КРОВЬ ПРОЛИЛ

На моем рабочем столе в котельной, где должен лежать лишь технологический журнал, образовалась пирамида книг о Пушкине. Старенький столик еле выдерживал многотомный груз. Книжный Эверест отражался в стеклах приборов. Я подсчитал, что если тратить на каждую книжку по три смены, то на прочтение всего этого богатства уйдет три месяца.

За окном крупными хлопьями валил первый снег. Со стены от подержанного радиоприемничка летела «Метель» Свиридова. На электроплитке времен Брежнева закипал трудяга чайник. Я с головой погружался в жизнь Александра Сергеевича.

Он над вымыслом слезою обливался, а я – над его жизнью. Вместе с ним я шалил с лицейскими друзьями, проигрывал тысячи рублей в карты, влюблялся в барышень, сочинял сказку «Руслан и Людмила», а также убойные эпиграммы, валялся в горячке по дороге в Кишинев, в южной ссылке упражнялся в стрельбе из пистолета по мухам, готовясь к дуэли с Толстым-Американцем, который разнес по столице сплетни о том, что меня якобы высекли в Третьем отделении за фривольные строки.

Работая кочегаром, я вошел в образ Пушкина, что не мешало давать цеху тепло. И каждая прочитанная мной книга выливалась в стихи, которыми я раскрашивал серые трудовые будни моих друзей и подруг. Ко мне, затворнику, запертому карантином в Болдине, они заглядывали на огонек.

– Ну, ты, Серега, прямо как Пушкин! – восклицала и заразительно хохотала лаборантка Валентина.

Начальник смены Андрей также ожидал моих новых творений, по доброте душевной называя их «пасквилями». Раньше он работал летчиком гражданской авиации. Каждый мой стихотворный подарок ко дню его рождения или ко Дню авиации Андрей бережно открывал, брал мои очки, протирая их и неизменно ворча, что я отношусь к ним не лучше, чем к своему таланту, тяжко вздыхал и вместо ожидаемой мной благодарности правил перлы простым карандашом. Лишь однажды еле уловимая улыбка коснулась его сурового лица, когда он прочел:

Только я один умею
Из потрепанных людей
Делать белых лебедей...

Но эта скупая улыбка скоро исчезла, и над выступающими скулами снова воцарился усталый взгляд. Всякий раз, вздыхая, он складывал листок вдвое, засовывал его в карман спецовки и бросал мне:

– Эх, Серега! Учиться тебе надо.

Дома он прочтет стих еще раз в учительском кругу подруг его матушки. Все-таки большое дело, что мой друг родился в интеллигентной семье, в квартире, где стоят шкафы с книгами до потолка. Не то что я, стартовавший в избе, где на нижней полке серванта сиротливо лежали только «История КПСС», «Последний из могикан» да «Золотой теленок».

Начитавшись книг о Пушкине, я знал теперь о нем все или почти все. Мне не хватало одной-единственной книги – писем поэта. И начались поиски. Во всех книжных магазинах города меня уже знали в лицо. Мои отпуска, проводимые в других городах, запомнились пыльными стеллажами, похожими один на другой. Мне снились пушкинские письма – к жене, к Бенкендорфу, к Вяземскому, Плетневу, Гоголю... Это потом из восточной литературы я узнал о реинкарнации и понял, почему бывает знакома вроде бы совершенно незнакомая до этого строка...

Через несколько лет поисков я увидел в одном кемеровском «буке» эту толстенькую книжку в по-

тертом светло-коричневом переплете. Смешно, что она была абсолютно не нужна никому, кроме меня, одержимого ею. И я гладил ее нежнее, чем женщину, прижимал к груди, кося глаз на продавщицу, которая наверняка уловила выражение моего лица и не спускала с меня встревоженного взгляда.

Я судорожно просчитывал варианты незаметного прохода к дверям, потому что за мою красавицу следовало платить, а чем, если уже полгода завод не платил ни копейки зарплаты? Выдаваемые вместо денег талоны я за полцены продавал спекулянту и всю вырученную сумму отдавал жене на все про все, в том числе на плату за квартиру. Да и дадут в очередной раз талоны еще не скоро...

Букинистический магазинчик ютился в небольшом помещении. Двух-трех покупателей хватило бы на то, чтобы отвлечь продавщицу. Но, как назло, никто не торопился зайти сюда, проходя мимо распахнутой настежь двери к соседней кафешке.

С горечью я плелся на свой завод. Хотелось выть от бессилия.

Неожиданно на пятиминутке перед началом смены ко мне подошла аппаратчица Роза из другого здания. Я смотрел на нее удивленно, так как никогда ранее не общался с ней. А она сказала то, что удивило меня еще больше:

– Сережа, мой муж в больнице, и ему необходимо переливание крови. Не мог бы ты сдать? Я заплачу.

Раньше я верил в Бога неосознанно, а с этой минуты явственно ощутил даруемую Им благодать. За кровь мне было обещано ровно столько, сколько стоила вожделенная книга.

До сих пор я за версту обходил медицинские учреждения. Но теперь с самым горячим нетерпением утром после смены бежал к работникам в белых халатах. Я спешил и молил доброго Бога, чтобы моя любимая – любимая книга – дождалась человека, пролившего за нее кровь.

ПИОНЕРЛАГЕРЬ

Пионерский лагерь начинается с похода по магазинам. Свежим июньским утром я с мамой в предвкушении покупок, которые сегодня все для меня. Для этого и существует наш любимый районный универмаг, расположенный рядом с тем домом, где мне довелось появиться на свет. Видимо, меня сразу же и занесли в этот сказочный дворец, в котором я своими выпученными глазенками и увидел впервые такие яркие и такие огромные игрушки. Медведи, зайцы, собаки, коты, куклы и особенно машины, что стояли на полках, были в два или три раза больше меня. И, что удивительно, я всю эту картину помню почти до мельчайших подробностей. Помнится и пугающее ощущение от их размеров.

Да, этих игрушек я ничуть не желал, как и всего остального, что было в универмаге, потому заплакал и ужасно захотел в тот дом, где родился. Дом этот назывался детской поликлиникой, чего я, конечно, не знал, как не знал и того, что роддом в 1956-м урожайном на детей году оказался переполненным, и детская лечебница щедро распахнула свои двери роженицам.

Из окна на втором этаже я впервые увидел мир – вернее, 5-этажный сталинский дом, в котором на горшке самостоятельно уже сидела моя будущая жена, появившаяся на свет в день смерти Сталина. Моя будущая теща тогда спокойно дремала на кровати. Ее умиротворенное лицо не показывало признаков возможного напряжения в наступающий вечер. И вдруг радио, висевшее на стене чуть ли не под потолком, зазвучало трагическим металлом голоса Левитана, как в начале войны: умер великий вождь народов товарищ Сталин...

Роддом как громом поразило. Женщины зашлись в рыданиях. Плакали все, от главврача до технички, которая мыла в коридоре пол и от горя забыла, что в руках у нее половая тряпка, а не носовой платок, и прижала ее к мокрому от слез лицу. Вставая с кроватей, роженицы растерянно глядели друг на друга.

– Что теперь с нами будет?! – кричали их глаза.

За ними в соседней палате разом заревели новорожденные. Они не слышали своих рыдающих мам, а скорее на расстоянии почувствовали их печаль.

Когда до сознания моей будущей тещи дошел весь ужас происшедшего, у нее начались схватки. Так к общему роддомовскому хору присоединился звонкий голосок моей будущей жены. И мне кажется, что на какую-то минуту он даже сумел заглушить всех, потому что родился воспитатель – отличник народного образования, которого будут зачарованно слушать ученики, увлеченные подачей материала.

Когда я сейчас, дожив до седин, иногда в шутку спрашиваю жену, каким образом она почувствовала, что пора выходить на Божий свет, она всякий раз ворчит:

– Вот достал, старый! Да сменишь ты, наконец, свою пластинку?

А я, как обычно, хохочу от собственной шутки, которая, как и все остальные, помогла мне удержаться за подол моего ведущего. Как учил капитан Титаренко из фильма «В бой идут одни старики», прилип я к хвосту ведомого и от него ни на шаг, иначе сожрут к чертям собачьим.

Материнская и бабушкина любовь без конца и края не могла не отразиться на моей бесхарактерной натуре. Их бесконечные потакания моим капризам могли выйти для меня боком, если бы я сам не стал брать себя в руки, чутьем понимая, что мне со своей невоспитанностью в одиночку не справиться. Подсознательно я начал искать себе в жены воспитателя, хотя бы воспитателя средней группы детсада, которой руководила моя любимая невеста.

Книги, которые увлекли ее во втором классе, такие как «Первая любовь» Тургенева, мама прятала от дочки на самую высокую полку, как прятал от сына отец Пушкина стихи Баркова. В третьем классе Ольга сама пошла в музыкальную школу записываться в класс скрипки. А я в это время, сидя на горшке, мусолил, перелистывая, «Историю КПСС» – одну из трех книг, которые приютил наряду с гранеными стаканами наш старенький сервант. Этот труд я, конечно, не осилил, зато проглотил «Последнего из могикан» и сделал своей настольной книгой гениального «Золотого теленка».

До чего же мы с моим другом Толяном любили разговаривать выражениями Остапа Ибрагимовича! Мечта изъясняться так же изящно и виртуозно, не залезая в карман за словом, преследовала меня и друга с того момента, когда в шестом классе мы взахлеб прочитали книгу о похождениях Великого Комбинатора. И, обогатив свой примитивный лексикон оборотами любимого героя, стали к месту и не к месту щеголять красотой реплик, хлещущих собеседников наотмашь.

Соперничество, кто больше выдаст на-гора остаповских фраз, было жестоким, но когда мы с другом остановились на ничьей, стали употреблять фразы лишь к месту и с другими ребятами, которые о «Золотом теленке» и слыхом не слыхивали. Мы наслаждались отвисанием челюстей и вылезанием на лоб глаз.

– Я думал... – скучно тянул кто-нибудь из моих собеседников. И я тут же наносил удар:

– Ах, вы думали! Вы мыслитель? Как ваша фамилия? Спиноза? Жан-Жак Руссо? Марк Аврелий?

И спорщик подавленно замолкал, не в силах придумать что-нибудь в ответ.

– Смотри, кто идет! – показывает приятель Толяна на какого-нибудь знакомого. А Толян бросает:

– Ну и кто же это? Губернатор острова Борнео?

Среди своих однокашников мы были словно иностранцы, говорящие на непонятном, изощренном языке.

– Вы, конечно, стоите на краю финансовой пропасти, – кидаю я однокласснику, проходя мимо него и видя, как сосредоточенно он наскребывает мелочь на мороженое. Протягиваю ему гривенник со словами: – Но имейте в виду, уважаемый Шура (пацан был тезкой Балаганова), что за каждую копейку я потребую от вас множество мелких услуг.

Конечно, никаких услуг мне не требовалось, просто фраза звучала необыкновенно красиво.

Как прекрасно чувствовать изящество слов, наслаждаться их ажурным переплетением, изысканным смыслом! Но жонглировать фразами и эпатировать правнуков Эллочки-людоедки уместно в серых буднях, чтобы раскрасить убогость безрадостных дней. Иное дело, когда ты попадаешь в пионерлагерь.

Там не нужно слов. Есть ни с чем не сравнимый запах леса. Разноцветные корпуса, выкрашенные свежей краской. Нехоженые тропинки, пока их не истоптала первая смена. Все первозданно и свежо. Хуже во вторую смену, когда уже видишь на лавочке вырезанное перочинным ножичком что-то вроде «Саша + Наташа = любовь».

Но пока что я и мама зашли в универмаг, чтобы одеть меня с головы до ног или, вернее, с ног до головы, потому что запах кожаных сандалий я улавливал еще от дверей. Мама настаивала на сандалиях, чтобы нога дышала, но мне это совершенно не подходило. Первым делом я думал о футболе, ведь мне в такой обувке придется на поле удивлять соперника изощренным дриблингом, увиденным по телевизору в коротких спортивных передачах. Как я считал, мне удалось овладеть дриблингом Пеле и Гарринчи.

Но еще лучше меня водился мой одноклассник Заяц, как я понимал, благодаря кедам. Они сто раз виделись мне во сне. Думалось, дай мне их Заяц, и я обведу на поле всю команду, как Гарринча, и забью вратарю тысячный гол, как Пеле.

Но о кедах я только мечтал, и мне приходилось долго ходить между полок с детской обувью, снимать сандалии и придирчиво сгибать и разгибать их, надевать и делать замахи с правой и левой ноги. Жаль, что нельзя было брать мяч с собой в магазин, потому что почеканить им перед покупкой требовалось обязательно. С особым тщанием осматривался носок обуви, важный для моего коронного удара пыром.

И, конечно же, по своему врожденному гуманизму я еще думал о ногах будущих соперников. Поэтому сандалии должны были быть и мягкими. Мама терпеливо дожидалась, не торопила, понимая, что футбол в моей жизни наравне с книгами занимает первое место.

Тряпки в дальнейшей экипировке меня особо не волновали, разве что носки, желательно длинные, чтобы прикрывали голень. Все остальное я мерял и с первого раза давал «добро». Мама недоверчиво всматривалась в мои глаза: «Правда нравится? Берем?» И я, улыбаясь, всякий раз отвечал: «Ну, мам, конечно же, нравится! Конечно же, берем!»

И наконец завернуты и упакованы в хозяйственную сумку и черные шаровары из саржи с тугими резинками на поясе и на штанинах внизу; такие же черные из трикотажа, на которых через день на коленках надуются пузыри; тенниска, тоже черного цвета, с длинными рукавами, которые через день вытянутся так, что их придется закручивать на 33 оборота.

Дальше шел свитер с начесом на случай плохой погоды. Завершался поход в универмаг в отделе головных уборов, где опять-таки без лишних споров мне покупалась панамка, которую я надевал один лишь раз, чтобы посмотреть на себя в примерочное зеркало.

– Конечно, нравится! Конечно, берем!

И мама с облегчением вздыхала, доставала из ридикюля свой крохотный кошелек и отдавала почти все его содержимое строгой, недовольной продавщице, расстроенной моей задержкой с обувью.

По дороге к трамвайной остановке мама сияла, радуясь в десять раз сильнее меня. Ведь ее сын Сережа на отдыхе будет выглядеть не хуже других. Хозяйственная сумка издавала аромат универмага, а значит – праздника.

И вот уже – о, миг счастья! – старенький автобус тормозит у ворот, каждая дощечка которых выкрашена в свой цвет, и ворота сред пихт и сосен ярки, словно новогодняя елка. Обнявшись на прощание с родителями, мы входим в рай, согнутые под тяжестью сумок. Лицо мамы еще долго видится между штакетин. Показалось даже, что она заплакала...

Первые ощущения от лагеря неописуемы. Потому что это совсем не то, что ты проснулся дома под шкворчание сала на сковородке, над которой ворожит любимая бабуля, собираясь испечь лепешки для внука. А тот, со сметанкой и со сладким чаем их навернув, запрыгнет в седло старого велика, выкатит на родную улицу и, окликнув друзей-соседей, уйдет до первых звезд, окунется в свои пацанские игры, забыв и про обед, и про полдник. И лишь на ужин вернется с изодранными локтями и коленками под изодранными штанами.

Пионерлагерь – это другой мир, иная вселенная. Если, возможно, скрипучая кровать еще напоминает о доме, то все остальное... Окружающие тебя ребята, воспитатели, пионервожатые, палаты, столовая, умывальня, туалет, а главное – звуки простуженного горна над задремавшим лесом, всегда пролетающие мимо нот...

Но что самое поразительное, так это распорядок дня, который не должен быть нарушен ни при каких обстоятельствах. Особенно сончас после обеда, когда ты обязан спать во что бы то ни стало.

В первый день, ввалившись в прохладную, пахнущую свежей краской столовую, мы с жадностью набрасывались на все блюда, приготовленные улыбчивыми поварами в белых колпаках. Первое, второе и неизбежный компот, съедаемый до ягодки. И следом – тот самый сончас, чтобы пища в желудках укладывалась ровно.

Особенно мне запомнился мой первый приезд в пионерский лагерь. Простынки и наволочки на подушках пахли свежестью и давали прохладу. Палаты по шесть человек, что для мальчиков, что для девочек, гудели, как пчелиные ульи. Студенты и студентки, работавшие воспитателями, заходили знакомиться, улыбаясь, и не собирались отдавать приказы, чтобы детки легли на правый бочок, подложили ладошки под щечки и закрыли глазки. Эти приказания я помнил с детского сада и ожидал того же в лагере. Но анекдоты, которыми сыпал наш чудесный воспитатель, не давали нам сомкнуть смеющихся глаз.

Он успел за сончас обойти все палаты – и мальчиков, и девочек. И он влюбил в себя всех девочек отряда и покорил сердца всех пацанов.

На какие-то минуты мы задремали, но тут же проснулись, увидев, как распахиваются двери и

входят воспитатели с подносами, на которых стоит мороженое в вафельных стаканчиках, начавшее подтаивать. Так мы узнали, что наступило время полдника.

– Вставайте, мои юные друзья, вас ждут великие дела! – прозвучала из уст воспитателя непривычная для нас фраза.

Во мне буйствовал восторг. Кажется, такого ощущения праздника я не испытывал и в свои лучшие дни рождения. Вмиг чужая до этого планета стала моею. Незнакомые два часа назад пацаны стали вдруг моими близнецами.

Так начались мои первые походы, первые пионерские костры, первые рассказы обо всем на свете нашего друга-воспитателя, студента физического факультета. Отец у меня мало читал и потому мог рассказать только о том, что происходило с ним самим. Но то, что мир огромен и захватывающе интересен, я узнал от своего старшего друга.

Он был словно послан нам Богом. Доброта, от него исходящая, заразила всех в отряде. За все три недели – ни одной ссоры, не говоря уже о драках. Но главное – у него была гитара, и у вечерних костров весь наш дружный отряд звонко распевал студенческие песни, сочиненные его друзьями на физическом факультете.

А мы пока, а мы пока
Не старики, не старики,
А мы студенты-физики...
И где-то на Аляске иль в Сибири
Мы все равно от радиации умрем.
И чтоб над нашими могилками не выли,
Пусть и в гробу – мы все же пропоем!

А потом, чуть приглушив голоса, наш отряд юных ленинцев, как «Марсельезу», выводил:

Товарищ Сталин нам был родной отец.
Он строил домны, строил ГРЭС,
он строил ТЭЦ.
Но по весне его немножечко того...
И все узнали правду про него.
Что он своих порасстрелял,
Что властью злоупотреблял
И лучше б было без него.

Первый куплет мы исполняли довольно звучно, пока не начинали второй, о нашем времени:

Хрущев Никита ростом был с аршин.
И дел он тоже немало совершил.
При нем пахали целину,
При нем летали на Луну,
При нем достигли сияющих вершин...

Затем пели почти шепотом, потому что припев выглядел совсем уж революционно. Кончалась песня строками:

На то и есть история,
Та самая, которая
Ни слова, ни полслова
Не соврет.

Наш дерзкий пионерский отряд ощущал себя подпольщиками, соблюдающими конспирацию. Не знаю, как там скрывался от шпиков Ленин, но наш любимый старший друг не продержался и трех недель. Под надуманным предлогом, что, будучи дежурным по лагерю, он ошибся в столовой на раздаче продуктов, нашего воспитателя уволили.

Думаю, в своей дальнейшей судьбе девчонки из нашего отряда неосознанно выбирали себе в мужья парней, хотя бы немножко похожих на него. Ну, а пацаны после лагеря приобретали гитары и, глядя в свои записные блокнотики, пытались выводить «А мы пока, а мы пока не старики...» И если бы меня Бог наградил математическим складом ума, я бы обязательно поступил на физмат.

Почти все три недели наш отряд улыбался, но дня за три до прощального костра заплакал. И пока девчонки тихо похлипывали, пацаны храбро сражались за удержание старшего друга. Поиски стукача ничем не увенчались. Мы разделились на группы быстрого реагирования. Одна из них проколола колеса машины, посланной за нашим воспитателем из города. Ребята другой группы, где был и я, схватили его чемодан и бегом понесли обратно в лагерь. Третья, самая смелая и боевая, забралась через окно в рабочий кабинет начальницы лагеря и устроила там настоящий погром. Мы, как могли, бились с произволом. Но произвол оказался сильнее.

Сейчас, когда прошло столько лет, мало кто из поседевших пацанов этой давней истории остался в живых. Но те, кто еще есть на свете, те, конечно, помнят, как на прощальном костре наш отряд перекричал весь лагерь, который затянул набившее оскомину «Взвейтесь кострами, синие ночи». Нас, детей рабочих, потянуло на звонкое:

А мы пока, а мы пока
Не старики, не старики.
А мы студенты-физики!

ВСЕГДА ПЕРВЫЙ

Мой напарник и друг Мишка Мелехов, всегда первый в труде и в отдыхе, первым и бросился спасать людей из-под завалов, когда после взрыва цеха погибли десятки наших товарищей, те, которые только заступили на смену, и те, которые сдавали ее, уже собираясь идти в раздевалку к долгожданному горячему душу.

Правый берег хоронил своих работяг. А левый подумал, что ученья идут, когда вздрогнул березовый лес. Газета «Кузбасс» не имела права сообщать о трагедии, чтобы не расстраивать людей.

А Мишка вытаскивал тех немногих счастливцев, кто наклонился, чтобы завязать шнурок на ботинке, и взрывная волна пронеслась над ним, или кто прилег отдохнуть на десять минут, потому что ужасно гудели ноги от потогонной работы, и в итоге отделался лишь переломом ребер.

Но взрыв взрывом, а цех должен работать, как во время войны. И вновь отстроенные корпуса зазывали первых смельчаков, обещая больше не влетать на воздух. И самым первым, кто откликнулся на призыв, был, конечно, Мишка Мелехов – мастер на все руки. Порвалась цепь, двигающая шнек для перемалывания продукции, и сразу – «Где Мишка?» В ночную смену слесаря трудно отыскать... Выбило вставку на электрощитке – «Где Мишка?» Дежурного электрика также не добудишься... Анализы плохи в колодце – «Где Мишка?» Нужно соды привезти из склада на электрокаре, чтобы понизить кислотность... А Мишка – обыкновенный аппаратчик, такой же, как я, который должен заниматься только горючим веществом.

Но, как всегда, я его подменяю, работая за двоих. А Мелехов подменяет то четверых, то пятерых. Безотказный, покладистый, бесшабашный до безумия, он оказался первым и во время борьбы с алкоголизмом.

В праздники бригада никогда не испытывала нужды в спиртном. Я сравнивал Михаила с героем фильма «На семи ветрах», которого играл Вячеслав Тихонов: несмотря ни на какие взрывы или атаки фашистов тот постоянно притаскивал друзьям бутылки с вином, фляги со спиртом, трофейный шоколад.

Мой друг тоже приходил с настолько зазывно оттопыренными карманами спецовки, что слюнки текли и хотелось тут же сделать перерыв в работе. На столик он, как Акопян, из одного кармана выставлял бутылку за бутылкой, а из другого вынимал огурец за огурцом, свеженькие, из заводской теплицы.

– Можно употреблять. Продегустировано! – весело восклицал он.

Среди грохота и задымленности его друзья чувствовали себя в отдохновении оазиса.

Ох, и удачлив он был в этих дегустациях! Нюхом чуял через стекло, где отрава, а где благотворная влага, которую ключница делала (фраза из фильма «Иван Васильевич меняет профессию»). Эликсир, помогавший нам выполнять и перевыполнять план. Пусть наши жены и ругали нас, именно наши портреты чуть ли не в натуральную величину украшали парадное крыльцо заводоуправления.

Увольняясь с завода, я забрал свой портрет, еле отыскав его в пыльном подвале. А Мишкин так и не нашел, словно он исчез вместе с ним с лица земли. Потому что Мелехова на свете уже не было.

Однажды он, уверовав в то, что удачливость никогда не покинет его, потерял свой фантастический нюх. Его любимая поговорка «Двум смертям не бывать» воплотилась в жизнь.

Нетвердо шагая к своему подъезду, он представлял себе, как завтра будет веселить товарищей нескончаемыми прибаутками, и мысленно радовался. Выходной день. Красота! И вроде бы не худое питье, как всегда, раздувало его карманы. Но, открыв дверь, через порог переступить он уже не смог...

Так он спас не только бригаду, но и, возможно, полцеха мужиков, которые только начинали протаптывать тропку к смертоносному кранику.

Глупо, нелепо, бесславно... Можно без конца находить подобные слова, но почему-то мне не хочется этого делать. И когда я встречаю кого-нибудь из былых соратников, мы обязательно вспоминаем Мишку Мелехова, который со своей безумной бесшабашностью стал преградой между нами и смертью.

МОЙ ЮНЫЙ СОБРАТ ПО ПЕРУ

Юра сидел напротив меня, но лица его я не видел, потому что каким-то немыслимым образом он положил голову на свои колени и вроде как дремал, несмотря на оживленное обсуждение стихотворений студийцев.

Дома я попытался принять такое же положение тела, но даже до пояса раздетому мне это не удалось. Очевидно, такая поза требовала каждодневных тренировок, и несомненно мой собрат по перу в совершенстве владел не только хатха-, но и раджа-йогой – йогой радости и восторга, которая позволяет, отталкиваясь от мысли, укладывать тело в ту конфигурацию, которой требует обстановка.

А обстановка на занятии литературной студии явно обескураживала парня. Время от времени он неожиданно просыпался, поднимал голову и делал замечания по поводу некоторых неуклюжих строк. И всегда это было неординарно и свежо. Но затем он снова проваливался в сон или еще глубже – в 19-й век, обдумывая новый сюжетный поворот своего романа под названием «Убить, чтобы жить». Сам он никого не убивал, но жил романом и только романом и в студии сидел лишь для развлечения, прислушиваясь к вдохновенным фантазиям престарелых графоманов.

И тут мне пришло в голову прочитать мое стихотворение о нем, начинающем гениальном романисте. Как правило, друзья, изображаемые мною в рифмованных строках, потом сердечно благодарили меня и пожимали руку, а я, поддельно смущаясь, лепетал в ответ, что не стоит благодарности. Такой же ответ я держал в запасе и для Юры. Но не тут-то было!

– Из каких ты созвездий, бродяга?
Из каких звездно-млечных ты трасс?

– начал я.

И какая-то неведомая пружинная сила стряхнула лицо Юры с коленей, подбросила тело над стулом. И с криком «Нет! Нет! Не надо читать!» он бросился прочь.

Однако я продолжал декламировать написанное от всего сердца:

Как слепой, он бредет коридором
На один ему слышимый звук
Мимо добрых, участливых взоров
И протянутых дружески рук.

А Юрка бежал, не подозревая, что каждым своим движением иллюстрирует стихотворение. Сначала он бросился к выходу, но в последнюю секунду поломал концовку произведения, вопреки строфе

Вот он двери толкнул и, как в пропасть,
В чуждый город шагнул напролом...

И мне в который раз вспомнился Пушкин, удивленно воскликнувший: «Что творит моя Татьяна! Она отказала Онегину!»

Так и мой герой. Вместо того, чтобы пнуть дверь и гордо удалиться в объятия своей подруги по имени Одинокость, Юра вдруг остановился на пороге. Взгляд его упал на старенький кожаный диван, стоявший в самом дальнем углу зала. И именно на нем «сбежавший с урока» обрел былое умиротворение, вновь, видимо, погрузившись в позапрошлый век и созерцая красоты родовой усадьбы под названием «Морковинка», где стоит белый дом с колоннами, окруженный липами и березами.

Там живет рефлексирующий персонаж Дмитрий.

– Лучше о Дмитрии пишите! – бросил мне Юра, словно во сне. И поправился: – О Дмитрии Владимировиче!

То есть посоветовал мне писать о руководителе студии. И не просто писать, а «лучше». Как будто знал, что Дмитрий Владимирович невозмутимо отвергает мои вирши:

– Довольно, Сергей. Пишите лучше о команде «Ростов», обыгравшей «Баварию».

На диване Юрка затих, размяк в спасительных и таких далеких от окружающей обстановки мыслях. Так хорошо ему сидеть в уютной беседке среди лип и берез и глядеть на колонны барского дома...

ФУТБОЛ С БОЛЬШОЙ БУКВЫ

Да, были люди в наше время...
М. Лермонтов

Этот день был похож на 23 Февраля. Точно такое же приподнятое настроение с самого утра. После рабочей смены мы всей бригадой ехали на футбол.

Слово-то какое – футбол! Когда его произносишь, с тобой будто что-то происходит: начинаешь волноваться и... вдруг успокаиваешься. Сплошная гармония всех твоих клеток. Короче, целебное слово.

И уже с самого утра в шумных промасленных мастерских начинает пахнуть изумрудным газоном и рождается предполагаемый счет. Естественно, в нашу пользу. Но мы все поголовно суеверны, а потому то и дело стучим костяшка-

ми пальцев по редким в нашей слесарке деревяшкам.

Сегодня у нас праздник!

И даже автобус Львовского автозавода, кажется, заражается нашим предвкушением и несется к стадиону быстрее обычного.

Рублевый билет в кассе, парочка беляшей, запотевшая бутылочка «Жигулевского» и, наконец, долгожданная скамейка на восточной трибуне. Ни одного безучастного лица.

Пока рассаживаются соседи, любуюсь из-под ладошки на ладную игру пацанов из детской спортивной школы. С легкой завистью посматриваю на западную трибуну, которую не ослепляет вечернее солнце. Но, поежившись, понимаю, что у нас теплее, да еще и с пахучим горячим беляшом.

Трибуны уже забиты до отказа. А еще – на крышах соседних домов, словно стаи воронья, чернеют люди. На поле выходят футболисты. У наших знакомы не только лица, но и походка, движения, манера бить по мячу. Над стадионом реет любимый бравурный футбольный марш. Наши ворота справа, а стало быть, пока за нас и заходящее солнце.

Свисток. Мяч разыгран. Двадцать тысяч человек одновременно забывают обо всем, кроме того, что происходит на поле. Превратившись в единый организм, стадион напоминает огромного хищного зверя.

Стоит тишина, это значит, что борьба ведется у наших ворот. И вдруг стадион-зверь оживает. Голос его все громче и громче. И вот уже окрестности тонут в восторженном, оглушительном рыке! Счет открыт!

А открыл его Виталий Раздаев! Бригадир – как любовно называют его все болельщики «Кузбасса». Иногда своим хладнокровием он доводит нас до белого каления. Но вот он молниеносным рывком оставляет опекунов за спиной и бьет мимо паникующего вратаря!

Так начинает коваться победа.

– «Кузбасс» показывает шахтерский характер, – звучит из комментаторской кабины голос Валерия Францева.

Во втором тайме болельщикам повезет еще больше, потому что сегодня в ударе Николай Коковихин. Колю надо видеть! Он спорт превращает в искусство. Получив пас, выделывает с мячом причудливые узоры, давая передышку игрокам своей команды. Одного за другим щупленький Коля роняет соперников, которые поднимаются с суровыми лицами, чтобы снова упасть. В своей жизни я видел только двух подобных кудесников мяча: по телевизору бразильца Гарринчу и в детстве – одноклассника Серегу по кличке Заяц.

И что интересно, Николай сразу показывает, в какую сторону двинется с мячом, – и рукой, и голосом. Правда, перед этим как бы немного поколебавшись, в неуверенности. Стадион в двадцать тысяч глоток начинает отсчет: один, два, три, четыре, пять... Облапошивая финтами соперников, Коля прислушивается к командам трибун. Помню, счет доходил до семи! Тогда Николай либо отдавал мяч своим, либо его беспардонно валили на газон – стадион уставал хохотать в такие минуты.

На трибунах царила тишина, когда игра вязла в центре поля. Но когда мяч попадал в руки Пашковского, стадион разом оживал:

– Паша! Паша! Паша!

Паша превращал футбол в баскетбол. Разбежавшись и резко остановившись, не отрывая ног от земли, он через голову бросал мяч из-за боковой линии в сторону ворот противника. Да с такой силой, будто ударом ноги! Случалось, закидывал его на наших набегающих форвардов прямо под нос ошалевшему вратарю. Это был коронный номер Пашковского, сродни эстрадному. Ради одного этого зрелища стоило прийти на матч.

А на следующее утро мы с нетерпением шли на работу, чтобы на смене смаковать с друзьями удивительные моменты вчерашнего вечера.

P. S.

«Кузбасс» – «Спартак» – 4:0!

«Какая боль, какая боль...» Этот рефрен песенки группы «Чайф» вполне мог быть адресован незабываемому матчу 1977 года. Боль эту испытали тогда, конечно, москвичи.

После четвертого гола наши болельщики орали Евгению Ловчеву – будущему капитану сборной СССР:

– Женя! Видишь, как надо играть? Переходи в «Кузбасс»!

Припоминаю, какой-то спортивный деятель выступил в центральной прессе: «Долго еще будут помнить кемеровцы свою победу». Да не кемеровцы, а кемеровчане! Это сегодня мы в футболе кемеровцы, а тогда, в 70-х, для всех мы были Кемеровчане. С самой большой буквы!

ВЫРОСШИЙ В «ХРУЩЕВКЕ», ПОПАЛ Я ВО ДВОРЕЦ

Я даже и не думал, что сотовый телефон, который я возьму в Крым, сможет меня развратить

до такой степени, что отнимет способность описать берега Тавриды в нынешней поездке, хотя бы по одной страничке.

А ведь в прошлом году я, не имея этого чудо-аппарата, всего лишь за одну неделю исписал тетрадку в девяносто шесть листов, с поразительной легкостью находя слова о потрясающем путешествии по дороге-серпантину, танцующему между гор и морем свою чарующую композицию – то ли фламенко, то ли танго, то ли вальс, то ли рок-н-ролл...

Эта старая, латаная-перелатанная горная дорога, причудливо петляющая по высокому южному побережью полуострова, была для меня с прошлого века главной героиней почти всех детских сказочных, романтических и комедийных фильмов, снятых на Ялтинской киностудии.

Дорога, по которой любимые актеры ехали и в санитарной машине, и в «инвалидке», и в рефрижераторе, и на мотоцикле с коляской, и на самокате, и на лошади, и на смешном ослике, но чаще мчались на жигулятах-«копеечках», обдуваемые ветром с гор, и следовали друг за другом в поисках удобного съезда на уютный пляж, прячущийся между остроконечными изумрудными скалами и словно специально созданный для отдыха влюбленных.

Восхитительные картины я бы смог нарисовать с помощью русского языка, на кураже катаясь в экскурсионном автобусе по берегу древней Тавриды. Я бы смог выразить свое восхищение словами, если бы не взял с собой мобильный телефон, помогающий общаться с далекой Сибирью, а точнее – докладывать моей женушке, беспокоящейся о здоровье мужа, где я в данную минуту нахожусь, каким лакомствам, полезным или вредным, воздаю хвалу.

Чтобы успокаивать родных, мне (или, вернее, им) понадобилось это чудо техники. И если бы эта тонкая пластмассовая коробочка служила только для связи! Но она же еще и фотографировала все, что радовало глаз!

И фотограф убил во мне литератора. Это произошло по щелчку, по нажатию кнопки. Хотя вначале я был обескуражен. Нажав на кнопку и взглянув на экран, я прочел сообщение, что в моем аппарате отсутствует карта памяти. Опешив, я возмутился: «Как меня отправили в путешествие без карты и даже не проинструктировали? Что же делать в этой ситуации?»

А город моей мечты с таким песенным и ласковым названием «Феодосия» просил каждой своей улицей, каждым храмом, каждой набережной, чтобы я запечатлел все эти красоты, утопающие в зелени, но особенно белые корабли, залитые солнцем, тихо отходящие от берега.

Однако грустил я недолго. Вздохнув, достал из туристического рюкзака тетрадку в девяносто шесть листов с корочкой цвета морской волны, достал ручку и кинул взгляд из комнаты на балкон. Тот весь был увит гроздьями сочного винограда. Моего любимого лакомства!

И вот, поглощая кисть за кистью спелые бусины, я нежно листал тетрадку с девственно чистыми страницами, а она терпеливо ждала, когда же моя рука потянется к перу, перо к бумаге, когда же речь моя рекою потечет?

И потекла бы, и нарисовалась бы картинка, если бы с балкона, отодвинув очередную гроздь винограда, я не увидел внизу гамак, подвешенный в тени фруктовых деревьев. И на нем чуть покачивающуюся хозяйку моего временного приюта Валентину в цветном домашнем халате. Улыбаясь, она обратилась ко мне:

– Сережа, вам что-нибудь нужно?

Тоже улыбнувшись, я ответил, что все превосходно, и единственное, чего бы я хотел, так это сфотографировать хозяюшку с балкона этого сказочного терема.

– Так что же мешает вам для фотосессии?

– Да карты памяти нет, – проворчал я с досадой.

– Пойдите на автовокзал, что в пяти минутах ходьбы, и вам там помогут.

Я мигом туда. В палатке с надписью «МТС» загорелый, брызжущий жизнью веселый парень взял мой телефон и воткнул в него эту самую карту, стоившую 600 рублей. И она снова превратила незадачливого литератора в счастливого фотографа.

Как пояснил продавец, память рассчитана на 800 кадров, что привело меня в полный восторг. В голове мгновенно понеслись картины, мысленно заселяющие карту памяти. Наверное, целых сто наметил, на остальные 700 не хватило фантазии.

Вот и пришлось из окна светленького экскурсионного микроавтобуса, усевшись поудобнее, как из пулемета строчить встроенной в телефон фотокамерой по живописным горам, которые открывались на секунду-другую между густо насаженными вдоль дороги кипарисами.

Все снимки вышли смазанными, так торопился автобус. На одной из стоянок я с огром-

ным трудом, запыхавшись, взобрался на камень, на который с необыкновенной легкостью в фильме вскочила «студентка, комсомолка, спортсменка и просто красавица». Возможно, если бы я тоже был студентом, комсомольцем, спортсменом и просто красавцем, то так же бы легко вспорхнул на этот валун и, может, даже лучше спел о медведях, трущихся о земную ось.

Обо всем этом я бы писал, если бы не телефон, умеющий фотографировать. И я снимал дворцы девятнадцатого века, потому что невозможно подыскать слова, чтобы описать окружающие их парки с экзотическими деревьями. Гуляя по чистеньким дорожкам, не знаешь, в какую сторону и смотреть. Глаза разбегаются, что доводит до головокружения и заставляет на время покидать экскурсионную группу и удаляться к палаткам с сувенирами, чтобы отдохнуть от назойливой экзотики. Выбираю для женской половины моей семьи эфирные, косметические и массажные масла, ароматизированные соли, душистые воды, бальзамы, ароматические свечи.

А скорее – я бежал из-за нелепого обращения к нам экскурсовода, миловидной интеллигентной женщины. Она называла нас дамами и господами. «Дамы» еще ладно, но вот «господа» резали слух. Не выдержав, я предложил другую версию: «Друзья мои, следуем дальше». Экскурсовод ничуть не обиделась и согласилась. По окончании экскурсии она даже помогла мне выбрать сувениры (в ботаническом саду цены были намного ниже).

Обращения гида не так остро терзали мой слух, когда я с другой группой посетил царский дворец, там «дамы и господа» пришлись ко двору. Дворцовая роскошь заставляла туристов держаться с непривычно поднятой головой, спину не горбить и держать осанку.

Переводя взгляд с высоченного потолка и фантастической люстры на миниатюрный балкон, где в оное время играл оркестрик, пока августейшая семья вкушала, как в моей любимой комедии, «икру красную, икру черную, икру заморскую баклажанную», я представлял себя рядом с вкушавшими яства, попутно рассматривая картины великих фламандцев и портреты самих жителей этого «домика». Одновременно я завидовал и не завидовал им, зная, какая участь ждала этих людей, родившихся с золотой ложкой во рту.

Если в прошлом году мне довелось в течение одного дня побывать на двух войнах, от беспощадной атаки Сапун-горы до обороны Малахова кургана, то ныне, посетив так же за день три великолепных дворца, я был пропитан XIX веком в каждой своей клеточке. Эти дворцы создавались великими архитекторами разных стран, в разных стилях.

Воронцовский дворец с северной стороны был воздвигнут в стиле поздней английской готики (мрачная, я скажу, сторона). Зато южный фасад построен в мавританском стиле, что мгновенно подняло мое настроение и заставило сняться на фоне спящего белого льва.

Массандровский дворец (а скорее, замок с острыми шпилями) строился уже в стиле Людовика XIII, но для царя XIX века – Александра III. С балкона этого здания что-то заставило меня, сжав кепку в кулаке и по-ленински картавя, толкнуть известное: «Дворцы – рабочим, земля – крестьянам!» После чего, насладившись парковым ландшафтом в английском стиле, я направился в Ливадию (с греческого «священный луг»), где расположен дворец Николая II в стиле итальянского Возрождения.

Изумителен парк, который террасой спускается к морю. Белоснежное строение смотрится намного веселее двух предыдущих. Все-таки итальянцы не такие мрачные зодчие. Вокруг десятки редких видов субтропических и тропических растений. На склонах возрожден виноград, варварски вырубленный в годы перестроечной борьбы с алкоголизмом.

Все три дворца поражают чрезмерным богатством и не соразмерными с человеческим масштабом площадями. Если убрать из интерьера диваны, кресла, стулья и столы, то все объемы покажутся созданными для великанов. А здесь жили лилипуты, несмотря на их величества.

Нам, экскурсантам, выросшим в «хрущевках», было не совсем уютно внутри таких просторов, среди мебели, расставленной так ровно, что хотелось выйти на свежий воздух. От позолоченной посуды на сверкающем чистотой столе веяло холодом и отдавало чем-то ледяным. Не было ощущения, что хозяева только что вышли, но обязательно вернутся.

Исключение составляли только библиотеки. Вот где пахло жизнью, вот откуда я выходил самым последним, боясь отстать от своей группы. Библиотека резко контрастировала с другими комнатами, потому что книги, стоявшие в ровных шкафах, сами были неровными, потертыми и

своими потрепанными страницами будили во мне теплое, родное чувство. Старинные фолианты были побольше наших привычных книг формата А5. Мне казалось, что если бы я проник сквозь стекло и коснулся хотя бы одного тома, то почувствовал бы тепло, оставленное на обложке августейшей ладонью. Вот здесь, в царской библиотеке, я бы не обиделся на обращение «господин».

День клонился к закату, но мне, уставшему вместе со всей нашей группой, предстояло испытать еще одно потрясение. Мы вдруг попали в 1943 год, неожиданно натолкнувшись на огромный портрет трех правителей, восседающих в креслах. Как обухом по голове: Черчилль, Рузвельт, Сталин.

Они были до такой степени на своем месте, что у меня мысли спутались, стали теснить одна другую. Первая ассоциация: «Паханы забили стрелку и распечатывают планету». Вторая: «Люди из другого кино». Как будто в павильоне сошлись одновременно два фильма. И герои Гайдая – Трус, Балбес и Бывалый – случайно забрели в интерьеры, где снимается фильм Бондарчука «Война и мир». И эта троица решила отдохнуть в креслах дома Пьера Безухова.

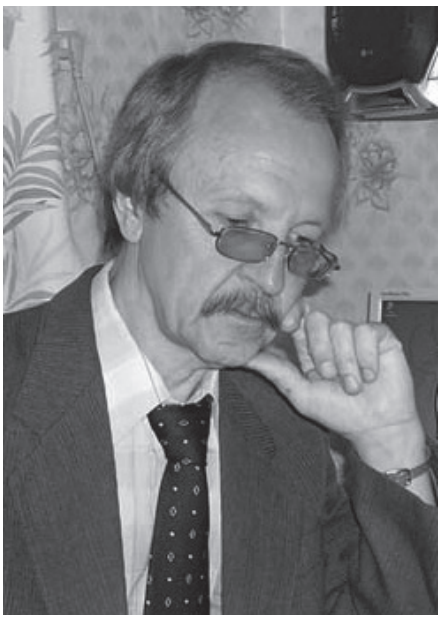
Выйдя из Ливадийского дворца, мы еще раз встретились с Вершителями судеб. Фигуры их созданы с присущим Церетели размахом. Восседают они в том же порядке на фоне экзотических растений.

На экскурсии, как правило, ходят образованные люди, в отличие от меня – слесаря третьего разряда. Интеллигенция зачастую сторонилась Сталина, но в этот раз вся группа как один выстроилась в очередь, чтобы сфотографироваться рядом с отцом народов или другом всех туристов.

И вдруг я вспомнил, что не так уж далеко от этих мест идут боевые действия. Мариуполь, Угледар, Донецк...

2022

Поздравляем с юбилеем!



Юрию Матвееву — 70!

Татьяна КОПЫТОВА

ПЕНСИОННАЯ ПАСТОРАЛЬ

ЛОСЬ

Переходил дорогу лось
Тяжелыми шагами,
И эхо гулкое неслось
Оврагами, лугами.
Неторопливо лось врубал
Могучие копыта,
И под ногой асфальт звучал,
Как из свинца отлитый.
Казались сильные рога
Звериною короной.
Смотрел немного свысока
Король, в лесу рожденный.
Его ничуть не испугал
Чихающий автобус...
Ногами землю он толкал,
Раскручивал, как глобус.

* * *

Уж не любится, не танцуется,
И душа спит безгрешным сном.
Но зато как-то всласть кукуется
Мне на даче вдвоем с котом.

Домик есть, огородик с банькою
И почти на сотку – цветник.
Травку дергаю спозаранку я.
За водой хожу на родник.

Говорю по душам с рассадою,
С чувством слушаю соловья.
Никуда не спешу. И рада я,
Что теперь эта жизнь – моя.

Куража нет в крови горячего,
Суматошных деньков не жаль.
Им на смену приходит вкрадчиво
Пенсионная пастораль.

...Когда ночью прикрыта улица,
Забываюсь все тем же сном:
В нем танцуется, ох, как любится,
И летит душа кувырком!

* * *

Протру аккуратно тряпкой,
Поставлю на ту же полку
Твои домашние тапки –
Чтобы искать недолго,

Чтоб вечность минуты каждой
Успеть поделить на мгновенья:
От жажды и снова к жажде,
От смерти и к воскрешенью.

КОПЫТОВА Татьяна Борисовна *родилась 15 марта 1960 года в поселке Апрелька Гурьевского района Кемеровской области. Окончила филфак КемГУ. Работала корреспондентом, редактором, пресс-секретарем администрации Гурьевска, главным редактором газеты «Знаменка». Награждена областными орденами и медалями. Посещала литстудию «Притомье». Председатель творческого объединения «Литературный салон» Гурьевска. Стихи публиковались в альманахе «Кузнецкая крепость». Автор книги стихов и прозы «Беру и помню». Живет в Гурьевске.*

А время скользит на пяльцах
И крестиком жизнь вышивает.
И день ото дня пылятся
Тапочки...
Протираю.

* * *

Устроившись под одеялом,
Лукаво подмигнув Луне,
Я перед сном всегда мечтала
Как все – о принце на коне.

Ко мне он, одержимый, мчался,
Сердца стучали в унисон...
И сразу сон мой начинался,
И я проваливалась в сон.

А поутру – и настроенье,
И легкость мысли, и задор.
Но годы вспыхнули мгновеньем,
И много лет прошло с тех пор.

Сейчас кручусь под одеялом,
Тяжелый подавляя вздох:
Ведь было дело – я мечтала...
И принц тот жив, и конь не сдох.

И, в комья сбивши одеяло,
Не научившись вновь мечтать,
Прошу от жизни очень мало:
Нет принцев – дай хотя б поспать!

* * *

Второе июля. Хмарь и морок.
В калошах тащусь по лету.
Где они, солнц сто сорок,
Прославленные поэтом?

День – как тень, без движенья.
Замерло все цаплей.
Дождик без выраженья
То стихнет, то снова каплет.

Лето попутало сроки,
У лета ведь тоже – нервы...
Но завтра взойдет на востоке
Солнце сто сорок первое!

* * *

Бывает миг вечерней тишины,
Когда по небу сепией мазнуло,
Сползли лениво тени вдоль стены,
И старый дуб нахохлился сутуло.

День вычерпан по капельке, до дна,
В жару его всегда бывает мало.
Ни шелеста, ни звука – тишина
Застыла обреченно и устало.

И только чутко, шлейфом над землей,
Мерцает звук из тысяч многоточий:
Стежками частыми, тончайшею иглой
Кузнечик августу рубашку строчит.

Миг обуздания восторгов и стихий.
Граница между вечером и ночью...
Так лето отпускает все грехи,
Но жизнь уже недолгую пророчит.

И посреди нездешней тишины
Замру и я, как в миг благословенья,
Чтоб получить и ощутить прощенье
Даже за то, в чем нет моей вины.

Елена КАДОМЦЕВА

Рассказы

ШИПОВНИЧЕК

Наталье Борисовне Рубинской

1

Вчера купила у бабушки на остановке ведерко шиповничка. Так та его назвала: «Хороший шиповничек уродился. Забирай весь, доченька. Целый куст растет в полусадике. Забирай».

И Аня забрала всё. Ссыпала из ведерка в пакет, а дома из пакета в кастрюльку. Старую эмалированную. С ежиком на боку. Осторожно перебирала крупные оранжевые ягоды с хвостиками. Чуть посильнее надавишь – кожица прорвется, и покажется мякотка. Смешное старое слово. Из детства. Бабушкино. «Мякотку не повреди. Осторожно клади, пальчиками не дави, во-о-от так». И Аня разжимала потную ладошку, чтобы шиповничек скатился в корзинку.

Не так часто они с бабушкой ходили в лес собирать шиповник, но запомнились эти разы накрепко. Свежим осенним воздухом, паутинками на голых ветвях и сухих – высоких, с Аню – травах. Бабушкиным неспешным шагом – под стать Аниному. Всё в этих прогулках было соразмерно и неспешно. Наполнено спокойствием и теплом. Чай, над которым вилась струйка пара, пирожки, завернутые в платок, сыр, чуть масляный от того, что долго лежал на солнышке...

В лес Аня ходила только с бабушкой. Родители обязательно отправляли ее на летние каникулы, часто привозили на выходные. До ее двенадцати лет лесные прогулки были их с бабушкой традицией. А потом бабушке стало сложно так далеко ходить. Она выходила только до магазина, потом на лавочку под окном, потом... Аня попрощалась с ней пять лет назад. Навсегда. Бабушкин дом в пригороде родители продали, деньги поделили на четыре части. Аня на свою долю взяла в ипотеку студию в новостройке. На краю леса.

Долго делала в ней ремонт. Приезжала в пятницу поздно вечером и часто просто лежала на надувном матрасе под торшером и читала. Или сидела на порожке балкона и смотрела через раскрытую раму, как облака по небу бегут. Квартира была на десятом этаже. Аня лениво тянула остывший кофе, потом наклеивала полосу обоев и снова ложилась читать. Но ремонт все же был закончен, и она переехала.

И только тогда решилась пойти в лес. Гуляла много. Весь август и начало сентября. Встречала пожилые пары, пары с детьми, одиночек с собаками, одиночек на велосипедах, группы с детьми, собаками, на велосипедах... Возле леса было много новостроек. Но все-таки он сумел остаться лесом. С птицами, полевками, ящерками и даже лисьим семейством. Аня пообещала себе, что будет искать новые тропинки, а не

КАДОМЦЕВА Елена Вячеславовна *родилась в 1986 году в Троицке (Южный Урал) в семье врачей. Окончила филологический факультет ЧелГУ. Работала учителем, сейчас воспитывает четверых детей. Участник Всероссийской мастерской для начинающих писателей АСПИР. Живет в Челябинске.*

только ходить по просекам. Будет ходить и осенью, и зимой (и, может, даже купит себе лыжи).

Но вот уже ноябрь на подходе, листья сорваны ветром, она покупает ведерко последнего перезревшего шиповника у бабушки на остановке, а в лес больше так и не сходила ни разу. Только смотрит на него из окна.

Аня разложила ягоды на противне и двух подносах, которые потом поставила на подвесные шкафы. И снова невольно вспомнила, как они с бабушкой развешивали сушиться яблоки, порезанные дольками и нанизанные на леску, натянутую на веранде. А вот шиповник совсем не пахнет. Аня бросила горсть ягод в стеклянный чайник, добавила ложку чая. Залила кипятком. Ягоды захороводили с чаинками. Так шиповник, конечно, не настоится. Надо в термос, на ночь. Пусть. Зато красиво. Задернула плотные льняные шторы. Включила торшер и села в кресло вязать.

Опомнилась, только когда поняла, что руки сами вывели маленькую охряную шапочку в виде ягодки шиповника. Осталось только хохолок приделать. Аня покрутила ее в руках. Зачем мне такая шапочка? На семь-восемь лет. Некому отдать. У сестры дочка еще маленькая...

Аня отложила шапочку и пошла пить чай. Лопнувшие ягоды разбухли, заварка получилась бурой, с осадком. Из прозрачной кружки не попьешь. Она сняла с крючка глиняную, пузатую, с листиками на боку. Чай кислил. Обжигал язык. Оставила недопитую кружку на столе. Вернулась к шапочке. Довязала хохолок. Разгладила нитки. Ну что ж. Если некому отдать, то будет лесу ответный дар.

Был поздний предзакатный час. Шапка лежала у нее в сумке. Аня шла по блеклому уснувшему лесу и искала глазами подходящее дерево, чтобы прицепить к ветке яркую охряную вещицу. Но чем дальше шла, тем сильнее сомнения одолевали ее: «Что ж она будет мокнуть под дождем и снегом? Потом застынет нелепым линялым комком... Что за глупость! Кто найдет ее в этом лесу? И не побрезгует снять с куста и надеть? Но ходят же здесь семьи с детьми, вдруг кому-нибудь приглянется! Вдруг ее шиповничек ладно сядет на светлую или темно-русую детскую головку? Может, тогда не в лес его нести, а дать объявление, на своей странице выложить? Не продавать даже, просто...».

Аня остановилась в растерянности. Солнце село. Только самый край выглядывал над лесом. Насыщенный оранжево-красный закат. Голые ветви, торчащие сквозь листву колкие травы. Осень собрала почти все свои дары. Оставила только тяжелые рябиновые кисти птицам. Аня оглянулась. И куда она забрела? Успеет вернуться до полной темноты? Ох, хоть бы какой собачник встретился! В конце октября лесные прогулки манили лишь самых стойких. Она засунула шапку в карман и поспешила домой. Уставшая и запыхавшаяся вышла под фонари на влажный черный асфальт. И обнаружила, что шапку и перчатки обронила в лесу.

2

На следующий день она в лес не пошла: зарядили дожди. В одну из ночей дождь сменился снегом, подморозило. Аня достала зимние ботинки и варежки. Сложила высохший шиповник в высокую банку, а корзинку с нитками задвинула в дальний угол. Вдруг ее руки самовольно свяжут еще что-то такое же странное?

В лес она попала только в конце ноября. Уже лежал снег. Было свежо и тихо. Аня специально пошла днем, чтобы увидеть, как он преобразился: из блеклого коричнево-серого – в белый, сверкающий, новый. Но дошла до развилки, а руки уже замерзли с непривычки. Постояла немного, решая, куда идти: направо, к карьеру, или налево – к той полянке, где летом росла земляника.

Свернула к полянке. Дошла быстро, но с досадой заметила, как среди невысоких сугробов резвятся лабрадор и девочка. Аня любила собак, да и с детьми обычно ладила, но сегодня ей хотелось побыть одной. Папа девочки стоял поодаль, говорил по телефону. Аня прищурилась, глаза слезились от снега и солнца, ей показалось, что на девочке была оранжевая шапка.

– Привет!

Девочка прибежала за собакой, а собака – за брошенной палкой. На девочке и правда была оранжевая шапочка. Та самая, которую Аня обронила в лесу.

«Вот она. Мой Шиповничек».

Аня улыбнулась.

– Привет.

У девочки были светло-карие яркие глаза, худенькое личико, куртка и штаны на вырост, а вот шапочка сидит как влитая.

– Это ты ее потеряла? – девочка коснулась шапки рукой. – Брикен нашел на дорожке. И перчатки. Мы за тобой бежали, но не догнали, не

заметили, в какой дом ты свернула. Мы живем в семнадцатом.

– А я в девятнадцатом. Ты носи шапочку, не надо возвращать! Я ее связала просто так, в подарок кому-нибудь... А она сама нашла себе хозяйку, – Аня снова улыбнулась.

Брикен рыл что-то в сугробе. Папа девочки продолжал говорить по телефону, но посматривал в их сторону, махнул ладонью: дождитесь, мол. Аня кивнула.

– Мы недавно сюда переехали, – сообщила Шиповничек. – Летом жили в центре вместе с другими, а потом Боря нашел нам квартиру.

Аня недоуменно нахмурилась.

– С Брикеном нас не могли надолго оставить...

– Здравствуйте! – папа наконец-то закончил разговор и подбежал к ним, на ходу поправляя шапку.

Он был одет в черные лыжные брюки и камуфляжную куртку.

– Вы уже познакомились?

– Ой нет, – Аня смутилась. – Я как-то забыла. Анна, – она протянула руку.

– Борис. А это Юля, – он на секунду прижал девочку к боку. – А пес...

– Брикен, я знаю. Его Юля представила, – Аня рассмеялась.

– Вы уж простите, что мы присвоили вашу вещь, но Юльке она прям впору пришлась. Вся одежда у нее на вырост, что уже выдали, – добавил он, на мгновение отводя взгляд.

Аня поспешила заверить, что шапка ей не нужна, носите, дескать, на здоровье.

– Вы мастерица прям, – улыбнулся Борис, щурясь на снег. – На заказ вяжете?

– Нет, я администратор в клинике, вяжу просто так.

– Очень красиво, – он посмотрел ей в глаза и коротко тепло улыбнулся – не смущенно, по-доброму.

Такой же кареглазый, как и Юля-Шиповничек, только уже по-зимнему бледный, как и все горожане. Юля выглядела более смуглой, словно летний загар еще не сошел, что было, конечно, невозможно в ноябре.

– Часто гуляете в лесу? – продолжил он, рыхля снег носком ботинка.

– Нет. Не так часто, как хотелось бы, – добавила она поспешно.

– А мы – каждый день. Брикену надо побегать. Да и Юльке тоже. Целый день меня с работы ждут.

– А разве... – Аня смутилась, но продолжила. – Разве Юля не ходит в школу?

– Нет, – Борис внимательно посмотрел на нее. – На следующий год пойдет.

– Понятно. Юля сказала, вы недавно переехали...

– Да, – он коротко кивнул и, засунув руки в карманы куртки, принялся обходить полянку, Аня смущенно умолкла и двинулась следом. Юля и Брикен утопали в сугробах. – Они одурели от счастья. Снег! Нечасто его видели раньше, чтоб так много и так рано.

– Это еще мало! Там сразу трава. Надеюсь, к Новому году еще нападает.

– Ждете?

– Снег?

– Нет, праздник, – он снова тепло улыбнулся.

– Не знаю, – Аня пожала плечами. – Родители хотели в санаторий, сестра будет с мужем и свекрами справлять, да в их квартирку больше никто и не поместится... Я еще не думала, в общем, – закончила она.

– Юля ждет. А я тоже не знаю... – тут он заметил, что Аня украдкой передернула плечами. – Замерзли?

– Немножко. Легко оделась.

– Тогда надо побегать, – он озорно сверкнул глазами и потянул Аню на полянку, в самый снег. – Кто быстрей!

Аня, скованная многолетней привычкой «держать себя в руках и выглядеть прилично», оторопело сделала шаг, другой. От неловкости их спас Брикен. Оглушительно лающий и подпрыгивающий за палкой в руках Бориса – высокого, а палка еще выше! – и Юля, хлопающая в ладоши, немножко неуклюжая в своей одежке на вырост и в яркой шапочке, присыпанной блестящим снегом.

3

Вернувшись домой, Аня первым делом полезла за корзинкой с пряжей. Она свяжет еще одну шапочку. Потеплее. Можно двойную, а можно на флисовом подкладе. И еще варежки! Видела где-то схему с новогодним рисунком. Надо перебрать нитки. А завтра снять мерки. Договорились, что Юля придет после обеда посмотреть книжки (Аня перевезла от родителей все свои,

включая детские), а то у них почему-то ни одной нет.

Аня сжала в руке моток ангорки. Вопросы крутились в голове: «Где их мама? Почему на Юле одежда с чужого плеча (мальчишеская куртка, ботинки)? Что за центр, в котором они жили раньше?»

Она гнала эти вопросы. Не важно. Сейчас не это важно. Вот познакомится поближе – и спросит. А сейчас надо думать о том, чтобы пряжи хватило. И что испечь на завтра. Шарлотку? Брауни? Творожное печенье?..

Но в итоге ей не пришлось спрашивать. Борис пришел за Юлей, когда уже темнеть начало. Согласился на чай, пока Юля вырезала бумажную Барби (у Ани нашелся альбом среди книжек). Аккуратно отломил брауни (но тот все равно осыпался крошками на блюдце) и сказал, посмотрев Ане прямо в глаза:

– Мы беженцы.

Аня растерянно кивнула. А он все смотрел: поняла ли, откуда и почему?

Не поняла.

– За новостями не следишь, да?

Аня снова кивнула, так и замерла с чайником в руке: долила воды, но еще не включила.

– Понятно. Сейчас уже особо и не освещают. Это в первые месяцы шумели... – он махнул рукой и отправил целый кусок в рот, прожевал. – Но люди продолжают уезжать. Потому что бомбить не перестают. Хотя вроде бы догова-а-аариваются. Кто-то верит, что скоро все закончится. Я не стал ждать. Интернат Юлькин все равно эвакуировали. Она сестренка моя, – пояснил он. – Не дочь. Ты сперва подумала, что дочка моя, да?

Аня снова кивнула и поставила-таки чайник на подставку, нажала на кнопку, тот медленно зашумел.

– Родители... Мама и отчим. Они уехали еще до того, как все началось. Но не сюда. Не в эту сторону. В командировку, по гранту. Надолго. А у Юли не оказалось нужных прививок. Ее на месяц в интернат отправили, потому что я тогда в другом городе еще работал, не смог сразу ее забрать к себе... Но когда их эвакуировали, то, конечно, сразу рванул следом. Все бросил. Только Брикена прихватил. Вот так мы оказались у вас. Ты правда ничего не знала про бомбежки и беженцев?

– Слышала. Но не вникала, – Аня опустила глаза. – Не все такие, как я, – добавила осторожно.

Борис согласно кивнул.

– Знаю, – дожевал очередной кусок. – Нам здорово помогли в центре. Одежду дали, волонтеры квартиру съемную нашли, дешевую, только за коммуналку. Продукты по первости выдавали. Но я работу быстро нашел. Фотографирую. Технику с собой вывез.

Аня теперь видела, что он и правда молодой совсем. Не ровесник ей. В лесу одежда – с чужого плеча, безликая, универсальная – сбивала с толку. А сейчас он сидел перед ней в футболке с принтом, джинсах, с какими-то плетенками на запястье – это была его одежда, старая, еще из прежней жизни.

– Ты что молчишь-то? Ошарашена?

– Прости. Задумалась.

– Ты, может, другие новости читаешь? Что там у нас сплошные сепаратисты и террористы? Что давно пора прекратить?

– Н-нет! – Аня затрясла головой. – Я никакие не читаю и не смотрю. Совсем. Телевизора у меня нет.

– Незамутненный разум, – Борис хмыкнул. – Как у Юльки. Она тоже вся в книжках и мечтах сейчас... Наверно, защитная реакция такая. Даже не спрашивает, почему мама не приехала.

– А она?..

– Получила вид на жительство. Командировка продолжается, – Борис прихлебнул остывший чай и грустно улыбнулся поверх кружки. – Юльку пока не требует к себе. Она химик. Очень умная. Трудоголик. Мы с Юлей от разных отцов, – сухо добавил он.

– Жалеешь, что уехал?

Он пожал плечами.

– Кроме Юли у меня нет близких. А ей лучше здесь. Мои друзья... Почти все ушли воевать. Сепаратисты, которые никак не хотят быть смирными. Хотят жить своим умом. Представляешь? – он говорил, а дыхание вырывалось с легким присвистом, он старался выглядеть спокойным, но горечь прорывалась в словах. – Решили по-своему. А не как удобно всем остальным... Мне дали отсрочку. Я не мог отправить Юлю одну. Здесь я сразу опеку оформил, не знаю, чего там тянул. Надеялся, что мама все же решится... Наверно.

– Ты хотел бы... вернуться? – Аня сама не поняла, как у нее вырвался этот вопрос.

Он в ответ посмотрел очень внимательно.

– Да. Если найдется человек, кому я смогу Юлю доверить. Ты вот... Взяла бы ее к себе?

Аня кивнула, чувствуя, что сердце готово выпрыгнуть из груди. Чайник все сильнее шумел за спиной.

– И Брикена? – он чуть усмехнулся.

Аня рассмеялась.

– Чуть не забыла про него! И его тоже возьму, если он будет слушаться. Только я не знаю, как оформить опеку и все остальное... – зачастила она.

– А это уж моя забота, – он быстро поднялся, крошки посыпались с колен на пол. – Ты подумай еще. До Нового года. Я как раз с документами разберусь. И от матери... согласие получу.

Аня смогла только кивнуть. Чайник у нее за спиной пиликнул – закипел.

4

Ночью она вышла на балкон – под звезды. Поправила сползающую с плеча шаль, поглубже засунула ноги в тапочки. Смотрела и вдыхала морозный колкий воздух. Там, внизу, спал зимний лес. Лес, подаривший ей Юлю-Шиповничек, Брикена и Бориса. И надежду. На то, что долгий сон книжной девочки-мечтательницы, не смотрящей новости, кончился. Началась жизнь. Колкая – как этот воздух, на котором стынут пальцы, но настоящая. Не картонно-плоская, какой она жила, пока пять лет училась на менеджера, а после три года работала на перспективной должности. Ее самой ведь почти и не было в этой жизни. Она спала, вяло реагируя на внешние раздражители – пробки в час пик, недалекость или зависть коллег, мелкие пакости и невеликие радости: новое платье, туфли по акции или духи из элитного отдела со скидкой. И книги, конечно же, книги. Ее отдушина...

И вот эти трое из леса сказали: хочешь жить по-настоящему? Да, будет непросто, вообще непонятно как. Наверно, временами шумно и утомительно, не посидишь вечерами в тишине. Наверно, со стороны – дико. Взяла чужую девчонку на воспитание, а парень этот умыл руки. Что будет, если он не вернется?! Ты представляешь хоть?!

Аня не представляла. Она видела только улыбку Юли, ее широко распахнутые глаза – это правда мне? – ее доверчивую нежность, прорастающую через отчуждение ребенка, выдернутого из одной жизни в другую. Она видела и непривычную ей твердость и честность в глазах Бориса. И надежду: неужели получится, неужели он разделит свою ношу, и не надо будет метаться, выбирая – родина или Юля?

Чтобы увидеть это, ей понадобился один вечер. Один взгляд – душа в душу.

Так не бывает.

Да.

Мы разучились так смотреть и так жить.

Не высчитывая свою выгоду и удобство. Не опасаясь попасть впросак. Доверяя, а не выверяя.

Ты чудачка, Аня. Старая дева с клубками шерсти в корзинке. Ты поверила в чудо?

Она стиснула руки под грудью и закрыла глаза. Стало совсем холодно, озноб уже бежал по телу мурашками.

Сказала «да» незнакомому человеку. Но не на тот самый – заветный – вопрос. Вообще на другой. Но почему-то сердце в тот момент хотело выпрыгнуть из груди. И во рту пересохло. Нет, это был именно тот самый вопрос. На который не солжешь. Который связывает крепче обещаний. И пусть он видит в ней только подходящую для присмотра за ребенком женщину – не более, но почему-то она была уверена, что он волновался не меньше, спрашивая. Что ему было очень важно такую женщину наконец-то найти. Чтобы самому ехать туда, где он себя видел нужным. Необходимым. Что ж. Они не солгали друг другу ни в чем.

Стоя под звездами и половинкой луны на балконе, Аня не знала, что далекой войне, о которой почти перестали говорить по телевизору, суждено затянуться, а потом она перерастет в большую и близкую. Что Борис повзрослеет, получит осколочное и контузию, но уцелеет. Что Юля за это время поступит в первый класс и закончит девятый. Что у нее самой появятся те морщины на лбу и у глаз, которые не скроет тональник, но улыбка останется прежней. Что она свяжет Юльке десяток шапок, а потом начнет вязать носки на фронт. Брикен умрет, когда Юля закончит среднюю школу. Они с Юлей будут плакать, обнявшись тесно-тесно. Борис даже успеет с ним попрощаться – приедет в отпуск. Он сделает сотни снимков на войне. Его авторский почерк начнут узнавать...

Всё это было еще не здесь. Там – в небесной дали, сокрытое туманностями и метеоритными потоками. Не-ви-ди-мое. Возможное, если она сделает шаг навстречу новой жизни. Если выберет ее сейчас. Как выбрала полчаса назад – сердцем.

Вжжжух. Аня задвинула раму. Вернулась в комнату, скинула на диван шаль, одним глотком допила остывший чай. Посмотрела на одиноко стоящее блюдце с крошками брауни. Она завернула Юле последний кусочек в бабушкину салфетку с мережкой. И помогла положить в ее плюшевый рюкзачок.

На столе осталось блюдце Бориса.

Я, конечно, еще подумаю до Нового года. Но мы оба знаем, что ответ не изменится ни за месяц, ни за два. Когда я ту шапочку вязала, я не знала, конечно, я ничего не знала, но сердце уже чуяло. Шиповничек. Она наклонилась и подобрала клубок с пола. Спасибо, бабушка, за шиповничек. Я его обязательно в термосе заварю, когда снова в лес пойду. С Юлей и Брикеном, и Борисом.

АНГЕЛЫ ГОРОДА ЕЦК

У каждого города есть свои призраки.

Эле казалось, что у Ецка, накрытого противоракетным куполом и застрявшего между двух империй на долгие девять лет, призраков было больше, чем живых. За годы обстрелов в куполе появились бреши. Снаряды падали на улицы, уродуя город, и превращали его жителей в призраков. Те, кто ушел из города в надежде защитить его, потом тоже возвращались. Невидимые почти для всех, они приходили вязью воспоминаний. К родным. К матерям, умеющим ждать как никто другой, к слишком рано повзрослевшим детям. К женам с выцветшими глазами и ломкой, кривоватой улыбкой на губах, с беглой сигареткой – затянуться, чтобы не расплакаться.

Еще о них помнили те, кто вернулся живым. Они помнили обо всех – и за всех. Но делиться воспоминаниями могли только с ночью, заглядывавшей в окна (еще не везде заново застекленные, прикрытые фанерками, затянутые пленкой, хлопающей на сквозняке). Смотрели, как листья пятнают желтым мокрый асфальт, сжимали немеющие пальцы в кулак.

Что они видели под дождем? Серые тени? Едва ли. Их память хранила живые лица. Тени видела только Эля. Даже не видела – чуяла. Осень выдалась стылой, и Эля думала: это потому, что их очень много здесь. Они приходили прощаться. Отогревались о взгляды родных, об осколки прежней жизни, бережно хранимой и возрождаемой сейчас, и становились всё тоньше, прозрачнее, поднимались ввысь – за облака, набрякшие дождем. Теплели души. Уходили в иные дали.

Живым было сложнее согреться. Можно было заколотить щели в домах, завесить окна одеялом, раздобыть буржуйку, если коммуникации перебило. Но... Душу согреет только родная душа.

Люди за годы войны вели себя по-разному. Некоторые сбивались в стаю, узнавали, наконец, кто живет на верхнем этаже, в соседнем подъезде, в доме за углом. Пережидать обстрелы приходилось в самых разных компаниях. Выстаивать очереди за водой – тоже. Общая беда стирала внешний налет индивидуальности, сметала личные границы, обнажала нутро. Просвечивала тебя, как рентген. И на контрасте очень хорошо было видно сердце. Насколько оно у тебя большое. Есть ли оно вообще? Бьется еще?.. Разделишь с соседкой пятилитровку? У нее ведь нет никого, а сама она дальше двора не ходит: ноги, варикоз, зрение на нервной почве упало... Или сбежишь в свою конуру? А потом удивишься шаркающим шагам: «Элечка, мне здесь гостинец передали...».

Были и те, кто, иссеченные потерями, усохшие от страха и ожидания, выпадали из этой парадигмы всеобщей поруки. Они просто не могли приблизиться ни к кому другому. Смотрели словно из тоннеля на свой город и жизнь, которая пыталась вернуться на прежние рельсы. Мирные.

Да, над городом больше не летают ракеты. Не нужно пригибать голову и втягивать ее в плечи, чтобы сбегать за хлебом или в аптеку. И сводки в чате читать больше не нужно.

Можно слушать птиц утром и мелкими глотками цедить кофе. Невозможно горький. Роза не умела его варить. Но она вставала первой – на смену в больницу. А Эля, изглоданная бессонницей, как раз засыпала перед рассветом. Но кофе они успевали выпить вместе. У окна с вечно приоткрытой форточкой – для Боцмана, полосатого кругломордого кота с покоцанным ухом и обмороженным кончиком хвоста. Раньше он приходил к бабушке Валентине в 57-ю, а когда она однажды не вернулась, попросился к Розе.

Потом к Розе пришла Эля. Кот великодушно принял и ее – лишь бы кормила и гладить не забывала. Сегодня он застал Элю одну на кухне и тут же взобрался к ней на колени. Так они и просидели до тех пор, пока Роза не прибежала на обеденный перерыв.

Из левого глаза у Эли бежали слезы – вся щека была мокрой. А правый был сух и привычно уже обездвижен, только шрамы покраснели и припухли. Левой рукой она гладила Боцмана между ушей, а правая удачно спряталась у него под боком. Культя ныла в сырую погоду.

Елена – Эля – Евгеньевна Сидоренко наполовину ослепла, но ей повезло: она родилась левшой, поэтому, потеряв правую кисть, не утратила привычные навыки. С Розой Берг они учились вместе в медицинском колледже. Закончив, Эля уехала в далекий северный город к парню (с ним не сложилось). А Роза вышла замуж здесь, в Ецке. Муж ее ушел добровольцем. До мира он не дожил три года. Роза не была на передовой, осталась в роддоме, там тоже не хватало рук. А Элька, вернувшаяся, как только узнала, что Ецк попал в тиски, пошла туда вслед за братом. Брата успела найти, а спасти не успела. Вместо брата были десятки других – юных и не очень, изломанных, изрезанных осколками, обожженных, но не сдавшихся. «Бросай меня, – хрипели они. – Уходи». В Эле было пятьдесят килограмм живого веса и славное спортивное прошлое за спиной. Эля не умела бросать.

Они, конечно, ругались. У нее не хватало дыхания отвечать. Только улыбаться.

После первой контузии ее перевели в госпиталь, в город. Там уже хватало дыхания и на улыбки, и на песни. Эля напевала, усевшись между кроватями, рассматривала квадраты лунного света на полу, что выписывали узор поверх ромбов линолеума. Отодвигала подальше таз с неубранными бинтами. Пятна на них были черными под луной. Ржавыми – под лампочкой.

Эля тогда еще не курила. Но голос все равно садился – от усилий и подступавшей к сердцу горечи. Она пела колыбельную. Которую мама напевала ей и брату. Одну и ту же мелодию. Теплую, как детство, оставшееся далеко позади.

...Гули, гули, гуленьки, сели возле люленьки... Сели гули на кровать, стали гули ворковать, при-го-ва-ри-вать...

От всех остальных песен душили слезы. Тогда они еще были.

Днем ее мальчики слушали рэп. От него не щипало глаза.

Долго в госпитале она не смогла. Песни и веселые – несмотря ни на что! – мальчишеские глаза будили душу. Они улыбались ей: «Не дрейфь, сестричка, прорвемся!» Сжатая в комок душа расправлялась, как кусок бумаги, брошенный в угол. Было больно. Видеть их – изломанных и храбрившихся, терпеливых, упрямо привыкающих к протезам, скупых в разговорах с родными – чтобы не расстраивались!

И видеть других. Тех, кто попал сюда в плен. И знать, какой за ними тянется след. Не за всеми, конечно, но... Все равно!

Там, между взрывами, под кажущимся бесконечным дождем осколков, не успевало болеть. Надо было просто делать свою работу. Быстро, слаженно, без лишних вопросов – к себе и другим. Мужчины так работали из года в год. Им некуда было отступать. Ецк был в тисках. Союзники не брали к себе. А к тем, кто забрасывал город снарядами, не хотелось – даже через едва маячивший мирный путь. Сёла и деревни вокруг переходили из рук в руки. Кто не успел уехать, устали бояться. Душа, издерганная страхом и надеждой, напоминала обуглившуюся головешку: тронешь – рассыплется пеплом. Эти люди серели лицом и все реже смотрели в небо. Они хотели слиться с землей, прорасти в нее – вглубь, чтобы не выбило никаким снарядом.

Когда союзники наконец-то приняли Ецк и область, бои вскипели с новой силой. Кровавой пеной окрасили дни. Злости с обеих сторон было не занимать. Тогда Эля и ушла второй раз на передовую. Душа, начавшая было расправляться, почернела. Горькие сводки. Переполненные палаты. Странные обмены...

Она знала, что если и в этот раз уцелеет, то кошмары, как волки, догонят ее. Выгрызут сердце. Вылижут кости. Она не знала, хочет ли уцелеть.

Мама умерла еще до войны. Инсульт. Слава погиб в первый год... Папа дождался ее. Его ни разу не зацепило, хотя дом посекло. Но его сердце устало. И однажды он не проснулся. Яблони уже отцветали... Эля нашла записку в его старой телефонной книжечке (смешная дань памяти ушедшей эпохе): «Ты к нам не торопись, дочка. Дождись мирного неба». Эля не дала слезинке сползти по щеке. Ушла штопать тех, кто своей кровью землю поливал, чтобы небо таким – стало.

Конечно, мальчишки ее берегли. Они всегда берегут девчонок. Хоть и делают вид, что на равных. Эля платила им, как могла, за заботу. У нее были быстрые пальцы, верная рука.

«Если Элька заштопала, заживет, как на собаке!»

Эля шила, приговаривая – жарким шепотом поперек сердечного стука. Во рту у нее пересыхало...

«Элька заговорит хворь и беду».

Но когда отступали от Лима, Эля свою беду не отвела.

Из окружения многие вырвались. Она осталась с теми, кто не успел. Кто остался лежать под звездами, между рыкающих БМП. Эля знала, что как только рассветет, куст ракиты не скроет их, не спасет. Знала, что боец с дивным именем Нур, чья стриженая голова давит ей сейчас на колени, не доживет до утра. Он истекал кровью, когда она его нашла. Он ничего уже не просил – губы побелели. Но когда она притянула его к себе на колени, прошептал: «Мама». И она гладила его по вискам и шептала: «Да, сынок. Спи, родной».

Ночь разбросила над ними звездное покрывало. Эля легла на спину, когда его не стало.

Когда рассвет пополз серыми пятнами по развороченным холмам, она тоже поползла. Она не знала, куда. Знала, что живой не дастся. У Нура была «расправа».

Овраг ее спас, но лишил глаза: раскуроченная крыша УАЗа торчала из склона. Руку оторвало позже. Когда она бросила «расправу» в лицо тому, кто ее к себе за ботинок тянул, сплевывая и воняя. Вывернуться и откатиться не успела, зацепилась правой рукой.

Подобрали свои, когда Лим возвращали обратно. Ругались сильно. Но Эля знала, за что руки и глаза не стало.

Эля штопала только своих. А тех, кто в госпиталь попадал «оттуда», кто шипел сквозь зубы «шлюха», когда она систему ему в вену вставляла, тех она не гладила по вискам. Им она такую «нитку» в рану вживляла, чтобы их потом ни на кого не обменяли.

«Небо стало мирным, папа. Смотри: не летит, не жужжит тихонько, воздух не замирает. Можно идти, папа, не торопясь. Дома́ еще черные стоят, да. Но их отмоют. Окна меняют быстрей – зима скоро. Те, кто дождался своих, возродят этот город, заново всё отстроят. Дороги перелатают, поправят заборы. Только у старого тополя не отрастет верхушка. Дуб в парке тоже сгорел... Зато аллея липовая уцелела. Мама любила сидеть там, там она Славу по дорожкам катала. А меня уже нет. Я во дворе под окном спала в клетчатом одеяле. Я посажу вам всем липу и первоцвет. Чтобы родной запах не забывали. Слезы бегут, папа, но мне не больно. Это все кот – он зачем-то согрел меня, и из груди выскочила иголка. Развязался узелок. Вот и Роза смотрит, а говорить боится. Через стол тянет мне платок...».

Боцман, мурча, соскочил с колен, побежал к Розе – рыбу учуял в пластиковом контейнере. Минтай на овощной подушке. Эля помнила меню наизусть.

– Что, этот котяра и тебя растормошил? Я когда его подобрала – после Бабвали – две ночи ревела, он ложился под бок и тарахтел. Сашку вспоминала, как он храпел, а я ворчала. Но, знаешь... Полегчало на сердце. Дышать как будто легче стало.

Эля высморкалась, встала, разминая затекшие ноги.

– Я пойду. Надо пройтись, сама еще не пойму, легче мне или нет.

– Ты бы спать легла. Бери полосатого и ложись. Ночью все равно опять спать не будешь. Смотри, тебя же из стороны в сторону ведет!

Эля оперлась о стену и рассмеялась.

– Знаешь, я когда в себя в больнице пришла, думала, я на оба глаза ослепла. Видела только серые тени вокруг. Много. Но потом всё меньше. Бледнели и улетали.

– Кто?

– Души. Тех, кто жил здесь, но не вернулся. Они прощаться приходят.

– Ну тебя! – Роза замахнулась крышкой контейнера, масляные капли упали на пол, Боцман бросился вылизывать. – Иди уже! Проветри голову. Элька, нет в этом городе мертвых душ. Только живые.

А я кто? Мертвая или живая? Уцелела – но для чего? От кошмаров бежать? Видеть раз за разом, как гаснет взгляд, вспоминать ледяные пальцы, вспоминать, что от некоторых только пальцы и остались... Живые строят город. Помогают друг другу. Они не для этого девять лет выживали – чтобы сейчас умереть. Мужчины – словно сжатые пружины – они до сих пор в строю. Когда увидят, что дом отстроен, что детям есть, где есть, спать, учиться, тогда улыбнутся, похлопают по плечу и однажды наутро не проснутся: кончился завод. Они точно знали, зачем идут на войну. Не выбирали, не метались, не разменивались, делали дело. Не таили большего зла, чем злость удара. Старухам на обочине отдавали паек, детишкам – сахар, девчонкам – улыбку. Молодые, у кого сердце поновее –

не рубец на рубце, – поживут подольше. Родят сыновей, дочкам нежность свою подарят...

Поля́ в этот год зарастут травой. Потом мины вытащат, и заново вспашут.

А я?

Быть живей, чем есть, слишком больно. В пальцах прежней силы нет. Зашивать и утешать. Да и пальцев теперь вполовину меньше.

Эля спрятала культю в карман.

Роза крепкая. Она еще встретит парня. А не встретит – возьмет сиротку, и заживут втроем с котом. Роза добрая. Потому войной ее и не перешибло надвое. Надо было мне тоже – в роддом. Теплых крошечек мамам в руки передавать. Но Славка... Как бы он там без меня?..

Я не успела остановиться, далеко зашла... Далеко-о-о-о. Там черна вода. Птицы не поют... Волки по следам идут. Воют. Интересно, те туда же идут? Те, кто наутро не проснулся. У кого руки были по локоть в крови и кому было мало. Те, кого коснулась моя рука. Потому ее и не стало...

Эля шла к липовой аллее. Посидеть между черных стволов на скамейке. Перевести дух и вспомнить наконец того парня – из своих! – который кричал начмеду: «Убери ее отсюда! Убери! Не видишь, какой она стала?! Не пускай ее в палату к ним!..».

Его на одну ночь положили в это крыло. Мест не было. Надя – с пустыми глазами – лечила одинаково всех. Ни слова. Сухо и без ошибки – быстрей переведут туда, где ждут суда. Эля так не смогла. Некоторых она знала слишком хорошо – по их делам. Некоторые сами выдавали себя, плюя ей на халат. Она никогда не выбирала – кого.

Новый парень, Матвей, не спал. Болела нога. Но не от боли он скрипел зубами: «Собаки. Мы вас живыми взяли. А вы кусаетесь, брешете, как и раньше брехали, и всё вспоминаете, сколькими глотку и как рвали...». При нем псы затихли. Их пятеро было. Двое с синими от наколок руками, с пьяными от рожна глазами. Остальные, ошарашенные, больше молчали, иногда «спасибо» роняли, глаза отводили.

Эля сделала вечерний укол – потянулась «ниточка». Наутро один не проснулся. «Оторвался тромб», – скупо сказала. Матвей костылем выбил стекло в двери, кричал через весь коридор: «Борисыч! Забери ее! Забери! Нельзя так делать наше дело!».

Эля помнила, какой черной волной захлестнуло тогда сердце – и оно омертвело.

За такого, как Матвей, она б и в огонь пошла. И шла! Вытягивала их из воронок. Живых, голубоглазых, честных – до пены у рта, умеющих только в бою правду добывать; всё, что исподтишка, – им поперек горла. Но когда гонит такой – только бежать, захлебываясь горечью и стыдом.

И она побежала.

Добрела до скамейки. Пока шла, слезы высохли окончательно, голова кружиться перестала. Села тихонько, колени к подбородку притянула. «Живой он? Матвей. Увидел мирное небо? Простил... меня? Сходить к Наде, спросить, куда он попал после выписки?».

Она долго сидела на ветру. Липы шелестели, роняли листья на черный асфальт, на гладкие, блестящие брусья скамеек. Фонари зажглись – через один. Накрапывал дождь – то сильней, то тише. Похолодало. Рука ныла противно, сжать бы ее в кулак... Если в Ецке живут только живые и ангелы, что родных навещают, то я его призрак. Полуживой, усталый. Без руки и почти без глаза. Строить новое уже не смогу. Забыть старое – еще и не начинала.

Слава, мама, отец.

Саша Розин.

Баба Валя.

Нур.

Артем.

Александр Иванович.

Митько.

Лис.

Имена словно листья: тот же шум, только не вне, а во мне! В моей голове.

Папа! Небо – мирное! А я свой мир растеряла.

От аллеи до первой городской километра два. Лучше на трамвае... Но словно волной сорвало со скамейки, на пару секунд замерла, качнувшись с пятки на носок. Даже если смена не Надина, я все равно найду и спрошу!

Господи! Пожалей меня! Я так устала!..

Он увидел ее со спины. Но узнал сразу: стрижка та же, наклон головы. Пока перебегал дорогу, чуть не упустил из вида, ее куртка мелькнула уже в самом конце аллеи. Надя говорила, что после травмы зрение на уцелевшем глазу сильно упало, что Эля почти не разговаривает, не спит... «Как ее найти?!» – «Живет у Розки Берг, вот адрес, пиши».

Догнал только после следующего перекрестка, ее немного занесло – с тротуара на мягкую

землю под сбитый напрочь балкон. Схватил за плечо. Развернул к себе.

– Погоди!

Так из рук рвутся птицы, а потом замирают, лишь сердце стучит хлестко – через все тело.

Отдышалась. Смогла. Узнала. Он высокий такой. Исподлобья смотреть тошно, а в глаза... Уцелевшим одним... Ну, давай, поднимай! Только руку из кармана не надо, не доставай. Хорошенького понемножку.

– Эля, – он перевел дыхание, но сердце не из-за бега заходится. – Эля, я нашел тебя.

– Ты... искал?

– Да. Нельзя мне было прогонять тебя тогда. Не имел права... судить.

– Ты не судил, – улыбка, а внутри все дрожит. – Ты правду сказал. Но... У всего своя цена. Я заплатила, что смогла, – она неловко дернула плечом в надежде освободиться.

Но он держал крепко, слушал внимательно, склонясь. Каждое слово ловил – она шептала, голову в сторону отведя.

– Эля, я знаю всё. Не прячься. Я... и не такое видел. И еще раз посмотрю.

Она медленно повернула лицо. Что ж, смотри.

Но глаза зажмурила, не смогла.

– Эля...

Он, конечно, пальцем по шраму – не удержался. Жалеет? Злится внутри, что не защитил? Они все злились и отводили глаза, бессильно ругались. Только Аркадий Николаевич штопал и шутил: «Элька, тебе повезло. Ты левша, переучиваться не придется. А на правую протез выпишем. Из столицы!»

Разлепила веки.

– Ты простил меня?

– Я? Мне нечего прощать. Бог простит, Эля. Тебя и меня.

Где-то наверху хлопнула форточка. Посыпались крошки – прямо над его плечом. Голуби слетелись мгновенно. Будто ждали. Воркуя, клевали – кто быстрей. Эля поискала взглядом белого. В сумерках только его и видно.

– Проводишь меня? Я на Пролетарской живу.

– Пойдем.

Он наконец-то разжал пальцы, стискивающие плечо. Выдохнул. После первого квартала заметил, как она дрожит. Стянул куртку, укрыл. Сопротивляться не стала, только кивнула: спасибо. Поправил на левом плече – сползала.

– Твои уцелели? – тихонько спросил.

– Нет. Мамы давно не стало. Слава... Брат. В первый год погиб. Папу полгода назад похоронила. А ты... Всех дома застал?

– Я доброволец. С Арала. Не уезжал, тебя искал.

– Теперь можешь ехать. Ведь ждут!

– Не знаю, – пожал плечами. – Мне эта земля родной стала.

– Как нога?

– Зажила.

– У Аркадия Николаевича легкая рука. Мне б с ним тоже повезло, если б было, что пришивать, – она вытянула руку из кармана.

– Всё смеешься. Даже когда не смешно.

– Я сегодня и плакала. Похоже, слишком живой стала.

– Эля... Я приду к тебе еще?

– Приходи.

Дождь закапал сильнее. Они ускорили шаг, рука сама потянулась к руке – так верней. Не потерять. Не потеряться. Не оступиться. Подняться. Чувствовать у плеча плечо. Сжимать пальцы в горсти, поглаживать огрубевшими подушечками тонкую, словно пергамент, словно крыло бабочки, стянутую то ли от холода, то ли от ожога кожу...

Даже в глаза смотреть не надо. Смотреть можно в небо. Серое, мягкое от туч. Без всполохов и «фонарей». Чистое небо. Мирное.

– Эля, – чуть помедлил. – Ты таким его представляла?

Подняла взгляд.

– Не знаю, – повела головой. – Думала, будет лето, будет светло... И пушинки летят, в волосах застревая.

– Да, – кивнул он.

Эле показалось, где-то рядом упало на землю перо. Белое. Видно, снова кружит над городом голубиная стая, белые перья на небо роняя.

Октябрь–декабрь 2022 г.

Михаил РАНТОВИЧ

НЕМЫЕ ЗВУКИ НА СНЕГУ

* * *

Е. Ж.

Непристойная дремота
не притронется, пока
требовательная нота
отливает облака.

Голубое ли напрасно,
если было молодым?
Кто себя увидит ясно,
больше не тяжелый дым.

Оставляй немые звуки
на сверкающем снегу.
На морозе щиплет руки –
что еще сказать могу?

* * *

Уверен стриж, ликующий расстрига,
что бог – свободный воздух, а не книга,
что человек – лишь талая беда.
Не говори об этом никогда.
Слышны грозы громоздкие вольфрамы
и немота из погребальной ямы.
Вся физика – пустой Сизифов гром.
Молчи, не говори: прием-прием.

* * *

Как плесень – иней на сквозных опорах,
усталый дым, корявый березняк, –
пейзажные подробности, в которых
вдруг опознаешь безобразный знак.

Как безысходность воздуха прекрасна,
когда он может смело омертветь.
Все бесполезно, беспощадно, ясно,
но жалости нельзя преодолеть.

Пойми, я не люблю тебя, конечно,
и не любить тебя я не могу,
какой бы ни была ты – чудной, вешней,
погубленной ли в голубом снегу.

Ты все властительнее и воскресней,
как завершающий тревожный звук,
который был когда-то честной песней,
неотразимой музыкой разлук.

Расковано пространство голубое.
Когда б не эта жалость, алость, власть,
то ты б оставила меня в покое,
жизнь – не сестра моя, но страсть!

РАНТОВИЧ Михаил Сергеевич *родился в 1985 году в Кемерове. Лауреат конкурса «Пристальное прочтение поэзии» (2021); участник Первой (2021) и Второй (2022) школы литературной критики в Ясной Поляне; финалист премии им. А. И. Казинцева в номинации «Критика» (2022). Публиковался в журналах «Интерпоэзия», «Кольцо А», «Крещатик», «Новый берег», «Урал», «Юность», «Алтай», «Сибирские огни», «Огни Кузбасса»; альманахе «Менестрель», сборнике «Новые писатели»; в электронных журналах «Формаслов», «Реч#порт», на портале «Textura», «Prosodia»; «Вопросов литературы». Живет в Москве.*

* * *

Напрасная и праздная вода,
и я среди нее стою шпионом
под равнодушьем высшего суда,
над нежным искаженным небосклоном.

Река вливается в мои глаза,
и вечность я вычерпываю взглядом.
Но вот стремительная стрекоза
стреляет в воздух слюдяным снарядом.

Не задевая зеркала крылом,
она, как я, прожорливо-глазаста,
бесстрашно отражается на нем
и только безучастьем сопричастна.

Ее не схватит зрячее стекло,
и не приблизится она, доверясь,
она зависла нагло, наголо,
стреляет снова, устремляясь через
меня, и вот уже летим – куда? –
в пространстве беспрепятственном
и трудном,
где трудятся и небо, и вода.
Ни неба, ни воды не зачерпнуть нам.

* * *

Тусклый свет, асфиксия, свобода –
расставанье с тобой навсегда.
Как пригожесть теряет природа,
если к ней подойдут холода?

Все покроется крупною солью –
компенсация пресности лет.
И разлит, и разит по раздолью
только свет, только свет, только свет.

Виктор
КОВРИЖНЫХ

ВОЛЬНЫЕ МЫСЛИ ОГОРОДНОГО ФИЛОСОФА

Поэты новой волны

Иногда читаю поэтов так называемой новой волны. Соответствующих своим поведением господствующему мейнстриму. Индивидуальности естественной – ноль! Но они любят оригинальничать, выражать собой непохожесть, граничащую с вычурностью. И так усердно соответствуют имиджу, что их лица слились в одно лицо. Но зато оно «необщего выражения».

Они как карты из одной колоды, более того – одной масти.

Свои пиковые (бубновые) валеты и дамы, десятки и семерки. У них есть свой джокер, регулирующий ветер тренда. То это очередной изыск постмодернизма, то кошачий визг постсовкового андеграунда с эстетикой котельных и консервных банок с окурками, то конъюнктурный курс спекуляции сталинским холокостом, то брутальный глагол культурологии с уставом собора Парижской Богоматери.

Все они любят тусоваться на фестивалях и салонах мадам курской (там пьют, загибают пальцы и остроумничают на языке маргиналов и паханов в законе). А также толпиться у кормушек премий в надежде втиснуться в шорт-лист.

Некоторые упрекают меня, что я их недооцениваю, а отдаю свои симпатии Ивантеру или Дм. Мельникову. Но те труженики не только пера. К тому же не из колоды, а из собственных поместий. Мельников в трудах насущных и размахом мысли перекраивает горизонты и перспективы русской поэзии на свой лад. И не только он сам, но и оглобля у него на подворье пишет стихи, до которых многим не дорасти.

Другие

Обычно, читая стихи того или иного поэта, условно классифицирую их.

Вот поэт с ангелом в душе. Вот с непуганой вороной от сивого мерина. Вот мейнстримный, где туз козырный в душе или чувак с татуировками и в черных очках с прибамбасами. Вижу воспитанных рэпом, русским роком, «пинкфлойдами» и прочими говноджонсами (да простит меня А. Григоров за кражу слова из его лексикона). Они, тем не менее, интересные. Там есть чему удивиться, что-то открыть в области лингвистики или обнаружить афористику с лексикой из мобильных приложений к смартфонам и планшетам. Правда, полет мысли и духа не выше потолка их собственных лабораторий. К тому же интонации такие, словно они оказали великую честь миру только одним своим присутствием здесь, не говоря уже об их откровениях в стихах. Брюзжание, высокомерность или этакий снисходительный взгляд: смотри, мол, прохожий, я удостоил тебя вниманием и словом...

А есть такие (и их подавляющее большинство) – с инструкцией в душе. Они пишут строго по инструкции, будто разработанной и утвержденной ректоратом литературного института. Мысли у них правильные, чувства правильные (всегда патриотические), слова правильные, спряжения глаголов и порядок слов – правильные! И даже метафоры и прочие тропы – те тоже правильные! Будто не стихи читаешь, а пособие по эксплуатации пылесоса.

Сдается мне, что помимо инструкции по версификации, у них есть и другие, расписанные на все случаи жизни: как правильно собирать грибы, как ухаживать за женщиной и тащить ее в постель, как любить Отчизну. Даже если «странною любовью», то и эта странность будет правильной. И сеют разумное, доброе, вечное строго по инструкциям и в правильные сроки!

Их строки – как парты, аккуратно расставленные в учебном классе, или ряды телеграфных столбов с проводами, несущими информацию о том, как правильно жить. От себя уже ничего не добавляют, это просто трансляторы чужих мыслей и голосов. Есть подозрение, что и пишут они одними и теми же чернилами (правильными), выделенными секретариатом СП. И – стилом! С одним лишь отличием – именем автора. Ибо не будь этого – невозможно было бы отличить их друг от друга. И все написанное ими представляется одним огромным лицом общего выражения. Но зато оно – правильное!

Есть и более продвинутые «другие», которые благодаря умению чуять конъюнктуру ухитряются вовремя с правильным лицом предстать пред строгие очи высокого начальства. Начальство, как правило, тоже правильное, любит таких правильных и правильно устраивает их в литературной жизни: наделяет постами, премиями, книгами, публикациями и гастролями по весям и столицам за казенный счет.

У этих успешных «других» впоследствии к имеющимся инструкциям добавляется своего рода табель о рангах, где четко обозначено их место в литературной иерархии. Если посмотреть у таких послужной список, то получится отдельная книга об их заслугах перед государством и читателем. Там и список литературных и общественных премий, наград, медалей, дипломов и похвальных грамот от великого множества организаций, союзов, слетов и т. д. вплоть до благодарственного Письма от профкома колхоза «Путь в правильную жизнь».

Некоторые более продвинутые и ушлые ловят «ветер перемен» и вовремя украшают свои строки модными побрякушками и аксессуарами из поэтических бутиков мейнстрима, но все равно получается правильная муха из мрамора. Помпезная, украшенная стилистическим изыском, но обязательно патриотическая с глаголом из пособия по Гражданской обороне.

Улица мейнстрима

Продолжу говорить аллегориями. К тому же тема обязывает включать в тексты о литературных процессах художественные приемы и средства.

Мне эта улица представляется в виде ряда фонарных столбов, увенчанных скворечниками. Каждый скворечник со своей окраской и формой, и каждый соответствует направлению в поэзии. От обэриутов современного толка до конформистов новой волны с неизменным протестом ко всему, что есть в этом мире. Новизны хотят и обновления.

Вот проходишь мимо столба и по виду скворечника определяешь: петух постмодернизма, кукушка концептуализма, ворон конструктивизма. Метаметафорист с озябшим зябликом. У столба с кучей использованных презервативов и пустых шприцев увидишь скворечник пестрого попугая панк-поэзии с ирокезом, как шевелюра С. С. Арутюнова. У столба с лузгой от подсолнуха бренчит и присвистывает на все лады из скворечника голос поэта-куплетиста, массовика-затейника. И т. д. и т. п.

Как я уже упомянул, протест – основа и творчества, и собственно мироощущения. При этом по форме и содержанию протест значительно видоизменился. Тут и пофигизм бунтаря-одиночки, тут и сторонники свободы творчества от всяких условностей, включая элементарную мораль и этические нормы. В ходу брутальный глагол, инвективная лексика и англицизмы. И не поймешь: то ли он гордится тем, что знает английский, то ли настолько убежден, что англицизм тут концептуально важен. И еще опять-таки презрительная, хамоватая интонация – как черта превосходства над презренным миром...

А завершает улицу особый обобщающий скворечник – как некая сублимация всего протестного начала и всех видов новых течений. По форме он напоминает вычурную скульптуру стихотворения А. Петрушкина, сработанную руками какого-нибудь церетели. И вот из дырки высунется нечто похожее на чудище обло, стозевно и облает тебя стишком со смесью жаргона, ядовитого сарказма и кандибоберных поэтических фигур. И если доберешься до сути и выразишь ее тезисно, то это опять же сублимация общего содержания мейнстрима: «Весь мир бардак! Кругом жиды, козлы и шлюхи!»

Митька

Это, в общем-то, собирательный образ представителя поэтически продвинутого мейнстрима, воплотивший в себе профессионализм, оформившуюся эстетику и художественную концепцию. Тут богатство нового поэтического языка и блеск метафор, легкость и изящество строки. Разумеется, это надо только приветствовать, желательно даже восхищаться. Поскольку именно на последнее и рассчитывают яркие представители этой волны. А вот что стоит за этим, так сказать, в основе, то тут, увы, – пресловутый Вудсток. Основа основ хиппи нью-йорков со вселенской свободой и любовью с кем и с чем угодно. Уже овеянная славой и окутанная дымкой марихуаны, эта свободная любовь стала легендой и святым уставом для последующих поколений хиппи. Нонешние, правда, уже переоделись и переобулись и не походят на тех легендарных нечесаных, немытых в драных джинсах с косяком гашиша и ветром кайфа в крови от вколотого в вену героина или ЛСД.

Очень цивилизованные и образованные, но дух независимости и превосходства над прагматичным миром до сих пор остается.

Читая стихи Митьки, не устаешь восхищаться его мастерством щеголять новыми глаголами! Невольно ловишь себя на мысли, что перед тобой произвольная программа фигуриста-виртуоза! Что ни метафора, то двойной лутц, что ни эпитет, то тройной аксель, что ни строчка – то дорожка со сложными элементами шагов, движений и вращений! А вот тебе еще и четверной тулуп высокого полета, и шпагат в воздухе! Да что вы такое говорите, ничего ему не мешает! Это плохому танцору мешает. А Митьке – наоборот! Это у него, можно сказать, ракетоноситель! Такой носитель не только Митьку, но и «Сатану» с «Посейдоном» на стрелку с Пентагоном доставит!

Тут я позволю себе немного отойти от темы и пофантазировать. Как добавление к известному с подачи Гоголя о редкой птице, что способна долететь до середины Днепра. Так вот, Митька и есть эта редкая птица, что способна не только весь Днепр перемахнуть, но и межконтинентальные расстояния! Вот разгонится он на своих коньках слова и с высоты разведенного моста над Невой совершит «прыжок в свободу», как в свое время Нуриев под аплодисменты политического и культурного истеблишмента и радостные вопли обитателей парижских гей-клубов.

Митька в образе летящего вестника нового мейнстрима изобразит руками натянутый лук со вставленной стрелой Аполлона и в такой позе полетит на прародину его мироощущения – Вудсток. Приземлится он, однако, в Нью-Йорке – рядом с Бахытом Кенжеевым, пребывающем в задумчивости с лицом сентиментальной элегии.

Оглядевшись по сторонам, Бахыт-ага тихо (чтоб не слышали Цветков с Гандлевским) произнесет про себя: «Ну, вот и есть, кого, сходя, благословить...»

Понятное дело, будет обмен дежурными словами, цветков-гандлевские будут ненавязчиво тестировать его идеологию на преданность идеям демократии и стойкость в борьбе со сталинизмом и тоталитаризмом в лице Путина и его власти. Понабегут марговские-каповичи и прочие добчинские-бобчинские с шендеровичами и губерманами. Будут они с радостными воплями бегать вкруг Митьки и постоянно грозить кулачками в сторону России: мол, смотри, рашка путинская, какие люди убежали к нам от тебя. Скоро все достойные сбегут. Останешься, мол, с одними деревенскими коврижками и мельниками...

Ах, простите, забыл о нашем всемерно уважаемом и всемирно знаменитом поэте-переводчике, Александре Абрамовиче нашем, Ситницком.

Он подойдет попозже, когда гул ликования притихнет. Соблюдая конспирологию, спросит о славной оппозиции, союзе, так сказать, пера и хорала. Держатся ли они? По-прежнему не доверяют Путину?

– Не доверяют, Александр Абрамович. Из последних сил, уже изнемогают, но продолжают не доверять. Подпитка им нужна. А то рухнут и поползут по европам и америкам искать счастье свободы и пропитание. А другие не ровен час, падут на колени и присягнут на верность нынешней власти. И впереди Ахеджакова с плакатом на груди: «Прости нас, Володя!» Помочь надо. А то от «Союза пера и хорала» ничего не останется...

– Ничто так не воодушевляет и не придает сил, как слово великой культуры из европейских ценностей, в доступных для всех переводах! – произнесет поэт-переводчик и вручит Митьке пакет новых переводов своих...

Оглядится Митька на все окружающее, вглядится в ближайшую перспективу, а затем в далекую, и не найдет соответствия в виде должностей с окладами и прочим вэлфером с его талантом и внутренним миром гордости и ценностей. Скажет про себя, что на Родине и редька с квасом ценнее и полезнее, чем ваши рябчики с ананасами, и воротится в родной Питер. Развернется он так грациозно, включив ракетоноситель, и воспарит в небо аки ангел или дух промысла Божьего, и полетит домой над Атлантикой, изображая собой истребитель из КБ «Сухого», чем всполошит не на шутку военно-морской флот США.

Митька – он хоть слегка либерален, но не настолько одиозно и безоглядно. Он независимый! И будет таким всегда! Ни вашим, ни нашим. Будет олицетворять собой величие своего глагола, носить соответствующие пиджаки и брюки с аксессуарами, татуировками и очками из модных бутиков мейнстрима и криминального сословия. Станет постоянным смотрящим (типа свадебного генерала) за порядком и регламентом тусовок, фестивалей и церемоний вручения литературных премий. Зорко следить за фуршетными столами, дабы какой-нибудь мякишев не стырил со стола бутылку виски или элитного вина, чтоб затем втихаря распить ее с Либуркиным или Орловым.

Народная душа

Это редкое явление в творческой массе, скажу я вам. И пытаются многие изобразить в стихах ее присутствие в себе, но не получается. Просто Господь к таланту добавляет и душу, предварительно окрестив ее в купели благодати. Полновесно, так сказать, три раза с головой в воду окунет! Чего споришь-то? Не бывает такого, видите ли. Это в тебя Он, перст помочив, каплей брызнул, и ты возомнил себя народом и споришь со мной, Фома неверующий! А вот Чен Кима благословил по-настоящему! Кстати, о нем и речь в этой заметке.

Читая стихи Саши Носкова, он же Чен Ким, всегда обнаруживаешь в себе эффект некоторого удивления. Кажется, просто все, ничего такого яркого и самобытного, но вдруг вот – озарение, что ли! И видишь эту картинку, чаще всего веселую, задорную, наполненную светом позитива. Как в полотнах Дейнеки. Стоп-кадр. Это я о минимализме Чена. Иногда создается впечатление, что Чен ленивый и не хочет добавить хотя бы одну-две строфы к своим стихам, где открылась бы глубина его мысли или сакральное знание, до которого другие поэты еще не добрались, поскольку идут за этим знанием не той дорогой. А вот Чен Ким практически во всех стихах как раз на этой дороге. Но от природы он, видимо, ленив и не хочет углубляться. Поэтому всегда краток, лаконичен и в тоже время емок. И своим светом познания высвечивает в строках всю глубину и поверхность народной действительности. И думаю, что он прав в своей просодии творчества.

В последнее время к своим оценочным аршинам я прибавляю еще и то, на каком коне (Пегасе) скачет поэт. Это очень важно. И, конечно, каким кормом питается. Вот, к примеру, конь Леши Ивантера кормится скупым хлебом народной правды. И не всегда досыта. У других пегасы родом из конюшен царя Соломона, и они кормятся исключительно элитными сортами овса или травами елисейских полей и листвой каштанов средь богемных заведений Монмартра и Латинского квартала. А у других (обычно официальных поэтов) кони общего пользования, но они только из конюшен правлений творческих союзов. Одинаковые мастью, сбруей и ходом, победоносным, конечно, как ход коня маршала Жукова на параде в честь Великой Победы! Все эти пегасы официальные содержатся на фуражном довольствии, утвержденном и регламентированном правлением союза. Поэтому официально признанные скачут, пи-

шут перьями и чернилами также общего пользования. И уже не разобрать без экспертизы: кто тут, условно говоря, аврутин-берязев, переяслов-переверзин и протчая...

Простите, что увлекся и немного забыл про Чена. Так вот, конь у Чена из «Чевенгура» А. Платонова. Пролетарская Сила, на котором ездил Копенкин.

Лучшее, что я у него прочел, это цикл о космонавтах, летчиках-героях. Это как бы его сокровенная мечта, реализованная хотя бы в стихах. Эх, зачислить бы его в отряд космонавтов в качестве напутственного тренера. Он бы им читал стихи перед полетом в космос. И было бы здорово!

Если, допустим, Чен Ким не родился бы поэтом, то он непременно стал бы режиссером! Мастером-виртуозом короткого метра. И неважно, документалистика это или художественный фильм. Этакая пятиминутка для просмотра в рабочих перерывах или перед заседанием какого-либо правительственного совещания.

И вот я, пофантазировав, представил сюжет такой пятиминутки: «Полет летчиков в московском небе».

Крупным планом, конечно, сами самолеты, какие они фигуры высшего пилотажа вытворяют, а внизу народ, восхищенно смотрящий в небо. А затем камера оператора выхватывает из толпы на первый план лицо обычного человека из народной жизни, фокусирует на нем внимание, и человек с восхищением в глазах говорит: «Ух ты! Нифига себе!» А ведь, согласитесь, ничего другого в уста этого восхищенного простого человека и не вложишь. Все остальное, даже отмеченное благородством слова, будет фальшивым и неестественным.

Так я попутно оправдываю в стихах Чен Кима инвектив и прочую брутальную лексику. У него-то она органично вписана в контекст. Это у пижонов модных поветрий (типа мякишевых-жуковых-лесиных) подобные слова – как татуировки на теле наргизов и современных футболистов.

О графоманах

Вы сейчас не поверите, начнете смеяться и ругаться нехорошими словами, но я на самом деле люблю графоманов. Особенно безоглядных. С их непосредственностью и простодушием, с аляповатыми образами и пышными эпитетами. Они прямолинейные, как рельсы, но зато искренние!

Почитаешь их стихи – ну ляпота! Хоть в рамочку и на стену вместо ковра вешай. Картина маслом: и небо в кокошнике, и березки водят хороводы вкруг кудрявого дубка, и розы красные, как знамя, цветут на берегу речки. И ласточки от счастья заливаются соловейками!

«Наша Родина прекрасна
И цветет, как маков цвет!
Окромя явлений счастья
Никаких явлений нет!»

Шедевр! Скажу вам, такое и талантливый не напишет, и концептуалист не придумает ради хохмы.

Ах, как они любят русскую природу! Но особенно Родину! Тут особливо преуспел Витя Ергин. Уж как он ее любит! До самозабвения, до потери пульса и здравого смысла даже. И не спорьте! Никто лучше Вити Ергина не умеет любить Родину! Ну и что с того, что строки у него банальные, образы затасканные? Чувства-то искренние!

Цветы жизни они! Литературной жизни. Такие наивные и простенькие, которые обычно встречаются на задворках трущоб, вблизи мусорных свалок и на породных отвалах, поросших скудной растительностью. Они же не виноваты, что родились там. Вот и поют.

Цветы остаются цветами – Отечество славят свое.

Так что если встретите Витю Ергина, то уж не шпыняйте его. А похвалите стишок какой или строчку. Да даже буковку. И он будет с глазами безграничного счастья еще пуще любить и чирикать соловейкой о земле русской!

Другое дело графоманы изощренного пера. Таких сразу и не определишь. Вроде эффектные образы, грациозные фигуры речи и прочие тропы. Ну чисто генеральская шинель на строевом смотре! А вот присмотришься – и увидишь под шинелью тщедушного акакия акакиевича, раздувающего щеки и норовящего выдать себя за енерала словесности русской.

Другие же блистают образами эротического характера. Обычная пошлость и скабрезная фривольность, но как подается-то! Зримо и эффектно! То поезд фаллосом в тоннеле, то звезд совокупление в воде. Высший пилотаж эротической лирики! И знаете, многие в восторге! Прямо-таки изнемогают от такой смелой оригинальности. Любят они эпатаж. Это я не о вас, а об эстетах с лицом маргинальной национальности. Да, они все прогрессивно мыслят, дышат и чувствуют, прогрессивно кушают, пьют, носят костюмы и домашние халаты и даже пукают прогрессивно. Конечно, их понять можно. Креативное сословие, все приелось, хочется для остроты ощущений чего-то этакого: то проститутку одноногую, то трансгендера в павлиньих перьях.

Вот для таких и стараются стихотворцы изощренного пера. Иной какой из мира литературной аристократии похвалит ушлого, так тот от гордости так задерет подбородок, что выше лба окажется. И глазами счастья и превеликой гордости будет смотреть... Ну, вы же понимаете, что видит он в этом случае собственную попу, но всерьез считает, что узрел небо благодати. И там татуированная рука Промысла Божьего протягивает доллар от Григорьевской премии.

Владимир ИВАНОВ

НАРЯД ГОЛОГО КОРОЛЯ

Взгляд на искусство и литературу

В древности рисовали, как могли. Получалось контурно, схематично. Шли века. Картины расцветали красками, люди на портретах становились все более похожими на себя, на изображениях учитывалась перспектива – все, как в реальности. Техника живописи совершенствовалась, палитра обогащалась.

Но вот мастера достигли вершины. А дальше куда двигаться? С вершины, как известно, все дороги только вниз. Реалистичное изображение уходит в прошлое, становится вчерашним днем. И пошло-поехало. Появляются десятки стилей и направлений, разные течения: импрессионизм, пуантилизм, фовизм, кубизм, футуризм, кубофутуризм, абстракционизм... Клод Моне, родоначальник импрессионизма, догадался скупыми мазками передать намек на предмет и соответствующее настроение. Пуантилизм (художник Сера) как бы составляет предмет красочными точками. Фовизм (Гоген) придумал подавать плоские фигуры посредством буйных красок. Примитивизм (Матисс) тоже изображал предметы ярко, но при этом мимикрировал под детские рисунки.

Для всех этих «измов» в живописи общее одно: изображать не сам предмет, не прорисовывать объект, а наносить на полотно штрихи, мазки, точки, кубы, прочие геометрические фигуры, через которые предмет бы угадывался. Это вроде негласного соревнования: у кого из художников предмет более всего не похож на самого себя, и каким способом, до каких пределов можно изображать предмет непохожим на себя.

И вот Пикассо покушается на сам предмет. Он буквально распиливает скрипку, в произвольном порядке подвешивает ее части на нитке, в таком виде срисовывает на холст и объявляет о придуманном им новом течении в искусстве – кубизме. В том же духе на разных картинах он фрагментирует лицо, человеческие фигуры и много чего еще. Пикассо минимизирует признаки предмета, оставляет только самую малость, чтобы предмет все-таки был узнаваем. Он становится знаменит, к нему в Париж съезжаются поклонники и последователи.

Через деформацию объекта неизбежно происходит разрушение. Мы здесь рассматриваем процессы деформации в искусстве и литературе, где тенденции в общем-то схожие.

Художники очень ревнивы к успеху коллег. Стать талантливым художником – не главное. Важнее стать родоначальником нового направления. Каждый художник мечтает стать следующим Моне или Пикассо. Поэтому нужно придумать свое течение, свое собственное направление в живописи. Для этого необходим следующий шаг. Но что же еще такого можно предпринять, если даже сам предмет уже деформировали, расчленили? Логическим завершением напрашивается полное отсутствие самого предмета на картине. Пока с туманными оговорками, что искусство может быть и бессодержательным.

И тут как черт из табакерки возникает Казимир Малевич. Его и художником-то назвать затруднительно. Он четыре раза поступал в Московское училище живописи, ваяния и зодчества и раз за разом экзамены проваливал, не поступал. В творческой среде его считают третьесортным художником. Современники, знавшие Малевича, сходятся во мнении, что он чудовищно безграмотен. Да и сам он признавал это и называл себя «безкнижником».

Серьезные попытки стать настоящим, знаменитым художником Малевич начинает в 1905 году, за десять лет до создания «Черного квадрата». В 1907-м на одной из творческих «тусовок» он знакомится с Михаилом Ларионовым – звездой русского авангарда, в 1910 году наконец участвует в первой заметной выставке – с тремя подражательными картинами в стиле Матисса. Он пытается нагнать время и мечется от одного течения к другому, пробует все подряд: кубизм, примитивизм, фовизм, но всегда на вторых и третьих ролях, в тени других художников. Это амбициозного Малевича не устраивает. И тут очень удачно из Франции, центра художественного мира того времени, приходит футуризм. Новое течение объединяло художников, поэтов, писателей, музыкантов, которые были намерены низвергнуть все классические каноны творчества и провозгласить новую эру в искусстве. Это идеальная среда для страшно честолюбивого и предприимчивого Малевича. Не сумев добиться хоть маломальских успехов в академической живописи, в 1913 году он становится одним из создателей футуризма в России.

Собрались на даче композитора Михаила Матюшина сам хозяин, поэт-заумник Алексей Крученых, художник Казимир Малевич, сообразили на троих и организовали российский футуризм. Сравните этих троих, каждого в своей сфере творчества, с мастерами того времени – и вам станет понятен уровень «отцов-основателей» (Маяковский к ним примкнул позднее). Теперь Малевич мог называть себя глав-

ным или первым художником-футуристом России. Тщеславие отчасти было удовлетворено.

Но это не триумф. Ведь не он стоял у истоков нового течения или направления. Что предпринять? И Малевич придумывает «Черный квадрат». Как он до последнего момента таил свою задумку, как боялся, что идею украдут, как продумывал линию поведения для предстоящей выставки, какие предпринял меры, чтобы никто не успел скопировать так легко копируемое произведение и присвоить себе «открытие», как броско подал картину в экспозиции – все это материал для отдельного сюжета с закрученной интригой.

Уже на подготовительном этапе остальные участники выставки почувствовали, что Малевич «перетягивает одеяло на себя», и начинается свара. Ему дают понять, что он попросту дилетант. Но если он и был дилетантом, то точно не в искусстве пиара и предприимчивости. Выставка вот-вот стартует, и для Малевича это настоящий «звездный час». Пока остальные художники стандартно развешивают свои картины, Казимир делает все, чтобы «броситься в глаза». Перед самым открытием выставки он рисует от руки несколько больших плакатов и вешает их в своем зале, на них написано «Супрематизм живописи». (Лишь перед самым открытием плакаты появились вот почему: остальные участники выставки запретили ему использовать слово «супрематизм» – придумку самого Малевича, претендующего на роль основателя нового течения). Заметим: не просто супрематизм, а супрематизм живописи, то есть вершина живописи. При этом Малевич размещает свой квадрат не на стене, а в красном углу, как икону, намекая на божественность своего произведения. До такого прежде никто не додумывался. Кроме того, еще накануне отпечатана брошюра за авторством Малевича «От кубизма до супрематизма. Новый живописный реализм», которую искусствоведы сочтут за манифест современного искусства. У входа на выставку друг Иван Пуни раздает входящим эту брошюру и направляет зрителей прямо в зал Малевича мимо работ других художников. Наглость – второе счастье, и Казимиру все удается.

«Черный квадрат в белом окладе... – это один из актов самоутверждения того начала, которое имеет своим именем мерзость запустения и которое кичится тем, что оно через гордыню, через заносчивость, через попрание всего любовного и нежного приведет всех к гибели», – отозвался сторонник традиционного искусства, художник и критик Александр Бенуа. А Малевич в пику объявляет Академию конюшней мещан.

Через два года, в 1917-м, грянула революция. И Малевич как нельзя лучше подходит для ее пропагандистской машины. А как же иначе! Он ведь непризнанный гений новой волны, борющейся с косностью старого мира. К тому же его брат Мстислав – заметная "шишка" у большевиков. В результате Казимир и сам становится значительным советским чиновником по части искусства. Теперь в его руках административный ресурс и рычаги для продвижения своих идей, для дальнейшего самоутверждения. Именно такой расклад позволил ему в 1929 году организовать персональную выставку в Берлине и добиться с «Черным квадратом» международной известности.

Даже сам Господь не в силах переделать прошлое, только историки на это способны. Но они же могут копнуть не туда, откопать не то и сделать выводы не те. Для создания правильного образа гениального художника лучше им помочь, подкинуть правильные факты. И Малевич пишет автобиографию. А там дату создания «Черного квадрата» обозначает 1913 годом, то есть смещает ее на два года раньше, представляя дело таким образом, будто картина написана не перед открытием выставки в 1915-м, а намного раньше. Ведь на той экспозиции были аналогичные беспредметные, бессодержательные картины и других художников. А Казимира, мол, озарило задолго до того – ему и пальма первенства...

В конце жизни Малевич (умер в 1935 году) вернется к импрессионизму и напишет несколько полотен. Но датирует их 1903 годом, чтобы создать более привлекательную картину своего творческого пути. Подтасовав факты, будет стремиться показать, что в искусстве возник не вдруг, его признанию предшествовали долгие поиски и долгое становление.

Малевич создал несколько черных квадратов. Искусствоведы скажут, что он пытался переосмыслить самого себя. Ну, что там переосмысливать? Не создав ничего стоящего, он просто тиражировал свое самое скандальное, самое эпатажное произведение, стараясь привлечь к нему больше внимания. Педалировал и педалировал тему квадрата в разных вариациях и в разных цветах, чтобы ни у кого не оставалось и тени сомнения в его первенстве. Хотя он был далеко не первым. Еще в 1617 году английский мыслитель Роберт Фладд нарисовал черный квадрат под названием «Великая тьма». В 1843 году француз Берталь тоже создал подобное и назвал «Под покровом ночи». Другой француз – Альфонс Алле в 1882-м написал аналогичную картину «Битва негров в пещере глубокой ночью». В следующем году он же представил полностью белый холст в раме под названием «Первое причастие хлоротически-бледных девушек в снежную пору». В 1884-м выставил красный квадрат («Уборка урожая помидоров на берегу Красного моря апоплексическими кардиналами»). Сопоставьте это с несколь-

кими картинами Малевича из черных, красных и белых геометрических фигур, в том числе с белым квадратом на белом фоне, и сами сделайте выводы. Вращаясь в художественной среде, Малевич явно слышал хотя бы об одной из этих картин (под слоем краски на его холсте исследователи много позднее обнаружили упоминание о неграх в пещере). Но все названные картины хоть с чем-то соотносились в реальной жизни, подтверждением тому их названия. Назвать же черный квадрат просто черным квадратом (или прямоугольником), начисто отчуждая от содержания, сделать беспредметным – никто не додумался. Вернее, время еще не пришло додуматься, искусство не дошло до этого порога.

Искусство не то чтобы откровенно разрушается, но замещается не-искусством. Порой нагло и цинично. Вот нагажу в вашем выставочном зале и объявлю актом творения. (Бывало и такое, по телевизору сообщали.) Вот вам, нюхайте! Вот намалюю черный квадрат – плюну на ваше высокое искусство. Да пропади оно пропадом, ваше высокое искусство, в черном квадрате, как в черной дыре! (Варианты картины то и дело крали; но сторож Агафон успевал нарисовать и к открытию музея выставить на обозрение.) А вы кучкуйтесь у квадрата и гадайте, что сие означает, чего я добивался. А добивался – чтобы имя мое осталось в искусстве. И добился. Меня не забудете...

– Забыть Герострата! – постановил сенат в наказание за поджог храма.

Храм Артемиды слыл одним из семи чудес света. Явно как творение искусства.

– Ага! Замучаетесь забывать! – усмехнулся Герострат.

И был прав! До сих пор забываем. Творца храма не помним, его разрушителя – помним...

Воистину, все новое – хорошо забытое старое. Предшественники канули в прошлое, не оставив заметного следа. А Малевич возник именно в тот момент, когда подошло время вытеснить реальность, лишить картину содержания. К этому шаг за шагом подвигало развитие современной живописи, о чем говорилось выше. Вовремя возник – и сделался знаменитым. Сдается, не обошлось (не обходится в подобных случаях) и без самих зрителей. Вот смотрит посетитель на картину и думает: такой квадрат могу и я нарисовать! А раз могу, значит, я тоже велик, как Малевич. Возвеличивая его, он и сам возвышается. Как же ему вместе со всеми не восхищаться платьем голого короля!

Другой момент. «Черный квадрат» – да это же знамя всех графоманов от живописи! Имя им – легион. Как же им это знамя не славить!.. Забыть Малевича невозможно по той же причине, по которой замучаемся забывать Герострата.

М-да... Зайдите в Третьяковку, упритесь в пустоту «Черного квадрата» и многозначительно-одобрительно кивайте головой...

Трудно остаться в памяти человечества. Помимо большого таланта, высокого мастерства, благоприятных обстоятельств требуется еще много другого, из чего складывается аккорд гениальности, что оставляет имя в истории. (Толстой, скажем, будучи обычным земледельцем или работая в шахте, слесарем в автобазе, вряд ли сумел бы создать эпопею «Война и мир» и другие романы, будь он хоть трижды гениальнее.) А честолюбцам проще нагадить, поджечь, разрушить, залудить нечто эпатажное, из ряда вон выходящее – подменить искусство не-искусством. Это покруче будет! И результат тот же: имя запомнят.

И в театре все в духе современного искусства. После Чехова, который, по существу, убил театр, на современной сцене творится невесть что (Чехов: не надо никакого действа! Люди просто разговаривают, пьют чай, а в это время рушатся их судьбы). Тенденция та же, что и в живописи. Там в конечном счете имеем ничто, пустоту в виде «Черного квадрата», который, по утверждению иных знатоков-искусствоведов, заменяет все. (Что вы говорите?! Замыленные глаза и каша в головах! Никто не решается назвать короля голым.)

Чехов обозначил, что действо не нужно. А раз оно не нужно, то, по логике, и персонажи не нужны. Но поначалу нет только главного персонажа, вокруг которого вертится событие. Имею в виду пьесу «В ожидании Годо» ирландца Самюэля Беккета. Ждут-пождут Эстрагон и Владимир этого самого Годо, а его все нет и нет. В его отсутствие идут всякие разговоры, но нет никакого развития сюжета. А Годо так и не пришел. Истинные театралы могут добавить подобные примеры из других пьес, особенно из драматургии театра абсурда, театра парадокса.

У итальянца Луиджи Пиранделло, наоборот, шесть персонажей сами явились в театр в поисках автора. Актеры приходят на репетицию. Премьер недоволен тем, что ему надо по ходу пьесы надевать поварской колпак. Директор в сердцах восклицает: «...что вы от меня хотите, если Франция давно уже перестала поставлять нам хорошие комедии, и мы вынуждены ставить комедии этого Пиранделло, которого понять – нужно пуд соли съесть, и который, словно нарочно, делает все, чтобы и актеры, и критики, и зритель плевались?» Неожиданно в зале появляется театральный швейцар, а за ним – шесть персонажей во главе с Отцом, который объясняет, что они пришли в театр в поисках автора. Жизнь полна таких несуразностей, которые не нуждаются в правдоподобии, потому что они и есть правда, а создавать иллюзию правды, как это принято в театре, – чистое сумасшествие. Автор дал жизнь пер-

сонажам, а потом раздумал или не смог возвести их в ранг искусства, но они хотят жить, они сами – драма, и сгорают от желания представить ее так, как подсказывают им бушующие в них страсти. (Драма «Шесть персонажей в поисках автора».)

Сын, которого Падчерица считает во всем виноватым, говорит, что он – персонаж драматургически нереализованный, и просит оставить его в покое. Персонажи ссорятся, и Директор уверен, что только автор может восстановить порядок. Отец предлагает Директору самому стать автором – ведь все так просто, персонажи уже здесь, прямо перед ним. Директор соглашается, и на сцене устанавливают декорации. Директор предлагает персонажам провести репетицию, чтобы показать актерам, как играть. Но персонажи хотят сами выступить перед публикой такими, какие они есть. Директор объясняет им, что это невозможно, на сцене их будут играть актеры. А пока персонажи на сцене разыграют драму перед актерами, которые сейчас представляют зрителей... Есть и другие, современные, пьесы, где зрителям предлагают самим стать участниками драмы.

В общем, похоже, театр движется в том же направлении, что и живопись. Не удивлюсь, если в будущем зрители станут посещать театр, чтобы смотреть на пустую сцену. Вероятно, тот, кто первым предложит подобный проект, станет Малевичем от театра и будет так же всемирно известен. Но театр еще не дошел до этого порога. Вот когда дойдет, когда нейросети войдут в обиход – тогда да! Тогда в зале все наденут нейрошлемы (назовем так), уставятся на голую, пустую сцену – и начнется коллективное творчество. Предположим, нейрошлемы соединены друг с другом, и зрители без слов могут корректировать, согласовывать и двигать развитие сюжета. Конечно, фантазировать будут не кто во что горазд, а по определенным правилам игры. Посетители театра сами одновременно и зрители, и авторы происходящего на виртуальной сцене, и участники представления. Все, как в пьесе Пиранделло. И актеры, и авторы, и зрители – все в одном флаконе. Тройной одеколон!

Вслед за живописью и литература стала спускаться вниз с классических вершин. Спускаемся-опускаемся... Бедная опущенная литература!.. Демонтаж, деформация, деградация... – де-, де-, де-... Деградация, деформация русской литературы от князя Мышкина до комиссара Кошкина и далее... Виктор Шкловский как-то обронил: что касаемо советского литературоведения, то мы научились замечательно разбираться в сортах дерьма. Видимо, в первую очередь он имел в виду так называемую секретарскую литературу. Секретари Союзов писателей, другие ответственные письменники, в чьих руках административно-чиновничьи ресурсы, активно продвигали в издательствах свои рукописи, написанные в основном в духе кондового соцреализма. Их книги следовали правильным партийным курсом и, после получения авторами солидного гонорара, исчезали в потоках макулатуры, что идет на переработку для туалетной бумаги. Круг, обозначенный Шкловским, замкнулся...

Творчество преобразует реальность. Точнее, создает другую реальность. Интуитивно каждый начинающий, каждый творящий чувствует, что созидаемый мир как-то должен отличаться от существующего. И чем более непохож – тем лучше. Сновидения – самая благодатная почва для фантазии, для создания другой реальности. Сны ведь не похожи на обычный мир. Описал сон – вот и готово произведение! Особо и напрягаться не надо. И чем навороченней – тем лучше. Автор потом и сам в недоумении от вышедшего из-под его пера: объясните мне, критики дорогие, специалисты вы наши родные, чего я тут такого нагородил? Описать сон и организовать другую реальность – не одно и то же. Искусство – это отсекание всего лишнего, отбор, создание гармонии, творение из хаоса эстетической и духовной ценности. Для этого и дан разум. Но когда разум отключен, спит, то сон разума оправдывает все. Лишь бы побольше нагромоздить этакого причудливого, не требующего необходимых границ. Сновиденья – широкий простор для деформации, для дефрагментации объекта, действительности. Как это делал в живописи Пикассо.

Нет определенности жанра. Но это же сон! Какой там может быть жанр?

Нет четкого сюжета. Нет печки, от которой танцевать. Невозможно определить, где необходимое, а где лишнее. Но это же сон! Тут реальные картины перемежаются с фантасмагорией, видения перескакивают от чего угодно на что угодно. Сон – этим все сказано и оправдано. Тут тебе и Джойс, и Дали, и Гойя, и Кастанеда, и все, все, все... Все в духе современного искусства...

– Подорожную подавай! – вскричали стражники. – А то не впустим!

– Зачем вам подорожная, олухи! – ответил Ходжа. – Вы же неграмотные. Читать не умеете!..

А кто умеет читать, тому доступны подлинно художественные тексты даже с самыми фантастичными извивами снов. Отцом-основателем сновидений в литературе можно назвать Франца Кафку. Творчество Кафки представляется чередой сновидений. С подробными, порой излишне подробными реальными деталями, но с причудливыми стыковками событий, как и бывает в сновидениях. Можно сказать, что это его метод творчества. Такой подход как нельзя лучше согласуется с движением современного искусства. Написанное Кафкой оставило заметный след в литературе именно благодаря тако-

му его методу, в каком-то смысле он стал знаковой фигурой, поэтому поговорим о нем более подробно.

У Кафки изображение жизни в формах самой жизни еще присутствует, хотя приобретает странные и причудливые формы. Взять знаменитый, как сейчас говорят, брендовый его рассказ «Превращение». Грегор Замза вдруг обнаруживает, что наутро он превратился в насекомое. Открыв дверь в комнату, мать его и видит вместо сына. Но сердцем знает, что это родной сын. Такое превращение возможно только во сне. Но этот фантастический сон не просто ради фантазии. В рассказе несколько планов, однако главным мне видится философский вопрос: что изменится, если сущность останется той же, а поменяется только внешний вид, ее форма? А ситуацию, когда форма остается прежней, но меняется сущность, – люди уже проходили. Вспомните, как говорят о мерзавцах, в которых не осталось ничего человеческого: это не человек, а нелюдь. Вспоминается и Достоевский, когда возникает вопрос: кто это – тварь дрожащая или человек всемогущий? Впрочем, каждый усмотрит свое.

В романе «Процесс» та же причудливость, характерная для сновидений, которую Кафка превратил в метод творчества. И в этом романе у него отдельные события конкретны и реалистичны, но их связи совокупно формируют неправдоподобный мир человека-сновидца. Это роман о служащем банка Йозефе К. и его внутренней проблеме.

«Кто-то, по-видимому, оклеветал Йозефа К., потому что, не сделав ничего дурного, он попал под арест». С такой фразы начинается роман.

То есть, его обвинили. Он не понимает, в чем его вина. Арестовавшие его стражники тоже уклоняются от прямого ответа. Может, его арестовывают по ошибке? «Наше ведомство... само среди населения виновных не ищет: вина, как сказано в законе, сама притягивает к себе правосудие, и тогда властям приходится посылать нас, то есть стражу. Таков закон. Где же тут могут быть ошибки?» – поясняет один из стражников.

Вина сама притягивает к себе правосудие. Очень многозначительно сказано.

«И хотя я не отвечаю на ваши вопросы, но могу вам посоветовать одно: поменьше думайте о нас и о том, что вас ждет, думайте лучше, как вам быть», – сказал позже инспектор.

В завершение сцены происходит диалог:

«– Вероятно, вы захотите сейчас отправиться в банк?

– В банк? – спросил К. – Но я думал, что меня арестовали!.. Как же я могу пойти в банк, раз я арестован?

– Вот оно что! – сказал инспектор уже от дверей. – Значит, вы меня не поняли. Да, конечно, вы арестованы, но это не должно помешать выполнению ваших обязанностей. И вообще вам это не должно помешать вести обычную жизнь...»

Такое возможно только во сне. Ведь если человек арестован, он не может заниматься служебными и другими делами.

В романе тут и там разбросаны намеки на вину самого Йозефа К.

Вот он приходит в церковь.

«У тебя неверное представление о сущности дела, – сказал священник. – Приговор не выносится сразу, но разбирательство постепенно переходит в приговор.

– Вот оно как, – сказал К. и низко опустил голову.

– Что же ты намерен предпринять дальше по своему делу? – спросил священник.

– Буду и дальше искать помощи, – сказал К. и поднял голову, чтобы посмотреть, как к этому отнесется священник. – Наверно, есть неисчислимые возможности, которыми я еще не воспользовался.

– Ты слишком много ищешь помощи у других, – неодобрительно сказал священник, – особенно у женщин. Неужели ты не замечаешь, что помощь эта ненастоящая?..

И вдруг священник закричал сверху:

– Неужели ты за два шага уже ничего не видишь?

Окрик прозвучал гневно, но это был голос человека, который видит, как другой падает, и нечаянно, против воли, подымает крик оттого, что и сам испугался».

Да, Йозеф К. не видит и не понимает. Не понимает такой странной ситуации, не видит, в чем его вина. Какой-то еще не выявленный, не исследованный какой-то внутренний механизм самоконтроля, совесть, может быть, выстраивает причудливые сновидения Йозефа К. вокруг его вины, из-за которой его и задержали. Но вместо того, чтобы всматриваться в себя, искать причину в себе, Йозеф ищет помощи у других. Не там ищет. Не понимает своего внутреннего голоса, который напоминает о его собственной виновности. Напоминает тем, что его во сне задерживают и над ним готовится обвинительный процесс. Потому, собственно, роман и называется «Процесс». Все, что с ним происходит, могли бы объяснить Фрейд, Юнг и иже с ними.

Так в чем же все-таки его вина? А в том вина, что живет он, получая жизненные блага и удобства от других. Он привык получать, а не давать. Привык жить иждивенчески. Он полагает: другие должны заботиться о нем, кормить и защищать. Такая установка на получение от других, не отдавая взамен, и формирует морально незрелую, безответственную и в конечном счете неполноценную личность. Но ведь ему уже тридцать лет! А поскольку недоразвит он гармонично, то и полагает, что все в жизни должно быть подтасовано под его желания и потребно-

сти. И никак не поймет, почему должно быть иначе и в чем его вина.

Да это же и про наше родное российское бытовое явление! Вот растет мальчик, скажем, в женском окружении. Мать старается дать ему все, что сама, может, в детстве недополучила. А бабушка прямо холит и лелеет своего «унучонка». Выполняются все его прихоти. В итоге вырастает некий оболтус, таких я называю раздолбайкерами (раздолбай + байкер), – не добытчик, не кормилец, не мужчина в конце концов, а нахлебник. Вот до чего доводит слепая любовь! Скольких молодых людей слепая любовь мамаш и бабушек оставила за порогом социальной зрелости, сделав аморфными и безвольными существами!

Как и Йозефа, нашего раздолбайкера тоже задержали. Задержали в социально-гражданском развитии.

Вот таков он, товарищ Кафка! Можно сказать, наш российский современник.

Насочинять, чтобы нафантазироваться, – это не про него. Тексты Кафки на первый взгляд кажутся нелепостью, лишенными художественного содержания. Внешне он как бы демонстрирует нам расчленение текста, – как и подобает в сновидениях, как и подобает в тренде современного искусства. Но при этом в тексте сохраняется внутренний смысл. Вот этот парадокс и отличает Кафку от других писателей-современников и вообще от многих других горе-сновидцев. Творчество Кафки – заметный этап деформации действительности в литературе. (Улавливаете параллель с изменениями в живописи?)

Описание снов без подлинного смысла – еще не художественная правда. Сновиденья в литературе – это не бесформенные клочья расползающегося тумана. Они, как реки, должны иметь берега и направление течения, движения. Фантастические связи эпизодов сновидений друг с другом только тогда создадут художественную реальность, когда за ними прочитывается глубинный смысл. У Кафки в этом отношении с текстом все в порядке, потому что тему держит и ведет подтекст. Умеющий читать да прочитает. Жаль только, что в произведениях-сновидениях иных авторов нечего читать…

От пустоты «Черного квадрата», как от печки, танцуем дальше. И литература в своем развитии вслед за живописью движется к пустоте. Возможно, Виктор Пелевин, интуитивно ощущая эту тенденцию, и назвал свой роман «Чапаев и Пустота». (Речь сейчас не о качестве произведения.) Роман характеризуется самим автором как «первое произведение в мировой литературе, действие которого происходит в абсолютной пустоте». Текст охватывает два периода истории: Россию времен Гражданской войны 1918–1919 годов и постперестроечную Россию середины 1990-х. Центральный план повествования – восприятие действительности поэтом-декадентом Петром Пустотой (символичная фамилия!), находящимся сразу в обоих временных отрезках. В революционной Москве Пустота знакомится с легендарным Василием Чапаевым и уезжает с ним на фронт Гражданской войны. В современной же России Петр является пациентом психиатрической больницы, в которой вместе с другими душевнобольными проходит экспериментальный курс реабилитации.

Поэт Пустота еще в подростковом возрасте начал интересоваться философской литературой о пустоте и небытии. Чапаев пытается объяснить Петру Пустоте, что вся окружающая реальность пребывает в его сознании, а сам он пребывает в пустоте. Эта пустота в романе варьируется и обыгрывается в разных местах, в разных значениях. «Про душу нельзя сказать, что она у всех разная, нельзя сказать, что у всех одна. Если и можно что-то про нее сказать, так это то, что ее тоже нет». Или: «Чапаев совершенно не изменился, только его левая рука висела на черной полотняной ленте. Кисть руки была перебинтована, и на месте мизинца под слоями марли угадывалась пустота». И т. д.

Далее от абсолютной пустоты как среды действия (в романе Пелевина) перейдем к абсолютно пустым страницам в литературе. Речь о творении Юрия Полякова «Козленок в молоке». Это сатирический роман о том, как для полуграмотного мытищинского увальня профессиональный литератор-поденщик создал декоративно-карнавальный имидж гениального писателя-авангардиста. Хотя этот «гений» ни строки не написал. В папке, якобы с рукописью книги, лежат белые пустые листы бумаги. Вот что писал сам автор к очередному изданию своего романа: «Позвольте, можете спросить вы, при чем же здесь описанная в романе нереальная ситуация, когда человек, не сочинивший ни единой строчки, человек, весь литературный багаж которого заключается в папке с чистыми листами бумаги, при помощи откровенно плутовских ухищрений становится всемирно известным писателем? А вы оглянитесь вокруг, отвечу я. Разве мало в советской и постсоветской литературе писателей, чьи имена известны всем, но чьи книги, или, как теперь принято выражаться, тексты мы с вами никогда не читали, а если и пытались, то очень быстро уперлись в дилемму: или это – галиматья, или мы с вами ни черта не смыслим в литературе… Мы живем в эпоху литературных репутаций, нахально пытающихся заместить собой собственно литературу».

Вот именно – заместить! Что выше мной и отмечалось: «Искусство теперь не то чтобы откровенно разрушается, но замещается неискусством». Вот и в литературе пришли к абсолютной бессодержа-

тельности – к пустым листам якобы гениальной рукописи...

И Пелевина, и Полякова считаю знаковыми фигурами современной литературы.

Искусство и литература в нашем материальном, предметном мире приблизились к пустоте. (В общем, Чапаев и Пустота!) То, что нам преподносят в разных видах и разных жанрах, порой похоже на предсмертную агонию. Неужели искусству конец? Не думаю. Скорее, предсмертная агония старого, уходящего постепенно переходит в предродовые схватки рождающегося нового. Король умер – да здравствует король! Эта метаморфоза может длиться и длиться в неопределенных формах, в неопределенных видах неопределенно долго. Пожалуй, все будет зависеть от условий, от уровня научных, технических, иных достижений. Человек расширяет свои возможности. Похоже, новый этап развития искусства станет виртуальным. Не исключено, что на новом этапе все виды искусств сольются и составят единое виртуальное целое. Откроются новые перспективы для творчества.

В своем главном русле, в глубинном течении искусство остается неизменным. Искусство создает особый художественный мир параллельно существующему. Искусство добывает красоту из земной, трудной, далеко не прекрасной жизни. Это глубинное движение ориентировано на идеал. А на поверхности, как всегда, – сор, пена, щепки... Верится: новое виртуальное искусство самоочистится от всего этого. Искусство пребудет, покуда живо человечество. Творить – для человека тоже основная потребность, совокупно с остальными базовыми инстинктами. (Вот почему не иссякнет творчество и не переведутся графоманы.) Человек тем и отличается от всего остального живого, что созидает искусство, созидает культуру. Искусство еще явит миру свой новый расцвет...

– Неужели и там еще есть жизнь?! – изумился король, покидая материнское лоно.

Есть, есть!..

Только вот один вопрос не дает покоя: неужели вместо человека эстафету подхватит Искусственный Интеллект?!

г. Кемерово

Поздравляем с юбилеем!

Юрию Михайлову — 70!

Виктор КОНЯЕВ

ХВОРИ НАШИ – НАШИ СКОРБИ. И КРЕСТ! (заметки неравнодушного)

Все хотят быть здоровыми, а многие еще и богатыми, но здоровыми точно хотят быть все. В природе человеческой это заложено. А коли уж привяжется хвороба, то каждый стремится как можно скорее от нее избавиться. Не всегда, правда, удается быстро излечиться, тогда и начинаются проблемы самого разного рода. Вот точно так и у меня получилось.

За некороткую и нелегкую жизнь – с физической работой и поднятием тяжестей – заполучил я грыжу на позвоночнике. Оперировать ее не стал, выбрав более щадящий метод лечения путем блокад, уколов прямо в крестец. Несколько лет чувствовал себя прекрасно, поверил, что так будет вечно, поэтому не убавлял нагрузки, за что и был наказан жестоко: правая нога начала болеть от защемления нервного окончания, я даже вынужден был при ходьбе через каждые 200–250 метров присаживаться на корточки на полминутки, только после этого мог двигаться дальше.

Впереди замаячила нерадостная перспектива лечь под скальпель хирурга. А не в радость она была оттого, что я сам не раз видел в комбинатовской поликлинике солидные очереди к неврологу, большую часть которых составляли те, кто вырезал грыжу, но заполучил большущие проблемы с передвижением и уже не мог обходиться без костылей.

Я слышал, конечно же, про доктора Бубновского и его метод лечения грыжи, однако, достаточно ясно представляя себе масштаб одурачивания и обирания простых российских граждан, особенно пенсионеров, разными мошенническими структурами (при довольно лояльном отношении к ним государственного репрессивного аппарата), воспринимал подобные «новации» скептически.

Но тут позвонил товарищ из Мариинска, с которым мы лет пять назад вместе лежали в больнице. У него после операции по удалению грыжи отнялись ноги, и все эти годы он занимался восстановлением способности ходить, причем некоторых успехов уже достиг. Так вот, этот приятель настоятельно советовал обратиться именно в центр Бубновского.

Дочь в интернете нашла адрес клиники. Ранее та располагалась в центре Новокузнецка, но недавно перебралась в отдаленный район. Деваться некуда, надо ехать. Я позвонил туда, и мне назначили время приема. После проведенной транспортной реформы движение автобусов в городе более-менее стабилизировалось, даже появились некоторые улучшения. Если раньше в тот заречный район нужно было добираться или на дребезжащей «маршрутке», или с пересадкой, то теперь курсирует хороший современный автобус, причем почти строго по расписанию.

Выехал я пораньше, с запасом времени, народу в автобусе прилично, но какая-то любезная молодайка, видя мою хромоту, уступила мне место.

Окраинная улица района заканчивается пустырем, зарастающим молодым леском, тут и стоит двухэтажный особняк, вывеска подтверждает, что я попал, куда надо. Дверь по летнему времени открыта, прямо от входа стойка, за ней девица с приветливой улыбкой. Она попросила меня надеть наобувники полиэтиленовые, которые все почему-то называют бахилами, хорошо, хоть не ботфортами. А у меня к процедуре водружения на обувь этих защитных средств резко отрицательное отношение. Океаны, моря и реки планеты и так уже задыхаются от пластиковых отходов, сколько морской живности и рыб погибло, заглотнув эту нерастворимую гадость. Поэтому я предпочел разуться и с туфлями в руке подошел к стойке.

Юля меня записала и все объяснила. Полный курс состоит из двенадцати занятий (плюс одно бесплатное пенсионерам) примерно по часу в день, все это удовольствие стоит 15 тысяч рублей, но можно платить по частям. Слева я увидел два небольших зала, забитых различными приспособлениями с грузами, на которых занимались люди, в основном, пожилого возраста. Выходя из залов, они все со мной, незнакомым, здоровались, это было непривычно, но приятно.

Получив от Юли указание, поднялся по деревянной лестнице на второй этаж, нашел комнату со шкафчиками для верхней одежды, переоделся и захватил с собой бутылочку с простой водой (как мне объяснили, после каждого упражнения надо делать один-два глотка для сохранения водного баланса в организме).

Доктору оказалось лет тридцать пять, высокий, худощавый, скуластый. По образованию он хирург, для переквалификации ездил в Москву, к Бубновскому, прошел там специальный курс обучения. На мои бумаги о проблемах с позвоночником глянул мельком, что меня озадачило. Я спросил его об этом, в ответ он прочел краткую, но эмоциональную лекцию о влиянии строго определенных и направленных упражнений, в результате чего после восстановле-

ния правильной работы позвоночника и мышц спинного отдела грыжа просто-напросто рассыпается на мелкие фрагменты и выходит из организма, как шлак. Что ж, звучит убедительно и стимулирует к занятиям.

Разговор у нас складывается доверительный, и я поинтересовался, почему они переехали из центра города сюда. Ответ был предсказуем: здесь арендная плата существенно ниже. На мое недоуменное замечание о широкой известности доктора Бубновского, а также о заметном стремлении населения, особенно трудоспособного возраста и коммерсантов, вести здоровый образ жизни и восстанавливать пошатнувшееся здоровье, в связи с чем доходы филиалов клиники Бубновского должны быть немалые, врач невесело усмехнулся. Оказывается, появилось в стране и даже у нас в городе огромное количество суррогатных заведений, они создают конкуренцию, пользуясь желанием людей исправить различные дефекты в организме. Но у них нет достаточной базы тренажеров, нет методик лечения, нет специалистов, поэтому вреда пациентам они приносят больше, чем пользы. К тому же должный контроль за этими «шарагами» не осуществляется государством, вот они и плодятся, как опята в благоприятную погоду.

Тема для меня актуальная, потому и ответил я доктору полновесно.

Мы же в своем государстве целенаправленно создавали условия для капитализма, при котором «конкуренция» есть непременное условие развития любого предприятия и производства. Здесь и СМИ, и реклама годами работали плодотворно. У нас и Президент слово «конкуренция» произносит с почтением. То есть всему народу годами вколачивают в головы мысль о необходимости и пользе этого инструмента капитализма, на самом деле наиподлейшего.

Конкуренция – система мер самых безжалостных, самых бессовестных для устранения с рынка соперника, вплоть до его полного разорения или физического уничтожения. А вот у нас в советское время была другая система взаимоотношений во всех сферах жизни – состязательность.

Слушая меня, доктор улыбался скептически. Ну что ж, он продукт другого образования и другого воспитания, альтернативы у него не было. Тем и счастливее наше поколение: у нас-то есть опыт другой жизни, и есть возможность сравнивать.

В ответ на его скепсис я заметил, что коли он принимает капитализм, так нечего жаловаться на нищенские доходы, все закономерно.

После беседы доктор Игорь Олегович осмотрел меня и немного «поломал», заставляя до предела сгибать ноги. Затем мы спустились вниз, и при входе в зал Юля дала мне кожаные ремни с кольцами, которые я застегнул на лодыжках (они предназначены для того, чтобы цеплять к ногам тросы с грузом). Игорь Олегович предупредил, что мне придется позаниматься на нескольких тренажерах – для определения моего физического состояния и выбора курса лечения.

Четыре или пять упражнений прошел я на разных станках, было тяжеловато с непривычки. К примеру, я многократно тягал ногой груз, меня вздымало почти до положения стойки на голове, и требовалось собственной силой и весом опускать тело до коврика. Устал и запыхался, но был доволен, так как очень верил в исцеление, даже нога притихла, когда я выходил из центра.

Через день приехал заниматься уже полноценно. Юля познакомила меня с тренером или руководителем, не знаю, как точно определить роль Володи. Невысокий, плотный, физически очень развитой мужик лет сорока с довеском. Нам с ним предстояло пройти весь курс, 13 занятий.

Занимался я усердно, до изнеможения, при том, что с каждым днем количество упражнений возрастало. Однако желаемого результата не было! Иной раз с занятий до остановки шел бодро, не хромая, и в сердце рождалась радость в предвкушении избавления от боли. Но, доехав до своего района и выйдя из автобуса, вновь ощущал я привычную постылую боль в правой ноге, скрипел зубами и опускался на корточки у какого-нибудь деревца или столбика, чтобы придерживаться рукой. Особенно горько было, если в этот момент подходил какой-нибудь сердобольный прохожий и участливо спрашивал:

– Вам плохо? Может, помочь?

Я всегда отвечал одной и той же фразой:

– Нет, спасибо, просто нога болит.

А горько и обидно было потому, что чувствовал-то я себя здоровым, но нога делала меня немощным.

Прошла неделя с тремя занятиями, а боль не унималась, вторая – результат тот же. Приходилось даже ставить себе утром обезболивающий укол, чтобы можно было доехать до места и позаниматься.

Конечно, я заметил, что во время самих упражнений, когда нужно было под нагрузкой разгибать и сгибать ногу, боль отступала. Но потом она неизменно возвращалась.

Прошла третья неделя, и тоже безрезультатно, но духом я не падаю, мою надежду поддерживают тренеры и пациенты. Один молодой парень в раздевалке очень обнадежил меня, сказав, что у него улучшения начались лишь на третьем курсе лечения.

Как-то довелось ехать после занятий с доктором. Естественно, я высказал ему свои опасения, он профессионально и очень убедительно успокоил меня. Володя, мой руководитель на занятиях, тоже меня успокаивал, приводя примеры из собственной практики.

По утрам, отмечаясь перед занятиями у Юли или Натальи, я с ними беседовал на разные темы, в том числе и о делах центра. И постепенно передо мной раскрывалось настоящее положение организации. Оказалось, народу в центр ходит не очень много, и то в основном люди с застарелыми болячками: травмами, переломами, лишним весом, искривлением позвоночника. С грыжей, как у меня, за все время моего лечения был только еще один мужичок. А зарплаты персонала весьма невелики. На мой прямой вопрос Наталья ответила:

– Даже говорить стыдно, достослезная зарплата.

Поэтому все служащие центра, включая доктора, трудятся еще на одной или даже двух работах.

Запомнилась одна героическая мамаша, могучая дама в джинсах, которая буквально на руках заносила в зал своего взрослого сына, скрюченного недугом ниже пояса. Она доставляла его от снаряда к снаряду, прицепляла карабином, помогала, понукала, несмотря на сыновьи стоны и маты...

Прошел месяц, беспокойство мое нарастало ввиду отсутствия хоть какого-нибудь положительного результата. И я решил встретиться с доктором, посоветоваться, но он перестал появляться. Через Наталью записался к нему на прием в выходной день (выяснилось, что он в отпуске и в иные дни не принимает).

Я ждал от Игоря Олеговича конкретного обещания хотя бы небольшого улучшения – пусть в перспективе. Однако, как и ранее, на этой встрече тоже все было в общих словах. Единственное, чем врач меня обнадежил, так это намерением изменить программу моих занятий. Поэтому я решил без перерыва начать следующий курс.

Была и еще одна причина моего приезда на встречу с Игорем Олеговичем. Дело в том, что в самом начале лечения мы с ним разговорились, получилась целая дискуссия о путях России, о революции и Гражданской войне. Конечно, в голове у него бардак от незнания самых очевидных фактов, но он показался мне человеком думающим, поэтому в ответ на его просьбу я пообещал привезти ему один из томов трудов Сталина, о которых упомянул в беседе. Я их получаю из Москвы уже лет шесть или семь, всего пришло 22 тома. Эти труды издает рабочий университет имени И. Б. Хлебникова, проект по-настоящему уникальный. Авторы задумали издать все, написанное Сталиным, начиная с юношеских стихов и статей. Причем все тексты выверены, указаны места хранения, а кое-где даже есть пояснения о том, что текст написан на обратной стороне плаката или листовки.

Я привез том с документами 1918 года, периода защиты Царицына. Надеялся, что доктор проникнется духом той героической эпохи. Думалось мне, что прочтет он книгу быстро, как я, за пару дней.

Через неделю прошу Юлю позвонить доктору и спросить, прочитал ли. Оказалось, нет. Еще через неделю – то же самое. И вот когда я записывался на прием, попросил Наталью напомнить доктору о книге, чтобы он вернул ее мне.

Честно говоря, я уже пожалел, что вообще дал кому-то эту книгу. Для меня-то она бесценна, а для другого человека? Вдруг он ее потерял?

Книгу доктор вернул, но на мои вопросы по тексту ответы дал какие-то обтекаемые. Не уверен, что он прочитал и половину тома за месяц. Да, это молодежь, воспитанная в других моральных ценностях (скорее, в их отсутствии), да к тому же в немалой части своей она ленива и не любопытна по отношению к тому, что непосредственное ее не касается.

...После встречи с доктором еду в автобусе, субботний день уже клонится к вечеру, на улице теплынь. И на одной из остановок входит в салон здоровенный парняга в майке, распираемой могучей грудью. Русоволосый, приятных черт славянское лицо, но вот взгляд у него нехороший, исподлобья, изучает всех, оценивает. И встал этот парень почти напротив меня, лицом к пассажирам. Тогда-то я и увидел у него на левой руке, от локтя и выше, необычную татуировку. И там в большой композиции, как мне показалось, черное солнце, нацистский символ. Такой часто носят на теле бандеровцы, особенно боевики разных «Азовов». А «Азов», напомню, – запрещенная в России организация.

Желая лучше разглядеть, я даже немного переместился на сиденье, вытянул голову. Парень заметил мое любопытство, остановил на мне свой нехороший взгляд. И бросил в меня слова, как камни:

– Что пялишься? Смотри, шары выпадут.

А у меня внутри уже начала сжиматься пружина, я был уверен, что не ошибся. Оттого и голос мой прозвучал в автобусной мирной тишине грозяще, мне было нестерпимо видеть в своем городе нацистскую символику, которую вместе с ее носителями наши ребятушки уничтожают сейчас там, в далеком по расстоянию, но близком по духу Донбассе.

– А ты случаем не бандеровец, хлопачек?!

Дрогнул грозный на вид здоровяк, явно дрогнул. Духом оказался слабоват, страх и глаза его заставил вилять, и телом он дернулся.

– Тебе какая разница, кто я? – голос уже не камнями бросается, а песочком сыплет.

– Как это какая разница?!

И дальше я уже обратился ко всем сидящим и стоящим пассажирам, причем громче:

– Люди, смотрите, бандеровец! Давайте отвезем его прямо в полицию!

Не знаю, как бы стала развиваться ситуация дальше, но тут автобус подошел к остановке, и водитель открыл двери. Верзила рванулся к выходу, толкнув при этом стоявшую на пути женщину, выскочил

из салона и побежал к углу ближайшего здания. Но больше меня поразило не это, а реакция на происшедшее пассажиров. Кроме вскрика пострадавшей женщины и ее же ругани вослед убегающему обидчику, никто не отозвался ни словом! Тишина!

Предполагал я, конечно, неоднозначность отношения жителей России к нашей СВО. Помню, в самом конце февраля 2022 года разговаривал с товарищами, с которыми проработал в одном цехе немало годов, и двое из троих осудили начало военных действий на Украине. А чего надо было ожидать от общества, которое тридцать лет после убийства Советского Союза воспитывали в нежной любви к Америке и Европе?

У нас даже во властных голосах, да и то не во всех, патриотические слова зазвучали лишь совсем недавно. И о русском народе заговорили уважительно тоже не очень давно.

Создавали в стране разные угодные власти «юнармии», «наши-ваши», но дальше околовластной прослойки не распространилось это, насильно же впихивали. Знать, нет пока в народе запроса на серьезную воспитательную патриотическую организацию, а появиться ей сейчас сложно при тотальной дезорганизации народа капиталистической интенсификацией труда наемных рабочих. Попросту говоря, собственник стремится не оставлять рабочему человеку времени на чтение, на размышления, на осмысление бытия. Реклама, кровоточащие сериалы, «развлекухи» в виде шоу-программ – вся эта бесовщина убивает остатки желания думать. Но уверен: чем дальше мы будем входить на Украину, освобождая наших людей от власти нацистов, тем больше жителей самой России станет понимать, какое зло нам противостоит, и поддержка будет общенародной.

А пока мы даже на Великую Отечественную войну не перестали клеветать, как делали это в девяностые. У нас до сих пор во время парада Девятого мая Мавзолей спрятан под тряпкой! В парижском метро есть станция «Сталинград», а у нас нет такого города. И не стыдно нам перед всем миром!

Операцию на Украине наши войска начали бодро, и успехи были замечательные. Но потом все начало притормаживать очень заметно. Из высоких кабинетов зазвучали гнилые речи о мирных переговорах!

Но ведь сам Президент назвал киевский режим бандеровским, пришедшим к власти в результате переворота. Какие тогда с ним переговоры? Это примерно то же, как если бы в 1942 году власть заговорила о переговорах с Германией, это было немыслимо! А каково сейчас нашим солдатам на передовой слышать подобные речи?!

В общем, все стало неопределенно, народ это чувствует, и доверия к власти подобная двусмысленность не добавляет.

Может, поэтому такая реакция на бандеровца в Новокузнецке, во глубине России, посреди Сибири!

Смутно на душе от ощущения близящегося реванша либерастов. Не удалили их из властных структур перед началом спецоперации. Кровушку они из России еще попьют, пока их теплушками не вывезут в районы Крайнего Севера.

Но все же, словно мне в утешение, посетила и добрая мысль. Теперь этот убежавший придурок будет бояться открыто показывать нацистскую мерзость, а то вдруг попадется на глаза нормальным русским ребятам, и они расхлещут ему «морду лица» в кровищу. А если он не совсем тупой или «отмороженный», то, вероятно, задумается и уничтожит сатанинские знаки на своем теле. А там, глядишь, и изменит со временем свое мировоззрение. Дай Бог, чтобы так случилось, жалко же его, неразумного.

* * *

Один курс занятий закончился, я внес названную сумму и начал второй круг. Чего? Лечения или приближения к страшной беде?

Мне действительно заменили несколько упражнений другими и добавили еще. Занимался я по-прежнему в полную силу, но теперь мне приходилось все делать самому, без наставника, потому что за него надо было доплачивать несколько тысяч, а я счел это обременительным (как, кстати, и большинство пациентов).

Конечно же, Володя помогал мне советом, как и другие тренеры, когда я делал что-то не совсем правильно, а еще были плакаты с фотографиями тренажеров и текстовым пояснением, как нужно делать, так что новые упражнения я освоил довольно быстро.

Второй курс близился к середине, нога так же болела, а однажды утром еще и правый глаз стал не совсем четко видеть. Вероятно, мне не нужно было в этот день ехать на занятия, но поехал, привычка уже выработалась к нагрузкам, физически-то я окреп и чувствовал бы себя превосходно, кабы не нога. А тут вот и глаз начал беспокоить. Занятие я провел с трудом, координация движений оказалась сильно нарушена, было неудобно делать упражнения. К тому же я постоянно думал о глазе и строил разные предположения о причине падения зрения, все больше склоняясь к версии отслоения сетчатки от больших физических нагрузок.

Из дома позвонил в регистратуру своей поликлиники и записался на прием к офтальмологу. Получилось очень удачно: прием назначили буквально через день, обычно-то записывают на неделю позже как минимум, особенно к узким специалистам.

Худенькая женщина лет около полуста в темной комнате с разными приборами долго изучала оба моих глаза. Потом вышла куда-то, а когда вернулась,

я заметил в ее взгляде обеспокоенность. С опасением ждал ее диагноза, но она прямо ничего не сказала, только написала мне направление и пояснила, чтобы я ехал в Центральный район в частную глазную клинику.

Туда я сразу и отправился. Клиника занимает первый этаж жилого дома. Тут, как и во всех частных медучреждениях, чистота и порядок, персонал вышколен. Очередь из нескольких человек, с полчасика пришлось подождать. Врач молодой, полный и румянощекий, но, чувствуется, дело свое знает хорошо. Они с медсестрой, под стать ему молодой и фигуристой даже в медицинском халате, тоже долго меня крутили-вертели на разных аппаратах, даже по два раза на некоторых. Я уже с холодком в сердце предчувствовал беду с моим глазом, тем более что к концу обследования улыбки с лиц доктора и сестры сошли. Доктор посидел за столом в раздумье и попросил меня подождать в коридоре.

Рабочий день заканчивался, в клинике пусто, лишь в дальнем конце помещения уборщица мыла пол. Минут пятнадцать прошло, и сестра пригласила меня войти. Вроде бы я уже был готов к плохому, но когда доктор сказал, что у меня большая опухоль в глазу и, скорее всего, глаз придется удалять, я едва не упал. Благо, успел опереться плечом на стену, так поплыло все в голове. Выйдя из кабинета с результатом обследования, сел на диванчик, пытаясь осмыслить случившееся. Тяжко было на сердце и на душе, как же это – лишиться глаза?! Не вмещалась в сознание такая жизненная перспектива.

Тихо, с остановками и присядками, брел к остановке, светило предзакатное солнышко, кругом двигались люди, шли по своим делам, все здоровые, веселые, а я больной и печальный. А потом в автобусе мне вдруг влетела в голову неожиданная, даже странная мысль.

Все эти годы, последние лет двадцать, я жил вполне благополучно, в достатке, по меркам простого работяги. Работал на комбинате, потом стал получать еще и пенсию, писал и издавал на собственные средства книги, изредка болел, но несерьезно. Дома тоже было все хорошо, дочь замужем, растят с мужем двух девочек. Несколько лет назад мы совместно с дочерью и зятем купили садовый участок с домом и баней в солидном обществе и в прекрасном месте, внучкам там очень нравится.

И вот по мысли, заскочившей в мой мозг, получается, что такая размеренная, уютная жизнь убаюкивает человека, усыпляет мысли о неизбежной смерти, земное существование начинает казаться вечным и прекрасным. А раз так, то и греховные помыслы выползают из потаенных мест сознания или подсознания, обживаются и начинают влиять на образ всей жизни. Я себя считаю православным христианином, читаю труды наших Святых Отцов, пытаюсь исполнять Заповеди Господа, но это, естественно, не всегда спасает от грехов в полной соблазнов современной жизни. Так, может, случившаяся со мной беда послана мне Богом для вразумления моего?! Читал у Святых Отцов, что признаком истинной, крепкой веры является принятие с благодарностью, с прославлением Бога всего происходящего, даже страшного, горького, ужасного. И что так оно и есть на самом деле, я понимал умом отчетливо, но сердце отказывалось это принять. Меня, человека, который пишет и считает это главным делом в жизни, лишить глаза – самого, пожалуй, главного органа для писателя! Но это же невозможно! Захотелось напиться вдрызг, в хлам и забыться в хмельном сне, чтобы потом проснуться с обоими здоровыми глазами.

Водку я не пью уже много лет, а вот пиво иногда попиваю, даже зная при этом, что оно давно не настоящее, как в советское время. Часы показывали начало шестого, жена в шесть должна поехать из садового общества, хотелось приехать раньше, взять вдосталь пива и в одиночестве надуваться им до забытья.

До магазина добрался, как обычно, с «присядушками», взял сразу три полуторалитровые бутылки пива самого дешевого, но и самого похожего по вкусу на советское. Одну выпил из горлышка прямо на лавочке у магазина и потом еще закурил, хотя уже года два назад прекратил этим заниматься (но сигареты с собой носил). И вот сидел я теперь и с удовлетворением ощущал, как хмель наполняет голову, меняет настрой мыслей с мрачного на более приятный.

Жена посмотрела очень удивленно, когда зашла в мою комнату и увидела меня в компании с пластиковыми бутылками. Я рассказал ей о диагнозе, и она молча вышла.

Три дня я плавал в пивном угаре. С утра бежал в магазин, брал две или три «полторашки», выпивал, валился на диван, через три-четыре часа очухивался и снова мчался в магазин. Жена все эти дни ездила на дачу, по утрам заглядывала ко мне, но ничего не говорила, только смотрела укоризненно. А вот утром четвертого дня мне уже не дали уйти за пивом, да и не с чем было: приехала дочь, и они вместе с матерью изъяли у меня все наличные деньги и карточку, а самого меня взяли в оборот.

Оказывается, доченька побывала с моей медицинской картой в нашей комбинатовской поликлинике, попала к офтальмологу и к заведующей отделением, добилась, чтобы ей дали на мое имя бесплатные направления на УЗИ, МРТ и в областной офтальмологический центр. Ведь я являюсь ветераном труда комбината, так что мне это положено, а дочь моя - серьезная женщина и пробивная, когда ее раззадорить. Много позже жена мне рассказала, как

они плакали, жалея меня, а потом дочь решила взять мое лечение в свои руки. Честно могу сказать: если бы тогда жена и дочь жестко меня не вразумили, кончилось бы все для меня очень плохо, так как я хотел все пустить на самотек – как будет, так и будет.

Супруга прямо силком загнала меня в ванну, налила очень горячей воды и потом долго отпаривала своего дурного муженька, отмачивала, оттирала, только что не отжимала. После ванны и бритья отпаивался я горячим сладким кофе, стало значительно лучше. Голова начала проясняться, и пришло понимание губительности своего поведения, своей слабости.

* * *

Утром выехали в Кемерово. Дочь машину водит уверенно, так что добрались без проблем, правда, по областному центру малость поплутали, даже с автопутеводителем.

Областная клиническая больница имени Беляева – это целый городок из связанных между собой корпусов и отдельных зданий. Глядя на него с дороги, проходящей по возвышенности, видишь, сколько было еще с советских времен приложено усилий, чтобы создать в областных городах медицинские центры по разным направлениям. Наш Президент идею развития подобных образований постоянно поддерживал, за это ему честь и хвала.

Закупили новейшее, в том числе и импортное, оборудование, установили. А вот дальше пошли проблемы. Оказалось, мало специалистов, умеющих работать на сложном оборудовании, и вообще выявилась нехватка медперсонала на всех уровнях. А что, руководители, отвечающие за этот проект, не додумались заранее открыть мединституты, сложно было? Отнюдь. Поэтому такие «руко-водители» не соответствуют поставленной задаче и должны быть изгнаны из уютных кабинетов, а туда внедрены люди ответственные. А вот с ответственностью в нашем государстве большая проблема.

Но вернемся к медицине. Крупные города государство более-менее обеспечило нормальной медициной, а что творится в провинциальной, сельской России? Может, надо было начинать с открытия фельдшерских пунктов и небольших больниц на просторах наших? Беда ведь там! Совсем еще недавно позакрывали все по программе оптимизации (читай – уничтожения), но вроде одумалась власть в самое последнее время и даже озвучила какую-то программу по сельской медицине. А кто-нибудь был наказан за уничтожение роддомов в малых городах, за закрытие единственного в деревушках очага медицинской помощи людям – фельдшерских пунктов? Уверен, что никто не понес кару, не в традициях это нашего государственного управления.

При этом контроля за исполнением программы по восстановлению сельской медицины, видно, не хватает, и она буксует или еле-еле движется. Да и вообще это только полумера. Чтобы коренным образом выправить положение со здравосбережением народа, надобно провести целый комплекс реформ.

Во-первых, всю медицину вернуть в государственное управление как стратегическое направление, ликвидировать страховую медицину, куда вливаются огромные бюджетные деньги, уходящие зачастую не на лечение населения, причем непрозрачным для контроля способом.

Открыть в стране мединститутов столько, сколько потребно в перспективе, с факультетами новых специальностей, открывать медучилища с преподаванием дисциплин, особо востребованных в условиях отдаленности от больших клиник и от специалистов в узких областях медицины.

Обязательно нужно вернуть общегосударственную практику распределения выпускников вузов в места, где наибольшая в них необходимость для народного хозяйства. Отчасти такое делают крупные компании. Они «ведут» перспективных специалистов еще со студенческой скамьи, а потом берут к себе на работу. Кстати, подобную практику изначально внедряли западные фирмы, так они сманивали русские умы за границу. Не знаю, насколько сейчас утечку мозгов пресекли. А что касается наших промышленников, то, думается, по сути доброе дело воспитания хороших специалистов они в силу подлой сущности самого строя превратили в выгодный бизнес, и молодой специалист после окончания учебы попадает к ним на десятки лет, фактически в кабалу, пока, по их понятиям, не отработает вложенные в него деньги.

Иными методами дикого перекоса в образовании, когда в деревнях совсем нет врачей, а московские конторы забиты «офисным планктоном» с юридическими и экономическими дипломами, не одолеть.

Назрела необходимость закрывать к чертовой матери все частные учебные заведения, плодящие за большие деньги недоучек и недоличностей. Они в массе своей прозападные по методам преподавания и по целям получения специалистов с заданным мировоззрением. Так что в перспективе мы можем получить мощную пятую колонну (и уже, очень вероятно, получаем).

Значит, частные вузы представляют собой угрозу национальной безопасности России и должны быть выкорчеваны из нашей почвы. Прекрасно понимаю, что своими соображениями обозначаю фактически изменение социально-политического строя государства, потому что взнуздание частной собственности к этому и приведет. Ну что ж, такова логика движения России в истории – с мощными рывками в будущее и со страшными падениями в прошлое.

Такие вот мысли крутились в моей голове, пока дочь заводила машину на стоянку. Да, медицинский

центр хорош, красивые новые здания, внутри все в пластике и стекле, при входе обязательны наобувники и стоит матерый охранник. Солидный мужик, невысокий, налитой, с седеющей скобкой усов над сочными губами. И при взгляде на него в тот самый момент, когда на Украине фактически идет война с возрождающимся нацизмом и поддерживающим его Западом, у любого разумного человека неизбежно должен возникнуть вопрос: а зачем нам в России столько частных охранников, число которых, как было где-то озвучено, достигает пяти миллионов?!

И большинство этих людей – призывного возраста, здоровые, иные прямо кровь с молоком, а об лоб можно запросто поросят глушить. Ну да это и понятно: частная фирма доходягу к себе на работу не возьмет.

Куда же Министерство обороны смотрит? Это же почти готовый контингент для мобилизации! Из пяти миллионов вполне возможно сформировать полумиллионную группировку, а это целый фронт! Они же почти все служили, так что их проще всего немного подучить, у них ведь опыт армейский и житейский. Надеюсь, МО обратит на них внимание. Такие мысли были у меня еще летом, потом прошла мобилизация, и есть надежда, что хотя бы часть из огромной массы охранников отправилась защищать Родину. Не очень я жалую эту категорию наших граждан, да и есть, за что не жаловать, они же во всех общественных зданиях: в больницах, в поликлиниках, в народных (ли?) судах, в школах, а уж в частных банках и вовсе табунами ходят. И все здоровые, откормленные, часто высокомерные... Так что пора многим и послужить Отечеству в трудную пору.

Да, опять я ушел в сторону от основной темы, но такая уже привычка выработалась: все анализировать, обобщать, критиковать, если необходимо, и предлагать решение с позиции неравнодушного к судьбе родной России и здравомыслящего человека. Так что не обессудьте, мой добрый читатель.

В регистратуре очередь на диво невеликая, хотя в коридорах и в холле народу множество. Побывать пришлось в трех кабинетах, хорошо, дочь моя догадалась сразу в два занять очередь. Основное решалось в кабинете офтальмолога. Она очень молода, быстроглаза и с рождающимися при улыбке ямочками на щеках. Выслушала мой краткий рассказ и направила в другой кабинет. Там меня опять обследовали на самых разных аппаратах, после ожидания вручили письменный результат и снимки моего глаза. С этим вернулся к молодой докторше. Уже почти приняв мысль о неизбежности удаления ока, я попросил ее определить меня сюда, в центр, на дальнейшее обследование и, если необходимо, то и на операцию. Однако улыбчивая с виду милая докторша мою просьбу отклонила жестко и непреклонно. Конечно, я обиделся: а зачем тогда меня сюда вообще посылали, если не госпитализировали? Офтальмолог в родной поликлинике подстраховалась, уходя в тень вышестоящей инстанции, им-то, мол, виднее в области? Возможно, весьма и весьма. Но, поразмыслив, я отверг это предположение. В области специалисты опытные, да и оборудование лучше, я лично в этом убедился. А что не взяли в больницу, так и этому есть логичное и вполне человеческое объяснение. Операции по удалению глаза делают и у нас в городе, а каково тем, кто приехал в областной центр из глуши, и это их единственная возможность спасти жизнь? Так что зря я размечтался о хорошей, уютной палате, о заботливом персонале и высококвалифицированном хирурге, об отменной кормежке.

Приняв эту точку зрения, я сам успокоился и постарался успокоить кипящую раздражением дочь – из-за бесплодной, как ей казалось, поездки.

Поехали домой, а дорогой я все же опять думал об областной больнице. Пробыли мы там часа три, и народу к обеду только прибавилось. В основном, это были люди пожилые. Больница-то тоже ведь не полностью государственная, много при ней разных частных клиник, и во всех зарабатывают деньги на сирых, убогих, калечных. Не должно так быть, потому что частная медицина – это смерть настоящей медицины, где зарабатывают деньги на человеческих хворях, оттуда уходит любовь к пациенту, к болящему. Но есть огромное надежда, что скоро справедливость станет очень востребована русским народом и восторжествует.

* * *

Далее мне надлежало пройти УЗИ внутренних органов, оказывается, это можно сделать и в родной поликлинике. Такого тщательного обследования я не проходил ни разу в жизни. Меня, обнаженного по пояс, заставляли поворачиваться во все стороны, при этом суровая дама водила прибором по моему телу от ушей и шеи до бедер. Я понимал, что таким способом у меня ищут метастазы рака. На мое счастье, их у меня не оказалось. Теперь надо было проверить голову.

В нашей поликлинике, как это часто бывает, аппаратура МРТ не работает, вот и пришлось ехать в центр города, опять в частную контору. Повез меня зять, они с дочерью по очереди доставляют меня в нужное место, потому что видел я больным глазом все хуже, да еще он, слепнущий, мешал здоровому, нарушал пространственную ориентацию, я мог, например, пронести руку мимо бокала с чаем, вот они меня и опекали.

Процедура обследования головы не очень приятная. Уложенного в узкое корытце, с головой в какой-то подставке, закатили меня, бедного, в аппарат, и он жужжал, скрипел, трещал долго-долго. Потом меня выкатили, ввели в вену некий раствор, снова закатили, и опять долго раздражала слух какофония

неприятных звуков. За результатом сказали приехать завтра, зять и забрал его на другой день.

Все оказалось очень плохо: подтвердился диагноз злокачественной опухоли глаза.

Ну что ж, нужда приперла – пора определяться в больницу. Дочь съездила в Первую городскую, там назначили день приема. До этого я сдал кровь и получил результаты анализов, думал, что вместе с УЗИ и МРТ будет достаточно, чтобы лечь на операцию. Как я заблуждался! Хлопот мне еще предстояло, как говорится в народе, выше крыши.

Наивно думал я, что сразу после приема меня отведут в палату, поэтому с вечера собрал пакет с туалетными принадлежностями, кружкой, тапочками и сменной рубашкой. Захватил с собой и книги, рассчитывая подарить их медикам и собратьям по несчастью. Не сообразила дурная голова, что людям, у которых проблемы со зрением, не до чтения.

Ночь перед поездкой тянулась бессонно и бесконечно. Не совсем приготовил я себя к операции, заложен в живой природе страх перед болью, от осознания факта скорого отсечения части собственного организма, и даже мысленное убеждение самого себя в безболезненности операции под наркозом действовало не очень. К этому присовокуплялось категоричное неприятие будущего одноглазого существования, с этим бороться было еще труднее. Молился, просил Бога помочь в беде моей, но сам чувствовал слабость молитвы, знать, мирское, плотское во мне в тот момент главенствовало, заклинился я на своих хворях, потому и молитва была не до конца искренней, а такую Бог не принимает.

Встал даже раньше будильника, умылся, побрился, позавтракал и стал ждать дочь. Выехали вроде заранее, однако дороги были забиты, так что к больничному кварталу мы подъехали только в восемь часов, а на это время уже был назначен прием. Еще и потому я нервничал.

На первом этаже, у нужного нам кабинета народу – не протолкнуться. Старики и старухи, многие из малых городов и сел юга Кузбасса. Вышла медсестра за карточками, дочь отдала мою. Ждем, и я чувствую, что доченька слишком возбуждена. Ей к десяти надо вернуться на работу, да и впечатления от медицинских учреждений у нее не самые благоприятные. Она сразу сказала, что если и здесь мне откажут, устроит скандал, и никакие мои увещевания на нее не действовали. Я стал опасаться, что все пройдет не очень красиво, с излишними негативными эмоциями, так оно и случилось. Нет у меня цели оправдать собственное дитя, у нас весь простой народ живет в надрыве, у всех проблемы: у кого с жильем, у иных с работой, у многих с детьми. И каждый считает себя правым, слушать другого никто не хочет. Моя дочка – продукт уже постсоветского воспитания, и даже заложенное в нее в детстве, пусть самое доброе и честное, обязательно будет давать сбои в сообществе людском, где нарушена нормальная человеческая мораль.

В общем, беседа дочери с доктором шла на повышенных тонах, а я пытался смягчить ситуацию, и в конце концов мне это удалось, – после того, как я жестко остановил дочку. Но врач, дама средних лет, в сильных очках и с сухими тонкими губами, тоже была не на высоте. Во-первых, ей по роду занятий положено быть вежливой и доброжелательной. А во-вторых, она обязана все разъяснять и рекомендации давать только выполнимые.

Однако, судя по направлению на анализы, которое она мне вручила, задача передо мной была поставлена явно нереальная: там значился послезавтрашний день, а пунктов на бланке – пятнадцать! Я спросил, когда успею все сделать, доктор же невозмутимо ответила в том смысле, что если постараться, то за деньги в платной клинике все можно успеть. Звучало такое предложение издевательски, возможно, так она отплатила дочери за недопустимый тон и злые слова. К тому же она добавила, что глаз мне, конечно, быстренько удалят, но и все, больше никаких лечений и обследований не предусмотрено. И прозвучало это так, будто меня сей момент заведут в операционную, изымут мой орган зрения и тут же выпихнут из больницы. На это же работали и дальнейшие ее слова об отпуске анестезиолога и о нежелательности его отзывать. Они вообще заставили меня содрогнуться: выходит, здесь готовы удалять глаза под новокаином, что ли?

Опешили мы с дочерью, и она сказала мне дрожащим голосом:

– Папа, пошли отсюда. Не надо тебе глаз удалять.

Значит, она поняла слова человека в белом халате так же, как я, следовательно, этот смысл до нас и хотели донести.

* * *

Вот после этого случая и потерял я интерес к жизни. Что-то сразу все опостылело, стало ненужно и неинтересно. Днями валялся на диване, тупо глядя в потолок, не хотелось ни читать, ни смотреть любимые документальные фильмы о Великой Отечественной войне. Что-то ел, что-то пил, не ощущая вкуса. Жена вечерами, приезжая с дачи, пыталась говорить со мной, дочь с зятем убеждали встрепенуться, а я молча их выслушивал, не вставая с дивана, и отворачивался к стенке. Приезжал мой старый добрый товарищ, обеспокоенный тем, что я не отвечаю на звонки, но и он не смог меня развеселить. Апатия иногда приводила к мысли о желательности смерти, но при этом тихой и без боли, лучше бы во сне. Однако я понимал абсурдность подобных желаний, ведь онкологические болезни как раз и отличаются своими мучительными болями, и от этого никуда не деться. И еще отсутствие желания молиться

тревожило, бередило душу. Я сколько уж лет по воскресеньям посещаю храм, читаю Святых Отцов. Отчего такое со мной приключилось? Слаба оказалась моя вера? При первом же тяжелом ударе по физическому здоровью она иссякла, как иссякает хиленький родничок в долгодневный палящий зной?

Такое даже помыслить было оскорбительно, это противоречило моему мировоззрению и жизненному укладу, и все же я понимал близость этого предположения к истине. Так что же делать? Опять употреблять алкоголь? Не-е-т, потом будет только хуже. И постепенно в сознании моем заклубились добрые помышления, начали прогонять апатию. И вот в один из дней я встал, взял Евангелие, надел очки и почти насильно заставил себя читать, да не просто глазом одним елозить по страницам, а вникать.

И буквально тут же проснулось желание бороться за свою жизнь, сделать все, что необходимо. Позвонил дочери, она, радостная, начала мне рассказывать о своих попытках устроить меня в клинику Томска или Новосибирска. Спасибо ей, но мой жизненный опыт говорит о трудноосуществимости этого, слишком много препятствий для иногороднего попасть туда, если, конечно, нет очень тугой мошны, а у меня ее нет...

И почти сразу после этого разговора позвонил зять и попросил поехать с ним завтра в «Гранд-Медику» на консультацию. Мне было стыдно перед ним и дочерью за все огорчения и беспокойства, что я им причинил, поэтому согласился я безропотно, хотя и не видел в этом необходимости.

Не знаю, чем наиболее полно объяснить разницу между персоналом городской больницы и частной клиники, но только в частной он куда внимательнее, вежливее и даже профессиональнее. Понятно, что главные врачи частных медучреждений отбирают лучших специалистов, платят им больше, но ведь и спрос с них тоже выше. Зарплата, конечно, важна, однако не это главное, не она же делает доктора доброжелательнее. Может, зависть у врачей в муниципальной больнице портит им характеры, изливает в кровь желчь? Сложный вопрос. Но, как бы то ни было, в частном медицинском центре седеющий кудрявый человек в белом халате очень доступно мне объяснил всю серьезность моего положения и то, что меня ждет (слепота полная или скорая смерть), если я как можно скорее не лягу на операцию. Он даже рассказал, как примерно она происходит, и ничего страшного там нет. Так меня убедил, что, если бы у них в центре делали такие операции, я готов был тут же лечь под скальпель. Но, к сожалению, таких операций они не проводят.

Значит, надо снова обращаться в Первую горбольницу. Дочь по моей просьбе заехала туда, записала меня, ждать нужно было пару недель. А у меня опаска в сердце поселилась: как бы корешки рака не пустили щупальца по всему организму, меня ведь все специалисты предупреждали о малом промежутке времени на надежное излечение.

Эта опаска, если дать ей волю и не бороться, обязательно возрастет до панического страха и будет отравлять твое существование, поспособствует развитию злой хворобы. Боролся я с ней в меру своих слабых сил, днем вроде справлялся, да и другие дела и заботы отвлекали, а вот ночью было много хуже. Только начну засыпать, ворохнусь нечаянно – и что-то кольнет в голове, сон сразу скачками убегает, и ужасная мысль: а вдруг?..

К тому же гаснущий глаз стал побаливать, а видеть им я уже практически ничего не мог, так, лишь мутно ощущал свет. И тогда с усилием поначалу, потом пошло легче, я заставил себя каждый день прочитывать по главе из Евангелия и усерднее молиться, особенно перед сном. Результат обозначился сразу же: сон нормализовался, а главное, опаску уже можно было преодолеть.

Для себя я объяснил это следующим образом. Душа наша, она ведь жительница того мира, горнего, здесь она одушевляет тело на краткий миг земной жизни, мы же в суете мирской, мерзостной часто не слушаем ее, подавляем. А вот когда беда пристигнет, и мы начинаем обращаться к Богу с искренним покаянием и смирением, она завладевает нами, и не страшны становятся страдания и сама смерть.

* * *

Две недели промелькнули, подошел день приема. Я хотел поехать один, не желая утруждать дочь, да и опасался ее злого настроя на медиков (она еще после первого приема грозилась написать на «докторессу» жалобу, хорошо хоть не написала, вспыльчива да отходчива), но доченька настояла на своем и отвезла меня.

Народу опять полон коридор, и почти все в тот кабинет, куда и мне. Да, не зря бытует выражение, что стоит побывать в больнице – и кажется, будто все люди болеют.

Щупленький шорец в теплой куртке стоял у дверного косяка соседнего кабинета и все пытался отдать свою медкарту выходящей медсестре, но никак не получалось, эти карты ей совали со всех сторон. Наконец, взяла и у него, но вскоре вынесла обратно и сказала, что нет полиса. Сестра ушла в кабинет, а шорец стал искать по многим карманам отсутствующий документ, вид у него был удрученный. Понять его можно: из-за одной бумажки придется ехать домой, скорее всего, в Горную Шорию, затем возвращаться сюда и опять стараться попасть на прием, а время его, весьма вероятно, ограничено болезнью...

Дочь вошла со мной, хотя я и возражал; к моему огромному облегчению, за столом сидела другая женщина, миловидная и молодая, по имени Анна (а

вот отчество память не удержала). Разговаривала со мной вежливо, можно даже сказать, душевно. Все объяснила, рассказала, что нужно сделать, и дала список необходимых анализов и обследований, назначила день госпитализации, который отстоял в календаре от сегодняшнего на три недели. У меня от такого благого отношения опять возникло желание как можно скорее лечь на операционный стол. Вот что значит доброе слово и искренняя улыбка!

На мой удивленный вопрос, почему так долго ждать, добрая женщина немного печально улыбнулась:

– Вам хоть бы за это время успеть все сдать...

Вот и вспомнилась предыдущая «приемщица», которая отводила на всю подготовку к операции один день! Рассказал я вкратце милейшей Анне о той беседе, ничего она не ответила, лишь опустила в бумаги голову. А я на ее замечание относительно сроков сдачи анализов должного внимания тогда не обратил, потому что вышел окрыленный, конец испытаний казался мне уже таким близким. Блажен не ведающий судьбы своей грядущей!

* * *

Зато дома, изучив список необходимых мероприятий, я начал потихоньку ужасаться предстоящему. Одних анализов крови надо сдать несколько, причем не в ближайшие дни, а позже, потому что срок их действительности весьма короток.

Приехал на следующее утро в поликлинику, стою у регистратуры, не знаю, с чего начать, с какого врача. Выручила доченька: посоветовала обратиться к заведующей терапевтическим отделением для консультации. В кабинете, куда я, постучав, вошел, заведующей не было, а сидела старшая медсестра. Я немного знал ее, даже как-то недолго побеседовали. Вот и решил рассказать ей про свою беду и свою растерянность.

– Вера..., – сделал паузу, чтобы она подсказала.

– Николаевна.

– Вера Николаевна, помогите разобраться в этих бумагах, с чего надо начать.

Она взяла мою карточку, пакет с уже сделанными исследованиями и направление из горбольницы.

Вышел я из кабинета очень взбодренным. Вера Николаевна, наверное, из сострадания взяла на себя руководство моей подготовкой к операции. Оказалось, все не так страшно, как мнилось растерянному уму. Она все расписала по дням, по часам и кабинетам и сказала мне сейчас же идти делать углубленную ЭКГ.

За несколько дней прошел я большинство необходимых процедур. Настал черед идти к стоматологу, так как требовалось иметь справку и от него. Но на табличке двери кабинета, где принимает зубной врач, было указано: «В отпуске». И на противоположной двери, где смотровой кабинет, точно такое же сообщение. Ладно, пусть люди отдыхают, а у меня нет времени ждать, когда они насладятся заслуженным отпуском. Поэтому я решил пообщаться со стоматологами в своем районе, оба они меня знают, немало лет ходил к ним.

Слышал я, конечно, от людей, что больного не возьмут ни на какую операцию, если у него есть не удаленные корни или больные зубы. Так оно и на самом деле, но вот внятного медицинского объяснения этому встречать не доводилось. Нельзя же всерьез принимать высказанное мне одним доктором утверждение о том, что шатающиеся зубы мешают при операции под наркозом вставлять трубку в трахею. Весьма вероятно, есть какое-то воздействие гниющих зубов на глаза. Но тогда уместно предположить и влияние, допустим, больной поджелудочной железы на глаза, и отрицательное воздействие ее во время операции на органах зрения. Следовательно, прежде надо вылечить железу, а только потом удалять глаз. И вообще надо являться в офтальмологию на операцию, вылечив весь организм...

А ближе всего к истине, наверное, будет предположение, что все эти бесчисленные и с каждым годом растущие требования по анализам и исследованиям (исключение составляют лишь экстренные случаи, тогда ничего не надо сдавать) есть просто страховка руководства больницы от любых неожиданностей – для снятия с себя ответственности за нежелательный результат операции, который может повлечь за собой ощутимые финансовые и репутационные потери.

Все это стало возможным с введением в России частной страховой медицины, которая, будучи скопирована с забугорной, ведет, в конечном результате (или, по крайней мере, должна привести, по мысли организаторов проекта) к разделению всего здравоохранения на платное, дорогое, но качественное для состоятельных граждан и имитацию медицины для бедных. Не все получилось, как задумывалось, но здесь виновата сама Россия, она слишком большая и непредсказуемая, все зарубежные идеи и проекты она переиначивает на свой лад, да и запрос на справедливость у нас еще не истребили. Не без воли Президента были внесены изменения в первоначальную задумку, в частности, немало операций делается по квотам, то есть бесплатно, но суть частной страховой медицины не изменилась.

Наши врачи в поликлиниках отбывают время, как крестьянин на барщине, где-то до 14–15 часов, а затем быстренько перемещаются в платные клиники, где у них основной заработок. Не станет такой доктор качественно лечить бедных стариков, ветеранов, потому что все его мысли там, где денежка хорошая «капает» в кошель или на банковский счет. По-человечески его понять можно, но принять такую по-

зицию очень трудно, против совести потому что это, не по-Божески.

Вот если бы всему медперсоналу муниципальных поликлиник повысить зарплату до хорошего, достойного их благородного труда уровня с обязательством работать на своем месте по 8–10 часов, они не станут с завистью смотреть на коллег из частных структур и не побегут туда. И этим, кстати, отчасти решится проблема нехватки кадров именно в городских медучреждениях. А это повлечет за собой сокращение времени ожидания приема узкого специалиста с полутора-двух месяцев до нескольких дней.

Но вернемся к нашим анализам. Уверен, если у государства имеется намерение охранять и сохранять здоровье собственного народа, оно обязательно придет к пониманию того, что взять на себя подготовку больного к операции – его святая обязанность. Можно создать специальные центры, где все проводится быстро и бесплатно, но не в том количестве, что сейчас, излишнее надо отсечь. Можно делать это в больницах, создав там специализированные палаты и отделения. Однако есть серьезное опасение, что сделать все это окажется затруднительно. Как бы не пришлось для этого национализировать всю медицину. А это мало кому надо. Пусть лучше больные бегают по разным местам для сдачи разных анализов, пусть платят, у кого нет бесплатных направлений. И если кто-то, потыкавшись-помыкавшись, не выдержит такой гонки, плюнет и станет тихо умирать, так это его выбор, его проблемы.

* * *

Помня, что в нашей стоматологической поликлинике раньше особо больших очередей не было, пришел туда к 9 утра. И потом клял себя за сонливость, потому что в это время в регистратуре записывали на прием в смотровой кабинет уже только на конец следующей недели. Пришлось втолковывать полной, флегматичной медсестре за стойкой, что мне необходимо попасть к доктору пораньше, это требуется для предстоящей операции. Трудно до нее доходила чужая беда, но все же соблаговолила найти мою карточку. И равнодушным тоном предложила ожидать, когда примут всех по талончикам; тогда, возможно, и меня смогут принять.

Делать нечего, сел на диванчик, жду. В очереди было человек десять, еще подходят. А я просидел уже два с половиной часа. И, что интересно, к этому времени практически перестали подходить с талончиками, и таких, как я, бесталонных, тоже стало значительно меньше. Значит, не так уж и загружен стоматолог в смотровом кабинете, может, его график приема составлен таким образом, чтобы оставалось время подработать в платной зубной «шараге»? Интересно бы зайти сюда часов в пять вечера и посмотреть, есть прием или нет.

Наконец, все-таки попадаю в смотровой. Молодая, подвижная докторша насчитала у меня аж пять не удаленных корней и один зуб мудрости. Ужас! Но сам виноват, следовало раньше заняться зубами. За полторы недели максимум мне надо очистить всю полость рта, иначе справки не видать. И зря я, поди, вякнул о том, что зуб мудрости побаливает, она его записала, и теперь удалять эту «мудрость» просто необходимо.

Мандраж перед помещением, где удаляют, конечно, присутствует, а у кого его нет с детства, когда сама мысль о посещении стоматолога приводила в трепет? Принимает сегодня, как гласит табличка, Татьяна Александровна. Я немного разочарован, ожидал попасть к стоматологу-мужчине, их я знал по опыту, а это многое значит в таком деле, как изъятие зубов.

Невысокая, с буйной массой черных вьющихся волос, выбивающихся из-под белой шапочки, Татьяна Александровна приглашает в кресло для укола с такой доброй улыбкой, что сразу успокаиваюсь, исполненный доверия к ее мастерству.

Пока она готовится к осмотру рта, коротко объясняю свою ситуацию и прошу удалить сразу два корня. Она отнеслась с пониманием и уколола два раза. Потом я оплатил в кассе импортные обезболивающие препараты, они оказались подешевле, чем раньше. Доктор объяснила, что в связи с СВО импорт лекарств сократился и изменился; то, которое ввели мне, послабее, оттого и дешевле.

Вернувшись в кабинет, я подарил всему коллективу стоматологов книгу, подписал ее от чистого сердца. И само удаление прошло безболезненно, больнее были уколы. А тут просто что-то во рту два раза тихо щелкнуло, и послышался голос Татьяны Александровны:

– Все, вставайте.

– Все? Уже?

Улыбка у нее просто восхитительная.

– Да, уже.

Поднимаясь из кресла, прошепелявил ртом, набитым тампонами, слова благодарности. Потом сидел в другом помещении, где сестра готовила мне талон на следующее посещение, а я отвечал на вопросы доктора о своем творчестве, но выходило весьма косноязычно: рот был еще связан онемением. Зато сам я чувствовал себя вполне довольным: процесс пошел!

Так и ходил я к Татьяне Александровне как раз полторы недели, и все корни были удалены без проблем. Проблема возникла лишь с изъятием зуба мудрости. Конечно, он мне досаждал, побаливал, но, если бы не необходимость, не знаю, когда бы я настроился избавиться от него. Наверное, только тогда, когда начал бы взвывать от боли.

Да, действительно, нет худа без добра, жизнь в этом убеждает. И еще верно в народе русском говорят: не было бы счастья, да несчастье помогло. Оказалось, что человек я мнительный, подверженный влиянию сторонних доводов и впечатлений. Доченька родная особенно мне «удружила», рассказав, как ей четыре часа долбили, тянули, выдирали зуб мудрости. А мне ее рассказ запал в сердце. Поэтому я и спал плохо перед днем, когда предстояло мой зуб выкорчевывать. И потом вибрировал в стоматологическом кабинете, даже когда после укола действие его уже было ощутимо. Сижу, мандражу. Татьяна Александровна, увидев мое состояние, мягко и спокойно сказала:

– Пойдемте, все будет хорошо.

Разок хрустнуло, и прекрасные слова, как звуки ангельского гласа, пролились бальзамом на сердце мое:

– Все, открывайте глаза.

Я всегда в стоматологическом кресле закрываю их, очень уж вид инструментов страшен.

Татьяна Александровна сама написала мне справку, чем еще более меня обрадовала, а то я уж прикидывал, как поскорее попасть в смотровой кабинет, думая, что мне там ее должны выдать.

Книгу мою они читают всем коллективом, и я в порыве благодарности подарил им еще и том публицистики.

* * *

Со справкой явился в свою поликлинику, нашел Веру Николаевну. Она попросила подождать ее у того кабинета, где она обычно работает. Посидел на стуле, смотрю, идет мой ангел-хранитель и помощник. Она немолода, полновата, но смотрится очень хорошо и в движении легка. Удивилась, что я за полторы недели удалил столько корней. Оставалось всего несколько дней до операции, я почти все сделал, но предстояло еще попасть к терапевту, а это не так просто. Высказал свою тревогу Вере Николаевне, она улыбнулась и попросила еще подождать в коридоре. Вскоре вышла и назвала номер кабинета в другом крыле здания.

Терапевт – дама нервная и дотошная, внимательнейшим взглядом пересмотрела все мои бумаги и заявила о полной моей неготовности к операции. Меня аж в пот кинуло, а она сообщает о подозрении на сахарный диабет, о гипертонии, о больном сердце. И предупреждает, что меня вообще не возьмут на операцию, а чтобы взяли, надо дополнительно обследоваться. Какой диабет, какая гипертония? Никогда не было у меня таких болезней, о чем она? В конце концов дама заявила, что все это укажет в заключении. Вышел я в полнейшем унынии, поплелся назад.

Вера Николаевна выслушала меня и снова выпроводила в коридор. Сижу, унываю-изнываю, всего два рабочих дня осталось в моем распоряжении. И вдруг та суровая «терапевтическая» сударыня заходит в кабинет старшей медсестры. Довольно долго она там находилась; выйдя и не глянув на меня, направилась к лестнице.

Когда я зашел, Вера Николаевна объяснила, что терапевт очень заботится о больных, поэтому так дотошна в своей работе. Заключение она написала, а уж возьмут меня в больницу или нет, – это не ее, терапевта, забота.

За документами мне было велено приехать в понедельник, за день до госпитализации, но я явился уже на следующий день, в пятницу. Нетерпение подгоняло меня, тем более что глаз уже серьезно начал болеть, и я стал употреблять сильные обезболивающие таблетки.

Вера Николаевна даже обрадовалась моему приезду, так как появилась необходимость сегодня пройти дополнительное обследование сердца, ЭХО. Прямо при мне она позвонила куда нужно и обо всем договорилась, и потопал я, хромоножка, в больницу, где меня уже ждали.

Стояла прекрасная сентябрьская погода: теплынь и солнечно. Уборка урожая на даче в разгаре, а я с июня не был на садовом участке с этими хворями. Обидно, конечно, но моя задача сейчас – вылечиться, а дача никуда не уйдет.

Кабинет, где делают это самое ЭХО, на пятом этаже; кряхти, болезный, но топай. С результатом (кстати, очень хорошим) я вернулся в поликлинику. Там Вера Николаевна сказала, что бумаги я должен забрать все же в понедельник.

Оглядываясь на те недели мытарств, пришел к твердому выводу: без помощи дражайшей Веры Николаевны сделать все к сроку я ни за что не успел бы, на одни только ожидания приемов в разных кабинетах времени бы не хватило. В понедельник я и выразил ей свою глубочайшую благодарность за помощь, думая, что более не придется ее беспокоить. Впереди меня ждала больница и все, что должно было в ней произойти.

* * *

Сумку собрал еще с вечера. Спал, ясное дело, отвратно, хотя сильного страха не было. Перед сном молился молитвой Иисусовой, а она – как целебный бальзам на рану. Но беспокойство перед серьезнейшим испытанием в жизни отгоняло сон.

Утром умылся, побрился, позавтракал и стал ожидать дочь. Она сможет только довезти меня до больницы, а потом уедет на работу.

Народу в больнице опять полно, стою, жду, когда выйдет медсестра. Разговорился с худенькой женщиной в сильных очках, она сопровождает бабусю, вероятно, мать, потому что сама далеко не молодая. Она-то и подсказала мне обратиться к сестрице, которая располагалась в уголке, отгороженном пла-

стиковой стойкой. Я видел, как та что-то говорила подходившим, смотрела бумаги, значит, помогает разобраться. А у меня все документы, нужные в данный момент и, возможно, ненужные, в одном пакете. Эта сотрудница действительно помогла мне отобрать необходимые бумаги, и я отдал их вышедший медсестре.

За столом пожилая докторша с седыми, туго зачесанными назад волосами, в очках с тонкой красивой оправой. Как позже выяснилось, это была заведующая офтальмологическим отделением, где мне и предстояло находиться. Образец вежливости и внимательности, вот что значит советская школа! Слушала, не перебивая, все документы просмотрела и вдруг произнесла в раздумье:

– А документы у вас не все собраны…

Зазвенело у меня в голове, будто хрястнули по ней дрыном. «Неужели не возьмут? Что же мне тогда делать?» Но она, заметив мою растерянность, добавила быстро и успокаивающе:

– Ну, ничего серьезного, это мы здесь дообследуем. Операция у вас завтра, в середине дня.

Медсестра дала мне бумажку с номерами кабинетов, куда еще надо было сходить. Я уж начал было огорчаться, думая, что опять предстоят какие-то процедуры, но обошлось, меня просто в какие-то списки внесли, куда-то записали. И я вышел в холл – ждать сопровождающего до отделения.

В холле ко мне подошла пожилая медработница, скорее всего, нянечка, и спросила, буду я сдавать одежду в раздевалку или нет. Я отказался, живо снял куртку, шапку, кроссовки, сложил вещи в пакет и обул домашние тапочки. Вскоре мы, четверо болящих, из которых трое были женского пола, в сопровождении этой нянечки неспешно пошагали по коридорам, переходам, поднимались на лифте, опять шли. Какая она огромная, наша Первая горбольница, тут впору даже по одному корпусу на самокатах электрических ездить! И вот в конце концов дошли мы до третьего офтальмологического отделения.

Я был очень рад, что буквально завтра все у меня решится, прекратятся мои бессонные ночи, тягостные мысли и усиливающиеся боли в глазнице, в голове, в сердце и в душе. Затянул я уже и так все сроки, это ясно даже по тому, что одна обезболивающая таблетка перед сном уже не помогала, дозу пришлось увеличить.

На медицинском посту зачем-то поинтересовались, курю ли я. Признался, что покуриваю. Действительно, стал покуривать с началом болезни, хотя до этого год не курил.

Палата №7 небольшая, всего на троих, слева от входа раковина с краном, за ней холодильник, а дальше, к окну, моя кровать; справа вдоль стены еще две. На ближней – Анатолий, сухощавый, с тронутыми сединой жесткими короткими волосами, невысокий; другого, высокого с рыхлыми щеками зовут Александр. Я им назвался не Виктором, а Федоровичем, привык, так меня многие знакомые называют, да и на работе так обращались.

Познакомились, потом я раскладывал вещи. И вдруг Анатолий говорит:

– Федорыч, своди нас в подвал, курить шибко охота.

Меня это даже слегка обидело: «Что я им, пацан, что ли, водить их? Сами пусть топают». Но вслух спросил вежливее:

– А что, сами не можете?

Толя ответил просто:

– Нет, не видим мы.

До внутреннего содрогания пробрали меня его слова. «Вот, люди не видят совсем и не унывают. У тебя же один глаз нормальный, а уж в панику кинулся».

Не знал я, как надо водить слепых, они мне подсказали. Взял Сашу за руку, подвел к койке Толи. Тот, ощупав напарника, встал за ним и положил руку ему на плечо. Так, гуськом, и пошли из палаты по коридору до двери из отделения, там лестница, по ней спустились до первого этажа. Далее по площадке дошли до лестницы в подвал, спустились и тихо пошаркали в правую сторону до двери в небольшое помещение. Это было нечто вроде тамбура перед запасным выходом на улицу, хиленькая дверь туда приотворена, и со двора тянет холодом.

Здесь стоит бак с мусором, пепельница из консервной банки, ни лавочки, ни стульев – все по-спартански. Мои подопечные сами достали сигареты, сами поместили их меж губ, я лишь дал им прикурить от зажигалки. Потом, когда оба с жадностью докурили их до фильтра, забрал и загасил. Назад шествовали в том же порядке, и этот порядок установился на все время моего нахождения с ними в палате.

Теперь мне стало понятно любопытство медсестры на посту относительно того, курю я или нет. Не хочется им лишний раз водить слепых в подвал, да и вообще потакать их дурным привычкам, к тому же это не входит в их обязанности. Вот в туалет, наверное, должны водить. А тут я появился, так что эта забота естественно легла на меня. Что ж, раз надо, значит, надо. Нас так учили с детства. К тому же я начал испытывать к своим сопалатникам уважение за терпение, за безропотное несение своего креста. Я-то все о себе, любимом, беспокоюсь, о своем горе сокрушаюсь, думаю, что страшнее моей беды не бывает, а вот рядом со мной два мужика, не такие уж и старые (обоим около шестидесяти), и совсем слепые! Вообще ничего не видеть, быть беспомощным – это, наверное, самое ужасное в жизни. А они не унывают, смеются.

Позже они рассказали мне свои истории. Саша, скорее всего, лукавил, когда говорил, что просто упал – и прямо глазом обо что-то на земле. Медсестра, зная его достаточно, утверждала, что грохнулся он оземь, будучи пьяным. А другой глаз потух несколько лет назад от запущенной катаракты.

У Анатолия история, пожалуй, даже более жуткая своей обыденностью. Один глаз он потерял еще мальчишкой от нелепой случайности. Пацаны играли в чику, а он, малец, сидел на ограде рядом и «болел» за товарища. После одного удара битком ему в глаз прилетел осколок стекла, неизвестно, откуда взявшийся, и спасти детский глазик не удалось.

Ничего, вырос, жил, работал, привык, и все было нормально. Но вот летом прошлого года на даче Толя надумал поколоть дрова, а перед этим прошел дождь. Около чурбака, на котором он колол чурки, образовалась лужа, и Толя перекатил его чуть в сторону. Пару чурок расколол нормально, а потом после особенно сильного замаха, уже начав резко опускать руки с колуном вниз, вдруг почувствовал оглушающий удар в лицо, в глаз, и все утонуло в непроницаемой тьме. Оказывается, ручкой колуна он задел проволоку, на которой развешивали мокрое белье, инструмент изменил направление движения, глаз раскололся от удара и ослеп. Да, жизнь горазда на сюжеты, какие не придумает ни один фантаст...

Но у Анатолия хотя бы на семейном фронте все не так плохо: днем, до обеда, на час-полтора к нему забегает перед работой дочь, успевает разок сводить отца с приятелем покурить, а вечером на то же примерно время подъезжает супруга.

У Саши ситуация сложнее, он живет один. Лишь изредка ему звонит бывшая жена, и только один раз, уже перед моей выпиской, она его навещала.

Вскоре мужики задремали, а я захотел есть. Будучи человеком бывалым, предусмотрел, что на завтрак не успею, а до обеда ждать долгонько, поэтому и захватил из дома пяток штук больших помидорин (они нынче хорошо уродились, сладкие, сочные), с удовольствием съел одну.

Захотелось чайку, пошел разузнать, где можно разжиться кипятком. По нашей стороне коридора в сторону поста через две палаты помещение столовой, но там не кормят, а только моют посуду, пищу развозят больным на тележке, а вот чайник с горячей водой имеется. Налил в свою кружку, в палате развел в воде содержимое пакетика с кофе, с удовольствием попил.

До обеда меня водили в разные кабинеты, смотрели оба глаза, брали кровь из вены и из пальца, совершали другие процедуры. А я все высматривал ту даму в белом халате, которая на первом приеме едва не направила меня на путь самоубиения внушением мне страха и отвращения к лечению вообще и в этой больнице в частности.

Хотел просто посмотреть ей в глаза. Не было у меня уже ни обиды на нее, ни злости, все ушло, осталась жалость к человеку, вопреки законам человеколюбия, необходимым всем труженикам здравоохранения, отказывающему больному в сердоболии, в милосердии. Мне ее искренне жаль, она ведь своим бессердечием опустошит душу свою до донышка. Я и дочь свою долго и горячо убеждал простить ее, не держать зла, иначе это зло и саму дочку мою станет разрушать. Приводил разные аргументы в оправдание той дамы, надеюсь, что убедил.

Не увидел я того доктора ни в первый день, ни потом. Видимо, она из другого отделения. В темном кабинете меня принял мой лечащий врач Антон Владимирович. Мы сидели с ним за столом при настольной лампе. Молодой, симпатичный, с узким интеллигентным лицом, он расспрашивал меня о начале болезни. Когда я рассказал ему, что началось все во время тренировок в центре Бубновского, заметил:

– Вообще-то перед началом таких серьезных занятий они должны обследовать пожилых пациентов. Или хотя бы посмотреть их медицинские карты...

На мой вопрос, могли ли эти занятия повлиять на зарождение или развитие опухоли, доктор ответил отрицательно. И не подтвердил мое предположение о взаимосвязи сорока лет работы сварщиком и заболевания. Сказал также, что я поступил правильно, решившись на удаление глаза, потому что он уже начал расплываться. Операцию врач назначил мне на завтра после полудня.

Приходила дочь Анатолия, приятная, улыбчивая женщина, покормила отца чем-то вкусным, мы с ней познакомились, немного пообщались. Она сводила курильщиков в их ритуальное место и вскоре отбыла.

Обед я разнес товарищам. Толя с моей помощью сел на стул у тумбочки и довольно аккуратно все съел. Саша на стул усаживаться не захотел, ел, сидя на койке, я подавал ему с тумбочки хлеб, менял тарелки, старался следить за ним, но он все равно иногда чрезмерно наклонял чашку, и содержимое лилось и валилось на кровать и на пол. Не знаю, как он питался до меня, но мне уговорить его есть с тумбочки, сидя на стуле, удалось только на третий день, когда уже и санитарка, убирая с пола остатки пищи, начала Сашу ругать. Вообще за чистотой в палатах отделения следят ревностно, два раза в день моют полы, протирают подоконник, холодильник, тумбочки, кровати, мы только успеваем убрать тапки с пола и задрать ноги. А по мелочи, смахнуть пыль, санитарка заходит раз пять за день.

Обед был довольно сытный, я съел все, что дали. После принятия пищи мои подопечные запросились в туалет, я сводил их, а потом они прямиком отправились в подвал. Вернувшись, мужики сразу увалились спать. Я позвонил жене и дочери, рассказал о

своих делах, пробовал уснуть, даже вздремнул малость, но глаз болел, в зеркало было видно, как он покраснел. Потом около часа читал Куприна. Проснувшись, Саша с Толей захотели в туалет, сводил. Вскоре им захотелось кофе, пошел за кипятком, а чайник пуст, попросил работницу столовой вскипятить, я-то не знаю, где у них розетка. Дождавшись кипятка, отнес им полные кружки, навел кофе, раздал, сидят, пьют, довольные. Подошла жена Анатолия, худая, молодящаяся, с острым носиком дама, тоже покормила мужа чем-то домашним, сводила немощных в подвал. А я отдыхал: с непривычки утомился мотаться по лестницам.

Незаметно подкрался вечер. Я разнес товарищам ужин и проследил, чтобы они ничего не опрокинули. Лежа на койках, оба просили меня рассказать о себе, для них знакомство с писателем – немаловажное событие, и им интересно было узнать обо мне побольше. Перед сном еще раз сводил их в туалет, а на ночь нянечка поставила каждому по посудине с длинным загнутым горлом.

Глаз болел, и сна не было, пошел на пост попросить чего-нибудь обезболивающего или успокоительного. Сестра была явно недовольна моей просьбой, она уже готовилась отдыхать, сердито сказала, что ничего такого у них нет, вызванная дежурная докторша ответила точно так же.

Я лежал, смотрел в потолок и слушал редкие звуки из коридора (дверь на ночь мы не закрыли, чтобы немного тянуло холодком, а то в палате жарковато). Читал молитву: «Господи Иисусе Христе, сыне Божий, помилуй мя, грешнаго». Обычно, когда прочтешь ее достаточное количество раз, приходит облегчение и сон, но в этот раз помогло ненадолго, от боли я проснулся и опять читал. А еще выходил в коридор, сидел на диванчике. Покурить бы, да часов в десять вечера дверь отделения закрыли на ключ.

Под утро отключился, но в шесть часов медсестра разбудила, чтобы измерить температуру. И поскольку нянечка уже унесла ночные посудинки, мои подшефные запросились в туалет; ну, пошли, горемыки. А если уж сходили оправиться, то пора и покурить, благо, прямо перед нами сестра открыла дверь. Вот так начинался день операции.

Боль в глазу постепенно усиливалась, и вдруг после завтрака сильно заболела голова, возможно, от недосыпа, но и волнение из-за предстоящего явно сказывалось. Обратиться к медсестре? Так давеча меня славно прокатили мимо лекарства, хотя, вероятнее всего, оно у них есть. И еще вчера анестезиолог обещал напомнить сестрице, чтобы дала мне на ночь успокаивающее, но, видно, забыл. Он тогда вызвал меня на пост, усадил, сел рядом и начал подробно рассказывать о способах обезболивания при таких операциях.

Убеждал сделать ее под местной анестезией, то есть мне обколют вокруг глаза обезболивающими препаратами, поставят в вену веселящий укол, и я буду наблюдать весь процесс, находясь в полусне. Но меня этот вариант совершенно не устроил, и я решительно попросил оперировать под общим наркозом.

Анестезиолог (специалист, видно, хороший, и весь гладко выбритый, и со сладкой улыбкой) на мое пожелание поморщился:

– А если у вас сердце не выдержит?

– С чего бы это?

– Ну, вы не молодой, и инфаркт у вас был, притом обширный.

– Ну и что? Я не старик, а про инфаркт вообще забыл. Сердце выдержит, я уверен.

Полежал еще, но в висках уже пульсировало, пошел на пост, пожаловался. Забегали, это же не ночь, вдруг доктор подойдет, неприятность может быть. Усадили, измерили давление, оно оказалось для меня немыслимо высоким: 175 на 100. Никогда такого не было. Сестра проводила до палаты, дала под язык таблетку. А тут и дочь Анатолия вовремя подошла, мне было бы трудно сейчас вести сопалатников по лестницам.

Постепенно головная боль отступала, я закрыл глаза и постоянно читал Иисусову молитву. Через час сходил на пост, давление заметно снизилось. До двенадцати пролежал, непрерывно молясь про себя. Пришло абсолютное спокойствие, и если бы мне сейчас предстояло не только глаз удалять, но и руку или ногу, я был бы так же совершенно спокоен. Читал я у Святых Отцов о чудодейственном влиянии молитвы Иисусовой, но только в том случае, если она произносится со вниманием, смирением, благоговением и покаянием. А я в данный момент, ожидая нелегкой операции, старался молиться именно так. И получил освобождение. Явлена мне была сила веры Православной, которая (в отличие от язычества, в коем человек, чтобы преодолеть страх, заклинаниями вводит себя в транс, в бессознательное состояние) дарует, по воле Божьей, нечувствие, душевное равновесие и свободу от всяких страхов. Сознание мое было ясное, я прекрасно осознавал, почему со мной такое происходит, мне было легко и спокойно.

Пришла процедурная сестра, пригласила с собой, поставила два укола, и через некоторое время остатки боли исчезли.

Минут через двадцать незнакомая немолодая сестрица вкатила в палату сидячую каталку, заставила меня раздеться до трусов, помогла облачиться в длинный белый халат из плотной ткани с завязками на спине, усадила и повезла. Я думал, что операционная находится где-то на другом этаже, а оказалось, на нашем, слева от поста. В тамбуре меня по-

просили лечь на другую каталку и отвезли в операционную.

Пока медсестры привязывали мои ноги и руки, я читал им стихи Блока:

И каждый вечер, в час назначенный
(Иль это только снится мне?),
Девичий стан, шелками схваченный,
В туманном движется окне.

По образовавшимся у глаз морщинкам видно было, что сестрички улыбаются, а та, которая слева, смеющимся голосом воскликнула:

– Ну и пациент, у него операция, а он стихи читает!

Анестезиолог тоже в улыбке, он слева от меня, готовит аппаратуру, которая располагается вокруг моей головы. Потом он что-то сказал сестрам, я почувствовал укол в вену. А вот он уже справа, в руке у него маска.

– Дышите, только неглубоко, это кислород.

Я сделал несколько вдохов и уехал в края, которые за краем сознания. И врача, который проводил операцию, Антона Владимировича, так и не увидел, он, наверное, стоял в стороне, ожидая нужного момента. А потом я услышал, как сквозь толстый слой ваты:

– Мы закончили. Увозите.

Затем провал и снова голос:

– Попробуйте сами на койку перелечь.

Я кое-как переместился, еще ощутил, как ставили капельницу, и опять мягко ушел в несознанье.

Пришел в себя быстро и неожиданно. Посмотрел, а в емкости для капельницы пусто. И неожиданно почему-то громко крикнул:

– Сестра, капельница закончилась!

Она пришла быстро.

– Чего кричишь?

– Так закончилось лекарство.

– Ну и что?

Сняла с меня все, оставила только полоску бинта на руке. Я ощупал голову, она вся обмотана, лишь левый глаз свободен, и то край повязки нависает над бровью, немного мешая смотреть. В том месте, где был глаз, торчит что-то длинное, тоже замотанное. Но, главное, ничего не болит, самочувствие прекрасное!

Я поднялся, надел на руку часы: время подходило к четырем. Позвонил своим женщинам, они же волнуются, успокоил.

Все это время соседи по палате дрыхли, даже не проснулись от моего возгласа, а мне курить хочется. Я и гаркнул во всю мочь:

– Подъем!

В коридоре и на лестнице встречные смотрели на меня удивленно. Глянул и сам на себя в коридорное зеркало. Да, красавец: полбашки обвязано, и что-то вместо глаза возвышается. Но боли нет совсем! Ураура!

Вернувшись из курилки, с удовольствием умял обед, дожидавшийся меня на холодильнике. Зашла в палату незнакомая медработница, назвала мою фамилию. Оказывается, мне гостинец. Посетителей в отделение пускают только по спецпропускам, поэтому дочь отдала свою передачку в отдел, из которого их разносят больным. Я по телефону сообщил ей о хорошем больничном питании, вот она и прислала только вафли, пряники и печенье. Нормально, с чаем съедятся за милую душу.

По этому случаю сходил для всех троих за кипяточком, товарищи кофе попили, а от угощения отказались, стеснительные. Печально, но уходит из русского общества традиция совместных трапез, я в этом убедился, еще работая на комбинате. Раз уж пошло в народе резкое разделение по доходам, по образу жизни, то у одних появилась потребность скрывать свое роскошное питание, дабы не возбуждать зависти, а у других – притаивать свою скудость в еде, чтобы не вызвать жалости. Круто разгулялся индивидуализм в России. Все я понимаю, поэтому не обиделся, хотя мне и неприятно одному есть печенье, когда окружающие слышат хруст пережевываемой пищи.

Вскоре в палату вошла жена Толика. Начала меня расспрашивать о нашей даче, им обоим почему-то интересно узнать подробности о нашей дачной жизни. Мне мой садовый участок и места вокруг самому нравятся, и я с удовольствием рассказывал, что у нас растет, как хожу в лес за разными грибами, как рубил и вывозил на тележке здоровущие лесины. Я еще с весны высматривал в ближнем лесу березы, поваленные зимой ветром или снегом, но только прошлой зимой, чтобы были не трухлявые, а практически свежие. Работа по рубке и вывозке лесин тяжелая, но приятная, настоящая мужская. Особенно люблю распиливать бензопилой уже на участке трехчетырехметровые бревна на чурки, а потом специальным топором пластать их на поленья и складывать в поленницу. Этими дровами мы топим печь в доме в холодную погоду, а также баньку. У Толика с женой дача совсем в другом месте, я там бывал, тоже хорошая природа и река рядом.

Уже совсем вечером, когда за окном палаты опустился темный полог, Саша с Толей попросили меня почитать что-нибудь мое. Я им и прочитал из очерка о поездке в Крым вставную статью об Украине, очень актуальную сейчас, а потом еще и огненную передовицу Проханова из газеты «Завтра», которую захватил с собой. Слушали в абсолютной тишине. Когда я закончил, долго молчали. Наконец Анатолий негромко и задумчиво произнес:

– Да, Федорыч, я столько сейчас узнал нового, у меня аж голова кругом идет.

Всей компанией отправились курить. Вечер прошел незаметно. Товарищи мои уже сопели во сне, а я с тревогой прислушивался к себе, ждал боли и боялся ночной бессонной маеты, но боли не было, совсем.

Сходил в туалет, встретил нянечку и попросил ее утром забрать ночные посудины попозже. Уснул быстро и спал всю ночь спокойно.

Следующий день прошел без особых событий, если не считать того, что подписал и подарил отделению две свои книги, разные. Благодарностей и улыбок было много.

Мы, трое из седьмой палаты, стали уже некой достопримечательностью отделения. «Во, пошла ватага!» – часто слышал я в коридоре шутливые комментарии, сопровождавшие наш караван.

Антона Владимировича, сделавшего мне операцию, я тоже встретил в коридоре. Он спросил у меня о самочувствии и высказал предположение о моей выписке завтра (конечно, если все заживает нормально). А сегодня он смотреть не будет, не стоит бередить рану. Удивительно, я-то думал, что придется пролежать на казенных харчах недельки полторы! Ну и хорошо, завтра как раз пятница, в выходные не буду здесь валяться. Весь день у меня было прекрасное настроение, болей-то нет совсем, лишь изредка подкрадывается подавленность, жизнь опять замечательна. А что будет дальше, то и будет.

Дочери Анатолия я подарил книгу прозы с пожеланием, когда врачи хотя бы частично восстановят ему зрение, прочитать самому. А вечером я опять читал сопалатникам свою публицистику. О нашей специальной военной операции тоже, конечно, заводил разговор, однако они как-то не очень ею воодушевлены. Телевизора у нас в палате нет, да это и к лучшему, очень много там пустых и легковесных программ и передач.

Ближе к вечеру пришла бывшая жена Саши, он до этого кому-то звонил, возможно, ей (у них с Толей, скорее всего, только по одному конкретному номеру на кнопке вызова, других они просто не найдут). Грузная женщина в теплой вязаной кофте, с грустным полнощеким лицом, принесла ему что-то съестное. Они сразу бурно начали о чем-то своем беседовать, и я вышел, чтобы не смущать людей. Сашу завтра тоже выписывают, и он признавался, что хочет попросить бывшую жену уговорить их совместного сына, которого сам не видел лет десять, забрать его из больницы. Да, положение у мужика! Один, слепой, как он будет жить четыре месяца, на которые доктора отправляют его домой?

Вот и ночь подошла. Подопечные мои, попив кофейку, улеглись. Пора и мне в объятия сна.

* * *

Операционная сестра зашла за мной вскоре после завтрака и повела в блок, где делали операцию. Там рядом большой кабинет, видимо, процедурный. Следом зашел Антон Владимирович, я сел на кушетку, сестричка разрезала ножницами всю повязку, сняла окровавленные тампоны. Доктор посмотрел, остался удовлетворен и предложил мне взглянуть на себя.

С трепетом подходил я к зеркалу, и пустая глазница с закрытыми веками действительно смотрелась страшновато. На мои вопросы, чем и как лечиться и предохраняться от каких-либо воздействий, доктор ответил, что ни лечиться, ни беречься не надо, все заживает у меня замечательно. Можно разве что некоторое время покапать по утрам глазные капли, чтобы слизь не скапливалась.

Был у меня еще один вопрос, его мне мои соседи по палате подсказали, я его и озвучил:

– Антон Владимирович, скажите, а мне группа инвалидности не полагается в связи с удалением глаза?

Он ответил быстро, уверенно и без малейшей тени сомнения в собственной правоте:

– Да вы что, даже и не думайте. У вас же второй глаз видит хорошо!

Я ему сразу поверил, он ведь специалист, удаляет органы зрения с онкологическими заболеваниями, значит, знает правовые последствия таких операций абсолютно точно. Здесь же, в процедурном кабинете я подписал и подарил ему книгу прозы. А также вручил визитку, там у меня электронный адрес и номер телефона.

Антон Владимирович дважды повторил слова о том, что он сам позвонит мне, когда придет из Кемерова результат анализа моего глаза, а это должно быть не позднее 15 октября. Я пошел собирать вещи и ждать документ о выписке.

Саша нервничал, никто ему не звонил, и он не знал, заберут его или нет. Я тоже за него переживал, трудно ему придется. Вскоре зашла заведующая, отдала мне выписку, мы вышли из палаты. В это время по коридору шел Антон Владимирович, и я вспомнил, что хотел у него спросить.

– Антон Владимирович, а когда мне можно будет вставить искусственный глаз?

– Через полгода, не раньше.

Дальше он объяснил, как негативно повлияет чужеродное тело на ткани глазницы: могут быть нагноения и прочие неприятности.

Я еще раз поблагодарил обоих врачей за операцию, пообещал написать о них в очерке, который уже обдумывал, они заулыбались.

Все было хорошо, вот только доктора Анну я не встретил, а так хотелось сказать ей добрые слова за то, что она вернула мне веру в медицину, настроила

на долгий, нелегкий путь подготовки к морально тяжкой операции. Знать, в другом отделении трудится, мысленно желаю ей самой здоровья, успехов в труде и удачи в жизни.

Медсестра прикрепила мне лейкопластырем над пустой глазницей нечто вроде шторки из марли, с ней я и отправился на выход. Перед этим мне еще дали пропуск с незаписанной датой – для моего приезда сюда, когда придет анализ глаза. Так что прощай, обитель хворей, надеюсь, что в качестве пациента расстаюсь с тобой навсегда!

Неуютно я себя чувствовал в автобусе с этой белой занавеской на лице, казалось, все смотрят на меня то ли с любопытством, то ли с жалостью. Но очень радовало отсутствие боли в ноге: за дни, проведенные в больнице, она, постепенно слабея, ушла совсем. И теперь я шагал, как раньше, широко и свободно, несмотря на холодный ветер с редкими колючими снежинками. Вот здесь и пригодилась шторочка, я ее пальцами поддерживал от сдувания, и она очень неплохо защищала свежую еще рану от холода.

Настроение мое соответствовало самочувствию, оно было великолепное, лишь малая опасочка беспокоила: а как воспримет меня дражайшая супруга, вдруг будет брезговать одноглазым мужем? Ее дома не оказалось, а когда пришла, сказала, что выгляжу я замечательно.

* * *

В понедельник поехал в онкологическую поликлинику, теперь я онкобольной и должен встать на учет. В регистратуре на меня завели карточку и назначили дату приема – аж на 26 октября. На мое возмущение о слишком долгом ожидании медработница за стеклянной перегородкой отреагировала не менее эмоционально:

– А вы в каком городе живете? Не знаете, сколько у нас онкобольных?

Знал я это, поэтому ответить мне было нечего. Но и у меня имелся веский повод испытывать нетерпение. Пока не сделают анализ глаза и не установят точный диагноз, я не смогу начать лечение. А значит, риск упустить драгоценное время постоянно возрастает. Я и так запоздал с удалением, можно сказать, сделано это было в последний момент. Но мне-то тогда, в первое посещение онкодиспансера, мнилось, что анализ глаза сделают быстро, и ожидание приема длиной в три недели казалось недопустимым.

Однако обстоятельства бывают сильнее наших желаний. Надо ждать. И все же недели через полторы я не выдержал и стал искать номера телефонов своего отделения, кляня себя за то, что при выписке не записал их. Нашел, дозвонился до поста, назвал себя и причину, почему беспокою. Меня еще помнили, сестра сказала, что доктор рядом и подтверждает свое обещание сообщить, когда к нему поступит анализ. Некоторое успокоение пришло, но на короткое время: уж день приема близок, а что мне у врача делать без результата? Звоню снова через пару дней, уже и 15-е число прошло, сестра, как могла, меня успокаивала, опять ссылаясь на Антона Владимировича.

Уж смирился я с отсутствием анализа и решил ехать к онкологу так, на авось. Хорошо, что жена моя, сильная житейской премудростью, за день до приема чуть ли не силком заставила меня звонить в больницу с самого утра. Все время было занято, и вдруг соединяют. Мелодичный женский голос. Я, конечно, говорил довольно раздраженно, а она спокойно спросила, в какой день и к какому времени мне на прием. Я ответил, что завтра в 9.45 утра. Мне сказали, чтобы подождал, через минутку позвонят. И точно, прямо вскорости звонок, и тот же, но уже радостный голос сообщил приятную весть: анализ мой вдруг нашелся, я могу приехать и забрать его.

Мигом собрался, помчался. Правда, в больничном городке заплутал в похожих корпусах, еле-еле нашел ту дверь, из которой вышел после выписки. Молодец хоть, что не забыл захватить с собой пропуск, на лавочке проставил сегодняшнее число посещения, а то строгий охранник не пропустил бы меня. Постучал в ординаторскую, вышла средних лет докторша в очках, я назвался. Она вернулась в помещение, и вскоре появился Антон Владимирович с бумагой в руке. Небрит, явно смущен, но пытается скрыть, на мое «здрасьте» слегка наклонил голову и начал торопливо говорить, чтобы я с этим документом шел прямо к онкологу.

Мне показалось, что эта невразумительная речь была попыткой оправдаться. А я-то хотел при этой встрече, но при других обстоятельствах, подарить ему еще одну книгу! Сейчас же было сожаление о подаренной раньше… Молча забрал у него казенный бланк, повернулся и пошел. Вообще не люблю, когда не держат свое слово, а тут-то необязательность могла и вовсе оказаться для меня роковой. Не получи я сегодня анализ, завтра, вероятнее всего, меня бы отправили восвояси; потом, когда я все же получил бы результат, пришлось бы опять записываться к онкологу и ждать немало дней до приема. Неужели Антон Владимирович не понимал этого?

Горько разочаровываться в людях, к которым раньше питал симпатию. А мне этот доктор поначалу понравился, да и операцию он провел хорошо, но вот человеком оказался с изъянцем…

…На прием я приехал загодя, на целый час раньше, боялся попасть на автобусе в пробку и опоздать. Онкологическая поликлиника или диспансер – народ называет по-разному – учреждение серьезное. Многие граждане испытывают к нему неприязнь, смешанную со страхом, такая уж эта ужасная болезнь –

рак. Доводилось мне и прежде, в молодости раза два здесь бывать (не помню уж, по какому поводу), и оба раза я испытывал душевную неуютность. А вот сейчас зашел совершенно спокойно.

Строгости здесь прямо со входа начинаются, обязательно надо надеть наобувники, маску и измерить температуру. Нужный мне кабинет на втором этаже, у двери никого, а вообще в коридоре народу немало, сидят на диванчиках. Сестра скоро вышла, взяла мою карточку. Захожу. Врач Ольга Михайловна хороша собой и приветлива. Расспросила меня о начале болезни, просмотрела документы, потом тщательно ощупала подскулья, шею, за ушами, подмышки. И, кажется, ничего плохого не обнаружила.

Я предполагал, что мне назначат химиотерапию, и заранее подготавливал себя душевно к ее негативному воздействию на организм. А Ольга Михайловна дала направление в «Гранд-Медику» на какое-то обследование. Но при этом требовалось еще и направление от моей поликлиники, чтобы обследоваться бесплатно.

Я был уже около раздевалки, когда меня нагнала медсестра. Оказывается, мне надо срочно пройти в Первую горбольницу, в гинекологический корпус, и там на первом этаже в лаборатории взять стеклышки со своими анализами. Пришлось прогуляться. Благо погодка хорошая – легкий морозец приятно бодрит. А еще я все не могу нарадоваться отсутствию болей в ноге. Может, это запоздалое действие физических упражнений в центре Бубновского, а может, что другое.

Забрал пакетик со стеклышками, отнес его в кабинет онколога и все время размышлял. Для чего стеклышки, если есть официальный анализ, где указано, что у меня была меланома? Впрочем, это не столь важно, я просто могу чего-то не знать, пусть будет как бы двойная проверка. А вот дата проведения анализа, указанная в документе (5 октября), и место проведения (город Новокузнецк) до сих пор не дают мне покоя. Не могу понять, какова была причина такой лжи и волокиты с анализом. Скорее всего, это безответственность, которая стала родовой приметой обосновавшегося в нашем государстве общественно-политического устройства жизни. Она неразрывно связана с безнаказанностью и пронизала все структуры государственных служб. И даже сейчас, во время практически полноценной войны России с объединенным Западом, почти ничего не изменилось.

А вдруг здесь какой-то злой умысел в отношении лично меня? Да ну, бред. Зачем кто-то стал бы мне таким образом пакостить? Я вроде бы старался в больнице со всеми быть дружелюбным... Но это вообще не серьезный довод. Зачем на ближайшей к моему дому остановке кто-то постоянно срывает расписание движения автобусов? И для чего на другой остановке разбили толстенные стеклянные блоки боковых стенок, которые хотя бы немного защищали ждущих транспорта от холодного ветра?

Это делают люди, не имеющие внутри себя нравственных скреп или разрушившие их. Между тем именно они, эти скрепы, и не дают распасться человеческой личности в условиях тотального давления идеологии потреблянства.

Поэтому и много сейчас в России людей (причем разного возраста!), которые в силу потери духовных и душевных ориентиров озлоблены за свои беды на весь окружающий мир и мстят всем, кто подвернется под руку, любыми доступными способами.

Россия все глубже будет входить в противостояние с растленным Западом. И это, как ни странно иным может показаться, для нашего народа огромное благо. Во время великих войн наш народ всегда отбрасывает все мелкое, суетное, личное. У большинства из крови, из памяти поколений выплывает любовь к своей земле, к своему Отечеству, выплывает такой могучей волной, которая начисто смывает все наносное, весь мусор житейский. Любовь эта всегда является душевной, духовной основой народа русского. Война рождает высокий дух жертвенности, она преображает наших солдат на Донбассе, и те должны передать нам, всем жителям России, этот высочайший, превысший над материальным миром, дух. Только тогда Родина наша стряхнет морок пагубных лет и преобразится.

* * *

По номеру, написанному в направлении, я позвонил, идя к дому. Ответили из регистратуры «Гранд-Медики», предложили приехать завтра.

Отделение, где проводят онкологические обследования, сбоку от центрального входа, подальше от людских глаз, на самом верху. Елена, регистратор, телом обширна весьма и обильна улыбкой, предложила мне подождать. Передо мной в очереди пожилая пара: она обследуется, а муж сопровождает. Она пять лет принимает таблетки, препятствующие возникновению рака, говорит, что побочные действия лекарства весьма сильные. Подробнее поговорить не удалось, Елена позвала ее к стойке и стала что-то подробно объяснять. После ухода супружеской пары она долго обзванивала пациентов, напоминая всем, чего им нельзя сегодня употреблять в пищу, к какому времени завтра явиться сюда и что иметь с собой. Да, работают здесь четко, профессионально, ничего не скажешь.

Наконец, позвала меня. Мне назначено обследование по очереди на 17 ноября. И тут же, видя мое неудовольствие от такого позднего срока, милая Елена объяснила, что есть возможность пройти процедуру раньше, для этого нужно стать запасным пациентом. Ситуация выглядит так. Препарат с радио-

активным изотопом доставляют рано утром из Москвы самолетом, он довольно быстро разлагается, то есть теряет необходимые свойства, и если самолет задерживается, доз может не хватить даже на очередников. Но обычно препарата доставляется немного с избытком, и в случае своевременного прилета борта есть возможность дополнительно обследовать еще человека два-три. Мне предлагается послезавтра быть готовым к вызову. Однако есть необходимость заглянуть в родную поликлинику, взять направление (это опять для бесплатного обследования, им мало направления от онколога), и еще надо сдать кровь. Опять начинается! Опять анализы! У меня уже душевная усталость от всего этого, но… Мне же идут навстречу, значит, надо терпеть.

В поликлинику проехал сразу, в регистратуре мне дали талончик к терапевту, который этим занимается, на завтра, на шесть часов вечера. Несколько удрученный, подошел к кабинету, где работает Вера Николаевна, чисто автоматически подошел, уже, видно, привычка выработалась. Она на месте, зашел, поздоровался, она меня после операции еще не видела. Снял очки, показал, как сейчас выгляжу. Рассказал о предстоящем обследовании, посетовал на завтрашнее позднее время приема. Как и раньше, Вера Николаевна отправила меня в коридор. А сама куда-то сходила один раз, другой. И вот через некоторое время уже протягивает мне лист бумаги с отпечатанным текстом, с печатями:

– Возьмите, это направление. Завтра вам никуда ходить не надо.

Не дослушав мои слова благодарности, скрылась за дверью. А я пошел сдавать анализ крови в небольшую частную медицинскую организацию. Потому что, если сдавать в комбинатовской поликлинике, то до послезавтра анализы точно не будут готовы, а в частной я надеялся на скорый результат. Кровь сдал, но и здесь прийти сказали не сегодня же, а только завтра.

Весь день я провел на диете, о который узнал из памятки, полученной от регистратора Елены. На другое утро встал рано, ничего не ел, лишь выпил три глотка кипяченой воды, как предписано, собрал сменную одежду и обувь, жду. Елена позвонила в десятом часу: самолет задержался по погодным условиям, препарата мало, мне отбой. А я-то переживал, что если явлюсь без анализов крови, не возьмут на обследование. А оно вон как вышло…

В субботу забрал результат, жду дальше. Конечно, беспокойство относительно метастазов присутствовало, потому что время бежит неумолимо, а я не знаю, что у меня в организме происходит.

Во вторник не было задачи вставать рано, дрых почти до девяти. Встал, съел немного сырой морковки, глотнул кофе, но чуть-чуть, как чувствовал. Вдруг звонок. Елена. Первым делом спросила, ел ли я, и что именно. Ответил, как было. Она сказала, чтобы я был готов ехать, но прежде надо дождаться еще одного ее звонка. Собрался, как солдат по тревоге, сумка с вещами готова заранее. Позвонила. На остановку летел со всех сил, такси вызывать не стал, бывает, его прождешь дольше. Сегодня будний день, автобусы ходят часто. И правда: только подбежал – и автобус подходит. За двадцать минут добрался до «Гранд-Медики». Запыхавшись, подхожу к стойке регистратуры. Елена стала читать мои направления из онкодиспансера и из поликлиники очень внимательно, изучала их. И была даже удивлена, что оба документа составлены совершенно правильно (а то пришлось бы мне возвращаться и выправлять их до нужного стандарта). На что я ей с гордостью, особенно за Веру Николаевну, ответил:

– Ну, а как же иначе? Специалисты составляли!

Спешил-спешил, а еще и подождать пришлось. Но вскоре пригласил меня молодой молчаливый мужчина с бородкой на манер эспаньолки. В тесном кабинетике взял кровь из пальца, измерил рост и вес (кстати, я думал, что «окабанел» на хорошем питании при малоподвижном образе жизни, но вес оказался почти в норме; значит, не зря я вернулся к физическим нагрузкам при помощи гантелей и к литературному труду, ведь он калорий сжигает не меньше силовых упражнений).

Из внутренних помещений вышла элегантная медсестра, показала, где мне переодеться и куда затем следовать. Одежду, что была на мне, снял и поместил в шкафчик, наручные часы и крестик на нитке засунул в карман брюк. И ничего не екнуло, не скребануло по сердцу.

Надел домашние штаны, майку и кофту, в домашних же тапочках проследовал за сестрой с походкой кинозвезды: хоть по годам не юна, но как держится! Сказала мне расположиться в полулежачем кресле и ввела в вену укол. Вводила долго, постоянно спрашивая меня о самочувствии, затем проводила в помещение с двумя такими же креслами или лежаками. Одно занято худым, мрачным по виду мужичком, я разместился в другом. Поставил на подлокотник полуторалитровую бутылку с водой, которую мне предложено было пить, желательно до дна, при этом не разговаривать, не скрещивать ни руки, ни ноги. Лежать предстояло целый час. За это время я выпил полбутылки, больше не влезло. Мужика увели первого.

Сам аппарат, который должен был меня обследовать, примерно такой же, как на МРТ, вот только руки оператор заставила поднять за голову. Минут двадцать меня то задвигали в гудящее кольцо агрегата до самой макушки, то выдвигали до бедер, аж руки затекли.

Елена сказала, что результат будет готов самое позднее через неделю.

На улице я на ходу достал из кармана часы, крестик ниткой цеплялся за пальцы, тянулся за часами, я отпихнул его вглубь, надел часы и пошел к остановке. Уже в автобусе решил надеть крестик, опустил руку в карман брюк... и сердце нехорошо застучало: в кармане пусто! Прощупал внутри каждый сантиметр, даже вывернул карман наизнанку – пусто! А автобус уже подъезжал к моему району...

Домой зашел в глубоком расстройстве, для меня это была очень большая потеря. Этот крестик, на обратной стороне которого изображение отца Сергия Радонежского, моего особо почитаемого русского святого, я купил на Православной ярмарке на площади Победы четырнадцать лет назад. Долго тогда выбирал из множества разных серебряных крестиков, мой товарищ даже заворчал на меня за разборчивость, наконец, увидел этот, и он сразу глянулся мне; потом он стал частью моего тела и даже больше – частью моей человеческой личности.

Однажды на работе, снимая после смены рабочую одежду, я и крестик нечаянно стащил и не заметил утери. Спохватился уже дома, очень расстроился. Утром сначала сам поискал, а потом попросил мойщицу найти его, просто умолял, пообещал подарить, если найдет, коробку хороших конфет. И ведь нашла, он глубоко отлетел под шкафчики с рабочей одеждой. Когда она мне его отдала, радости моей не было предела. И вот вдруг такая беда, худшая, чем была тогда, на работе, там пространство мойки небольшое, а здесь где искать? Ругал себя скверными словами, дурак я, ну почему не убрал часы и крестик в сумку, зачем на улице стал вытаскивать часы?

Жена посоветовала сейчас же поехать искать, а я почему-то отказался, подумав, что бесполезно. И еще раз оказался дураком. Не по себе было весь остаток дня, и решил я утром обязательно ехать на поиски. А к утру выпал снег, опять расстройство: где ж в снегу отыщу малый предмет? Но покоя нет, хожу по квартире, как зверь в тесной клетке. Часам к одиннадцати снег растаял, я скоренько собрался, помчался. На участке тротуара от дверей, из которых я вышел вчера, до остановки (а это метров сто пятьдесят) снега не было, лишь в двух местах лужи. Оставшимся глазом я вижу хорошо, разглядел все спички, все окурки, какие-то резинки, даже семечную шелуху, а крестика не было! Несколько раз прошел весь этот отрезок, заходил и на асфальт почти к самому зданию. Нет, не нашел. Потом ехал домой, огорченный очень глубоко. Чуть тешила мысль о том, что мой любимый, мой нацелованный крестик подобрал добрый человек, он будет его носить у сердца, и крестик поможет ему в делах добра и любви.

* * *

Уже достаточно зная систему записи к врачам, в этот же день позвонил в онкодиспансер. Мысленно наивно отводил на ожидание приема недельки две (как раз успел бы забрать результат обследования в «Гранд-Медике»). И был неприятно удивлен, когда предложили приехать аж в начале декабря. Естественно, начал уговаривать регистраторшу посодействовать более скорому решению проблемы. И оказалось, что такая возможность существует – когда кто-то ранее записанный отказывается от приема. Любезная собеседница по имени Зина обещала сообщить, если такое случится. Я продиктовал ей свой номер телефона, подарил красивый комплимент и пообещал преподнести всему коллективу регистраторов свою книгу на память. Зина позвонила в этот же день и предложила дату приезда гораздо ближе, вскоре после того, как будет готов результат в «Гранд-Медике». Замечательно. Есть же отзывчивые люди, без них жить было бы стократ тяжелее. Дай Бог таким людям духовного и физического здоровья.

Результат обследования забрала моя дочка, ей было по пути, она работает в центре города. Но прежде, чем отдать документ мне, они с женой его изучили, ну прямо специалисты-медики! И потом супруга, протягивая мне бумагу, с ехидцей упомянула некоторые мои хвори, выявленные обследованием. Но они оказались не столь уж серьезны, а главное – метастазов в моем теле не обнаружено! Ура-ура! Хотя в глубине души я и так был уверен в этом (или почти уверен). По-моему, это свойственно любому человеку – надеяться на лучшее, иначе жизнь была бы сплошным кошмаром.

На прием к Ольге Михайловне я приехал с запасом времени. Нынче и к ней очередь, в коридоре второго этажа народищу уйма. Да, город наш очень неблагополучен в плане чистоты воздуха, отсюда и онкологические болезни. И хотя КМК почти весь уже ликвидировали, осталось еще немало гадящих и дымящих всякой дрянью предприятий. Что ж, судьба наша такая, и надо без ропота нести свой крест. И совершенствовать системы очистки на всех вредных производствах. Другого пути нет, не можем же мы все, жители города, уехать в другие края, мы любим свой Новокузнецк и будем в нем жить.

В этот раз Ольга Михайловна меня не ощупывала (а жаль), лишь прочитала мою бумагу, написала что-то на бланке и сказала мне быть к тринадцати часам в таком-то кабинете, на консилиуме.

На часах еще не было и десяти. Решил прогуляться и где-нибудь перекусить – возможно, даже напополам, если окажется длинное. Такие каламбурно-шутливые мысли прыгают в голове от хорошего настроения. А поесть надо, я же привык ездить на приемы натощак, и один раз это очень помогло: перед операцией удалось сделать анализ внезапно и

быстро, помог пустой желудок; с тех пор в медучреждения еду, держа чрево в голоде.

На улице тепло, идет мокрый снег, он крупными хлопьями тихо опускается на влажный асфальт и мне на лицо, на руки. Прекрасная погода для ноября.

В продовольственном магазине купил два пирожка с печенью и бутылку минеральной воды. Получился то ли поздний завтрак, то ли слабенький ранний обед.

У кабинета в дальнем углу первого этажа, где заседает врачебный консилиум (согласитесь, уже само слово вызывает уважение), народу-у! Но очередь здесь не занимают, вызывают по фамилии. Просидел почти до четырех часов, из народа осталось человек пять. С каждым предыдущим беседовали не коротко, обстоятельно. И потом еще почти все ожидали в коридоре, к ним выходила сестра и что-то объясняла, по доносившимся словам можно было понять, что людям необходимо сдать какие-то анализы. У меня портилось настроение: «Неужели и мне еще делать анализы? Да сколько же можно? Ведь написано в документе – все у меня чисто!» Тем больше была моя радость, когда все завершилось благополучно. В большом кабинете сидело пятеро солидных людей, я вошел и назвал себя. И седовласая докторша, держа в руках мою карточку, добрым, сердечным голосом возвестила:

– Виктор Федорович! Глаз вам удалили хорошо, метастазы в вашем организме не обнаружены, так что живите и радуйтесь. От вас только требуется раз в три месяца являться сюда, к доктору, просто для осмотра.

Из кабинета вышел, почти пританцовывая. Теперь уже окончательно ясно, что беды мои закончились. Надо жить дальше. А как жить? Ну, восстанавливать ориентацию в пространстве, ну, возобновить полноценно забытую было за время болезни литературную работу. Это все само собой.

Но сказано ведь в Евангелии: «Возьми свой крест и иди за Мной».

А разве моя болезнь не есть мой крест?! И я должен нести его без малейшего ропота, с терпением и радостью. А что значит идти за Господом? Надо стараться (очень) жить по Заповедям Господа. И если Спаситель увеличит тяжесть креста, то есть пошлет еще хвори и скорби, то и тогда нельзя позволять себе малодушие и слабость духовную. Я ведь научен, вразумлен своей болезнью полновесно. Надо лишь правильно размыслить и принять все с любовью и благодарностью.

* * *

Одна беда, хвороба моя, отступила, другая, страшнее, ибо не телесная она, а сердечная, все ближе подступает.

Еще с лета заспотыкалась, захромала наша специальная военная операция на Украине. Наши войска оставили Киевскую область, Харьковскую. И тогда сердце болью полнилось. Мы же наших людей покинули, не все ведь смогли уйти с отступающими частями, бросили их на растерзание бандеровцам. И они расстреливали наших, пытали. Никто не смог предусмотреть такого развития событий? Значит, операция готовилась наспех, не глубоко продуманно? И на этом фоне постоянно велись разговоры о перемирии! Стыдно и горько было смотреть и слушать. Бандеровская власть на Украине откровенно над нами издевалась, а мы все проглатывали, утирались после плевков в лицо и опять талдычили о мире. Поведение нашей власти было точно такое, как при Ельцине. Это что, укоренившаяся привычка заискивать перед Америкой сработала? Или в высоких кабинетах остались те, кто строил и управлял колонией на русской земле?

Какие могут быть переговоры с нацистами, кроме подписания акта капитуляции? Ведь сам же Путин назвал украинскую власть нелегитимной, пришедшей в результате государственного переворота. А каково нашим бойцам в окопах слышать эти причитания о мире? Это же удар поддых воюющей армии!

А дальше пошло еще хуже. Оказалось, что численность нашей группировки на Украине недостаточна для победы. И опять никто не понимал, что мобилизацию необходимо было проводить не осенью, а весной. А если понимали высокие чины, почему не доложили Президенту вовремя и почему не настояли на исполнении?

Потом сдали Херсон и его жителей бандерлогам. Опять многие не смогли уйти, те, кто нас поддерживал, и мы знаем, что им уготовано. Снова не просчитали последствия, когда малыми силами занимали Херсонщину. Да, первые месяцы мы и малыми силами многое сделали, но тут большую роль сыграли ополченцы Донбасса и дух наших ребят, мы ошеломили ВСУ и шли вперед на кураже. Но так ведь не может продолжаться долго.

Естественно, сказалось и многоначалие в нашей группировке. А примеров из истории не знали? Нельзя было изучить опыт боевых действий наших соединений времен Великой Отечественной и Афганистана?

Донецк обстреливают каждый день. Душа скорбит, когда показывают кадры гибели стариков и детишек. Не поверю, что у нашей армии нет средств подавления батарей, ведущих огонь по нашим многострадальным городам и поселкам. Но не подавляем или подавляем неудовлетворительно. Почему? Хотим создать у Запада мнение о слабости нашей армии с каким-то стратегическим замыслом? Или жалеем тех жителей, которые проживают в полосе обороны ВСУ? А жителей Донецка не жалко нам? Его

скоро в город-призрак превратят, если мы не примем кардинальных мер по защите.

Я ни в коем случае не обвиняю наших военных, знаю и вижу их горячее желание покончить с бандеровщиной. Скорее всего, где-то в высоких кабинетах сидят люди, которые препятствуют нашей борьбе.

Ведь почему-то сошли на нет все разговоры о трибунале над «азовцами». Их втихаря поменяли на наших пленных. «Азов» – запрещенная в России националистическая организация. И объясняется это желанием сохранить жизни наших пленных! И пленных англичан поменяли! Огромные репутационные потери для России не учли? Мы же обменом англичан на большее количество наших солдат показали им, всему Западу, что жизнь подданного его величества неизмеримо выше жизней русских парней. Те англичане, кого обменяли, могут еще не один раз приезжать убивать русских, а чего им бояться, опять обменяют, если попадутся. Я бы того, кто организовал обмен иностранцев и откровенных нацистов, самого бы обменял на кого-то из наших патриотов, томящихся в застенках СБУ, без права возврата в Россию. По такой логике обмена мы должны были в Великую Отечественную высоких чинов СС, СД и самого Паулюса обменивать каждого на десяток или сотню наших пленных. А по совести ли это? Как должен чувствовать себя воин, узнавший, что его обменяли на «азовца», на котором кровь десятков мирных жителей, и уверенный, что освобожденный нацист убьет еще немало безвинных? Не проклянет ли он доброхотов? Весьма и весьма вероятно.

Жили-прозябали мы все в России тридцать лет в корыстолюбивом изнеженном мире, поэтому и цена земной, физической жизни возросла неизмеримо, неестественно высоко, а дух народа оказался попран. Вот отсюда такие дикие перекосы духовно-нравственные, урон они нам наносят страшный. Надо от них как можно скорее избавляться при помощи Церкви и патриотического воспитания юношества – настоящего, глубокого воспитания, настоянного на русских традициях и русской культуре.

...Не вычистил Президент властные кабинеты от замаскированных врагов, и это очень скверно сказывается на всей нашей операции. Они будут тихо саботировать любые решения, ведущие к победе России.

Не так давно мы все же стали разрушать военные заводы и системы энергоснабжения на Украине. Доколе будем сохранять в целости въезды со стороны Польши, Словакии, Румынии и Молдовы, все мосты, тоннели, железнодорожные узлы? Здесь из внятных объяснений напрашивается всего два. Первое. Российские бизнесмены ведут свои дела с бандеровской властью, им нужны эти транспортные артерии для вывоза через Украину товаров, а бизнесмены эти имеют влияние в правительстве. Мы сейчас даже не знаем точно, на чьем топливе двигается техника ВСУ. Не на нашем ли? Вполне возможно, бандеровские танки, разрушающие домишки в поселках Донбасса зачастую вместе с немощными жителями, заправлены российской соляркой. «Ничего личного, только бизнес!» Мы становимся такими же, как англичане и американцы, которые, воюя против немцев во Второй Мировой войне, им же и продавали оружие и топливо.

И второе. Возможно, стоит задача перемолоть как можно больше западной техники и научить наших бойцов бороться с ней.

Нацистская власть убила Дарью Дугину, подорвала Крымский мост, атаковала наши базы стратегических бомбардировщиков, обстреливает русские города. А мы реагируем, как вялая осенняя лягушка. Но, вероятно, и здесь есть объяснение, а у нас, простых граждан, просто не хватает информации.

А самое ужасное из всего, что Зеленский начал уничтожать Русскую Православную церковь на Украине! Сажают в тюрьму священнослужителей, отбирают наши храмы, церковные ценности. Понятно, украинцы и сами должны защищать свои святыни. Ну, а мы? Разве не наш долг поддерживать и защищать Православие? Фактически военная операция на Украине перерастает в войну против сатанизма. Никакая это не братоубийственная распря между кровными братьями, потому что кровь не имеет значения. Имеет значение вера и дух народа, они определяют исторический путь.

Исходя из этого, Патриарх, по моему убеждению, должен был возвысить свой голос и на весь мир предать анафеме тех, кто уничтожает Православие на Украине. Я уверен, у Патриарха Кирилла достаточно влияния в мире, чтобы остановить гонения. А он молчит. Хотя можно было, скажем, объявить для всех христиан православных в России три дня поста и молитв во избавление от грехов и во избавление от врагов церкви Христовой. Уверен, что результат будет такой, что никто даже не может себе представить. Вспомните библейскую Ниневию, и что там произошло. И наш Президент может так сказать тем, кто за океаном подзуживает и науськивает Зеленского, что их понос прошибет от страха, и гонения враз прекратятся. Но молчат Патриарх и Президент. Не знаю, может, у них есть какие-то высшие соображения для молчания. А отвечать все равно придется, потому что из Украины исходит не просто угроза нашей безопасности и жизни, а угроза нашим душам. Смолчим – погибель вечную себе обретем.

А тут еще вновь начали чувствовать уверенность все родные сопутники частной собственности: мошенники, аферисты, черные риелторы. И снова потянуло дымом от горящих частных интернатов для бедных, опять стали отнимать жилье у стариков. То есть все самое подлое и низкое, что присуще част-

ной собственности, пошло в рост, как раз когда военная операция стала затухать.

Гроза нужна, гроза очистительная, с громом и молниями, чтобы смыло ливнем всю грязь, накопившуюся в России. Грязь не столько материальную, сколько духовную. А война – это и есть гроза.

* * *

Медведев опять замелькал в эфирах, тот самый. Дмитрий Анатольевич, бывший наш Президент и премьер. Уж не готовят ли его в главное кресло страны? Своими текстами он явно хочет смыть негативное впечатление в народе от своего правления. Мы должны забыть его пенсионную реформу, его бессмертные выражения о деньгах и терпении, о том, как он отдал часть Баренцева моря американцам. И то, как он себя вел в начале войны с Грузией в 2008 году. Но это не кануло в Лету.

Нет, мелковат он для должности Президента, тем более в военное время, мелковат умом и духом. И если вспомнить его слова об итогах Великой Отечественной («Мы победили в войне не благодаря Сталину, а вопреки ему»), то возникает законный вопрос: а на кого он сработал таким серьезным высказыванием? Создается четкое убеждение, что не на Россию. Вот и подтверждается его весьма невеликий ум. Почему-то многие, бывшие во властной когорте, но проштрафившиеся, остаются в советниках у Путина, про запас он их, что ли, держит? Там и Фурсенко, бывший министр образования, тот самый, который заявил в свое время, что не нужно нам советское образование, ни к чему оно, нам надо выращивать грамотных потребителей. Он что – тоже надеется вернуться и продолжить свое дело? Не приведи, Господи!

Нет, гроза необходима, чтобы сильно тряхануло всю Россию и вытрясло из душ и сердец человеческих злобу и ненависть, зависть и жадность, гордыню и тщеславие, а взрастило любовь и сострадание, нежность и жертвенность, доброту и щедрость.

Только с этими свойствами мы победим весь кровожадный Запад.

* * *

Вот в таких мыслях пребывал я, сидя за столом над чистым листом бумаги. И вдруг звонок из родной поликлиники: просят приехать к офтальмологу, встать на учет.

Честно говоря, не хочется. Я уже стал отходить от всех больничных хлопот; но приглашают, куда деваться.

Еду, опять регистратура, дают талончик к офтальмологу. Нет, не талончик, просто листок бумажки с номером кабинета врача и часами приема. А на мою просьбу дать именно талон с конкретным временем, вежливо ответили, что мне после операции никакого талона не требуется. Я-то подумал, что имею право зайти вне очереди, но все оказалось обычным лукавством: вроде бы исполнили мою просьбу и одновременно избавились от моих притязаний. Просидел два часа, начиная с полвторого, да еще до этого ждал начала приема, гулял по морозцу и опять ждал (и в этот раз не евши, но, ученый уж, захватил из дома два пирога с капустой и мясом, жевал прямо на стуле, боясь пропустить очередь). Дождался, хотя, честно говоря, закипая от долгого томления (ведь чувствовал себя несколько привилегированным, мне же так сказали в регистратуре), пару раз пытался самочинно проникнуть за заветную дверь, однако мои попытки жестко пересекались бдительной сестрой милосердия и недремлющими обладателями талонов.

И вот, наконец, вошел, куда стремился.

Елена Петровна – не юных лет, немного усталый взгляд поверх очков. Поздоровался, и она мне сказала такое, чего я никак не ожидал услышать. Сразу вспомнилась моя мудрая жена: она-то не поверила, когда я передал ей разговор с Антоном Владимировичем о перспективе получить инвалидность. Мы тогда с супругой даже поспорили. Я-то верил доктору. Ну, не будет же специалист лгать прямо в лицо.

А оказалось, и такое возможно.

Бедный, бедный Антон Владимирович! Как мне его жалко. Если он поступил так сознательно, значит, встал на путь лжи, ведущий и обязательно приводящий к тяжелым душевным травмам и болезням. Не проходит это бесследно для творения Божьего, нет, не проходит. Ибо сказано: ложь есть источник и причина вечной смерти. Это Евангелие. Будем надеяться, что он все же не знал закона об инвалидности по утрате глаза в случае онкологического заболевания.

А тут мне официально заявили, что я имею право на третью группу инвалидности. Имею право! По закону!

Вот и не верь после этого слухам о премиях врачам, которые, если очень корректно выразиться, не доводят до своих пациентов правдивую информацию о полагающихся тем льготах. Хотя и трудно представить, как это реально можно осуществить. Вероятнее всего, есть просто устное пожелание руководства... Плюс в самом процессе воспитания врачей при частной собственности заложено небреженье здоровьем простых людишек.

Елена Петровна спросила, буду ли я оформлять инвалидность. Отчего же нет? Прибавки к пенсии, пожалуй, не будет, но какие-то льготы по оплате жилья и по проезду лишними не станут.

Но, конечно, опять надо собирать документы и сдавать некоторые анализы. А меня при одной мысли об этом бросает в нервную дрожь.

Малость успокоился, когда Елена Петровна перечислила необходимое. Немного. Анализ крови у меня есть, и он действителен (когда его получал, по-

просил напечатать три экземпляра, как чувствовал, что понадобится). Хуже другое: нужны оригиналы документов из больницы и «Гранд-Медики», не знал же я (и никто не подсказал!), что в онкодиспансер достаточно и копии. А сами документы должны отправиться в Кемерово на комиссию, которая определяет группу инвалидности. Придется ехать в онкологию, просить бумаги; если отдадут, копировать и действовать далее. Еще необходимо написать заявление, медсестра дала бланк. Мало того, к кардиологу как-то надо попасть на консультацию, чувствую, с этим возникнут проблемы.

Утром другого дня спешу в онкодиспансер, трепещу из-за возможных осложнений. Но все получилось очень даже просто и благополучно. Работала как раз та самая Зиночка, которая помогла мне записаться на прием пораньше. Подарил им, всему коллективу регистраторов, а их человека три или четыре, книгу. Подписал. Рады, подходят, благодарят, и мне приятно: возможно, обрел новых читателей. Зина скопировала оригиналы моих документов, отдала их мне, а копии вклеила в мою карточку. Осталось записаться, дождаться и попасть к кардиологу.

Опять еду в свою поликлинику, получаю талон, но, как всегда, к специалистам узкого профиля попасть сразу невозможно. Мне вот сейчас можно отдыхать аж две недели.

Тихий ужас! Что-то не нравится мне это, не нормально это. А что делать?

Вера Николаевна в отпуске, в последнюю встречу она сказала, что уходит на длительный отдых, до февраля. Решаю обратиться к заведующей поликлиникой, несколько лет назад общались с ней, приятная женщина. У кабинета всего пара человек, жду, и вдруг выходит Вера Николаевна. Здороваюсь, отхожу с ней. На вопрос, почему на работе, ответила, что вызвали; выслушав мое объяснение, пригласила зайти к ней, если откажут.

За столом заведующей другая дама, летами много моложе предшественницы, видом и речью приветлива. Выслушала очень внимательно, даже кивая в знак согласия с моими доводами и обаятельно улыбаясь. И ответ был корректный по форме. Но по сути – жесткий отказ.

В поликлинике из двух штатных кардиологов в наличии лишь одна, вторая сидит с больным ребенком. И если она, руководитель, сверх положенного количества больных с талонами будет заставлять доктора принимать еще, то можно лишиться и последнего специалиста, который вполне может заболеть от чрезмерной нагрузки. Вот такое своеобразное обоснование отказа. Обескуражен, иду-бреду по коридору к Вере Николаевне. Зашел, поведал, велено ждать в коридоре. Чего? Кого? Уж надоел я ей, поди, своими бесконечными проблемами. Надо что-то придумать. Помню, кабинет кардиолога где-то рядом. Встал, иду по коридору – и точно, вот он. Рядом на стульях бабка и сударушка годов не старых, но с видом удрученным. Занимаю за ней очередь. И тут вспомнил, что у меня нет с собой карточки. Что делать? Пока думал, бабка юркнула к врачу. Быстро спускаюсь этажом ниже, офтальмолог уже принимает. Объяснив в очереди ситуацию, заскакиваю в кабинет, здороваюсь и прошу врача срочно отдать мне карточку; та без слов подает, мчусь наверх, сажусь, и вскоре вместе с бабусей выходит кардиолог. На вид не злая, худощавое смуглое лицо красиво обрамлено каштановыми прядями, большие модные очки придают ей солидность. Подхожу, обращаюсь:

– Здравы будьте, милостивая государыня, на долгие года.

Такое приветствие всем приятно и настраивает человека на дружелюбное общение. Улыбка заиграла на губах молодой женщины. Быстро, коротко, заранее продуманно обосновываю свою просьбу принять меня всего лишь для консультации. Для убедительности снимаю темные очки. Результат положительный.

– Вот после женщины зайдете, – сказала кардиолог и взяла мою карточку.

Минуты ожидания были тягостны – оттого, что в любой момент мог подойти кто-то с талоном и мне пришлось бы уступить, хотя уже и карточка моя в кабинете. Но обошлось, зашел. Врач измерила мое давление, что-то написала на бланке, собиралась уже вклеить его в карточку. И вдруг спохватилась, сказала, что мне все же придется сделать какую-то расширенную или углубленную кардиограмму. Но я же вроде это уже делал! Несколько эмоционально стал возражать, чем чуть не испортил все: улыбчивые губы сжались в жесткую полоску. Ну, думаю, надо давать задний ход. Покорно соглашаюсь, беру направление, карточку со все же вклеенным результатом консультации и быстро удаляюсь, пожелав кардиологу всяческих благ в жизни.

Елена Петровна шибко удивилась моему успеху:

– Как это вам удалось попасть к кардиологу?

Я скромно приписал результат счастливой случайности, но при этом повозмущался желанием сердечного доктора отправить меня еще на одно обследование. Елена Петровна начала листать мою медкарту.

– А я видела у вас этот результат. Да, вот он. Ну, все, на днях отправляю ваши документы в Кемерово на комиссию.

– Спасибо вам за участие!

* * *

Еще в начале осени попросил товарища, хорошо владеющего компьютером, найти мне в областном центре клинику, где изготавливают и вставляют искусственные глаза.

Он нашел два адреса: одну частную контору и ту самую больницу имени Беляева, где я обследовался летом. Частную организацию я отбросил сразу, позвонил в регистратуру больницы. Там мне дали номер телефона кабинета, где подбирают и вставляют протезы.

Результат разговора оказался просто потрясающий. Я-то звонил, чтобы выяснить предварительно, сколько это стоит, и договориться о приезде, когда пройдет полгода после операции. А мне собеседница возмущенно заявила, что если я не хочу потерять саму возможность иметь протез, потому что времени уже прошло немало, то должен приехать как можно скорее.

Опять меня подвели недобросовестные медики! Мне же неоднократно твердили – и в больнице, и еще где-то, то ли в онкодиспансере, то ли в поликлинике – о нежелательности и даже опасности вставления протеза в не зажившую как следует глазницу. Дескать, могут быть негативные последствия в виде натирания или воспаления с последующим нагноением.

Через день уже еду в областной центр. Мне и номера автобусов, троллейбусов дали, на которых смогу добраться до больницы. Доехал, иду по подсказке от остановки, сворачиваю за угол хирургического корпуса и узнаю парковку, где летом дочь ставила машину.

Отметился в регистратуре, нашел на первом этаже дверь с нужной табличкой. Оказывается, и сюда, в это невеселое заведение, очередь. Совсем юный парнишка и молодая чета с грудным ребенком. Отец все время носит малыша на руках, а тот постоянно ревет. Я пытался рассмотреть, у кого из родителей протез, но так и не заметил.

Сначала зашел парнишка, довольно быстро вышел, вот как шустро тут все делают. Потом молодая семья пошла в полном составе, и я удивился: зачем, если только отцу или матери нужна замена глаза, присутствовать всем?

Елена Николаевна, несмотря на возраст заката женской красоты, очень моложава, а по голосу, грудному, мелодичному, я представлял ее вообще молоденькой.

Она несколько раз примеряла мне имитацию глаза, легко и быстро вставляя и вынимая. Улыбнулась, когда я обеспокоенно поинтересовался, как я сам буду с этим управляться; сказала, что быстро научусь.

Пока она подбирала мне протез, я спросил у нее про молодую пару. К моему удивлению, глаз заменили у малыша. У него вскоре после рождения родное око перестало развиваться, стало мешать, его и удалили. И такое в жизни бывает...

В конце концов Елена Николаевна подобрала мне протез, по цвету близкий к моему оставшемуся глазу, меня он тоже удовлетворил. Заплатил за все семь тысяч рублей (это потому, что у меня еще нет инвалидности, а когда будет, смогу раз в год менять глаз бесплатно). Привык я к своему новому органу быстро, буквально через пять минут уже его не чувствовал, как не чувствуются родные глаза.

Доктор довольна результатом, она с удовлетворением заметила, что мое верхнее веко уже начало моргать, как ему и положено. А как она закипела в начале нашей встречи, когда я рассказал о советах, полученных в медицинских кабинетах! Прямо требовала номера телефонов тех, кто давал мне такие рекомендации, уж она выскажет свое мнение об их профессионализме!

Ведь если бы я ждал полгода, веки мои запали бы внутрь, вросли, особенно нижнее, получился бы некрасивый рубец, очень опасный в инфекционном отношении.

Да, не всем медработникам можно верить, и это скверно. Они вредят больным, когда дают советы, не владея нужными для этого знаниями, и тем самым наносят удар по престижу самой гуманной профессии.

...Очки затемненные я прямо в кабинете у Елены Николаевны убрал в сумку с огромным облегчением, надоели они мне до чертиков. Не ожидал такого эффекта от протеза. С пустой глазницей чувствовал себя ущербным, прятал провал на месте глаза темными стеклами, и вообще каждый выход из дома рождал во мне ощущение неуютности. А тут выхожу из больницы и спокойно иду, понимая, что внешне я ничем не отличаюсь от прочих прохожих. Жизнь всегда прекрасна, так что надо жить и трудиться.

Сильно прибавляют доброго настроения и последние события, связанные с нашей борьбой против мирового зла на Украине.

Наши войска плотно закрепились на своих позициях, вкопались, вгрызлись в землю и уже потихоньку начинают освобождать оккупированные укронацистами наши поселки и небольшие городки. Президент побывал в войсках, провел совещание с командирами, а затем, уже в столице, было большое совещание с высшими чинами Министерства обороны, приняты, скорее всего, очень важные решения. Все это очень радует. Как и другие меры по укреплению обороноспособности государства: выросла численность армии на полмиллиона человек; формирование соединений возвращается с принципа американских бригад к исконно русскому: полк, дивизия, армия, фронт; увеличивается состав воздушно-десантных войск и прочее.

Россиюшка наша родная начинает, наконец-то, грозно расправлять плечи. Ну, а там недалеко уж и до размаха – и тогда держись, вражья сила! Верится, очень верится, что близко наше большое наступление, и тогда перестанет этот фигляр Зеленский кра-

соваться, а забьется в бункер (если его не вывезут из Украины или не придушат по приказу его же телохранители). Очень хочется надеяться, что наш народ, проживающий на Украине, скоро начнет отходить от наркотического дурмана, в который его погружали с начала девяностых годов прошлого века, очухается и дойдет до того, что нельзя выбирать главой государства человечка, изображающего игру на пианино гениталиями, это недопустимо, это унижает весь народ, позорит перед всем миром. Ведь понятно же, что на такое способен лишь тот, у кого напрочь отсутствуют какие-либо принципы и моральные устои. И что из такого существа при нужном воздействии очень легко сконструировать кровожадное чудовище. Это и было сделано.

Уроком это должно стать всем странам так называемого демократического мира, горьким уроком, хотя уже во всех уголках Земли понимают, что выборы при капитализме давно превратились в коммерческое шоу с обговоренным и обеспеченным результатом. Это еще один веский довод в пользу придушения у нас капитализма до полузадоха, до существования его не выше сферы обслуживания. Иначе он нам сильно напакостит во время войны: он же кровеносными сосудами соединен с Западом, там его матка, там его все.

* * *

Дома меня ждал сюрприз, который очень мощно подпитал дух мой. Жена показала мне на своем телефоне небольшой видеосюжет, поразивший меня и порадовавший.

Где-то в нашем городе на тротуаре сидит бабушка на раскладном стульчике, в теплой куртке, в шапке и еще в платке поверх нее; за спиной у бабушки газон с жухлой травой, возле ног футляр для гармони и посудина для пожертвований. А сама она играет на гармони и поет. Простое русское старушечье лицо, с недостатком зубов, с морщинками. Вслушиваюсь, всматриваюсь в эту женщину и замираю от восторга. Такая сила любви к Родине звучит в ее голосе, такая убежденность в правоте того, о чем она поет! И сам голос – вроде негромкий, но мощный глубинной полнотой чувства с переливами интонаций – проникает в сердце до самого донышка.

У меня слезы невольно выступили. Несколько раз прослушал, а впечатление не ослабло. Вроде бы и слова немудреные, не шедевр поэзии с точки зрения эстета, а так цепляют что-то в самом нутре человеческом. Запомнил припев и довожу до вас, читатели:

Звонят, звонят колокола,
Кресты стоят над куполами.
Россия-матушка моя
Мы молимся за твою славу.

Но это надо не читать, слушать.

Привезти бы эту бабушку в Кремлевский дворец, посадить на сцену в таком виде, в каком она сидит на тротуаре, и попросить исполнить свою песню, возможно, ею же и сочиненную, без всякого дополнительного музыкального сопровождения. И транслировать это выступление на всю нашу страну и на другие страны, где нас слушают и смотрят.

Уверен, эффект будет ошеломляющим для всего мира – оттого, что почти нигде уже нет искренности, а тут она во всей силе и красоте!

Бабушкина песня сродни песне «Вставай, страна огромная» начала Великой Отечественной войны.

И на Западе думают победить государство, где есть такие бабушки?!

Ну, граждане американские империалисты с прихвостнями, вы очень глубоко заблуждаетесь. И заблуждение это может (и будет) стоить вам так дорого, что даже некому станет подсчитать потери. На том стояли, стоим и будем стоять вечно.

20.01.2023 г.

Любовь АРБАЧАКОВА

О НЕОШАМАНАХ ГОРНОЙ ШОРИИ

Известно, что в Горной Шории с середины XIX века действовали православные миссионеры, распространяющие христианство. Говоря о роли алтайской православной миссии, распространившей свое влияние на всю Кузнецкую тайгу, Н. П. Дыренкова отметила, что даже исследования языка и традиций шорцев велись «для успешности религиозной пропаганды». В результате работы миссионеров большинство шорцев были крещены и приняли православие. Тем не менее, как подчеркивал этнограф В. М. Кимеев, «до конца ни В. Вербицкому, ни продолжателям его дела так и не удалось искоренить языческие религиозные обряды и верования».

Несмотря на деятельность миссионеров, а позже – атеизм, запреты и преследования действующих шаманов, шаманская традиция продолжала свое существование. Мы наблюдали работу семи шаманов-камов в Южной Шории, начиная с 1994 года. Все они прошли через «шаманскую болезнь», свидетельствующую об избранничестве духами. Каждый из них имел или имеет своих духов-помощников, в качестве родовой горы назывались Мустаг или Каратаг, общим верховным божеством у них считается Бай/Пай-Ульгень, или Ульген-хан. Исследовательница Г. Б. Сыченко констатирует: «Никаких побочных мотивов (престижность, возможность заработка и т. п.) ни у кого из них не было, отсутствовало и стремление к организованным корпоративным формам существования, что типично для так называемого неошаманизма».

Отметим, что в практике этих шаманов отсутствовал один из главных атрибутов обряда – бубен, который при исполнении ритуала камлания у них заменялся шорбу (пучком березовых веток), полотенцем, платками и другим. Все они камлали в повседневной одежде, не имея специального облачения, что отмечалось исследователями и ранее, в XIX веке.

КАМЫ ВОСТРЕБОВАНЫ

Новых шаманов (камов), как правило, «открыли» хакасские или тувинские шаманы; или же неошаманы прошли у них курсы обучения и имеют подтверждающие документы в виде удостоверений, выданных им учителями-шаманами. Например, по словам шаманки Галины Толтаевой, она прошла обучение в Хакасии и стала практиковать камлание после получения в 2013 году удостоверения шамана-целителя. Своим наставником она считает известного хакасского шамана В. Н. Чебочакова, посвятившего ее на роль кама (из телефонного разговора от 2.02.2021 г.).

В 2014 году Кызыльская религиозная организация шаманов «АДЫГ ЭЭРЕН» («Дух медведя») вручила удостоверение С. М. Башеву из Шории, прошедшему обучение у тувинских коллег из Кызыла. В Таштаголе В. Е. Кушакова (девичья фамилия Байлагашева, 1964 г. р.) сама не знает, как себя называть: камом или к спекчи («видящей»); но именно она, по ее словам, «открывает шаманов».

Сегодня шаманы востребованы, их приглашают не только на семейные обряды (рождение ребенка), но и на коллективные праздничные мероприятия. Например, в марте 2018 года в Междуреченске был проведен праздник встречи шорского Нового года Чыл-Пажы, где Г. М. Толтаева провела обряд шачығ – окропление, угощение духов гор и рек, направленный на испрошение благополучия людей, проживающих на территории Горной Шории [http://idkontakt.ru/news/gorod/3324].

По сообщению агентства «Красная Весна», 27 марта 2020 года кузбасские шаманы провели обряд, попросив у духов защиту от коронавируса: «Шаманский обряд для благополучия населения провели на горе Югус на юге Кемеровской области. У статуи «Хозяйки тайги» шаман Галина Толтаева задобрила духов» [https://rossaprimavera.ru/news/1a4dcc98]. По словам шаманки, она обращается к духам горы и рек по-русски, так как проводит обряд для благополучия всех жителей региона (из телефонного разговора от 2.02.2021 г.).

По воспоминаниям старожилов, весенний обряд шачығ раньше всегда проводил шаман (кам). Л. Н. Акушакова (1930–2020) рассказывала, что в Усть-Кабырзе шачығ совершали обычно перед ледоходом, для того чтобы он «хорошо ушел», а также окропляли горы, чтобы птицы-звери размножались и умножались. При совершении обряда обычно обращались к хозяину Каратага и Мрассу.

ОБРЯД ШАЧЫҒ

В августе 2019 года, во всемирный День коренных народов мира, групповой обряд шачығ был проведен С. Тенешевым (1973 г. р.) и другими шаманами. С самого начала камы действовали одновременно: Г. Тептегешев угощал духов и произносил благопожелания, И. Идимешев камлал с использованием бубна тӱӱр, Александр Тудегешев очищал присутствующих огнем, а потом обходил вокруг костра, играл на кай-комусе и просил благополучия всем.

Все шаманы были в стилизованных национальных костюмах, а головы их были покрыты платком или шапкой. При этом каждый выполнял свою роль: С. Тенешев играл на кай-комусе (двухструнном музыкальном инструменте), И. Идимешев бил в бубен, а Г. Тептегешев, проговаривая благопожелания, постоянно угощал от ээзи (хозяина огня) молоком, слабоалкогольным напитком (абырткой), либо мясом, пирожками и другими кушаньями. Наконец С. Тенешев, положив комус у костра, стал проводить обряд, держа в руке полотенце.

Как объяснил он сам, обряд шачығ проводился им для того, чтобы «праздник-пайрам возвеличить, чтобы его поднять». С. Тенешев считает, что духи-тӧстер к нему перешли от его прабабушки, которая была сильной шаманкой. По его словам, его «не открывали», и шаманской болезнью он не болел, однако что-то ему «виделось» (например, «черти, умершие люди»).

В шаманском камлании в исполнении С. Тенешева, как и в традиционном камлании В. Адыякова (призывание духов-помощников, поиски и ловля души, возвращение души и облачение пациента в железный панцирь), можно выделить три основных этапа. Но при этом зачин и концовка у С. Тенешева необычны, характерны только для него. Зачин начинается с обращения камлающего к высшим силам с просьбой защиты, возможности «видения» в этот день, а также с воображаемого вопроса (тегриде) «с небес» и ответа шамана, для чего проводится обряд: «А-хей, шорский / А-хей, большой праздник / А-хей, чтобы поднять / А-хей, чтобы Белый свет / А-хей, был величавым / А-хей, шорский язык / А-хей, чтобы не оборвался!»

Уже в самом начале камлания называется причина проведения обряда, перечисляются самые важные проблемы в целом народа или конкретного коллектива участников, которые разрешимы с помощью обращения к высшим силам.

Для сравнения приведем начало обряда шачығ, проведенного другим шаманом, Г. Тептегешевым. Он сразу приступил к угощению абырткой соседних гор и хозяина огня: «Этой тайге, шёк! / Огню, имеющему сорок зубов, шёк!»

В основной части ритуала С. Тенешев переходит непосредственно к призыванию духов-помощников. По словам шамана, он призывает в помощники не только белое (святое) сияние от великих звезд, но и хозяев горы, рек, которые поочередно называются перед камлающим.

Н. П. Дыренкова отмечала: «Пропустить или забыть назвать во время моления какую-либо гору считается опасным для всех участников моления. Особенно же это опасно для совершающего моление – он не будет иметь удачи на промысле».

Кроме этого, С. Тенешев обратился к хану Кудаю, хану-отцу, создавшему язык, а также к от ээзи (хозяину огня). Всех их шаман призывает для того, чтобы праздник прошел на высоком уровне (дословно: «на подъеме»), чтобы сохранялся шорский язык, чтобы люди становились лучше. Сам шаман в свою очередь окропляет все горы и реки, находящиеся рядом, угощает их традиционным блюдом талканом (обжаренные и перемолотые зерна ячменя). К хану Кудаю шаман обращается с просьбой несколько раз, в том числе для того, чтобы очистить людей от грехов и дать им защиту: «А-хей, хан- удай наш / А-хей, грехи / А-хей, пополам рассеки / А-хей, вниз опускайся. / А-хей, своими руками / А-хей, внутри-снаружи / А-хей, в панцирь облачи».

Г. Тептегешев тоже угощал напитком духов гор и хозяйку огня и на протяжении всего обряда проговаривал благопожелания собравшимся на праздник, а также всем жителям Шории. Попутно он обращался к духу огня, чтобы чурт (место обитания. – *Прим. ред.*) народа тадер (представители южно-сибирских тюрков. – *Прим. ред.*) был облачен в защитный панцирь. А в конце обряда он обратился к девяти творцам, чтобы они дали ему и всем людям сил, чтобы все было хорошо.

С. Тенешев вместе с другими шаманами просил у различных духов (ээзи) величественного праздника, благословения и разных благ всем шорцам, присутствующим на празднике: сохранения людьми родного языка, богатого урожая, прироста скота, деторождения, здоровья...

В наших более ранних экспедиционных материалах отмечалось, что в процессе камлания почти все исполнители «обращаются к Ульгену, верховному божеству шаманского пантеона, с большим пиететом, подчеркивая его высокое положение и избранность. Например, В. Адыяков называл Ульгена «хан-Ульген» – аан-Ӱлген. Е. Тодыякова во всех своих обрядах наделила его эпитетом «великий» – улу Ӱлген».

Необходимо подчеркнуть, что традиционные художественно-изобразительные средства камланий включают слои архаичной и шаманской лексики, которые в современном разговорном языке уже не употребляются. В рассмотренном нами тексте С. Тенешева отсутствуют архаизмы и лексика, связанная с шаманизмом, а также нет иносказаний, сравнений и других выразительных средств, характерных для более ранних записей камланий. Он лишь упомянул бога Кудая, духов гор и рек, а также дух огня.

Но этот обряд особенно интересен тем, что даже в условиях глобализации, с уходом аутентичных носителей традиционного мировоззрения в современном обществе есть запрос на возрождение и поддержание национальных традиций путем реконструкции и популяризации ритуалов шаманизма, это так называемый неошаманизм.

Анатолий САЗЫКИН

«МНОГОЕ МНЕ СЕГОДНЯ ДАНО…»

К юбилею Любови Никитовны Арбачаковой

Главные вехи ее жизни и творчества таковы. Родилась 1 мая 1963 года в многодетной (четыре брата и три сестры) шорской семье в маленькой (пять дворов) деревушке Анзасс Таштагольского района Кемеровской области. Русскому языку выучилась в Чилису-Анзасской школе-интернате. Окончила среднюю школу в поселке Спасск, затем Мариинский лесотехнический техникум, работала художником декоративной росписи на фабрике «Весна» в Кемерове.

На отделение шорского языка и литературы в составе факультета русского языка и литературы Новокузнецкого пединститута Любовь была привлечена ученым-фольклористом Андреем Ильичом Чудояковым, лично набиравшим студентов на 1-й курс. В 1994 году окончила это отделение и как наиболее успешная студентка оставлена на кафедре для преподавательской работы. Сразу поступила в аспирантуру Института филологии Сибирского отделения Академии наук и в 1998 году защитила диссертацию на тему «Текстология шорского героического фольклора».

Как молодой ученый, Любовь сумела продолжить дело, которому посвятил жизнь ее Учитель – Андрей Ильич Чудояков, собиравший и записывавший народные предания и легенды кайчи-сказителей по всей Горной Шории. Арбачакова осуществит научную обработку этого материала после ухода из жизни в 1994 году Андрея Ильича. Именно она завершит грандиозный труд «Фольклор шорцев» уже как старший научный сотрудник Института филологии СО РАН, кандидат филологических наук.

Все эти годы Любовь Никитовна и сама увлеченно пишет стихи и картины. Еще в 1997 году она стала членом Союза писателей России, а в 2005-м – членом Союза художников. Стихи и рассказы она сочиняет и на шорском, и на русском языке, занимается переводами. Вышли в свет ее научные книги «Текстология шорского героического эпоса» (2001 г.), «Шаманы Горной Шории; этнографические очерки и тексты камланий» (2004 г.). Выпущены сборники стихотворений: «Тернии души» («Онзас Черим», 2001 г.), «Колыбельная любви» (2004 г.), «Песни шориянки» (2011 г.), «Затерялась я во вселенной» (2019 г.).

Первая выставка ее живописных работ состоялась в Новокузнецком художественном музее, потом картины экспонировались в Прокопьевске, Таштаголе, Мысках, Междуреченске, Кемерове, Новосибирске, везде вызывая самые восторженные отзывы посетителей и специалистов. Произведения Любови Арбачаковой приобрели частные коллекционеры из России, США, Германии, Турции.

В 2004 году областным департаментом национальной политики был издан альбом ее живописных работ с предисловиями доцента Новокузнецкого филиала Кемеровского государственного университета Г. В. Косточакова и главного хранителя Новокузнецкого художественного музея Л. Н. Лариной.

В 2012 году Московский институт перевода Библии издал альбом «Рассказы об Иисусе Христе», переведенные Л. Н. Арбачаковой на шорский язык, с ее же цветными иллюстрациями. В 2021-м она выпустила в Кемерове книгу рассказов «Под небом Анзасса» на русском языке, но по мотивам шорских народных сказаний. И в том же году перевела сказку Льюиса Кэрролла «Алиса в стране чудес» на шорский язык, эта книжка также издана в Кемерове.

Я перечисляю многие труды и свершения к ее 60-летию, потому что нельзя не восхищаться талантом и духовной энергией Любови Никитовны, прекрасной дочери своего народа.

Этот выплеск таланта и энергии стал возможен благодаря той скрытой потенции, что заложена в глубине народной жизни. Ее отец и мать, дедушка – отец матери, погибший на фронте, – никто не отличался творческими наклонностями. Отец имел два класса образования, мать вообще была неграмотна, дедушка не владел русским языком. Но это были люди чистой души, жившие в единении со всем окружающим, с суровой и прекрасной природой.

Люба так напишет о своих родителях:

Грешная жизнь моего отца
Железной цепью к земле клонит.
Светлая жизнь моей матери
Золотой нитью к небу тянет.

А вот строки о первооснове своего характера:

Люблю я тебя.
И тебя, прохожий.

Люблю всех собак,
Всех кошек и птиц,
Зеленую землю, цветы...
О, не покинь меня, это чувство!

В своей автобиографии Арбачакова напишет о тяжком труде и бедности, в которой жила семья, о жалости к отцу, не имевшему какой-то стабильной работы и надломившемуся морально.

Не берусь судить о Л. Н. Арбачаковой как о художнике, хотя с огромным удовольствием смотрю ее картины, а вот как о поэте попытаюсь сказать. В основном буду опираться на стихотворения из сборников «Песни шориянки» (2011 г.) и «Затерялась я во вселенной» (2019 г.).

Сборники составлены из коротких стихотворений, каждое всего по несколько строк, в большинстве своем напоминающих японские хокку. Япония здесь, возможно, кстати; как замечает в предисловии к сборнику новосибирский поэт Владимир Берязев, «представляется очевидно правдивой легенда японцев о том, что их предки когда-то вышли из пределов Алтая»...

Сердце мое встрепенулось:
Причитания народа послышались.
Это значит,
что время стихов наступило.

Первооснова ее поэтического творчества – глубоко диалектическое восприятие жизни. Оно идет от веры предков в существование двух миров – мира Ульгена и мира Эрлика (или, по-христиански, Бога и дьявола), и в нерасторжимую слитность этих миров.

Отсюда убежденность в том, что жизнь складывается из единства противоречий, она не однобока и не однолинейна, она не сводится к страданиям и боли, и уж тем более к бездумному потребительству и наслажденчеству. Главная ее ценность – это душа, это то внутреннее, живое и сложное, чем должен жить человек.

А главное средство выражения этого сложного внутреннего мира человека, сложного вечно живого мира природы в лирике Л. Н. Арбачаковой – это метафоризм ее поэтического мышления.

Борис Пастернак называл метафору «скорописью человеческого духа». Но метафора метафоре рознь. Есть такие, в которых автор «вокруг смысла оригинальности пущей для дает гигантского кругаля», а есть – рожденные жизнью и органичные, как дыхание.

Метафоры в большинстве стихотворений Арбачаковой мгновенны, интуитивны. Тем самым они оставляют читателю просторное поле для домысливания и дочувствования, стимулируя сотворчество.

Я камушек бросила солнцу
В гладь речную.
Солнце встревоженное
Долго не могло успокоиться.

Стихотворения могут быть буквально пронизаны светом, цветом, и через эту гамму меняющихся красок передается состояние души:

С восходом желтого солнца,
Светлое платье надев,
Жду твоего письма!
Красный вечер вручил мне записку...
Уставшее солнце за гору село,
И яркое платье мое померкло.

Можно долго всматриваться, вслушиваться и в такие, например, пятистишия:

Осенним холодным утром всегда
Сквозь туман на реке Мрассу
Конь белогривый
Все мчится куда-то –
Но доскакать не может.

Лодка любви
Тихо плывет по Мрассу...
Лишь где-то крылатая рыба,
К небу рванувшись,
Исчезает снова в синей бездне.

А вот как выражена абсолютная слиянность с природой:

По Анзасской поляне,
Где давно заросла тропа,
Бегу, хмелея от счастья!
Росинки жемчужинами,
Омывая меня, скатываются,
Черную землю питая.

И всегда в произведениях Арбачаковой остается недоговоренность, за которой нечто скрытое, тайное, недосказанное. Вот и в самооценке автора картин и стихов тоже присутствует нечто непередаваемое:

Многое мне сегодня дано.
Есть компьютер, чтоб стихи набирать,
Разные краски, чтоб картины писать.
Но...
шедевры не получаются.

Это не самоуничижение, но и не кокетство. Это и есть тот святой огонь недовольства собой, который делает художника художником.

Есть и такое стихотворение, выражающее авторское кредо:

Я художник, поэт,
Почти взнуздала коня-облако!
Пусть кто-то на этой земле
Крепко держит мой повод.

«Кто-то» – это тот высокий нравственно-художественный критерий, который не позволяет терять чувство реальности ни в творчестве, ни в жизни.

В свое время еще Л. С. Выготский уподоблял стихотворения летательным аппаратам легче или тяжелее воздуха. Одни, словно надувные шарики, существуют только за счет своей «поэтической» темы. Другие, подобно самолетам, преодолевают энтропию отражаемой в них житейской прозы внутренней энергией стиха. Энергия эта и рождается из столкновения в стихе двух противоположных смыслов. Столкновение это создает живой и сложный итоговый смысл стихотворения.

В большинстве лирических миниатюр Арбачаковой, даже на минимальном словесном пространстве, происходит это столкновение, рождающее авторское видение, часто очень своеобразное и всегда очень многомерное.

Стихотворение может быть, на первый взгляд, чисто бытовой сценкой:

Мне свекровь моя с радостью
Показала свою обнову.
Между делом сказала:
«Это чтобы ты знала,
В чем меня хоронить!»

Может быть жизненным раздумьем:

Я в мае родилась.
По-шорски – кандыкам цвести.
По-русски – вечно маяться.
По жизни – беды и цветы
переплетаются.

Может таить много невысказанного в однообразных буднях:

Сижу одиноко в многоэтажке.
За окном – грохот машин.
Ты вернулся с работы,
Молча включил телевизор…
Еще один день пропал!

Может содержать своеобразно переосмысленный, сниженный традиционный фольклорный мотив:

По лунной Мрассу
Твоя лодка летит ко мне.
Навстречу рванувшись,
Угодила я в грязную лужу!

Может касаться сложных вопросов веры и приятия/неприятия жизни:

Шаман камлает неистово,
Пытаясь излечить мою душу…
А в переднем углу его дома
Лучится
Печальный лик Божьей матери.

Может содержать в себе такой подтекст, что на добрую повесть хватит:

Моя семья, любимая, родная,
Моя опора…
О, как душа истерзана тобой!

Очень характерны для стиля Любови Арбачаковой и природно-психологические параллели:

Осеннее солнце
Жжет напоследок невыносимо.
Так и ласки твои:
Уж не нежны, а назойливы.

Чаще всего, как видим, концовка стихотворения может вступать в противоречие со всем предыдущим содержанием или бросать на него неожиданный свет, углубляя тем самым все суждение.

Интересен еще один штрих к творческому портрету Любови Никитовны. Поэтического отклика на темы и проблемы современности в ее лирике практически нет (как, к слову, и в ее живописи). А те единичные, что встретились, выдержаны в сдержанном ироническом тоне:

Издалека ко мне
Долгожданная подруга приехала!
При всех не рискнула
Расцеловаться –
Нынче ведь все переиначено…

Или такая вот замечательная психологическая миниатюра:

Ты знаешь,
Он так наивен!
Позвонил
И в кино пригласил…

Замечателен и образ лирической героини, вобравший в себя черты личности автора и многие женские качества вообще. Образ этот динамичный, живой, полный противоречий. В основе его, конечно, сознание своего очарования, но и оно чуть-чуть иронично:

Мои подруги, суетясь,
К конкурсу Кен-Кыс готовятся,
Мечтают о короне красы Шории.
Я не готовлюсь к конкурсу,
Мне быть там не обязательно,
Ведь и без того я – красавица.

Любовь для такой натуры – главное условие жизненной гармонии и счастья:

Позволь полюбить тебя,
Не дай разочароваться!
Когда я с тобой –
Земля роднее становится,
И продлевается жизнь моя.

И снова поражает изобразительная сила строк:

Милого ожидая,
На стук дверей
Всю ночь выбегала –
Лишь грубый ветер
В объятья меня принимал.

Нужно сказать, что шорский фольклор вообще отличается чувственностью. Древние сказители-кайчи очень прямо и естественно выражали самые интимные чувства и переживания, оттого и были они так целомудренны и чисты.

Лирическая героиня Любови Арбачаковой отличается трепетностью, горячим желанием быть с любимым человеком. Вот некоторые из самых чувственных ее миниатюр:

Набухшие тучи
Нависли над нами.
Дыханье грозы приблизилось.
Укроюсь в твоих объятьях!

Нежность слов твоих вкушая,
Я опьянела нечаянно.
Жезлом прекрасным
Я так увлеклась,
Что вместе с тобой
В небеса поднялась.

Лесных цветов аромат,
Как губы любимого, пью!
В траве шелковистой,
Как в объятиях милого, нежусь!
Пускай в городской суете
Спасет меня этот райский мир!

Но и тут же у нее – высокое чувство собственного достоинства, природный ум, трезвость суждений, большая внутренняя сила и спасительная ирония в оценке себя и других людей – любимых, любивших и просто чем-то интересных:

Нет, обычной бранью
Меня уже не пробить!
Сердце мое давно закрыто
Панцирем ран сердечных
и слез соленых...

И снова поражает изобразительная сила слова, данная поэту-художнику и художнику-поэту:

Вспорхнула красавица юная,
Только косы взметнулись крыльями!
...Прежних своих волос больше не отращу:
Как осенняя трава, они хрупки.

Любовь Арбачакова приблизилась к своему юбилею в расцвете таланта. Двигаясь в русле культуры родного народа, она своим творчеством заметным ручьем вливается в широкий поток культуры России.

г.Новокузнецк

Эдуард АНАШКИН

«ПОКУДА МУЖ ГРОМИТ ВРАГА»

Многим с детства знакомы эти строки из «Слова о полку Игореве». В великом переводе Николая Заболоцкого «Плач Ярославны» начинается так: «Над широким берегом Дуная, / Над великой Галицкой землей, / Плачет, из Путивля долетая, / Голос Ярославны молодой». И вот, держа сейчас в руках коллективный сборник женской поэзии «Оберег», отчетливо понимаешь: эти строки не о прошлом. Они о настоящем, о том, что происходит сегодня там, куда сборник «Оберег» придет, чтобы согревать души наших солдат, выполняющих воинский долг на Украине. Они о тех, кто сегодня творит историю, и потому именно к ним сейчас приковано внимание всего мира...

«Оберег» – уже шестой по счету сборник Союза писателей России из серии «Позывной – Победа» (Воины России). Шестая книга, уходящая к бойцам спецоперации, уходящая на фронт, как уходят солдаты. А уникальность данного издания в том, что составлен он из стихов, написанных женщинами, поэтессами со всех регионов России, чья материнская, дочерняя преданность всегда была и остается самым сильным оберегом для бойцов. Сборник «Оберег» – словно некая коллективная молитва, взывающая к воинам: «Вернитесь живыми. Вернитесь с победой. Мы вас любим и ждем!»

Хочется поблагодарить Союз писателей России, Министерство обороны России, мецената отечественной литературы, предпринимателя В. Д. Новых и московское издательство «Вече» за то, что эта книга пришла к читателям немалым по сегодняшнему времени тиражом в две тысячи экземпляров. Конечно, основная его часть найдет своих читателей среди воинов спецоперации, для которых, собственно, книга и создана, за которых переживает и молится вся страна устами женщин России, обладающих талантом слова.

Преемственность поколений российских поэтесс-молитвенниц подчеркивает то, что открывается сборник стихотворениями советского времени. Свет вырывающегося из самого сердца слова непобедим временем и пространством, иначе бы не звучали так актуально стихи советских женщин, написанные в годы Великой Отечественной войны и вскоре после нее:

«Сколько силы в обыденном слове «милый»! / Как звучало оно на войне!.. / Не красавцев война нас любить научила – / Угловатых суровых парней. / Тех, которые, мало заботясь о славе, / Были первыми в каждом бою. / Знали мы – тот, кто друга в беде не оставит, / Тот любовь не растопчет свою» (Юлия ДРУНИНА, 1953 год).

Известное выражение «У войны не женское лицо» напрочь опровергает судьба великой поэтессы Юлии Друниной, буквально со школьной скамьи ушедшей на фронт, а также творчество выдающихся ее современниц:

«Покуда муж громит врага / Своим огнем из автомата, – / Огонь родного очага / Жена поддерживает свято. / Покуда муж на поле брани, / На крыльях летного звена, – / Свое звено весною ранней / Выводит на поле жена. / О, величавая краса, / Такая статная, большая!.. / Как небо, ясные глаза / И косы цвета урожая. / Но больше строгости в чертах, / Ты посуровела, родная. / Отец и муж твой на фронтах. / Забота у тебя двойная. / Но сердце мужества полно, / Неутомимая в труде ты, / С отцом и мужем заодно / Куешь оружие победы» (Вера ИНБЕР, 1944 год).

Закликание Победы... Такой подзаголовок можно ставить к сборнику «Оберег». Мы все, ушедшие и живые, поэты и читатели, классики и современники равны перед лицом вечного стояния за Родину, если придется, до смертного вздоха. Стремление к Победе и вера в нее помогают встретиться в некоем духовном пространстве тем, кто разминулся друг с другом в земном времени. Тут Марина Цветаева с ее великим стихотворением «Генералам двенадцатого года» и Вероника Тушнова со знаменитым «Сапером». Татьяна Глушкова с пронзительным «Опять без сна мне маяться во сне...» и Людмила Щипахина, призывающая: «Вставайте, люди русские!» Мы найдем в сборнике и пламенную Юнну Мориц с ее непримиримым «С отвращением особым / Отношусь я к русофобам», и Ольгу Фокину...

И, конечно, особая благодарность Нине Поповой и Елизавете Хаплановой. Прежде всего – за их проникающие в самое сердце стихи. И отдельное спасибо за составление сборника «Оберег», в котором показан широкий творческий диапазон патриотической женской поэзии. Женщина способна не только плакать, подобно Ярославне, молясь за любимых, но и встать с любимым плечом к плечу на фронтовом рубеже. И считать такое стояние за Родину высшей честью.

«Возьми меня, мой милый, на войну! / Ведь ты пойдешь – иначе ты не сможешь. / И, станется, головушку там сложишь... / Возьми меня, мой милый, на войну. / Возьми меня с собой, я пригожусь. / Я понимаю: на войне – не в сказке. / Но я умею делать перевязки, / И крови и страданий не боюсь. / Возьми меня с собою на войну. / Я не переживу разлуки нашей. Я буду борщ бойцам варить и кашу / И пыльные рубахи простирну. / Не думай, не поверю я словам, / Что на войне, мол, женщинам не место... / Нас Бог лепил, крутое выбрав тесто, / В продленье рода и на помощь вам. / Но мало мне на Бога уповать. / Тебя мне не заменят миллионы. / Я буду подносить тебе патроны. / И буду твою спину прикрывать. / Ты говорил: «С тобой нам по пути». / Но если встанем на краю могилы, / Тебе отдам любовь свою и силы, / И не позволю первому уйти. / Закончится война. Мы победим. / Народ России этого достоин! / И мы, вернувшись, дом себе построим, / И девочку и мальчика родим. / Возьми меня, мой милый, на войну!» (Надежда КОЖЕВНИКОВА, Новозыбков Брянской области).

Эстафету молитвенного упования приняли поэтессы-современницы, продолжая творческое дело ушедших поэтесс-классиков. И с честью несут эту эстафету добра и света, напутствуемые председателем Правления Союза писателей России Николаем Ивановым: «С началом спецоперации первый поэтический вздох-отклик оказался, по сути, женским. Со всей России в Союз писателей шли, словно солдатские треугольники, письма с поэтическими строками в поддержку участников СВО. Из них, в том числе, складывались наши первые сборники – «Стихи из огня», «Позывной – Победа», «Сыновья уходят в бой». И вдруг озарение: мы должны сказать женское поэтическое слово для защитников Отечества отдельно. Остановить именно это мгновение в нашей новейшей истории... Так появился «Оберег». В нем, может быть, самая большая правда о войне. Здесь самый напряженный ее нерв. Самое чистое дыхание. Самая истовая мольба».

«Правда – она одна. / А в остальном – вранье. / Вновь над тобой, страна, / Кружится воронье. / Снова объявлен клич. / Горны трубят поход. / Мальчиков будут стричь – / Родина-мать зовет. / Собран простой рюкзак. / Брошен прощальный взгляд. / Снова нельзя никак / Нам отступать назад. / Родина позвала, / Значит – вопросов нет, / Из-под пилотки взгляд – / Смотрит с портрета дед. / Слезы утрет жена. / Мать – как с иконы лик. / Я твой солдат, страна. / Проще сказать – Мужик! / Вертится шар земной. / Розы ветров шумят. / Мир за моей спиной. / Время не двинуть вспять. / Каждому на веку / Здесь на Святой Руси / Русскому Мужику / Нету других Россий» (Анна ЗЕНЧЕНКО, Евпатория).

Пусть сборник «Оберег» сбережет всех тех, кому «нету других Россий», согревая их сердца в моменты редкого фронтового досуга уверенностью в том, что их любят и ждут, что за них возносят молитвы небу... А молитва срока давности не имеет, и я уверен, что после нашей неизбежной Победы эта книга будет переиздаваться не раз и не два. Очень уж большой эмоциональный заряд вложен в нее сокровенными женскими словами.

«У тебя в окопе ни одной лампадки, / У меня бессменно – свечечка горит... / Жду тебя, родимый, верная солдатка. / И моя молитва – твой надежный щит. / Руки б отогрела, коль была бы рядом, / Сердце бы хранила от лихой беды... / Будет мне, любимый, лучшею наградой / День, когда с победой возвратишься ты! / Помнишь, как встречали жаркие рассветы, / Как мечтали вместе путь пройти земной? / Верю, что вернешься ты домой с Победой, / Храбрый мой защитник, долгожданный мой...» (Елизавета ХАПЛАНОВА, Макеевка, ДНР – Москва).

Долгожданный... Елизавета Хапланова, которая знакома с жестокой реальностью современной войны на Украине, что говорится, не понаслышке, произнесла это слово не случайно. Наши женщины со стоическим смирением понимают, что Победа не будет ни быстрой, ни легкой. Ведь на Украине Россия сошлась на полях сражений не столько с братьями-славянами, сколько с той лютой «общечеловеческой» сворой, о которой не по-

женски сурово говорит в своем стихотворении Нина Попова. Эта лютая свора никак не может нам простить звонких побед наших отцов и дедов, она и натравила наших братьев-славян на нас, предварительно напустив ядовитого информационного тумана. Нынешняя война – лишь логичное продолжение тысячелетнего противостояния Россия–Запад.

«Лютый враг атакует границы, / Воют мины и пули свистят. / За деревни, аулы, станицы, / За Отечество бьется Солдат. / Четким строем проходят колонны / Тех, кто не отсиделся в тылу, / По Москве, Хасавюрту, Коломне, / По Казани, Уфе и Орлу... / За широкой спиною солдата, / Сквозь пожарища, смуту и ложь, / Словно сокол, взлетает крылато / Тот рассвет, что родней не найдешь. / Многоликая хищная свора / Вновь пришла русский мир покорять – / Наш простор, наша слава и слово / Не дают им покоя опять. / Будет биться Солдат до Победы, / Защищая и дом, и сердца, / Ведь шинель на Солдате – от деда, / А под нею – «афганка» отца!..» (Нина ПОПОВА, Москва).

И опять-таки преемственность поколений... Не она ли залог сохранения традиции и страны, против которых сегодня так агрессивно восстала западная цивилизация, активно продвигая расчеловечивание под видом толерантности? Апокалипсис творится на наших глазах. Но часто Бог, посылая нам трагические испытания, тем самым не наказывает, а наоборот – спасает наш дух, нашу душу. Или, как сказали бы сегодня, – обновляет и заново формирует социальную и духовную повестку. А обновление сейчас возможно только по пути восстановления исконных традиций: залог достойного будущего кроется в достойном отношении к прошлому.

«Мы пока с тобой помолчим об этом... / После битвы-молитвы поделимся в стори, / Как икс-игрек вдруг обернулись Зетом / И красуются рядом – да-да! – на заборе. / Без икс-игрека сложно войну осилить. / Не считай икс-игрек презренным матом: / В сорок первом с ним в атаку ходили / Наши деды, вырвав чеку гранаты. / Если ты родился на свет поэтом, / Да не просто поэтом – поэтом русским, / Ты поймешь, что мы зачеркнули Зетом / Европейские пошлые перезагрузки. / Если ты родился на свет человеком, / А не суетно либеральным фигляром, / Поневоле становишься вещим Олегом, / Чтоб отмстить неразумным новым хазарам. / И пусть песня Победы еще не спета, / И еще Христос попущает Иуде... / Мы с тобою поэты эпохи Зета – / Несмотря ни на что – счастливые люди!» (Диана КАН, Оренбург).

«Я превратилась в слово «Жду»... Так называется один из разделов сборника. И эта строчка из стихотворения московской поэтессы Ирины Мацигура поневоле заставляет вспомнить легендарное стихотворение «Жди меня»:

«Пришло и к моему гнезду... / Пришло и встало у крылечка. / Я превратилась в слово «Жду», / Такое горькое словечко. / На полке замерли часы, / А в доме тихо, как в музее... / А ты у лесополосы / Лежишь в пристрелянной траншее. / Такую лямочку тяну, / Не разорваться бы на части. / Сейчас у мира на кону / Мое заплаканное счастье. / Моя вселенная теперь – / Пустое кресло у торшера, / А эта скрипнувшая дверь – / Моя единственная вера. / Из крана капает вода, / Всю ночь идет программа «Вести»... / Из разных цифр навсегда / Я запрещаю цифру «двести»! / Дождусь черемухи в меду, / Для встречи выберу обновы... / Я превратилась в слово «Жду», / Мое молитвенное слово» (Ирина МАЦИГУРА, Москва).

С этим стихотворением перекликаются сквозь расстояние во многие сотни километров строки поэтессы из Луганской Народной Республики Людмилы Гонтаревой. От веку женщины огромной России, будь они простые крестьянки или великие княгини, не отрекались от мученической готовности лишиться во имя Родины того, кто дорог им больше жизни. Эта мученическая готовность, оплаченная бессонными ночами и потоками слез, лишь усиливала трепетную несокрушимость женских молитв о лучшей доле для любимых, давала этим молитвам крылья и возносила их высоко в небо, ближе к Богу.

«Состоянье женщины – ждать. / Будь она подруга иль мать, / будь она невеста, жена, / бытом серым окружена. / Расставанье с женщиной – стон. / Князь великий, воин простой / покидает отчий очаг – / лишь тоска в небесных очах. / Боль святая женщин – любовь. / Ей отрадой стал не любой – / тот, чей вечно ждать будет лик, / по ком радость выльется в крик» (Людмила ГОНТАРЕВА, Краснодон, ЛНР).

Сестринское сострадание воинам, что кладут свои жизни за отчую землю, в свое время приводила в госпитали даже царственных женщин. Последняя российская императрица Александра Федоровна со своими дочерями-царевнами перевязывали и врачевали раны солдат, раненых на полях первой мировой войны, не считая для себя зазорными такое занятие. Скорее наоборот! Санинструктор и советская поэтесса времен Великой Отечественной Юлия Друнина и царевна Ольга Романова в пору первой мировой войны, несмотря на разделявшее их время, были сестрами по духу и состраданию к тем, чей подвиг стал щитом России. А строки московской поэтессы Анны Ретеюм – о том, что никуда не делась эта традиция сестринского милосердия и в пору нынешней войны, которую некоторые называют третьей мировой:

«Твои целую раны, / Набрякшие бинты, / солдатик, брат названый, / велико страждешь ты. / Горит в железном круге / земли родной судьба, – / огонь за нас, за други, / ты принял на себя, / подставил эти плечи, / закрыл, как ПВО... / И подвиг твой – навечно, / нет истинней его!» (Анна РЕТЕЮМ, Москва).

И, конечно, нет в мире сильнее молитвы матери, не зря в народе говорят, что материнская молитва даже со дна морского достанет! В сборнике вы прочитаете немало таких сильных материнских стихотворений-молитв, которые особенно доходчивы до неба. Ведь в каждом таком стихотворении незримо присутствует, растворенный в трагическом лиризме строчек, образ Той, что во имя человечества и человечности отпустила и благословила своего сына на вероятную гибель. И кто знает, возможно, в чуде воскресения есть немалая доля помощи святой материнской молитвы, сильнее которой нет в мире:

«Сын мой, кровиночка, Бога проси! / Выстоим!» – / Так голосили у нас на Руси / Исстари. / Жарко молились: «Храни их от бед!» – / В горнице. / И улетели за ними вослед / Горлицей. / И сыновья поднимались на бой / Праведный. / И матерей заслоняли собой. / Правильно: / Это же их приложили к груди / Крошками. / Им губы мамы шептали: «Иди / Ножками!» / В мир отпускали подросших птенцов / Ласточкой: / «Не забывай про победы отцов, / Мальчик мой!» / Снова беда подступила к стране / Вороном. / Встали сыны, чтоб схлестнуться в огне / С ворогом. / Мы победим черноту воронья – / Истинно! / Матери, деды, отцы, сыновья, / Выстоим!» (Любовь СЕРДЕЧНАЯ, Санкт-Петербург).

Без малого сто поэтесс сошлись в уникальном сборнике «Оберег», обложкой которого стала картина художницы из Донецка Лилии Агабекян. Они сошлись своими стихами в противостоянии смерти на стороне любви. Сошлись во имя Победы нашего славного воинства. Сошлись, делая своей верой нашу Победу неизбежной.

Валентина ЕФИМОВСКАЯ

ВСТРЕЧА СО СВЯТЫНЯМИ

За Знаменем русским и русское Слово
К тебе, как родное к родному, пришло...
Ф. И. Тютчев

Удостоиться такого высочайшего литературного приема, который состоялся в Российской государственной библиотеке 7 марта 2023 года, – это чудо! Не каждому русскому человеку выпадет счастье увидеть национальные книжные святыни и даже прикоснуться к ним. Убедиться, что они, созданные в давно минувшие века, и поныне современны, востребованы, живы.

Увесистые тома Евангелий XI и XII веков, Псалтирь, святое Житие, содержащие «Слово жизни» (Ин. 1: 1), предстали теми камнями, на которых в веках созидалась и стоит поныне Русь-Россия, тем непобедимым оружием, которое и сейчас устрашает и побеждает наших извечных врагов. Это тот бастион, о котором сказано в Евангелии: «Итак всякого, кто слушает слова Мои сии и исполняет их, уподоблю мужу благоразумному, который построил дом свой на камне; и пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и устремились на дом тот, и он не упал, потому что основан был на камне» (Мф. 7: 24). То есть устоял дом, построенный на Христовых заповедях.

И сам Дом Пашкова, возведенный в конце XVIII века по проекту знаменитого русского архитектора Василия Баженова, ныне принадлежащий Российской государственной библиотеке, похож на дом на камне. Находящийся на возвышении, пронизываемый ветрами истории, переживший пожары, разграбления, гонения в богоборческие времена, этот дворец возродился и сейчас возвышается устойчивой доминантой в сакральном центре русской столицы.

Небольшая группа творческих работников – писателей, литературоведов, художников из разных городов страны – была удостоена общения с раритетами из хранилища Отдела рукописей Российской государственной библиотеки. Этой высокой награды приглашенные были одарены за плодотворное многолетнее сотрудничество с благотворительным фондом «Возрождение Тобольска», занимающимся обширной просветительской деятельностью посредством выпуска уникальных книг.

Вот только малая часть свершений фонда, руководимого известным в России издателем, художником-фотографом, почетным членом Российской академии художеств Аркадием Григорьевичем Елфимовым. По его идее, под его художественным и административным руководством изданы монументальные труды: «20 имен тобольской истории», «Галерея русской исторической живописи», «Любинский проспект», 4 тома «Северный морской путь», 3 тома «Освобождение», 25 томов историко-литературного альманаха «Тобольск и вся Сибирь», «Евангелие Достоевского», «”Остров Сахалин” А. П. Чехова». Эти и многие другие уникальные общенациональные проекты фонда (выпущены уже сотни томов) реализуются в соответствии с самыми современными культурно-научными тенденциями книжного искусства. Совместно с РГБ фонд «Возрождение Тобольска» заметно преумножил духовные богатства России.

Трудно определить, что было главной наградой – «Благодарственное письмо» за достижения в области культуры и искусства от РГБ за подписью президента библиотеки Виктора Васильевича Федорова или общение с книжными святынями Руси-России. Думаю, их надо рассматривать в целостном единстве, как прошлое и настоящее нашей истории. Дизайн именного «Письма» с текстом: «За сохранение и преумножение культурных ценностей России, активное участие в издательских проектах Общественного благотворительного фонда “Возрождение Тобольска”« в укрупненном формате Президентской грамоты был разработан известным московским художником-дизайнером Иваном Лукьяновым. Получилось самостоятельное произведение искусства эпического звучания. Эпиграф к Письму из 113 Псалма «Не нам, Господи, не нам, но имени Твоему дай славу, ради милости Твоей, ради истины Твоей» обозначил связующую времена истину, позволившую глубже проникнуться значением тех книг, которые награжденным были представлены начальником Отдела рукописей, известным ученым, кандидатом исторических наук Евгенией Эдуардовной Вишневской.

Путь в сокровищницу русской литературы оказался нелегким. После церемонии награждения в большом зале дворца, после знакомства с его историей, интерьерами и коллекцией благодаря

подробному рассказу Евгении Эдуардовны, пришлось по старинной «кружевной» чугунной лестнице подняться на верхний этаж здания. Символичный подъем позволил удостовериться, что устойчивое выражение «история Руси-России – история русского слова» не просто красивая метафора, но важный вектор бытия нашего Отечества. Что «Слово жизни» – реальный процесс, движение-развитие, как о нем говорится в Евангелии: «То, что существовало от начала, то, что мы слышали, что видели своими глазами, за чем мы наблюдали и к чему прикасались, то мы и проповедуем – Слово жизни. Сама жизнь стала видимой и осязаемой, мы свидетели этого. Мы проповедуем вам о вечной жизни, которая была у Отца и которую увидели и мы. Мы говорим вам о том, что сами видели и слышали, чтобы и вы тоже имели общение с нами, подобное нашему общению с Отцом и с Его Сыном Иисусом Христом» (Ин. 1: 1-3).

Божественная проповедь – не только содержание представленных уникальных изданий, но и обращение к нам, находившимся перед ними, а также к тем, кто их не видит, но может ощутить через познание духовной стороны русской истории, через сохраненное Слово.

В первые минуты знакомства с великим книгами гости – московские писатели Виктор Петров, Нина Стручкова и художник Вадим Горбатов, литераторы Михаил Попов из Архангельска, Владимир Захаров из Петрозаводска и другие творческие люди, общим число одиннадцать – какое-то время безмолвствовали. Обернутые в шелковые покрывала, перед нами были невиданные сокровища, книги, самая старшая из которых датирована XI веком. Это Мариинское Евангелие – глаголическая неполная рукопись Четвероевангелия. Его нашел в афонском скиту в XIX веке русский филолог В. И. Григорович.

Христианство пришло на Русь в книгах. Живой проповедью Солунских братьев, просветителей Кирилла и Мефодия, видится Мариинское Евангелие, названное так по имени русского скита Успения Пресвятой Богородицы на Афоне. Тяжелы его страницы из пергамента, материала для письма из недубленой сыромятной кожи. Страницы заполнены четкими ровными буквами, не померкшими в веках. Чувствуется, с каким старанием, духовной самоотдачей, с какой верой выводил каллиграф эти буквы, поныне звучащие христианской проповедью. Книга, служившая для ежедневного применения, исполнена строго, без украшений.

Более нарядно Архангельское Евангелие – кириллическое рукописное Евангелие-апракос (напрестольное, богослужебное, в нем текст расположен не в каноническом порядке, а в календарном, согласно с недельными церковными чтениями), созданное в 1092 году – эта дата присутствовала в завершении Евангелия. Оно является четвертой по древности написания из датированных рукописных восточнославянских книг. В 1997 году ЮНЕСКО внесло Архангельское Евангелие в международный реестр «Память мира». Текст написан «деловым уставом», оформление его скромно, но здесь мы уже видим киноварные буквицы и заставки, а также разные почерки создателей. Это свидетельство и длительного труда, и того, что процесс рождения книги был сродни коллективному строительству храма. Ее совместно «возводили», как церковь, разные мастера. Название «Архангельское Евангелие» дано по месту обретения: книга была привезена в Москву в конце XIX века архангельским крестьянином на продажу. Сведений о ее истории нет. Высказываются предположения, что она происходит из скриптория новгородского Лазаревского монастыря.

А вот грамота с подвесными печатями, выдаваемая ганзейскому купцу на право торговли, – свидетельство бытовой стороны жизни Великого Новгорода XIII века.

Личная Псалтирь Ивана Грозного, кажется, обладает царским величием и символичным государственным образом: тяжелый, около десяти килограммов веса том мог поднять только достойный, сильный правитель Руси. Попал он к царю вследствие воинской победы, вероятно, как новгородский трофей. Текст Псалтири Ивана Грозного написан уставным письмом, характерным для русских рукописных книг XIV века. Миниатюры созданы иконописцами школы Феофана Грека, их всего две, а основой художественного оформления Псалтири Ивана Грозного являются тератологические инициалы, заставки и рамки. Переплетения тел и хвостов различных чудовищ, антропоморфных существ символизируют невидимый мир духов, соблазнов, грехов, от которых защищают молитвы, собранные в Псалтири.

«Жите преподобного отца нашего Сергия, игумена Радонежского, нового чудотворца», созданное св. писателем Епифанием Премудрым, датируется XVI веком. Эта красивая книга – шедевр оформительского искусства. В ней 652 красочные миниатюры, выполненные в иконописной манере, имеется также каноническое изображение св. Сер-

гия. Запоминаются и ювелирно исполненные украшения обтянутой красным бархатом обложки.

Эта книга – свидетельство подвига и преподобного Сергия, и православного святого агиографа Епифания Премудрого, который, вероятно, был учеником св. Сергия, жил рядом с Троицким игуменом. Вот как заканчивается текст Жития: «...и доныне от честного его ковчега, словно от источника, истекают исцеления всем, с верою притекающим. Как при жизни, так и после преставления, великий этот чудотворец великие и неисчетные творит чудеса во славу Христа нашего Бога, ему же честь и благодарение вовеки, аминь». Напомню, что благословение Сергия имело большое значение в битве на Куликовом поле. Древнее Житие – свидетельство того, что имя Божие и молитва – действенное в воинских сражениях оружие.

Прикасаясь, с разрешения хранителей, к листам книг, поднимая некоторые на руки, прижимая к сердцу, как родного человека, гости, конечно же, задавались вопросом о будущности их существования. Какова технология хранения этих уникальных изданий? Евгения Эдуардовна Вишневская рассказала, что содержатся они в специальном помещении, где поддерживается оптимальная температура (17–18 градусов) и стабильная влажность (55%, при меньшей влажности листы пергамента ссыхаются, что стало заметно даже при кратковременном нахождении книг в обычном помещении: на листах появились выпуклости). Хранятся раритеты в специальных коробах, в обложках, обеспечивающих плотное прилегание листов. Для оборачивания используется ткань из натурального шелка.

Что же говорить об отдельных рукописях? На авторские листки Николая Гоголя, Федора Тютчева, Антона Чехова я, например, смотрела со смущением, эти ветхие страницы, казалось, источали такой силы духовный свет, что он до слез слепил глаза. Но этих слез не стыдишься, так как это слезы любви и верности русской литературной традиции, русским смыслам бытия. Это слезы благодарности литературным святыням, доверительно обратившимся к нам, грешным. Ведь и книге тоже требуется общение, ей нужны наше внимание, глаза, руки, сердца. Так создается общество единомышленников.

Литературное произведение живет во времени, его содержание – момент жизни. Соединяя прошлое с настоящим, древняя книга современна, она необходима для понимания истории и будущих времен.

Гости взволнованно делились своими мыслями после встречи с русскими святынями:

– Не зная Евангелия, невозможно понять, что происходит в современном мире, с кем и за что мы опять воюем. Что это метафизическая война, война за христианские идеи.

– Не зная литературы житийной, невозможно понять, зачем св. Сергий Радонежский удалился в пустынь, зачем встречался с князем Дмитрием Донским. И к чему призывает нас сегодня Святейший Патриарх Кирилл.

– Видя ровный, каллиграфический почерк Николая Гоголя на листах его рукописей, убеждаешься в светлости его разума и мысли, приобщаешься к его вере. Понимаешь, глядя на рукопись второго тома «Мертвых душ», якобы сожженного, что нечистая сила и поныне боится великого православного мудреца, поэтому много ведьминой неправды набрасывается и сегодня на его образ. Но ведь есть спасительный совет великого русского писателя, поясняющий, что такое нечистая сила, с которой мы сражаемся на поле брани: «А я знаю, почему пропал он: оттого, что побоялся. А если бы не боялся, то бы ведьма ничего не могла с ним сделать».

– Чувствуя страстность натуры Тютчева по его быстрому, размашистому с нажимом почерку в поэтическом послании князю Горчакову, сопереживаешь поэту в его неизбывной любви к России и принимаешь на себя его слова как завещание:

Вам выпало призванье роковое,
Но тот, кто призвал вас, и соблюдет.
Все лучшее в России, все живое
Глядит на вас, и верит вам, и ждет.
Обманутой, обиженной России
Вы честь спасли, – и выше нет заслуг;
Днесь подвиги вам предстоят иные:
Отстойте мысль ее, спасите дух...

На новые подвиги, не боясь, надеясь на Слово Божие и молитву, подвигают нас книги, созданные и тысячу, и две сотни лет назад. Эти книги, исполненные русской истории, влияют и на будущее России. Призывая нас хранить и отстаивать русскую мысль, русский дух и православную веру, русское слово встает в ряд с прославленными русскими боевыми знаменами и в бою, и на параде, и в храме.

Андрей МАХАЛОВ

ОТЕЦ (ШТРИХИ ВОСПОМИНАНИЙ)

Мне всегда было трудно говорить на личные темы. Но задача написать об отце (Валентине Васильевиче Махалове) к его 90-летнему юбилею поставлена, и я взялся за эту работу.

Родился я в Кемерове в 1960 году, со мной, четырехмесячным, мама вернулась в Ленинград. Здесь она родилась-училась-работала, здесь жили ее родители (мои бабушка и дедушка), здесь четырьмя годами ранее появился на свет и мой брат Сергей. Жили мы все вместе в Сестрорецком районе Ленинграда.

Воспоминания об отце у меня сохранились лет, наверное, с двух. Он работал в Кузбассе журналистом и в Ленинград приезжал редко. Смутно помню, что он появился как-то зимним вечером и подарил нам с братом вездеход с дистанционным управлением, на шнуре. Но недолго тот проездил по полу, потому что нам с братом не терпелось познакомиться с его внутренним устройством... Зато подаренные отцом пластиковые рапиры и маски продержались гораздо дольше, они попадались мне на глаза и через несколько лет.

Помню, как-то летом (мне было, наверное, года три-четыре, а Сережа уже учился в школе) приехал отец, и мы всей семьей пошли на местную речушку. Отец взял с собой удочку, стал учить меня рыбачить. Выполняя все его команды, я с первого же заброса вытащил окунька – свой первый рыбацкий трофей. Из реки Сестры.

Летом 67-го мы с мамой поехали из Питера в Кемерово. На поезде. Ехали, наверное, целую неделю... Вдруг паровоз часто-часто запыхтел, выпуская пар, состав начал тормозить. Пассажиры в нашем вагоне высыпали в коридор, чтобы узнать название станции. Я тоже выскочил из купе. На одноэтажном деревянном вокзальчике была надпись: «Топки». И я побежал назад, чтобы сообщить маме благую весть.

– Мама, тапки! Тапки! Тапки! – радостно кричал я на весь вагон.

Вдруг перед нами возникла могучая фигура бородатого мужчины. По реакции мамы я понял, что это мой отец, Он решил встретить нас на предконечной от Кемерова станции.

Квартира отца, находившаяся в доме по улице 50 лет Октября, была непритязательным логовом холостяка: в комнате – диван, столик, на кухне – пара табуреток да стол, на котором лежал кусок копченой колбасы «Московская» и корочка хлеба. Ни телевизора, ни холодильника не было. Мне новая обстановка показалась интересной, но мама была просто в шоке. Она тут же откомандировала отца в магазин за продуктами. В ванной я обнаружил ползающих жуков, которых радостно объявил светлячками, поскольку тараканов доселе не встречал. А мама села на табурет и заплакала.

Отец принес продукты, мы поели, и он тут же стал наверстывать упущенное в моем воспитании, решив научить меня играть в шахматы. Расставив фигуры, снял с доски все свои, кроме короля и пешек, и вкратце объяснил правила, мы стали играть. Через пару дней я даже сумел победить, и в следующих партиях отец потихоньку стал добавлять себе фигуры. Впрочем, играя с ним потом много лет, паритета в шахматах с отцом я смог достигнуть только годам к тридцати, уже после того, как выиграл в 1987-м чемпионат поселка Новостройка, где после Ленинградского университета работал в НИИ сельского хозяйства. Отец играл сильно – на уровне первого разряда.

...Итак, со временем стали обживаться; взяли напрокат холодильник «Кузбасс». Телевизор появился позже, а до этого мы с мамой смотрели его из окна: через улицу в квартире напротив включали телевизор, и мы пытались различать изображения на далеком чужом экране.

Помню: поздняя осень, выпал первый снег... Отец поехал на охоту и привез добытого тетерева. Суп, который из этого косача получился, был изумительный, ничего вкуснее я прежде не ел! С нами обедал художник Коньков, и мама, пользуясь случаем, договорилась с ним о моем художественном воспитании. Однако уже после пары уроков в мастерской стало очевидным, что Рафаэля из меня не получится...

Следующим летом из Питера приехал мой брат с нашей бабушкой. Я посвящал Сергея в обстановку нашего двора, и делал это как бы на правах старшего, более опытного. Мама же вплотную занялась улучшением жилищных условий, и уже в

августе мы переехали в трехкомнатную полнометражную квартиру в доме на площади Пушкина.

В этой квартире всегда было много гостей. Они собирались не только каждый Новый год, но и на Старый Новый год. Да и Масленица, 23 Февраля, 8 Марта, 1 Мая, 7 Ноября редко обходились у нас без приглашенных. Как правило, праздники эти к концу вечера плавно перетекали в соревнование по поднятию гирь, которые всегда были наготове в коридоре. Причем победителем неизменно становился отец: второе место было для него неприемлемым. Он вообще в любом соревновании, будь то спорт, шахматы или преферанс, стремился к доминированию. Единственный раз, когда я видел его в подчиненном положении, был случай, когда приехал его отец Василий Алексеевич – крепкий пожилой мужчина со стальным рукопожатием и властным характером. К моему отцу он обращался коротко: «Валька!»

Слезы на глазах отца мне тоже довелось увидеть лишь однажды. Тогда он обнаружил у нашего почтового ящика вскрытый конверт с присланной ему рукописью, которую кто-то разорвал в клочья. Видимо, воры-варвары, не обнаружив в конверте денег, впали в ярость...

Хорошо помню еще и такой случай. Звонок в дверь. Я открываю – высокий милиционер в форме грозно спрашивает:

– Где тут хулиганы?

Я сильно струхнул, лихорадочно начал перебирать в уме свои, восьмилетнего пацана, недавние «косяки». Но тут вышел отец, и обстановка быстро разрядилась. Взрослые радостно поздоровались, и милиционер (Михаил Кузьмич Левашов), несмотря на возражения отца, втащил в квартиру мешок картошки.

Позже из объяснений мамы я узнал, что несколько лет назад этот милиционер пошел против своего начальства, совершившего какие-то противоправные действия. Начальство попыталось его дискредитировать и даже смогло упечь в «дурку». Услышав об этой истории, отец провел свое журналистское расследование, его острый фельетон был напечатан в газете «Кузбасс». Публикация вызвала большой резонанс, и власть «сделала правильные выводы»: поснимали с должностей начальство этого сержанта, его самого восстановили в рядах милиции, даже присвоили внеочередное звание. И – главнее – его опыт работы стали распространять среди сотрудников других областных отделений милиции. А благодарность милиционера Левашова журналисту Махалову с тех пор стала носить системный характер, и картошка с личного огорода «дяди Степы» часто бывала на нашем столе.

Как-то отец, заметив наши с братом синяки (их мы регулярно зарабатывали в школе и во дворе, руководствуясь популярным в те времена девизом: «День, прожитый без драки, – день, прожитый зря»), решил научить нас некоторым приемам боевого самбо, которым сам он владел на уровне кандидата в мастера спорта. Но для начала взял с нас слово никому не передавать эти боевые навыки и применять их только в критической ситуации. Для пущей убедительности отец рассказал, как однажды, будучи еще студентом Ленинградского университета, показал пару приемов своим соседям по общаге. Вернувшись после каникул, он узнал, что один из «посвященных» сломал другому руку, отрабатывая эти действия...

Отец показал нам, как отражать нападение противника с ножом, – и мы с братом с подростковым азартом стали отрабатывать эти приемы друг против друга. Освоенный навык я применил лишь один раз в жизни, когда мне, уже сорокалетнему, пришлось отбиваться от какого-то наркомана, размахивающего скальпелем. А на следующий день пришлось отбиваться от допроса участкового за сломанную ключицу напавшего на меня... Кажется, и брату Сергею этот прием тоже пригодился в очень сложной ситуации, когда он служил в армии по срочной.

Магазины начала 70-х годов не баловали покупателей разнообразием продуктов. Мой отец частично компенсировал этот недостаток следующим образом. В начале сентября на редакционном автобусе совместно с коллективом газеты «Кузбасс» или книжного издательства мы всей семьей ездили за грибами. Когда все рассаживались в салоне, отец спрашивал:

– Какие грибы нужны?

И после непродолжительного, но бурного спора коллектива, в зависимости от достигнутого соглашения, отец на правах самого заядлого грибника командовал шоферу, в какой отправляться маршрут. Не помню ни одного случая, когда бы мы с этой «тихой охоты» вернулись без нескольких мешков добычи.

Как-то в эти же годы отец получил большую посылку от своей матери из-под Нижнего Новгорода. Вскрыв на кухне ящик, мы обнаружили, что он доверху набит сушеными белыми грибами.

– Ты знаешь, Тома, сколько для этого мешков надо набрать, сколько березовых околков обойти,

сколько сил потратить? – обратился отец к маме, и взгляд его устремился куда-то в пространство, а мысли, наверное, унеслись далеко-далеко, на малую родину – в детство.

Зимой отец возвращался с охоты с косачами, весной ездил в Горную Шорию или летал на вертолете в Хакасию и привозил хариусов и ускучей. Часто осенью он ездил на Кию ловить нельм. А перед поездкой упорно выпрашивал у мамы бельевые веревки для переметов.

– За каждую веревку обязуюсь привезти по крупной нельме! – соблазнял он перспективами жену, не желавшую расставаться с такой нужной в хозяйстве вещью. Как-то в начале октября отец привез домой много нельмы и мешок рыжиков со снегом. Малосольная нельма... Нет ничего вкуснее! С той поры у меня развилось устойчивое пристрастие к свежепойманной малосольной рыбе.

Иногда отец брал меня с собой на стадион – на футбол или хоккей. Я был, например, свидетелем эпохальной победы футбольной команды «Кузбасс» над московским «Спартаком». В середине 70-х отец стал по совместительству внештатным собкором газеты «Советский спорт». Сразу после матчей по футболу или хоккею с мячом он по телефону диктовал стенографистке в Москву результаты и короткие репортажи. Краткая статистика без репортажа на журналистском сленге называлась «компот». И вот как-то раз отец, не дождавшись звонка из московской редакции и куда-то торопясь, поручил мне ответить на звонок и продиктовать «компот». И потом я еще несколько раз благополучно передавал сообщения в Москву. Но однажды случилось непредвиденное. Отец поручил мне передать статистику очередного матча по хоккею с мячом и ушел. Москва позвонила. Я продиктовал «компот», но стенографистка на том конце провода запросила еще и репортаж. Я опешил, потому что репортажа отец мне не оставил. Но, не желая его подставлять, бойко начал диктовать отсебятину:

– Матч начался без разведки с обоюдоострых атак. На пятнадцатой минуте Куземчик, пройдя по левому флангу, отдал пас Савельеву, вколотившему мяч в сетку ворот «Енисея»...

Раздухарившись, я бодро наболтал на полстраницы, опираясь на сухую статистику матча и наотмашь раскрашивая ее сочными эпитетами, как это делал отец. Холодок ужаса по поводу содеянного настиг меня позже... Пришел домой отец, и я все ему рассказал, хотя и убрал «краски». Отец крякнул, но ругаться не стал, по-видимому, осознавая свою долю вины. Когда вышел очередной номер «Советского спорта», я раскрывал его дрожащими руками, мысленно представляя игроков этого матча, с удивлением читающих о своих необыкновенных приключениях на поле. И с огромным облегчением увидел, что в газете напечатали только «компот», без моего репортажа в стиле Синявского. Правда, после этого случая отец редко поручал мне передать что-то в редакцию (наверняка в случае необходимости перекидывал эту работу жене), а если и поручал отправить «компот», то всегда со своим готовым репортажем.

В нашем доме и в Ленинграде, и в Кемерове всегда было много книг. Но постоянно появлялись и литературные новинки, особенно в выписываемых, популярных тогда журналах «Москва», «Новый мир», «Иностранная литература»... Да и новые книги мама продолжала покупать каждую неделю. Помню, как в начале 80-х она принесла сборник стихов Высоцкого – «Нерв».

До этого отец к стихам Высоцкого относился как-то равнодушно, видимо, ориентировался на мельком услышанные, плохие, сто раз переписанные моим братом Сергеем магнитофонные записи с концертов. Помню, услышав однажды такую затертую запись, отец сразу сделал скоропалительный уничижительный вывод: «Хрипатый».

Обычно новые книги первыми читали родители, и только потом очередь доходила до нас с братом. Но к «Нерву» отец приступать не торопился, и взял его только после того, когда мы все его уже «проглотили».

Помню, читал он сборник часа полтора без перерыва и, закончив, коротко заключил:

– Поэт!

Первый раз на настоящую рыбалку отец меня взял в 1973 году, мне было уже двенадцать лет. Мы поехали в верховья реки Тайдон. Нас было трое: мы с отцом и Вася, знакомый отца. Вася был полукровкой: полушорец, полурусский, но, главное, потомственный таежник. От него-то я и перенял со временем многие таежные навыки.

На «газике» от редакции крапивинской районной газеты нас завезли на пятнадцать километров восточнее поселка Медвежка – на речку Сайнзас.

Вода была в межени, и рыба здесь не ловилась. Поставив на берегу шалаш, взрослые стали обсуждать сложившуюся обстановку. Я же с удочкой исследовал все перекатики и умудрился поймать небольшого хариуса. Это был мой первый таежный трофей.

На следующий день взрослые решили поискать счастья выше по течению. Встав еще с первыми дроздами и оставив меня на хозяйстве, они ушли по таежной тропе через перевал – на разведку. Вернулись поздно вечером, пройдя туда и обратно километров пятьдесят. Найдя в среднем течении Сайнзаса хороший порог и наловив немного хариуса.

На следующий день они решили пойти туда с ночевкой, взяв меня с собой, хотя отец и сомневался во мне из-за моего малолетства. Я проявил настойчивость, доказывая, что обузой не буду. И убедил. На следующее утро мы отправились по проторенной тропе. Погода стояла солнечная, и мы бодро глотали расстояние. Я шел даже легче взрослых, поскольку неплохо был физически развит, уже несколько лет занимался в школьной секции баскетбола, и ноги мои были достаточно сильными. После обеда мы добрались до нужного места. Перешли вброд Сайнзас и бросили вещи в пихтаче, наметив так лагерь.

Взрослые пошли на порог рыбачить. Клев был хороший, но вскоре началась сильная гроза. Вроде бы переждали ее в пихтаче, однако гроза перешла в мелкий нудный дождь. Отец снова отправился на порог рыбачить, а Вася разложил маленький костерок прямо под пихтами. Отец вернулся весь мокрый, принес еще немного хариусов...

Стемнело. Дождь не прекращался.

Лагерь располагался между тремя близко стоящими пихтами, в середине горел махонький костерок. Разводить большой огонь было нельзя, поскольку пихтовые лапы свисали близко к земле. У нас был один спальник, и отец дал его мне, чтобы я согрелся и немного поспал. Я улегся между кореньями – в ямке возле костра... Ночью бесконечный дождь все же пробил наши пихты, и я стал ощущать, что подо мной образуется лужа. Но так и пролежал в луже до утра, стуча зубами, вырабатывая силу воли и терпение. Иногда где-то недалеко от нас в темноте раздавался хруст – то ли от лося, то ли от медведя, но мы слабо реагировали на это, поскольку вымокли до состояния маловосприимчивости.

Наконец-то дождались рассвета и под непрекращающимся мелким дождем пошли в базовый лагерь. Через взбухший Сайнзас переправлялись по грудь в воде, упираясь кольями в дно для опоры. Отец нес меня на плечах, иначе меня просто бы смыло. Васю чуть не унесло на порог, потому как он был небольшого роста, да и весил мало. Переправившись на левый берег, мы без роздыха рванули на перевал, чтобы хоть немного согреться в движении. Остановились, только вывершив перевал...

Выглянуло солнышко... Вася развел костер рядом с мелким, абсолютно мокрым пихтачом. Запал он сделал из маленьких, не длиннее пальца, рудиментных сучочков пихты, росших от ствола на уровне роста человека. На них была мокрая склизкая кора, но Вася сковырнул ее, а под ней оказалась совершенно сухая древесина чуть толще спички. Мокрая береста плюс этот запал – и через минуту мы уже грелись у костра, который раскочегарили лапником. Такой розжиг костра в промокшей насквозь тайге мне тогда показался каким-то фокусом. Мы подсушились и уже с другим настроением поспешили с перевала к основному лагерю. Вдоль тропы то и дело попадались красные огоньки бутонов лесного пиона. Может быть, именно тогда у отца и родились в душе эти строки:

Было так.
Ливень вымотал душу,
Вымыл тело до белой кости.
Нас держала тайга равнодушно,
Как букашек, в косматой горсти.
А когда мы спустились с предгорий,
Шли по травам, побитым дождем,
Окаянный цветок Марьин Корень
Полыхал греховодным огнем.

И именно тогда, наверное, я тоже стал в душе таежником... И в последующие годы, встречая этот цветок в глухой тайге, я чувствовал, как во мне возникают эти, по моему мнению, лучшие стихи отца!

г. Кемерово

Вячеслав КАБИН

БАЙКИ СИБИРСКОГО АБОРИГЕНА*

Дети Кабиной Марии Васильевны (Небогатовой)

Виктор Александрович Небогатов (13.3.1924 – 1.2005)

Жена – Рожкова Зоя Ивановна (1924)

Виктор женился на учительнице литературы средней школы Зое Рожковой. Был призван в ряды Красной Армии, участвовал во многих сражениях, дважды был тяжело ранен. Имеет боевые награды.

В 1943 году, уходя в тыл к фашистам, разведчик Виктор Небогатов оставил свои документы (как и положено) в штабе. Их увидел секретарь партийной организации полка, старший лейтенант Николай Кабин. А потом встретил разведчиков лично и обнял своего двоюродного брата. Оказывается, они почти два года воевали вместе, но ни разу не встретились.

Войну Виктор, как и его двоюродный брат Николай, закончил в Чехословакии: оба из-под Берлина на танках были переброшены в восставшую против фашистов Прагу. После демобилизации Виктор Александрович долгое время работал преподавателем физкультуры и военного дела в средней школе поселка Сад-город города Новокузнецка. 5 мая 1951 года у них с Зоей родился сын – Александр. Окончив горный факультет Сибирского металлургического института (СМИ), Александр Викторович Небогатов прошел путь от простого проходчика до директора крупного шахтопроходческого управления концерна «Южкузбассуголь», за трудовые успехи удостоен многих правительственных наград. Женился на дочери генерального директора угольного объединения Лаврика, которая работала начальником сметного отдела концерна.

Виктор Александрович перед пенсией стал директором школы. Но его начали мучить военные раны, особенно боли в позвоночнике. В январе 2005 года на 81-м году жизни он скончался в Новокузнецком госпитале ветеранов войны и труда. Похоронен в Новокузнецке.

Дети Кабиной Марфы Асинкритовны (Кирсановой)

Кирсанов Виктор

Кирсанов Александр

Поздней осенью 1941 года на площади райцентра Молчановского района Томской области собрали всех мужчин (в том числе и детей «врагов народа»), подлежащих мобилизации, погрузили на баржу и потащили вверх по Оби. Где-то под Новосибирском (на реке уже был ледостав) баржу подогнали к берегу и всех высадили. Разместили в каком-то подвале – и начали формировать Сибирский запасной полк. Лучшие места на нарах заняли «блатняки» с золотых приисков Бодайбо, Верх-Енисейска и Байкита. На нижних нарах, в притемненной глубинке сидели старообрядцы и бубнили «Отче наш». Так началась война для братьев Кирсановых.

Сформированный полк был отправлен на защиту Москвы. Здесь пути-дороги братьев разошлись.

Виктор Кирсанов прошел на войне от столицы СССР до столицы Германии. Несколько раз был ранен. После Победы долго лечился в госпиталях. Вернулся на место ссылки семьи – в Томскую область.

Александр Кирсанов с боями прошел всю Украину. Был ранен, подлечился – и снова на фронт. При взятии Берлина был тяжело ранен. В госпитале ему ампутировали левую руку и правую ногу.

Кавалер многих боевых наград вернулся в село Михайловка Молчановского района Томской области. Работал художником в колхозном клубе. Похоронен Александр Кирсанов в селе Михайловка.

Дети Кабина Валентина Александровича

Кабин Сергей Валентинович (20.9.1947)

Родился в городе Сталинске (ныне Новокузнецк). После окончания средней школы поступил в Московский физико-технический институт. Успешно отучившись в знаменитом вузе, защитил кандидатскую диссертацию. Женился на москвичке Тамаре. В 1972 году у них родился сын Константин, который потом тоже пошел по научной стезе.

Сергей Валентинович более 35 лет работал в Центральном аэрогидродинамическом институте им. Н. Е. Жуковского – в основном, по закрытой тематике. В настоящее время на пенсии, ветеран труда. Проживают в Подмосковье вместе с женой и тещей, которой скоро будет 100 лет и которая требует непрерывного ухода.

Переписка с Сергеем Валентиновичем Кабиным многое дала автору данного исследования.

* Окончание. Начало в «ОК» № 6 (2022).

Дети Кабина Сергея Валентиновича

Кабин Константин Сергеевич (29.2.1972)

После окончания школы в родной Москве поступил, как и отец, в МФТИ. Учился в аспирантуре университета в Анн-Арборе (США), где и защитил диссертацию. Сфера его научных интересов – теоретическая магнито-гидродинамика, вычислительные методы. Как подающий надежды ученый получил предложение остаться в Америке, затем переехал в Канаду.

Сейчас Константин Сергеевич – профессор в Королевском военном колледже в городе Кингстоне (провинция Онтарио). Женат на канадке, у пары двое детей: мальчик Мэтью и девочка Эрика. С родителями Константин встречается редко, но они поддерживают регулярную связь по интернету.

Дети Кабина Антона Васильевича

Кабин Анатолий Антонович (17.8.1938 – 1.7.2007)
Жена – Зоя Абакумовна (15.2.1938)

Анатолий окончил школу и Осинниковский горный техникум. Работал на шахте города Калтана, где на берегу реки Кондомы построил домик с усадьбой. 9 декабря 1958 года в его семье родился сын Александр, а 26 ноября 1967 года – дочь Татьяна.

Рядом с их домом жил и на той же шахте работал Николай Иванович Кабин, списанный из Томского артиллерийского училища из-за потери слуха. Вместе с Анатолием они несколько раз попадали под шахтовые завалы, родственники считали их погибшими, но они выживали и продолжали работать на шахте до пенсии. Вместе Кабины пережили и крупное наводнение 2006 года, когда река Кондома вышла из берегов и затопила их приусадебные хозяйства.

Дети Кабина Василия Васильевича

Кабина Антонина Васильевна (Евдокимова) (27.10.1924)

Муж – Яков Евтифеевич Евдокимов (22.10.1924)

После окончания Новосибирского педагогического института Антонина работала в школе рабочей молодежи, где и нашла себе мужа – Якова Евдокимова, из числа учеников своего класса, который днем работал на Новосибирском химкомбинате, а вечером учился в ШРМ. С началом Великой Отечественной войны он был призван служить матросом на Тихоокеанский флот. Принимал участие в освобождении Дальнего Востока (острова Сахалин и Курильских островов) от японских оккупантов. Был удостоен правительственных наград.

Кабина Людмила Васильевна (Баранова) (27.4.1928)

Муж – Баранов Дмитрий Михайлович (18.11.1923)

Людмила вышла замуж за дипломата, который работал в Министерстве иностранных дел, курировал Средний Восток. Супругам часто приходилось выезжать за границу и жить в советских посольствах в Афганистане (город Кабул) и в Иране (город Тегеран). В 1949 году у них родился сын Александр, а в 1963-м – сын Михаил.

После успешного окончания дипломатической миссии за рубежом Дмитрия Михайловича пригласили работать в отдел ЦК КПСС, занимающийся вопросами международного сотрудничества Коммунистической партии Советского Союза в сфере подготовки иностранных кадров. После его выхода на пенсию семья осталась жить в Москве. В 1999 году супругов Барановых постигло великое горе: их старший сын Александр Дмитриевич трагически погиб.

Дети Кабиной Раисы Васильевны Кущ)

Иннокентий Борисович Кущ (7.1.1922 – 15.9.1941)

Иннокентий родился в первых числах января 1922 года в селе Монастырском (ныне город Прокопьевск). С началом сталинских репрессий вместе с отцом Борисом Галактионовичем «поколесил» по Сибири: первое время попытались затеряться в отдаленных поселениях Горной Шории и Горного Алтая, а затем переехали в самый большой ближайший город – Томск. Здесь сельский паренек Кена вместе со своей безграмотной мамой Ларисой Васильевной начали учиться: она – на курсах ликбеза, а он – в средней школе № 5. В предвоенные годы Иннокентий стал серьезно изучать немецкий язык; одним из первых в школе получил значки ГТО («Готов к труду и обороне!») и «Ворошиловский стрелок». Кроме того, научился играть на гитаре.

Он был в 9-м классе (поздней осенью 1939 года), когда в школу пришли преподаватели Томского артиллерийского училища и предложили некоторым успевающим ученикам стать курсантами. Иннокентий прошел строгую медицинскую комиссию и начал учиться в ТАУ. Однако перед самой войной он серьезно нарушил Устав (подрался со старшиной роты), за что был приговорен к отбытию наказания (один год) в новосибирском дисциплинарном батальоне. Это штрафное подразделение больше походило на лагерь заключенных: колючая проволока по периметру, по углам – вышки с охраной. Днем «штрафников» выводили работать – на

строительство окружного Дома Красной Армии (Дом офицеров).

С началом Великой Отечественной войны Иннокентий написал заявление с просьбой отправить его на фронт. Просьбу удовлетворили, и в воинском эшелоне он был отправлен через Москву на северо-запад Карельского перешейка, почти на границу с Норвегией (Кандалакшское направление). На станции Алакуртти новобранцы вышли из вагонов и пешком двинулись в расположение 715-го стрелкового полка 122-й стрелковой дивизии. Здесь сибиряк стал артиллеристом...

В декабре 1941 года родители в Томске получили извещение, что их сын, рядовой красноармеец Иннокентий Борисович Кущ, 15 сентября 1941 года в результате ожесточенного боя пропал без вести на западном берегу реки Средний Верман около горы Лысая Мурманской области.

В 1985 году, изучив данные Кандлакшского горвоенкомата, младший брат Кены Анатолий Борисович выяснил: в двадцать одной братской могиле, что находятся на Кандалакшском направлении, в первый год войны было захоронено 4 957 неизвестных красноармейцев!

Анатолий Борисович Кущ (5.9.1936)
Жена – Прохорова Лидия Николаевна

Родился Анатолий в Томске. Здесь же после окончания школы успешно окончил радиотехнический факультет вуза, получив специальность радиоинженера. В родном городе он и женился. Его избранница Лидия Николаевна Прохорова с отличием окончила фармацевтический факультет Томского государственного медицинского института, а потом долгое время работала инженером химической лаборатории на томских заводах оборонной промышленности.

В начале своей трудовой деятельности Анатолий Борисович работал и лесорубом на лесоповалах, и путевым рабочим на железной дороге. Затем был приглашен в Алтайский край – работать по основной специальности радиоинженера на оборонном заводе. Позже Анатолий Кущ стал инициатором создания и первым руководителем Алтайского радиотелевизионного передающего центра (РПЦ), за свою деятельность на этом посту имеет немало правительственных наград.

В крепкой семье Анатолия и Лидии родилось две дочери: в 1958 году – Светлана, а в 1961-м – Елена. Обе потом создали свои семьи.

Светлана, окончив экономический факультет Алтайского госуниверситета, вышла замуж за Владимира Евгеньевича Александрова, работавшего начальником 1-го отдела Алтайского отделения Западно-Сибирской железной дороги. 8 апреля 1984 года она родила ему сына Антона (ставшего впоследствии ведущим специалистом управления специальной зоны «Голубая Катунь»), а 26 августа 1989 года – дочь Екатерину.

Елена Анатольевна, окончив Омскую академию инженеров железнодорожного транспорта, долгое время работала ведущим специалистом фонда «Химзащита» Алтайского края. Здесь она вышла замуж за Александра Анатольевича Давыдова, в 1987 году в семье родился сын Анатолий, окончивший потом радиофизический факультет Алтайского госуниверситета.

Анатолий Борисович Кущ – писатель, является автором многих книг: «Обманутое поколение» (издана в 2002 году), «Память» (2005), «Сибиряки» (2006), «Алтайские кудесники» (2007), «Максимальное удаление» (2008), «Сага о Кабиных» (2009). Несколько его рассказов было опубликовано в периодических изданиях Алтайского края.

Дети Кабина Владимира Васильевича

Кабин Петр Владимирович (1916 – 23.12.1966)

Окончил факультет восточных языков Владивостокского университета.

Биография его была долго засекречена. Человек просто исчез после окончания вуза. А в то время при исчезновении человека мало кто стремился его отыскать. Всеобщий страх, особенно страх за нетронутых еще родных, буквально парализовал людей... Но есть скудные семейные данные, что Петр Владимирович, владевший несколькими наречиями китайского языка, находился на нелегальной работе в Китае. Тогда советская разведка вела активную деятельность против японцев.

И вот в 1950 году Петр неожиданно объявился в Иркутске. За несколько лет работы за границей у него на сберкнижке скопилась приличная сумма денег. Об этом говорит хотя бы тот факт, что он в числе первых граждан Иркутска стал обладателем личной автомашины марки «Победа». Женился на первой красавице города – Зое. Родилась дочь.

В 1952 году Петр с семьей приехал в Томск, здесь учились его племянница и племянник: Зоя Рожкова – в политехе, Иннокентий Рожков – в артиллерийском училище. Однако счастливая семейная жизнь у Петра Владимировича продолжалась недолго, из-за постоянных капризов жены он стал спиваться. Зоя вместе с дочкой уехала в Москву и там вышла замуж за высокопоставленного военного. А Петр переехал из Сибири на Украину, в город Днепропетровск. Там встретил женщину – кандидата технических наук. Они поженились. Купили дом с садиком и с банькой. И именно там 23 декабря 1966 года бывший советский разведчик Петр Кабин нелепо погиб: не открыл вьюшку (задвижку на вытяжной трубе банной печки), в результате

чего отравился угарным газом. Похоронен в Днепропетровске.

Кабина Зинаида Владимировна (Рожкова) (1917)

Муж – Иван Рожков

Зинаида долгое время проживала в городе Томске. У них с Иваном родилось три ребенка: в 1933 году – сын Иннокентий, в 1934-м – дочь Зоя, в 1936-м – сын Валерий.

Иннокентий окончил Суворовское и Томское военное артиллерийское училища, стал профессиональным военным, службу проходил в Западной группе войск. Зоя отучилась на горном факультете Томского политехнического института и переехала в шахтерский город Караганду. Валерий тоже не задержался в Томске, перебрался в Красноярский край, где работал на заводе железобетонных изделий.

Кабина Евлампия Владимировна (1921–1981)

Окончив в Иркутске среднюю школу и ускоренные курсы машинисток, Пея пошла работать в редакцию областной газеты «Иркутская правда». Там в это же время был рабочим корреспондентом Аркадий Гайдар, герой гражданской войны, автор знаменитых книг для детей. И он, бывший самый молодой в Красной Армии командир полка, не мог не обратить своего мужского внимания на юную красивую комсомолку в красном платке... Так говорили в нашей семье на кухне. Но... Евлампия так и не вышла замуж. Поэтому и детей не оставила. Вместе с сестрой Клавдией Владимировной они вернулись в родные места, в село Бочата.

На вопрос: «Почему именно в Бочата?», Евлампия отвечала так: «Выбор, где покупать новый дом, был за Клавдией. Я за ней, как нитка за иголкой. Клавдия религиозна до фанатизма: если в Бочатах не откроют Храм Божий – откроем у себя молитвенный дом! А в Бочатах и в округе много народу верит в Бога, да и наших родственников там достаточно. Да и родились мы в тех местах – всего в 35 километрах от могил наших предков!»

Действительно, еще в 1829 или 1830 году в Бочатах было открыто отделение Кузнецкого округа Алтайской духовной миссии с центральным управлением в городе Бийске. И здесь, в Бочатах, почти сто лет (до 1920 года) велась активная проповедь христианства среди шорцев, телеутов и абинцев.

Прожила Пелагея (Пея) Владимировна всего 60 лет. Трагически погибла в дорожно-транспортном происшествии, попав под колеса автомобиля в селе Бочаты Беловского района Кемеровской области.

Дети Кабина Николая Васильевича

Николай Николаевич Кабин (19.12.1916 – 17.10.1986)

Жена – Мария Лаврентьевна Кабина (Толкунова) (8.3.1912 – 6.8.2006)

От сибирской Абушки до Днепра, Вислы и Влтавы. Такой длинный путь от маленькой речушки Кузбасса до крупнейших европейских рек прошел суровыми военными годами мой отец, представитель исчезающей малой сибирской народности «абинцы», старший лейтенант Кабин Николай Николаевич.

Сам отец мало рассказывал о своих военных годах взросления. И к тому были свои причины. Эти причины я обнаружил только тогда, когда на досуге стал серьезно заниматься историей своей фамилии и семьи.

Представьте себе сибирскую деревеньку на крутом яру реки Аба, что несет свои неспешные воды к нашей главной кузбасской реке Томь. Вот там-то и проживала со средних веков прошлого тысячелетия большая и крепкая, по тем временам «середняцкая» семья. Имела она на своем подворье лошадь, корову и кое-какой сельскохозяйственный инвентарь: борону, плуг, телегу, за что ее сразу новая советская власть причислила к «кулацкому сословию». В 30-е годы, когда пришла сталинская коллективизация, все это хозяйство (включая и хату-пятистенок) пришлось отдать «добровольно» в колхоз. А без скотины стали распадаться и многочисленные, веками устоявшие сибирские семьи.

Мой пятнадцатилетний отец, будучи старшим сыном в большой семье, так же, как и его младшие братья и сестры, ушел искать счастье в ближайший город – Прокопьевск. Здесь всегда требовались крепкие крестьянские руки: стране нужен был уголь, который в этих местах лежал буквально под ногами. Для чего строились все новые и новые шахты. Заштатное бывшее село Монастырское за годы советской власти быстро превратилось в стотысячный город.

Затерявшись на некоторое время среди трудового народа, Николай, кулацкий сын, женился на Марии, девушке из деревни Малиновка Саратовской области, которая тоже приехала в Сибирь за своим «бабьем» счастьем из голодающего центра России вместе со своими братьями и сестрами: Иваном, Дмитрием, Евдокией, Прокопием, Алексеем, Анной, Митрофаном, Василием и Валентиной. Тогда, в 1921 году, страшный голод охватил 35 губерний России. По некоторым данным, на грани голодной смерти находилось не менее 40 млн человек. Вот свидетельство социолога П. А. Сорокина, побывавшего в нескольких деревнях Саратовской

губернии в тот «продовольственный апокалипсис»: «Избы стояли покинутыми, без крыш, с пустыми глазницами окон и дверных проемов. Соломенные крыши изб давным-давно были сняты и съедены. В деревнях, конечно, не было животных – ни коров, ни лошадей, коз, собак, кошек, ни даже ворон. Всех уже съели!»

Главная причина была, на мой взгляд, в продразверстке: проводя политику «военного коммунизма», большевики изымали «излишки» сельхозпродуктов у всех, даже у голодающих крестьян, обрекая их на смерть. Выправить положение Владимиру Ленину удалось позже – только с предоставленной международной помощью и переходом к НЭПу (новая экономическая политика). Толкуновых жизнь разнесла по всей Сибири: Дмитрий с женой Елизаветой Семеновной, Евдокия и Мария остались в Прокопьевске; Митрофан выехал в соседний город Киселевск и там устроился на работу, обслуживая технику на объединении «Подземгаз»; младшая сестра Валентина, получив водительские права в курсах ОСОАВИАХИМа, уехала в Хакасию, а затем воевала на фронте шофером, проехав на автомобиле всю Европу.

Мария Лаврентьевна тогда работала скотницей в ближайшем к городу совхозе «Прокопьевский» (где директором был ее брат), ухаживала за коровами. Здесь ее на танцах и приметил Николай Кабин. В 1935 году молодожены «сошлись» – так назывался тогда гражданский брак. В приданое Мария взяла с собой лишь одну пуховую подушку. Они вместе выкопали персональную землянку, шахтерскими досками («затяжками») обшили стены, потолок и стали жить да поживать.

В начале 1936 года родился их первенец – Владимир Николаевич. Да недолго длилась семейное счастье: в октябре 1937-го Николая арестовали. Припомнили все крестьянское добро, что было у них в семье нажито несколькими поколениями за несколько сотен лет проживания в деревне Сергеевка Прокопьевского уезда Томской губернии: и мельницу, и молотилку, и лошадей и овец его деда Василия Асинкритовича Кабина. Доставили арестанта в тогдашний наш областной центр, в город Новосибирск, да быстро там и осудили к восьми с половиной годам заключения по очень «модной» в то время статье 58 УК СССР, часть 10 – как «врага народа». И осталась Мария Лаврентьевна одна в шахтерском городке с сыном на руках.

Как они жили и выживали – об этом семейная история умалчивает, но мы знаем по ее словам, что питание было такое: зимой – мороженая картошка с колхозных полей, занесенных снегом (Мария делала из нее лепешки-»драники»), а по весне и лету – грибы и ягода, да еще витаминная добавка – заячья капуста (молодило), которую собирали на ближних косогорах.

Отец отбывал срок наказания на строительстве БАМа. Оказывается, эту магистраль начали строить заключенные еще до войны. Он с первого дня стал бороться за пересмотр своего дела. Написал письма в различные инстанции, в том числе и Надежде Константиновне Крупской, вдове основателя нового государства Владимира Ильича Ленина. Та переправила просьбу заключенного в ведомство всесильного руководителя НКВД Л. П. Берия. Туда же попало и письмо трудового коллектива отдела технического контроля шахты имени Рухимовича, где отец до ареста работал инспектором по качеству угля. И вот коллектив ОТК ходатайствовал об освобождении своего молодого сотрудника и просил отдать его на поруки «для перевоспитания». И случилось невероятное: дело было пересмотрено, и в конце 1939 года Николай Николаевич уже был освобожден из-под стражи. Событие для того времени почти исключительное!

Впрочем, в декабре 1937 года в стране уже появлялись первые признаки того, что громадный чекистский котел переваривания душ «врагов народа» начал замедлять свою черную работу. Дело в том, что в НКВД в это время сменился «главный начальник», вместо посаженного в тюрьму Николая Ежова пришел новый ставленник Сталина. А на кого-то надо было «списать» тысячи советских граждан, замученных в застенках. К концу октября 1937 года на места было разослано закрытое письмо ЦК ВКП (б) «Об ошибках парторганизаций при исключении коммунистов из партии, о формально-бюрократическом отношении к апелляциям исключенных из ВКП (б) и о мерах по устранению этих недостатков». В этом письме «большой террор» в СССР был объявлен очередным партийным перегибом, а вся ответственность за его развязывание «в ежовых рукавицах» была возложена на Ежова и его подручных. Для того, чтобы подчеркнуть свою «отстраненность» от репрессий, Сталин демонстративно даже не пришел на торжественное собрание в Большом театре Союза ССР, посвященное 20-летию создания органов ЧК-ВЧК-ОГПУ-НКВД. Что символично, оно состоялось в день рождения нашего отца Кабина Николая Николаевича и деда Кабина Николая Васильевича – 19 декабря 1937 года, в день Святителя Николая - чудотворца, покровителя воинов и казаков! Правда, полную реабилитацию и официальную справку об этом от надзорных органов отец получил лишь в конце 1957 года, во время «хрущевской оттепели»...

С возвращением мужа и отца жизнь в шахтерской землянке потихоньку стала налаживаться, пошли новые дети. До войны родились еще две дочки: Аннушка и Тамара. Но вся семейная идиллия

вновь закончилась в июне 1941 года. Уже на второй день войны Николай Николаевич Кабин был призван в ряды Рабоче-Крестьянской Красной Армии. И, как человек грамотный, отправлен на обучение на курсы младшего офицерского состава в Омское пехотное училище.

21 марта 1942 года отца на три дня отпустили в Прокопьевск – на похороны матери, Ефросиньи Матвеевны Кабиной (Климышовой), что для военного времени было весьма необычно. Отцу повезло, что в это время всех курсантов училища привезли из Омска на военный полигон в Юрге для боевых стрельб.

После окончания ускоренного курса обучения младший лейтенант Кабин в составе только что сформированной 22-й Сибирской дивизии был отправлен на Воронежский фронт – командиром пулеметного взвода. Здесь шли постоянные и ожесточенные оборонительные бои, воины-сибиряки стеной стояли на дальних подступах к Москве. Согласно действующим тогда армейским правилам, пулеметчики должны были всегда находиться на передовых позициях, их стрелковые ячейки расчетов выкапывались как можно ближе к вражеским окопам. Поэтому при обстрелах им всегда больше всех доставалось от гитлеровских снайперов и артиллеристов. И вот во время очередного ночного боя одна вражеская мина попала в траншею младшего лейтенанта Кабина, откуда он руководил пулеметным огнем взвода. Погибли все его боевые друзья – чудом остался жив лишь наш отец. Контуженным, оглушенным, без сознания и с тяжелым ранением в ногу санитары доставили его в полковой лазарет. Там ему оказали первую помощь; затем, уже в тыловом армейском госпитале, серьезно занялись ногой – сохранили ее, но ампутировали несколько пальцев.

Пока воин-шахтер лечился в госпитале под Воронежем, погибла почти вся дивизия наших земляков. А молодого командира пулеметчиков отправили на излечение в глубокий тыл. Там его нашла первая боевая награда – орден Красной Звезды. И примерно в это же время на фронте пропали без вести (по данным архива Прокопьевского городского военкомата) его младшие братья: Леонид Николаевич, 1918 года рождения, и Александр Николаевич, 1921 года рождения.

После излечения уже гвардии лейтенант Н. Н. Кабин начал командовать ротой в составе 2-го Украинского фронта. В 1943-м он был избран секретарем партийной организации полка. Однажды, по долгу службы перебирая документы разведчиков, ушедших в тыл противника, Николай Николаевич обратил внимание на личные данные одного из них, Небогатова Виктора Александровича, 1924 года рождения. Он встретил разведчиков лично и… обнял своего двоюродного брата! Оказывается, почти два года они воевали вместе, но ни разу не встретились.

«За грамотное и умелое руководство личным составом роты при форсировании Днепра» отец был награжден вторым боевым орденом – Отечественной войны первой степени. Потом чередой пошли и медали, по которым можно изучать карту Европы: «За взятие Кенигсберга», «За взятие Варшавы». К концу войны, подойдя к Берлину и рассматривая его в свой бинокль, мечтал молодой сибиряк оставить и свою фамилию на стенах поверженного Рейхстага. Но не получилось!

В апреле 1945 года в Праге началось неподготовленное антигитлеровское восстание. Для спасения чешских патриотов несколько танковых подразделений Краской армии были развернуты от Берлина и с «пехотой-матушкой» на броне (в том числе и с отцовской пулеметной ротой) совершили молниеносный марш-бросок из Германии в Чехословакию. Этим наши бойцы спасли много человеческих жизней чехов и словаков и сохранили от разрушения красавицу Прагу. Эти события очень хорошо в наше время были показаны в многосерийном телевизионном фильме «Майор Вихрь». Вот там, на далекой чешской реке Влтаве, мой отец, командир пулеметной роты 204-78 гвардейской ордена Суворова «Вислинской» стрелковой дивизии, гвардии старший лейтенант Кабин Николай Николаевич и закончил свой боевой путь длиной около 10 000 километров, начавшийся от небольшой сибирской речушки Абы. За что и получил свои очередные боевые медали – «За освобождение Праги» и «За Победу над фашистской Германией».

После войны отец много времени уделял ветеранской общественной работе, часто выступал перед молодежью. Но военные раны и ГУЛАГ оставили неизгладимый след в его душе и теле. 17 октября 1986 года он скончался. Похоронен рядом со своим отцом, матерью и мачехой на Тайбинском кладбище города Прокопьевска.

P. S. В октябре 2008 года автор написал письмо-заявление прокурору Кемеровской области, генерал-лейтенанту Халезину с просьбой о выдаче ему справки как сыну репрессированного отца Кабина Н. Н. Был получил ответ. Привожу его полностью:

«Прокуратура Российской Федерации
Прокуратура Кемеровской области
ул. Красная, 24, Кемерово, Россия,650992.
№ 13-86-08 от 14.11.2008 г.
Уважаемый Вячеслав Николаевич!

Ваше обращение по вопросу получения справки о реабилитации отца – Кабина Николая Николаевича, в связи с этим реабилитации его детей прокуратурой области рассмотрено. Информирую Вас, что, согласно данным архивного уголовного дела, нахо-

дящегося на хранении в Управлении ФСБ РФ по Кемеровской области, Кабин Николай Николаевич, 1916 года рождения, уроженец д. Сергеево Киселевского района Западно-Сибирского края, до ареста проживал в г. Прокопьевске, работал инспектором по качеству угля на шахте им. Рухимовича, был арестован 06.10.1937 года Прокопьевским ГО НКВД. Состав семьи на момент ареста Кабина Н. Н.: жена – Мария Лаврентьевна, 25 лет, сын – Владимир, 1 год.

Кабин Н. Н. был обвинен в том, что «систематически вел контрреволюционную повстанческую агитацию, распространял провокационные слухи о скорой войне и гибели Советской власти, восхвалял фашистский строй в Германии» (так в деле). Осужден постановлением тройки УНКВД по Новосибирской области от 27.10.1937 г. по ст.58-10 УК РСФСР к 8 годам лишения свободы в исправительно-трудовом лагере. Постановлением 3-го отдела УКБ УНКВД по Новосибирской области, на основании решения областного суда от 03.12.1937 года, постановление тройки УНКВД по Новосибирской области от 21.10.1938 года отменено, Кабин Н.Н. освобожден 01.09.1939 года и убыл в Новосибирскую область.

Сведений о конфискации имущества Кабина Н. Н. в деле не имеется. Постановлением Президиума Кемеровского областного суда от 31.12. 1957 года Кабин Николай Николаевич (за время необоснованного нахождения под стражей с 06.10.1937 по 01.07.1939 г.) реабилитирован за отсутствием состава преступления. Другими сведениями о применении в отношении Кабина Н. Н. каких-либо мер репрессивного характера правоохранительные органы области не располагают. Официальную справку о реабилитации Кабина Николая Николаевича Вы можете запросить в Кемеровском областном суде по адресу. Вы также имеете право на ознакомление с материалами архивного уголовного дела, для этого Вам необходимо обратиться с письменным заявлением на имя начальника Управления ФСБ по Кемеровской области.

Одновременно разъясняю, что согласно ст. 1.1. Закона РФ от 18.10.1991 № 1761-1 «О реабилитации жертв политических репрессий», подвергшимися политическим репрессиям и подлежащими реабилитации признаются:

– дети, находившиеся вместе с репрессированными по политическим мотивам родителями или лицами, их заменившими, в местах лишения свободы, в ссылке, высылке, на спецпоселении;

– дети, оставшиеся в несовершеннолетнем возрасте без попечения родителей или одного из них, необоснованно репрессированных по политическим мотивам. В данной ситуации справку о реабилитации может получить только сын Кабина Н. Н. – Владимир, 1936 года рождения, т. к. остальные дети Николая Николаевича родились после его освобождения из мест заключения.

Старший помощник прокурора области».

Леонид Николаевич Кабин (19.8.1918 – 19.2.1942)

После окончания семи классов в селе Сергеево Леонид поступил в Прокопьевский горный техникум. Учился хорошо, поэтому по окончании получил распределение на работу главным инженером шахты в Красноярском крае.

Когда пришла пора служить в Красной Армии, его направили на учебу в Тюменское пехотное училище. В мае 1941 года получил звание младшего лейтенанта и в новенькой военной форме приехал к отцу Николаю Васильевичу в Прокопьевск на «Зиминку» – в кратковременный отпуск. В свою часть Леонид прибыл 22 июня 1941 года. Сначала его назначили адъютантом командира батальона 589-го стрелкового полка 216-й стрелковой дивизии. Вместе с батальоном 22-летний абинец, уже командир взвода стрелков, отступая на юг Донецкой области, оставил и город Харьков. Однако уже в начале 1942 года войска юго-западного направления вновь получили приказ о взятии Харькова! Эта была очередная ошибка Генерального штаба, допущенная на начальном этапе Великой Отечественной войны. Наши войска не были готовы к выполнению данного приказа, так как у них отсутствовали боеприпасы. Так, в донесении Юго-Западного фронта Верховному Главнокомандующему И. В. Сталину от 14 февраля говорилось: «Отсутствие снарядов не дает произвести массированный артобстрел. В результате чего системы огня врага не уничтожаются и приведут к большим потерям живой силы с нашей стороны».

В ответ был определен лимит (норма расходов снарядов): 1-2 выстрела на одно орудие в сутки. В передовых линиях не хватало мин, даже пулеметные расчеты были «на голодном пайке». Немецкая авиация постоянно бомбила расположения батальона. От взвода, которым командовал Кабин, осталось лишь несколько человек. Ранило и Леонида Николаевича. Он попал под разрыв мины. Как написал он домой в последнем письме с фронта, «лежу контуженным, в бинтах, только глаза не завязаны…».

Во «Всекузбасской книге памяти», выпущенной в 2004 году, на странице 161 указаны такие данные:

«Кабин Леонид Николаевич, 1918 года рождения, лейтенант, погиб 19.02.1942 года (архив Прокопьевского гор. военкомата, дело 13, том 1, страница 71, номер в электронном архиве 107896)».

Мне удалось выяснить, что Леонид Николаевич Кабин похоронен на Украине, в селе Черниговка Ямского района Донецкой области.

Наш папа, Николай Николаевич Кабин, назвал в честь своего младшего брата Леонида одного из своих четырех сыновей – самого младшего.

Александр Николаевич Кабин (14.2.1921 – 11.1941)

Учился в средней школе № 10 города Прокопьевска, окончил ее в 1937 году и поступил в Томский топографический техникум. Летом после второго курса Александр с группой приятелей съездил отдохнуть в город Сухуми. Договорились, что приедут сюда работать, выпустившись из техникума. Но после 3-го курса Александра Николаевича призывают в действующую армию. Служить он попадает в Борисовскую танковую школу на Украине, которая в то время уже была укомплектована современными танками Т-34, оснащенными радиостанциями. Здесь Александр Кабин освоил новую специальность – танковый стрелок-радист.

Для него война началась 27 июня 1941 года, когда фашистские самолеты бомбили дорогу Борисов–Орша (из истории мы знаем, что здесь, под Оршей, в то же время впервые была испытана в бою наша секретная ракетная установка Р-12 «Катюша»). 2 июля Борисовское танковое училище под руководством корпусного комиссара И. З. Сусайкова заняло оборону на реке Березина (тоже знакомое название, здесь дважды переходил реку Наполеон Бонапарт: сначала наступая на Россию, а потом убегая от Кутузова). Туда же была переброшена 1-я Московская мотострелковая дивизия под командованием генерал-майора Я. Г. Крейзера, и танковая школа перешла под его руководство. Именно здесь наши объединенные войска задержали на несколько дней «победоносный» поход крупнейшей 18-й танковой дивизии фашистов, состоящей из «тигров», «пантер», «фердинандов» и других современных боевых машин. В этой огненной мясорубке мало кто из советских солдат остался в живых. Фашисты в плен никого не брали. А наши бойцы дрались до последнего патрона и до последней гранаты. Похоронки писать было некому! Так, и на Александра Николаевича Кабина домой в Прокопьевск и в Сергеевку не пришло даже извещения о том, что он пропал без вести. Его следы я нашел лишь в 2004 году, когда вышел в свет 14-й том «Всекузбасской книги памяти». И там на станице 161 было напечатано следующее: «Кабин Александр Николаевич, 1921 года рождения, пропал без вести в ноябре 1941 года (архив Прокопьевского гор. военкомата, дело 13, том 1, страница 156, номер в электронном архиве 107895)».

Последние сведения о бойцах Борисовской танковой школы можно найти в книге Георгия Константиновича Жукова «Воспоминания и размышления», где он вспоминает и описывает свой день 8 октября 1941 года. А уже через месяц, в ноябре, все кончилось. Немцы пошли дальше на Москву...

Наш папа, Николай Николаевич Кабин, в честь брата Александра назвал одного из четырех своих сыновей.

Кабин Виктор Николаевич (1.05.1918 – 5.1.1994)
Жена – Валентина Ивановна (Пушкарева) (9.11.18– 13.10.2003)

Виктор Кабин в 1941 году был призван не на фронт, а в Трудовую армию (по болезни): у него была страшная экзема по всему телу, особенно на руках и ногах. В 1943-м его вообще комиссовали.

Жил в городе Киселевске, работал на шахте № 12 дежурным слесарем. Именно он изготавливал оградки для могил умерших членов нашей династии в Киселевске и Прокопьевске. Имел прекрасный сад и огород. Славился на всю округу своими агропромышленными приемами по выращиванию садовых деревьев. Яблоки у него в саду были лучше, чем в магазине: крупные и вкусные, сочные и необычайно ароматные.

Елена Николаевна Кабина (Шалгинова) (5.6.1928 – 2.2.2023)
Муж– Шалгинов Александр Николаевич (20.2.1925 – 5.6.1997)

Елена Николаевна долгое время работала на шахте «Зиминка-Капитальная 1-2» мотористкой на самом большом шахтном вентиляторе. Его огромные лопасти 5-7 метров в диаметре – день и ночь крутятся, загоняя в шахту воздух с поверхности или высасывая из шахты метан. Такие вентиляторы издают очень высокой частоты звук, силой свыше 120 децибел (примерно как реактивный самолет на взлете), который буквально рвет людям барабанные перепонки. Работая там, Елена Николаевна почти потеряла слух. Сейчас живет у младшей дочки Ирины в городе Прокопьевске на Тыргане.

Кабин Геннадий Николаевич (5.2.1925 – 8.8.2004)
Жена – Завражных Клавдия Алексеевна (6.1.1925 – 2.11.1996)
Жена – Макарова Клара Петровна

Геннадия Кабина судьба уберегла и в довоенные годы репрессий, и во время Великой Отечественной. Он женился на Клавдии Завражных. В 1944 году у пары родилась дочь Маргарита.

В Геннадии рано проснулась коммерческая жилка его деда Василия Асинкритовича, и он стал «частником-предпринимателем», освоив сложное дело ча-

сового мастера. Заказов было много, квитанции не выписывались, кассовых аппаратов еще не существовало, поэтому он жил довольно зажиточно, на широкую ногу. Сначала в его хозяйстве появился мотоцикл «ИЖ-49» желтого цвета, а затем и легковой автомобиль «Москвич-401», тоже желтый.

Еще поднакопив денег, собрав всех своих ближних родственников, Геннадий отправился в теплые края – в город Армавир. Купил красивый дом с большой усадьбой. Но это материальное благополучие не принесло чисто человеческого счастья: здесь, на юге России, он похоронил и жену Клавдию, и дочь Маргариту. Пытался создать новую семью, женившись на Макаровой Кларе Петровне, но недолго посчастливилось ему прожить в новом браке. Геннадий Николаевич Кабин умер в 2004 году. Похоронен на кладбище города Армавира.

Кабина (Коротких) Руфина Николаевна (11.5.1927– 26.11.2009)

Муж – Коротких Павел Михайлович (12.7.1926 – 7.5.1984)

Окончив Прокопьевский горный техникум, Руфина Николаевна всю жизнь проработала на шахте «Зиминка». Там же встретила своего мужа Павла Михайловича Коротких, работавшего старшим макшейдером. Построили большой дом с огородиком на Парниковке (есть такой поселок в Рудничном районе города Прокопьевска).

Руфина родила двух сыновей. Старший из них, Сергей Павлович Коротких, некоторое время работал вторым секретарем Прокопьевского горкома ВЛКСМ. Женился, в семье родилась дочь. Однако по какой-то причине Сергей развелся с женой и, оставив квартиру, переехал жить к маме. А затем серьезно заболел и умер. Похоронен в Прокопьевске.

Младший сын, Виктор Павлович, окончив Кемеровский технологический институт пищевой промышленности, получил распределение в Иркутскую область, затем переехал в город Новокузнецк, где и работал долгие годы в общественном питании Кузнецкого металлургического комбината.

Кабина (Вакурова) Нина Николаевна (8.7.1934)

Муж – Вакуров Александр Николаевич (? – 25.09.1963)

Муж – Дубейко Анатолий Иванович (данных нет)

Нина родилась в Прокопьевске самым младшим ребенком в семье Николая Васильевича Кабина. В начале 1955 года вышла замуж за Александра Николаевича Вакурова. И уже 16 декабря 1955 года у них родились мальчишки, братья-близнецы Юрий и Валерий. Их молодой отец стал жертвой судебной ошибки, отбыл немалый срок, а после освобождения вынужден был сменить место жительства и переехать с семьей в город Дивногорск Красноярского края. Однако пребывание в неволе все-таки подкосило сильного и здорового сибиряка. 25 сентября 1963 года он умер.

Нина Николаевна, взяв сыновей, переехала жить в Краснодарский край, в город Армавир – ближе к своему брату Геннадию Кабину. И там после смерти его жены несколько лет ухаживала за больным Геннадием Николаевичем. Похоронила его и осталась жить на юге. Затем вторично вышла замуж – за Дубейко Анатолия Ивановича.

Дети Кабина Николая Николаевича

Кабин Владимир Николаевич (28.1.1936 – 19.2.2004)

Жена – Беганская Брунгильда Захаровна (20.1.1936-30.10.2019)

Владимир – старший сын Николая Николаевича и Марии Лаврентьевны Кабиных. С мамой и младшей сестренкой Аней перенес немало испытаний, связанных с арестом отца в 1937 году. Смог успешно окончить 10 классов школы № 9 города Прокопьевска, что находилась в поселке «Березовая роща» – в десятке километров от поселка шахты «Зиминка» (ближайшая школа № 24 была тогда восьмилеткой). С первого захода, без всякого «блата» поступил на механический факультет Сибирского металлургического института в Новокузнецке.

После окончания СМИ Владимира распределили старшим научным сотрудником в Кузнецкий научно-исследовательский институт угольной промышленности (КУЗНИУИ), находившийся в городе Прокопьевске. Здесь он встретил свою одноклассницу Брунгильду Беганскую, которая к этому времени окончила Ленинградский торговый институт и работала на базе УРСа (управление рабочего снабжения) комбината «Прокопьевскуголь». Они поженились. Пошли дети: сын Алексей и дочь Татьяна. Стало не хватать денег на содержание семьи, и Владимиру пришлось расстаться с научной деятельностью. Пошел на производство, на шахту № 5-6 имени Ворошилова. Сначала сменным инженером, затем заместителем главного инженера. Коммунисты избрали его освобожденным секретарем парткома шахты. В свободное время Владимир любил ездить на охоту, рыбалку и выращивать овощи на дачном участке. Даже выйдя на пенсию, не мог обойтись без работы, устроился в котельную соседнего дома. Здесь и скончался скоропостижно после похода к врачу.

Кабина Анна Николаевна (1.06.1938 – 13.9.2010)

Аннушка так же, как и ее старший брат Владимир, окончив среднюю школу, рано вылетела из родного гнезда в Прокопьевске. Поехала получать высшее об-

разование туда, где вел свои торговые дела наш предок Асинкрит Ильич Кабин, в город Новокузнецк. Проступила в педагогический институт на факультет дошкольного воспитания (видимо, по протекции двоюродного брата своего отца – Кабина Валентина Александровича, который был авторитетным ученым, заведующим кафедрой литературы данного вуза). Окончив институт, Аннушка вышла замуж, родила дочь Аленушку и стала директором крупного новокузнецкого детского сада. Рассорившись с первым мужем, быстро оформила развод. Но незамужней была недолго. Ей сделал предложение новый избранник. Она вышла замуж за него, и с наступлением в России капиталистических отношений они уехали в город Ангарск Иркутской области. Затем в поселке Кутулик недалеко от Байкала Аннушка с мужем стали вить свое новое сельское семейное гнездо: родили сына Вадима, взяли льготный фермерский кредит и приобрели несколько гектаров земли, два трактора, несколько автомобилей, построили пасеку и омшаник, начали выращивать овощи: капусту, свеклу, морковь и прочую зелень. Развели свиней, коров, овец. А потом, по договору, стали оптом сдавать всю эту сельхозпродукцию армейским частям. Но не выдержало большой физической нагрузки сердце сначала мужа, а затем и самой Анны Николаевны. В сентябре 2010 года ее не стало. Похоронена в поселке Кутулик.

Дети Алена Ивановна и Вадим Александрович не смогли справиться с большим фермерским хозяйством и распродали его по частям.

Кабина Тамара Николаевна (Корчуганова) (1.9.1940)

Муж – Корчуганов Валентин Александрович

Тамара родилась в городе Прокопьевске перед самой войной. Отец Николай Николаевич только недавно вернулся из Забайкальского ГУЛАГа и почти сразу был призван в Красную Армию. Поэтому отцовскую ласку она ощутила только после окончания войны, когда уже пошла в школу.

Тяжелая жизнь дочери «врага народа» укрепила ее характер. С детства Тома была боевой девчонкой, не давала спуску хулиганам и бездельникам. Ее задор заметили и «взяли на вооружение» в комсомольской организации шахты «Зиминка», куда она после школы устроилась на работу в отдел связи. Тут особенно проявилась ее общественная активность: организовать субботник, зажечь личным примером на танцах в клубе или вывести всю молодежь шахты на посадку деревьев в Комсомольский (сейчас – Тырганский) парк – все это она делала быстро, легко и с огоньком. Хотелось Тамаре и получить высшее образование, да тут ей сделал предложение руки и сердца прекрасный парень с соседней улицы – Валентин Корчуганов. Получив «добро» от родителей, она дала жениху согласие и после свадьбы «выпорхнула» из отчего дома – на север Новосибирской области, в рабочий поселок Сузун. Там и родила мужу первую дочь – Марину.

Затем молодожены поехали жить дальше на север – в Каркатеево Тюменской области. Здесь родилась вторая дочь – Людмила. Туда же приехал (после службы в пограничных войсках КГБ СССР) и самый младший ее брат – Леонид Кабин. Он, правда, вскоре перебрался еще севернее, в тундру Ханты-Мансийского автономного округа – в город Нефтеюганск.

Сейчас Тамара Николаевна живет в Тюмени, помогает своим дочкам ухаживать за садовым участком, на котором девчонки построили свою «малую родину» – большой и красивый двухэтажный дом.

Александр Николаевич Кабин (5.2.1947–2.10.2016)

Жена – Ермолова Нина Дмитриевна (2.08.1947)

Александр отличался крепким здоровьем, занимался спортом (борьбой самбо), любил читать книги, участвовал в художественной самодеятельности средней школы № 24. В 1966 году был призван в ряды Советской Армии, служить попал в ракетные войска стратегического назначения – радистом-шифровальщиком. По окончании трехгодичной службы пытался поступить в Кемеровский медицинский институт, но не прошел по конкурсу. Зато там познакомился со своей будущей женой Ниной Ермоловой, которая приехала поступать в институт из поселка Красный Брод, что недалеко от села Сергеево – нашего «родового гнезда».

Неудача в Кемерове не отбила у Александра тяги к получению знаний. Он поступил в Новокузнецкий строительный техникум. После его окончания стал работать прорабом в Новокузнецке, затем строительным мастером в Прокопьевске. Женился, получил квартиру на Тыргане. Здесь в январе 1970 года появился на свет его сын Олег, а в июне 1974 года – дочь Оксана. Перед выходом на пенсию Александр Кабин устроился работать подземным слесарем на шахту имени Ворошилова, где сменным инженером работал его старший брат Владимир.

В последние годы жизни Александр любил рыбачить на прокопьевской речке Кара-Чумыш, вместе с Владимиром ездить на рыбалку в Тюменскую область к сестре Тамаре или к младшему брату Леониду в ХМАО. Любил ходить в ближайшую тайгу, собирать грибы и травы. А потом всегда угощал дарами природы своих гостей.

Однажды поздним вечером на него напали несколько хулиганствующих подростков. Несмотря на свою большую физическую силу, Александр не смог им противостоять. Был изуродован бандитами. Похо-

ронен рядом со старшим братом Владимиром на кладбище поселка Высокий города Прокопьевска.

Вячеслав Николаевич Кабин (3.3.1950)
Жена – Винчина Людмила Николаевна

Вячеслав Николаевич Кабин родился в многодетной рабочей шахтерской семье на окраине города Прокопьевска. Прошел трудовой путь от простого оператора технического комплекса орденоносной шахты «Зиминка» (грузчика) до председателя Кемеровской областной организации Российского профсоюза работников культуры, которую возглавлял с перерывом больше полутора десятков лет.

Обучался в Кемеровском государственном институте культуры и в Москве на Высших театральных курсах Министерства культуры РСФСР при Государственном институте театрального искусства (ГИТИС). Получил специальности «театральный режиссер» и «директор театра, филармонии».

Работал в отрасли культуры Кемеровской области свыше 20 лет. За это время проявил себя хорошим организатором профсоюзного движения, высококвалифицированным специалистом культурно-просветительной работы: сценаристом, режиссером массовых представлений и документальных фильмов. С его приходом заметно активизировалась работа первичных профсоюзных организаций работников культуры и искусства Кузбасса по защите социально-экономических интересов членов профсоюза. Появились новые горкомы профсоюза в Юрге, Междуреченске, Полысаево, Красном Броде. Благодаря методической и практической помощи Кабина в 153 учреждениях культуры и искусства Кузбасса были заключены новые коллективные договоры, улучшающие социальную защиту работников культуры и искусства.

В. Н. Кабин был активным проводником всего нового, что появлялось в практике профсоюзной деятельности. Участвовал в разработке областных программ по переводу работников культуры и искусства на отраслевую систему оплаты труда и автономный режим работы областных учреждений культуры и искусства. В октябре 2006 года опыт работы Кемеровской областной профсоюзной организации был одобрен президиумом Российского профсоюза работников культуры. С 2007 года Кемеровская областная организация под руководством В. Н. Кабина вошла в пятерку лучших территориальных организаций Российского профсоюза работников культуры.

Занимаясь профсоюзной работой, Вячеслав Николаевич продолжал общественную и творческую деятельность в качестве члена Пленума Центрального Комитета Российского профсоюза работников культуры, члена Коллегии департамента культуры и национальной политики Кемеровской области и Совета общественности Кузбасса. Активно работал в составе рабочей группы по работе с казачеством при губернаторе Кемеровской области. По его инициативе с 2003 года в Кузбассе ежегодно стали проводиться областные и межрегиональные фестивали казачьей культуры, а с 2007 года – межрегиональные фестивали-конкурсы документальных фильмов и мультимедийного искусства на приз «Золотая кедровая ветвь Сибири». Является автором сценариев и режиссером четырех видеофильмов: «Профсоюз – защитник народа» (2006 г.), «Кузбасс казачий» (2007 г.), «Любо фестиваль!» (2008 г.), «Тюльберский Городок» (2009 г.). Член Союза журналистов РФ с 2005 года.

Еще с середины 80-х годов полемические статьи Кабина стали публиковаться в общесоюзной газете «Советская культура», в литературном альманахе «Огни Кузбасса», в областных газетах «Кузбасс», «Комсомолец Кузбасса» и «Земляки». В период смены формаций и распада СССР В. Н. Кабин совместно с членом Союза писателей России В. А. Коньковым организовали первую в Кузбассе благотворительную рекламно-издательскую фирму «Сибирский родник», а также наладили выпуск областной еженедельной газеты «Родник», которые позволили в трудное для творческой интеллигенции время издавать произведения кузбасских писателей и оказывать им серьезную материальную помощь.

В 2011 году В. Н. Кабиным был издан двухтомник «Фамильные и казачьи байки», в котором исследована история возникновения его семьи, а также изложена версия истории освоения Сибири и Кузнецкого края российскими казаками – от первых ватаг Ермака до современного состояния казачьего движения. С данными материалами В. Н. Кабин неоднократно участвовал в научных конференциях, проводимых Кемеровским и Тюменским государственными университетами.

В 2020 г. и 2023 г. вышли в свет его двухтомники «Байки пилигрима», «Байки сибирского аборигена», где В. Н. Кабин обобщил свое участие в общественно-политической и научно-просветительной работе Кузбасса за 50 последних лет. По его инициативе более пятисот работников культуры области награждены профсоюзными наградами, свыше двухсот получили звание «Ветеран труда».

Вячеслав Николаевич пользуется заслуженным авторитетом среди работников культуры и искусства Кемеровской области. За свою работу отмечен многими грамотами, медалями и памятными знаками. В. Н. Кабин – бессменный председатель жюри межрегионального конкурса литераторов и поэтов «Кузбасский зимородок» в городе Новокузнецке (2014–2018 г., 2021 г., 2023 г.). С 2012 года – член-корреспондент Петровской академии наук и искусств (г. Санкт-Петербург). Ветеран труда. Женат. Имеет двух детей.

Артур АХМЕТШИН

БОЛЕТЬ НЕ СТРАШНО

Рассказ

Правое ухо Саши все еще горело: Миша попал по нему, когда наступал и размахивал руками.

Саша вспоминал драку с неохотой. Их с Мишей не остановил даже звонок на урок. Одноклассники их не разнимали, лишь встали вокруг, подначивая и Сашу, и Мишу. Если те останавливались, кто-то из толпы кричал: «Ну, чего встали, как бабы? Махаться будете?»

Саша дрался впервые. Ему было жалко бить Мишу, несмотря на то, что это была самооборона, которой учил его папа. Саша не хотел всего этого, да и руки болели после каждого удара. Наконец, пришла учительница, чтобы их разнять. Миша бросил на прощание: «Еще встретимся, сосунок».

Но уроки закончились, Миша не явился, и Саша отправился домой. Морозный воздух обезболил лицо, но ненамного. Саша не понимал, почему Миша его донимает.

Он неожиданно прицепился к Саше еще в сентябре. Позже к Мише присоединился Влад, Сашин одноклассник. Каждый день они заваливались в класс, скидывали Сашины учебники, иногда плевали в его сторону. Но всегда можно было сделать вид, что ты не замечаешь обидчиков, и они отставали. А вот драка оказалась чем-то новым, еще более неприятным опытом. После этого Саша не хотел возвращаться в школу ни завтра, ни послезавтра, ни на следующей неделе.

Февральский ветер пронизывал так, что Сашу затрясло. Или это был озноб? Саша не удивился бы тому, что у него поднялась температура. После драки он «на автопилоте» сел недалеко от окна и не заметил, что оно было открыто. На следующем уроке в носу у него засвербило. Несколько раз Саша чихнул, после чего виновато осмотрелся и достал платок. Выглаженная и аккуратно сложенная ткань еще пахла стиральным порошком, заботой и домом.

Саша уже увидел свой подъезд и неожиданно снова чихнул, хватанув перед этим морозного воздуха. В горле тут же запершило. Глаза заслезились. Точно, заболел. Саша улыбнулся от этой мысли. Если он разболеется, то не пойдет в школу. И вообще никуда не пойдет.

До подъезда осталось несколько метров. Саша посмотрел наверх и увидел обгоревшую оконную раму соседей, живших этажом выше. Квартира выгорела дотла всего несколько дней назад, но это черное пятно на доме уже стало чем-то привычным. Сашу только сильно смущал запах гари в подъезде. Говорят, в той квартире сгорела целая семья после очередной ссоры. Сначала через стены было слышно ругань, как обычно, а потом чье-то падение. Тетя Зина, соседка снизу, даже различила звуки ударов об пол. Она и вызвала полицию. Через некоторое время из окон квартиры полыхнуло огнем, поэтому вызвали еще и пожарных. Когда все закончилось, соседи узнали, что кто-то облил стены квартиры бензином и поджег.

Эта история за несколько дней превратилась в байку, страшилку, которой пугали друг друга дети. Саша был к ней равнодушен, ведь всякое бывает. Да и не факт, что все было именно так, верно?

Если подумать, то все ругаются. Родители Саши – точно. И довольно часто. Как-то раз Серый,

---

АХМЕТШИН Артур Расимович *родился 11 ноября 1994 года в Кемерове***.** *Работает на радио «Кузбасс FM» ведущим вечернего прямого эфира и автором программ. Публиковался в журнале «Сибирские огни». Автор сборника стихов «Выключи свет». Живет в Кемерове.*

друг Саши со двора, рассказал, что его родители живут мирно и никогда не ссорятся. Он даже видел, как они целовались. Саша скривился от этой истории. Мало того, что это противно, когда взрослые целуются, так еще и Серый ему врал. Ну, как могут родители не ругаться? Быть такого не может. А целоваться? Фу, какая мерзость.

Пока Саша ковылял по лестнице, запаха гари он не почувствовал. «Неужели выветрилось?» – подумал Саша и зашел домой.

Родители были на работе, поэтому до вечера дома было тихо и спокойно. Двери можно оставлять открытыми, никто не потревожит. Саша зашел в свою комнату. На стенах висели разные грамоты и дипломы. На последней награде, которую он получил месяц назад за олимпиаду по русскому языку, было написано: «Дипломом II степени награждается ученик 4 «А» класса Александр Морин». Диплом висел прямо у него над столом. Саша очень им гордился. Только отец постоянно повторял: «А что не первое место? Совсем чуть-чуть же не хватило...» И порой Саше действительно начинало казаться, что еще чуть больше усилий – и он стал бы лучшим! А тут так... Всего-то второе место. Вообще, второе место только для неудачников.

Саша снова чихнул несколько раз. Его немного затрясло, но тут же отпустило. Он не был голоден, ему просто хотелось согреться. А что если включить в зале телевизор, поставить у дивана табурет из кухни, на котором он поест горячий суп, а затем укутаться в одеяло? Так делали в фильмах, когда хотели согреть кого-нибудь. Правда, там суп всегда был на курином бульоне, а мама сварила на свином. Да и суп был гороховый, а не просто какой-то с лапшой. Ничего страшного, мамин гороховый суп он всегда любил больше, чем другие.

Саша увидел на своем столе шоколадку с орехами и вспомнил, что вчера родители снова поругались. Было поздно – одиннадцать вечера. Мама уже почти доготовила суп, и домой пришел папа. Когда он приходил так поздно, всегда приносил Саше какую-нибудь вкусность. А еще от него почему-то приятно и незнакомо пахло, как будто духами.

Ругань родителей продолжалась до поздней ночи. Саше пришлось закрыть дверь в комнату, чтобы ничего не слышать. Но это не помогло. Саша уснул, когда родители устали и разбрелись по квартире: мама – в спальню, а папа – в зал.

Шоколадка так и пролежала всю ночь и утро нетронутая.

«Съем после супа», – подумал Саша, глядя на нее, и отправился на кухню. Эту часть квартиры мама содержала в идеальной чистоте: плита блестела, на столах не было ни единой крошки, все поварешки и ножи висели на своих местах. Только микроволновка у них сломалась, поэтому пришлось греть суп в железной тарелке на плите. Саша включил телевизор, поставил табурет перед диваном, достал одеяло и нашел канал, по которому в два часа дня всегда начинались мультфильмы. До двух оставалось всего несколько минут, поэтому он надеялся, что попадет на «Бэтмена». Осталось принести обед. Саша взял две прихватки и понес суп прямо в железной тарелке.

Когда он проходил по коридору, в носу засвербило так, будто в ноздрю засунули крохотное перо и начали быстро-быстро водить им туда-сюда, как в какой-нибудь серии «Тома и Джерри». «Главное – не уронить суп...» – повторял он себе мысленно, готовясь к худшему. И уже набрал в грудь воздуха, ощущая, как чих подбирается все ближе. А потом остановился и зажмурился.

– Апчхи!

Жидкость не выплеснулась из тарелки, суп не пролился на пол. Саша облегченно вздохнул и ускорил шаг: лишь бы не чихнуть еще несколько раз подряд, как бывает. Если он прольет суп и не сможет начисто оттереть пол, мама будет в бешенстве.

Наконец Саша уселся и закутался в одеяло. Зачерпнул ложкой немного супа и поднес ко рту. И не уловил никакого запаха. Родители говорили, что такое бывает, когда человек болеет коронавирусом. Но чтобы определить его, нужно сделать тест.

После первой ложки Саше показалось, что суп ужасно невкусный. Он не мог в это поверить. Вчера он ел суп, и все было хорошо. Вечером мама убрала кастрюлю в холодильник, поэтому он точно не скис. Саша попробовал еще немного супа, но вкус оказался даже отвратительнее. Ему захотелось плакать. Может, хотя бы воды сходить попить?

Саша пришел на кухню, налил стакан воды и сделал глоток. У него резко заболело горло. Вода казалась такой жесткой, словно кто-то наждачной бумагой проводит прямо по гортани. Саша медленно вернулся в зал, забрался на диван с ногами, вновь укутался в одеяло и уставился в экран телевизора. Шла новая серия «Бэтмена». Хоть в этом ему повезло. Суп он так и оставил на табуретке – вдруг потом сможет поесть.

Разболелась голова, и он лег. Происходящее в телеке стало терять всякий смысл. Картинка расплывалась, а диалоги в мультфильме распадались на составные части, как дом из кубиков, если ударить по нему рукой. Саша залез под одеяло и уснул.

Один образ сменял другой, пока Саша не понял, что бежит. Он не знал - от кого, не знал - куда. Он просто бежал и понимал, что это – вопрос жизни и смерти. Но ноги были ватными, и он уже слышал смех преследователей. Нехороший смех. Они свистели, будто загоняли на охоте лису. Может, у них есть собаки? Саша хотел повернуть голову и посмотреть через плечо, но не решился. Было страшно.

Он увидел свою школу. Та стояла величественной громадой в окружении полуразрушенных зданий. Сначала Саша ее не узнал. Стены стали серее, где-то даже появилась зелень, будто школа была заброшена десятки лет.

Саша выбил ногой дверь. Она слетела с петель и упала на пол, как в фильмах, в которых полицейские пробираются в дом, где засел преступник. Саша побежал по широкому школьному коридору. Его шаги эхом разносились по безлюдному зданию, смешиваясь с топотом улюлюкающих преследователей. Он узнал их голоса. Это были Миша и Влад.

Добравшись до конца огромного коридора, Саша повернул налево и побежал в сторону лестницы. Ему показалось, что он услышал через стены голоса родителей. Они снова ругались. Но у Саши не было времени вслушиваться в их слова.

На втором этаже до него донесся угрожающий топот мальчишек. Он спустился на первый этаж и спрятался за дверью лестничной площадки. Сердце отчаянно стучало, и Саша старался дышать как можно тише. Он услышал быстрые шаги: Миша и Влад спускались. Они молча прошли мимо двери, за которой притаился Саша, и резко рванули по главному холлу.

– Постой, Влад! – закричал Миша. – Влад!

– Чего тебе? – отозвался хриплый голос его друга.

– Влад, я знаю, где он.

Саша стал дышать чаще, стараясь при этом не шуметь. Но ему не удавалось. Он запаниковал, мысли замельтешили в голове, как пчелиный рой. Саша слышал приближающиеся шаги. Внезапно он различил еще более устрашающий звук: кто-то взводил курок. У них было оружие! Саша похолодел. Ему показалось, будто кто-то невидимой холодной рукой трогает его внутренние органы.

Шаги остановились.

— Вот ты где!

Они резко распахнули дверь. Пистолет был в руке у Миши. Он направил дуло в Сашино лицо, и раздался выстрел.

Саша понимал, что уже умер, но глаза его были открыты. Он медленно скатился по стене. Голова его немного повернулась, поэтому Мишу и Влада он видел боковым зрением, которое медленно угасало. Как угасал и его слух, и осязание. Как угасал он сам.

Он открыл глаза и увидел маму. Неужели он спал так долго, что она уже пришла с работы? Саша не верил, что все происшедшее с ним только что было лишь сном. Все казалось настолько реальным! Он был рад, что проснулся. Хотя горло по-прежнему першило, а нос все так же был заложен. И еще сильно болела голова. Саша представлял себе, будто его черепная коробка – это грецкий орех, и кто-то большой пытается его расколоть. По телу периодически прокатывались волны озноба.

Мама положила свою сухую холодную руку на Сашин лоб и раздраженно покачала головой:

– Точно температура есть. Опять заболел? Да ты как умудряешься-то? Отец твой придет, надо будет отправлять его в аптеку! Не дай Бог еще ковид подцепил.

– Мама, я не специально, – прокряхтел Саша.

Она лишь с укоризной взглянула на него. Затем ее взгляд упал на тарелку супа.

– А суп почему не доел?

– Я не смог, он какой-то… – Саша осекся.

– Какой? – с вызовом спросила мама.

– Невкусный…

– В смысле – «невкусный»? Отец твой ел вчера, и ничего. Да ты сам ел!

– Да, но сейчас я не могу.

Мама тяжело вздохнула и пошла на кухню, чтобы разобрать пакеты с едой. Она вернулась и протянула Саше ртутный градусник. Электронный у них тоже лежал в аптечке, но ртутному мама доверяла больше.

– Мерь, – приказала она.

Мама уже встряхнула градусник, поэтому Саше оставалось только сунуть его подмышку и сидеть смирно ближайшие пять минут. Он и сидел, пока мама была в ванной. По телевизору уже начался «Король Шаманов». Саша пропустил до этого несколько серий, поэтому понять, что происходит в мультфильме, было невозможно. Мама вернулась.

– Ну? Сколько?

Саша посмотрел на градусник.

– Тридцать восемь и шесть.

– Парацетамол надо пить, значит… Сейчас вызову врача, а потом дам тебе таблетку, – мама взяла в руки телефон и набрала номер врача. Но тут же отвлеклась и вновь посмотрела на сына: – И выключи уже телевизор, тебе надо отдохнуть.

Саша послушался. Он, конечно, не понимал, о чем была серия «Короля Шаманов», но это хотя бы отвлекало его от болезни. Теперь приходилось довольствоваться собственными мыслями. Что купит папа, когда придет? Может, какое-нибудь печенье? Да, Саше очень хотелось печенья. Но что если оно тоже окажется невкусным, как и суп? Саша беспокойно поерзал под одеялом, и по его телу вновь прокатилась волна озноба.

В замке заворочался ключ, после чего со скрипом открылась дверь. Саша услышал, как папа вошел и начал бодро говорить прямо с порога:

– Привет! А что грустные такие?

– Привет, Рома. Хорошо, хоть сегодня сразу домой пришел, а не…

– Перестань хоть сегодня, ради Бога.

Мама остановилась на полуслове, а затем продолжила:

– Саша опять заболел. Сходи в аптеку, надо купить...

Мама перечисляла ему препараты, которые папа должен найти, проскальзывали какие-то знакомые названия. Саша подумал, что никогда не запомнит все эти сложные слова. Неужели, когда он станет взрослым, у него получится так же легко и непринужденно их все перечислять? Ему всегда было интересно, как лекарства работают. Выпиваешь таблетку, и температура приходит в норму. Для Саши это было настоящим чудом, но он подозревал, что здесь есть какая-то хитрость. Что-то такое, о чем он просто не догадывался. Как в передаче по телевизору, в которой ведущий напряженным голосом рассказывает о странных и загадочных явлениях природы. На прошлой неделе в одном выпуске даже показали фотографию настоящего призрака. Тогда Саша сильно испугался.

А сейчас его снова сморило. Но на этот раз ему ничего не снилось. Казалось, будто он просто моргнул – и прошло уже сорок минут, если верить часам. Саша проснулся из-за осуждающего маминого голоса. Папа вернулся из аптеки и купил что-то не той фирмы.

– Мне сказали, что это то же самое, – пробухтел он в ответ маме.

Неожиданно для себя Саша начал кашлять, и очень сильно. Мама направилась на кухню, а папа подошел к Саше, положил руку ему на голову и спросил:

– Ну что, родной? Как чувствуешь себя? – его голос был таким же шершавым, как руки после работы.

– Нормально, пап.

Он кивнул Саше, слабо улыбнулся и сказал:

– Сейчас мама морс сделает, полегче станет.

Папа медленно пошел на кухню к маме. Он устал после работы и очень хотел есть. Саша знал это. А еще он слышал через стенку, что родители о чем-то говорили, но не на повышенных тонах, как обычно, а спокойней, поэтому Саша не знал, о чем шла речь. Он лишь различал некоторые слова, но во что-то связное они не складывались. Может, прав был Серый, и родители могут всегда вот так мирно разговаривать?

Несколько дней назад за этой же стенкой папа с мамой кричали друг на друга. Казалось, что от их голосов на окнах тряслись стекла.

– Да кобелина ты, Рома! Нам ребенка кормить надо! О нем думаешь вообще? – кричала мама.

– А ты о нем думаешь?! Орешь тут, как ненормальная!

– Да если б не Саша...

И так весь вечер.

Саша тогда почувствовал себя виноватым, но не знал, почему. В тот момент он собирал пазл и так им увлекся, что вскоре забыл обо всем. Крики перестали до него доноситься. Он как будто отключился от них, хоть и знал, что родители еще не закончили. Собрать пазл. Тогда просто нужно было собрать пазл. Соберешь и не заметишь, как все прекратится. Так ведь всегда было.

А теперь он лежал. Все было спокойно. Пока Саша думал об этом, в носу снова засвербело. Он взял платок и высморкался. Ноздри уже немного пощипывало, значит, скоро на них появятся коросты, которые потом будет больно отдирать. Но пока даже они не смущали его. А першение в горле, из-за которого он в эту ночь, скорее всего, не уснет? Это тоже можно перетерпеть.

Один раз у Саши так болела голова, будто на глаза ему давили невидимые гирьки. Мама тогда сказала, что это грипп, и Саша пролежал дома две недели. Это было великолепное время! Без ссор, без школы. А как прекрасно было, когда Саша сломал ногу! Ему даже ходить не надо было. Папа просто перетаскивал его с места на место. И это счастье длилось месяц. Потом, правда, гипс сняли, и Саше приходилось первое время хромать, как пирату с деревянной ногой.

Саша выглянул в окно. На улице началась метель. Ветер закручивал снежинки – они врезались в прохожих, из-за чего люди щурились и поднимали воротники курток выше. На подоконнике с внешней стороны образовался маленький сугроб. В нем застрял окурок, который бросил когда-то сосед сверху. Этот окурок напомнил Саше о сгоревшей соседской квартире. Его снова пронзил озноб. Он обнял себя за плечи и вновь залез под одеяло, чтобы согреться.

– Держи, сынок, – сказала мама, протягивая кружку с теплым морсом.

– Спасибо, мам.

– Пей давай, – сказал папа. – Тебе пить больше надо сейчас.

Саша сделал несколько глотков. Морс был такой вкусный! Папа потрепал Сашу по голове, а мама поцеловала в горячий лоб. Саша улыбнулся. Он понимал, что это только на время. Зато хоть какое-то время родители не будут ссориться, и про школу можно забыть.

Если что, всегда можно встать под сквозняк или промокнуть до нитки. Тогда Саша снова окажется кому-то нужен. Не искусственно, а взаправду.

Но всегда случалось страшное. Саша выздоравливал.

Анжела БЕЦКО

КОРОВУ ЛЮБИЛА ТРАВА

ПРО ЛЮБОВЬ

Корова
Жевала траву.
Траву
Обожала Корова!
Трава
Проживала во рву,
Была молода
И здорова.
Корову любила
Трава –
Терпела
Рога и копыта.
Но чтобы
Корову
Жевать?..

Любовь –
Только то,
Как воспитан.

СМЕШНЫЕ ЧЕЛОВЕЧКИ

Четыре ангела
С утра
Рыбачили
До ночки,
Четыре
Маленьких ведра
Стояли
На песочке.
И в небе
О потухшем дне
Зажгли
Четыре свечки...

А рыбы
Думали на дне:
«Смешные
Человечки!»

СЛУЧАЙ С ПИРОГОМ

Как-то раз
Пирог старинный
Позван был
На именины.

БЕЦКО Анжела *родилась 1 июня 1968 года в городе Барановичи Брестской области (Беларусь). Окончила филологический факультет Белорусского государственного университета. Четверть века живет в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре. Автор трех поэтических сборников и книги прозаических миниатюр. Публиковалась в журналах и альманахах «Наш современник», «Неман», «Сибирские огни», «День и ночь», «Огни Кузбасса», «Второй Петербург», «Литературный Иерусалим», «Александръ», «Парус», «Врата Сибири», «Чаша круговая», «Эринтур», «Югра» и др. Член Союза писателей России. Живет в Нефтеюганске.*

Он взглянул
Тепло и кротко
И представился:
– Шарлотка.
Гости
Очень удивились
И полдня
Не расходились,
Пили,
Ели,
Пели,
Пили
И воспитанными
Были.
Он заметно
Оживился,
Не скучал
Теперь
Один...

Только
После именин
Как сквозь землю
Провалился!

СИДЕЛИ ТРИ ВОРОНЫ

Сидели три вороны
На низеньком суку,
Склевали три вороны
Сначала по жуку,
Схватили три вороны
Потом по слизняку,
Запели три вороны:

– Каррр!
– Каррр!
– Кукареку!..

Светлица

Екатерина НОВИКОВА

СВЕТЯТСЯ ЛЮДИ ОТ СЧАСТЬЯ

ОСЕТИЯ

Птицы проснулись,
Чтобы людей разбудить.
Солнце пылает,
Блистать заставляет ручьи.

Лучики, отсветы, блики
Порхают, как мотыльки.
Если к ручью наклониться,
Нега коснется тебя.

Светится солнце в небе,
Светятся люди от счастья,
Светятся отсветы, блики,
Свет над Осетией всей!

****

Перламутровым сияньем
В небе замерла Луна,
Нежно-голубым мерцаньем
Откололась от окна.
Еле вижу снега бисер,
Молоком блестит мой двор.
Может – сон, а может – вызов
И прошедшего укор.
Снега скрип и очень мирный,
Милый шелест поводка
Друг-собака – лучший в мире,
Если даже слез река.

****

Зимою страдают не только тела –
Она пробирается холодом в душу,
Не выйдешь из дома в промозглую стужу,
И вьюга тропинку к тебе замела…

«ПОДУМАТЬ О ДУШЕ»

(о журнале «Огни Кузбасса № 1, 2022)*

Открывает номер «Огней Кузбасса» роман Андрея Королева «Догони радугу». Андрей Королев – филолог, сотрудник газет «Комсомолец Кузбасса», «Кузнецкий край», «Край», «Губернские ведомости» и других; спортсмен, игрок футбольной команды «Кузбасс». Повествование ведется от лица парня Кости Аксенова, вернувшегося из армии. Он отлично играет в футбол, хочет построить карьеру спортивного журналиста и писателя. Его мальчишеские грезы становятся частью сюжета, время от времени разворачивая перед читателем воображаемые картины: описаны они нарочито театрально, ярко – и в то же время с юмором, доходящим порой до сарказма.

Роман «Догони радугу» все время играет с читателем, расшевеливает, поддразнивает его. Постоянно меняется язык, превращаясь то в высокопарный слог с лирическими рефренами, то приобретая динамичный, прерывистый ритм современного рассказа. Костя втянут сразу в две амурные коллизии – он, его друг Славик, бывшая одногруппница Лера (первый любовный треугольник); Марина (Мишель), старый товарищ Боб, развязный и артистичный балагур и пьяница, и Коля Бубен (вторая, усложненная геометрическая фигура взаимоотношений). Образы женщин – от маминой подруги Алки, огрубевшей от одиночества, до неприступных в своей красоте незнакомок – проходят красной нитью через роман. На всем его протяжении Костя идет к Женщине, и путь этот также пронизан мечтами, героизацией мужского соперничества, фантастическими сценами, существующими в пылком воображении Кости (что не мешает образному юмору и цепкой самоиронии сопровождать весь сюжет). Отношения с главной женщиной – мамой – приходят (ближе к развязке) к безусловной любви и принятию, сбрасывая с себя все ужимки Костиной юношеской неловкости и ложного стыда, боязни показать свои чувства.

В конце романа повзрослевший герой обращается к своему сыну. «Ничего не поправишь, ничего не изменишь – самый мудрый, самый жизнестойкий взгляд на вещи», – пишет повзрослевший Константин Аксенов, и все равно нас не оставляет ощущение надежды, открытого финала, веры в человеческие возможности.

Раздел «Поэзия». Андрей Правда (поэт, сотрудник редакционно-издательского отдела Кузбасского центра искусств) представил подборку стихов «На прогулке». И мы действительно гуляем и по городским улицам, где цветет жасмин, напоминающий о морских волнах греческого побережья, и по тихой дождливой окраине, и по пестрому южному базару:

Размеренный повсюду ритуал
Степенной, уважительной торговли.
Что хочешь здесь – от спички до оглобли,
От чая до фарфоровых пиал.
(«Сентябрьский базар в Джамбуле»).

Елена Русанова, поэт, автор десяти книг стихов и рассказов, обращается в своей подборке «Русское словушко, где ты, соловушка?» к теме утрачиваемых святынь – русской деревни и отечественного литературного слова. Представленной поэзией Елена Русанова объединяет два бедствия – потери исходного облика родного слова и лика родной земли, по сути родственные между собой: землю уродуют громоздкие офисы мегаполиса, а слово затаптывают в землю и уничтожают иностранной, чужой речью.

К традициям японской поэзии обращается дипломант международных конкурсов хокку Евгений Казаков (подборка стихов «Бабочка в небе заблудилась»). Перед читателями – созерцательные, философские трехстишия. От нежно-лирических:

Если долго смотреть на небо
На нем появятся
Птицы.

До назидательно-метких:

Переплавили колокол
В медный грошик
А он все звонит.

Затрагивается авторами рубрики «Поэзия» и тема войны. В стихотворении Сергея Москвитина «Журавлиная история», завершающем его подборку «После летней грозы», звучат и отсылки к знаменитым строкам Расула Гамзатова, и воспоминания о трагедии Хиросимы, и мысль о ценности музыкальной и поэтической речи, несущей в сердцах людей память об ушедших солдатах.

Наполнены чувством печали и отстраненности от мира стихи Юрия Могутина, в которых нынешняя жизнь «лишь отзвук жизни прожитой», не имеющее собственной ценности, слепое повторение давно пройденного.

Молодую поэзию (рубрика «Литературная студия») в номере представляют стихи победителей и дипломантов молодежного фестиваля-конкурса «Оперение». Простым секретом счастья делится с читателями Аня Пронкевич:

* Материал подготовлен в рамках проекта «Русский академический журнал» портала «Печорин.нет».

Перекрашивай волосы в розовый,
Смейся громче, смелей танцуй.
Притворяться серьезно-взрослыми
В целом мало кому к лицу.

Тему исчезающей деревни, которая уже встречалась в номере у поэтов старшего поколения, поднимает и Климентий Малиновский. Его стихи напевны, в духе есенинской традиции:

Я кручинюсь о днях далеких,
О девчушке с тугою косой,
О сосне, что стоит одиноко
Над звенящей в остуде рекой.

Другая музыка, страстно порывистая и напряженная, звучит в строках Богдана Рытенкова, уделяющего внимание именно звучанию слова:

Сотни игл,
Сотни жал.
Перед огнем
Огнь пал.

Завершает подборку теплая, доверительная и эмоционально открытая лирика Андрея Назарова:

Давай это лето оставим на память?
Запомним его бесконечным и юным.
Когда этот город скует холодами –
Нам всем пригодится немного июня.

Раздел «Проза». Казалось бы, прочесть сказку на ночь предлагает читателям сценарист, писатель из Новосибирска Кристина Кармалита. Но не все так просто. Ее «Бог с соседнего балкона» – это размышления об истинных ценностях, о прочности дружбы и, безусловно, о смерти и одиночестве. А еще о том, что чудеса мы можем творить и собственными руками, имея доброе сердце. Автор делает явный реверанс в сторону классики детской литературы, настолько несомненна перекличка и с гофмановским «Щелкунчиком», и с «Путешествием Голубой Стрелы» Джанни Родари. Новогодняя елка и ожившие, говорящие игрушки. Простосердечный Мишутка, вопреки логике верящий в преданность своего хозяина Бори, которому уже подарили нового белого медведя. Ангел на елке, отстраненный от всех остальных персонажей, торжественно красивый и поющий о Боге, которого «никто никогда не видел». Кот Леонард, прагматик и реалист, чьи насмешливые фразочки словно специально снижают высокий градус романтического сюжета, впрочем, не мешая произведению оставаться философской притчей. И тот самый «Бог с соседнего балкона» дядя Володя, который способен вернуть ангелу крылья. Трудно быть «Богом» – вот и мастеру дяде Володе самому нужна поддержка, чтобы не оставаться в праздничную ночь наедине с грустными воспоминаниями.

Рассказы Надежды Усольцевой посвящены тяжелым испытаниям, выпадающим на женскую долю. Об этой доле ее рассказ «Нелюбимые», печально констатирующий духовную деградацию главной героини Галины, которая, огрубев от жизненных событий, из любящей девушки становится ненавидящей матерью, готовой отказаться от родной дочери Дашеньки. И об этом же второй рассказ «Рукавички для Ванечки», хотя его героиня Анна Филипповна Шелехова, вопреки потере близких, сибирской ссылке и многолетним каторжным работам на лесоповале, сохранила в душе любовь и ласку и до последних дней вяжет в Доме милосердия рукавички для сирот, оставаясь уверенной в том, что «Анна Филипповна еще нужна на этой земле».

Рассказ «По главной линии» автора 76 книг стихов и прозы, полковника в отставке, доктора культурологии Александра Кердана повествует о том, чем обернулась для подающего надежды военного, претендовавшего на высокую должность в политическом ведомстве, случайная беседа с очаровательной попутчицей. Это поучительная, с юмором поданная история о цене человеческой беспечности.

Писатель, ученый, исследователь, участник многочисленных морских экспедиций Владимир Максимов представляет читателям написанную в духе мемуаров повесть «Праздник, который всегда…». Это мозаика воспоминаний, причем не только личных, но и связанных со значимыми литераторами и деятелями искусства (так, В. Максимов размышляет о судьбе и смерти Эрнеста Хемингуэя: отсылку к одной из его книг мы видим в заглавии повести). Вспоминая эпизоды собственной жизни, автор дает понять: праздник, который всегда с тобой, – это дети и внуки, в которых состоит продолжение жизни; это любимые люди рядом; это занятие любимым делом, уверенность в своем призвании и в собственных силах, необходимых для его исполнения. Основную мысль отлично характеризует приведенная на страницах повести цитата из Джорджа Сэвила: «Лучший способ увидеть, что будет, – припомнить, что было».

Драматургия в этом номере «Огней Кузбасса» представлена пьесой Михаила Косарева «Там жили поэты» (Диалоги в ресторане). Михаил Косарев – журналист, прозаик, литературный критик. Названия сцен в пьесе обозначены по месту действия: столик возле окна, столик под пальмой, столик в центре зала, столик за колоннами. За столиками – узнаваемые лица: имажинист Сережа, футурист Володя и другие персонажи из творческой среды… Зарисовка на тему жизни литераторов периода расцвета НЭПа написана легко и непринужденно, читатель становится наблюдателем творческих посиделок и отчаянного балагурства.

В рубрике «Православные чтения» опубликовано приветствие Аристарха, митрополита Кемеровского

и Прокопьевского, обращенное к участникам мероприятия, посвященного Кузбасской литературной премии в честь святителя Павла Тобольского. Это ежегодный литературный конкурс, проводимый Кемеровской епархией. Премия рассчитана на писателей-мастеров, создающих православные произведения. В своем приветствии митрополит Аристарх вспоминает значимые юбилеи года: 800-летие святого князя Александра Невского и 200-летие со дня рождения Ф. М. Достоевского. Именно через произведения Достоевского, по словам митрополита, люди по всему миру узнают о русской культуре, о христианстве и православии. Поэтому необходимы новые произведения, которые бы настолько же точно, как произведения Достоевского, «высвечивали нравственные проблемы современности и помогали делать верный выбор, основанный на следовании евангельским заповедям».

На страницах рубрики «Книга памяти» помещена публикация Владимира Келлера «Из Поволжья в Кузбасс. Судьба немецкой народности в истории моего рода». Поводом к ней стали две даты 2021 года: 300-летие Кузбасса и 80-летие депортации российских немцев, прежде всего из Автономной Социалистическая Советской Республики Немцев Поволжья (АССР НП). Свой исторический экскурс Владимир Келлер начинает с путешествия доктора Даниэля Мессершмидта в Сибирь (именно он первым зафиксировал месторождение «черного уголья смолевого» на территории нынешнего Кузбасса).

Историко-документальное повествование охватывает ключевые моменты пребывания немцев на русской земле: времена правления Ивана Грозного (появление Немецкой слободы); немецкие поселения в Малороссии и Поволжье, основанные переселенцами после манифеста Екатерины Второй; организация Трудовой коммуны немцев Поволжья (после Октябрьского переворота); Великая Отечественная война; период после войны; оттепель. Уделяется большое внимание переселению немцев из районов Поволжья в Новосибирскую область, работе на шахтах Кузбасса, реабилитации депортированных в 1956 году. На протяжении публикации приводятся воспоминания членов семьи Келлер.

Рубрика «Лики земляков» посвящена значимым деятелям кузбасской земли. О трудовой биографии Николая Михайловича Вдовина, работника коксохимзавода, рассказывает статья Александра Ярощука «Инженер-романтик, всегда дававший результат». Автор делится с читателями и личным опытом совместной работы с инженером.

Раздел «Критика. Литературоведение» открывает публикация «До выстрела подумать о душе (к 80-летию Анатолия Кулемзина)». Автор Ирина Заболотская рассказывает о своем педагоге, докторе культурологии, профессоре-археологе, авторе почти двух сотен научных работ. Оценивая его творческое наследие, И. Заболотская пишет, что темы Кулемзина «из разряда вечных: о глубинных свойствах народа, о том, что составляет его душу…». Она отмечает, что Кулемзин относится к природе как к живой и мыслящей (рассказ «Душа есть у всего»). Это свойство роднит рассказ автора со многими другими публикациями этого номера – и поэтическими, и прозаическими.

Рецензия Ирины Надировой «От читателя к читателю. О книге Дмитрия Филиппенко «Зайди за мною жить» посвящена ее земляку, шахтеру и поэту. Дмитрий Филиппенко называет шахту подземной колыбелью, поскольку, по словам Ирины Надировой, «для поэта шахта не просто место работы – а целая вселенная».

«Россия и стихи – едины» Татьяны Колач – это дань памяти недавно ушедшему из жизни поэту Александру Ивановичу Каткову. Татьяна Колач рассказывает о последней, вышедшей в 2016 году, книге стихов «Вина» и книге «Россия, моя берегиня» 2010 года, приводя цитаты из стихов, мысли поэта о родине, человеческом пути, о жизни и смерти.

Завершает раздел статья поэта Дмитрия Филиппенко «На честном слове. Два смысла – и оба правильны». Весной 2021 года Дмитрий Филиппенко был назначен председателем регионального отделения Совета молодых литераторов в Кузбассе и придумал литературно-социальный проект «На честном слове» для поиска талантливой молодежи. Дмитрий Филиппенко, Дмитрий Мурзин и Галина Золотаина объехали в рамках проекта все двадцать городов Кузбасса, познакомились с молодыми авторами и выявили ряд проблем, связанных с продвижением и развитием современной литературы среди молодежи. Дмитрий Филиппенко останавливается подробнее на тех проблемах, которые считает наиболее острыми и тяжелыми (отсутствие кружков и специальных изданий, некомпетентность руководителей литературных групп и т. д.). В заключение Дмитрий Филиппенко пишет, что именно требуется предпринять: возобновить деятельность областной молодежной литературной студии, создать молодежный литературный альманах, проводить мероприятия для поддержки молодых авторов.

В заключительной постоянной рубрике «Литературная жизнь» Дмитрий Мурзин освещает актуальные события в мире литературы: встречи с писателями, публикации, выход в свет книг. Среди самых значимых мероприятий – вручение VIII Кузбасской литературной премии имени святителя Павла, митрополита Тобольского 23 декабря 2021 года. Названы имена лауреатов и дипломантов.

Мария БИШОКОВА

НОВЫЙ СМЫСЛ МЕЛОЧЕЙ БЫТА

о сборнике стихотворений Галины Золотаиной «Давайте о хорошем»

Сборник стихотворений Галины Золотаиной «Давайте о хорошем» – это вечер, проведенный у веселой, говорливой хозяйки, которая в подробностях расскажет о жизни, покажет свой дом и альбом с семейными фотографиями, угостит вином, смехом и слезами. Иногда вам, возможно, будет неловко, но такова уж героиня этих стихотворений, прячущая за ухарством и грубыми словами нежную душу.

Эта книга прочно привязана к точке на карте: топонимы, природа, региональные словечки определенно переносят нас в сибирский город, в его старые исчезающие районы – и новые, безликие, одинаковые в каждом городе. Пожалуй, стихотворения, посвященные городу и истории его улиц, – самые удачные, глубокие и тревожащие: «Триптих про Барнаулку», «Обязательно в городе я нахожу район…» и вот это, в начале сборника:

А парк – он пока что безлиственен, прозрачен,
И аттракционы пусты и ненужны.
Закрыты все кассы, и мелкие лужи
Пробует лапка трехпалая грачья.

Город у Золотаиной получается зримый, с приметами времени и сезона, наполненный воспоминаниями. Словом, когда автор выходит за рамки своего маленького, домашнего мира, – глубину обретают и тексты.

В то же время целый набор стихотворений сборника – бытовые детали, простые события дня. Дневниковые записи, не имеющие сюжета, такие, например, как «Мой день» или «Субботняя», «Смени аккаунт и живи». Эти перечисления можно длить и длить бесконечно – но только неизвестно, зачем. Зарифмовать быт, сделать ритмичным сообщение о еде или огороде – еще не значит найти в нем поэзию. Стихотворение «Чем дальше, тем наивнее запросы…» – словно бы ответ на эту претензию. Автору хочется думать, что человек мудреет с годами и поэтому живет в простоте вот такими маленькими бытовыми делами.

Списки дел дополняют своеобразные стихотворные поучения самой себе: поступай так-то, живи вот так, «Заставь себя сначала жить как пава». Это разговоры немного с собой, а немного с читателем. Алгоритм, которому сама лирическая героиня не следует, но вдруг читателю такой план пригодится.

Правда, не всегда понятно, что же именно нужно делать. В стихотворении «Ты хочешь с мужчинами быть на равных?» автор предлагает дождаться, пока сильные мужчины состарятся, но что делать с ними потом – не пишет. В этом ряду самое цельное стихотворение – «Не зацикливайся на точке: она мала», оно небольшое, но сильное.

Еще одна интонационная особенность стихов Галины Золотаиной – эмоциональность, а затем обесценивание переживаний. То есть сами чувства – любовь, восхищение, отвращение – всегда есть в начале, но именно к финалу стихотворения они скатываются в насмешку над этими же чувствами. Атмосферные строки стихотворения «Хорошо, что кончается этот февраль…» обрываются в «Бросить бы на фиг все эти стихи / и уйти в монастырь…», словно не хватает сил закончить описание тягостного, какого-то древнерусского февраля. Иногда автору не удается дотянуть до конца стихотворный размер («Кровельная»), рифмовку (к концу стихотворения «Из детства» она пропадает), а иногда – и самого лирического героя («Плеснешь в снулое лицо, / Помолишься Сыну с Отцом / … Буду до вечера весела, легка, / Размешаю миксером облака…»), когда «ты» легко превращается в «я». Или «меня» («Где меня предавали, всё поросло быльем») превращается в «нас» («Тех, кого любим, мы беспощадно бьем»).

При всем этом сборник стихотворений – удачный автопортрет, героиня везде одна и та же, узнаваема и по словечкам, и по поступкам, несмотря на то, что она часто – разного возраста. Это летопись женской судьбы от рождения до сегодняшнего дня. Детство – стилизованное под старину, не просто выцветшее фото, а намеренно состаренное. Отрочество – дерзкое, неприличное напоказ. Молодость – бурная и полная разочарований. А настоящее – на двух ладонях: постылый быт, усталое тело – и философские мысли.

Но автору больше нравится колоть, смешить, провоцировать. Скоморошества в сборнике немало: от вполне безобидного «Как фейсбук там и ватсап, все ав-ав и цап-царап. /Ступим смело за порог, впереди нам сто дорог / Открывается отныне, и во всем поможет Бог» до цикла «Хорошо в Сибири летом» и строчек типа «Что же остается на исходе лет, дед? / Вместо полового акта – катаракта?» Грубая, просторечная лексика – яркая краска к автопортрету автора, ее щит, за которым прячется отчаяние, и ее меч, которым она расправляется с невзгодами.

Но иногда автор сама не подозревает, что смешной образ вышел из ошибки:

«…Он летит с небес на дорогу и на жилье.
Каждую зиму в белом халате, как врач,
Он совершает этот прекрасный полет…»

Хочется отметить стихотворения «В пятнадцать я влюбилась в старика…» – цельное, законченное, как

и колючая «Безотцовка»; трогательную колыбельную «Мы ложимся ровно в десять…», лаконичную, как инь-янь «Обратную версию», «Буду тратить, пока жива» (правда, без концовки, до «смерти неминучей» включительно).

В общем ряду выделяются стихотворения о Боге, но не темой, а именно лексикой. Там, где Бог, там обязательно появляются высокие, книжные – или намеренно юродивые слова: «До Господа Бога мово и опосля людского скопища / Да будет мне выдана полной мерой юдоль нейтральная…», «И слез, что исходят целебно / На кровлю земного чертога…» (кровлю, которая чуть позже почему-то «не стесняется»). Чувствуется, что для этой темы у автора «есть еще в пороховницах порох, / Коль что-то не нравится в этой прекрасной жизни!» И правда будет где-то посредине, между поучениями самому себе и церковно-славянскими восклицаниями, в простых картинах жизни, где мелочи быта обретут какой-то новый смысл.

Надежда КУРАКИНА,
г. Санкт-Петербург

ВСПОМНИТЬ ПРО «ГЕНИЕВ ЧИСТЕЙШЕЙ КРАСОТЫ»

Отклик на сборник стихов Андрея Пятака «Моя соседка Мона Лиза»

Втянувшись в чтение этого сборника, замечаешь явный повтор реперных точек в виде стихов, имеющих названия месяцев: «август», «октябрь», «ноябрь». Цикличность повторения напомнила спил дерева с метками годовых колец – 2015, 2016 и так далее. При такой хронологической последовательности расположения поэтических произведений структура сборника выглядит плоской и двумерной. Но это только на первый взгляд. На самом деле конструкция – как бумажный китайский фонарик. Стоит потянуть за центр плоской фигурки, и она моментально приобретает объемную форму.

Какая же сила в стихах Андрея Пятака помогает удерживать объемную структуру сборника? Это необычные, яркие образы-сравнения. «Спагетти дождя свисают с небесной кастрюли…» – сразу можно представить этот грандиозный объем. Или вот стихи, посвященные последнему летнему месяцу, написанные в разные годы. «Август-2015» поэт характеризует как «Спас Дынный», в следующем году это уже «Спас Медово-Винный», через два года – «август уходит началом, серединой, / чудика Джексона «лунной походкой». «Октябрь-2015» у него «промозглый»; «нескончаемый дождь за окном» тосклив, «словно Крюгера Фреди фантом». В следующем году настроение резко меняется, и поэт уже любит октябрьский «дождь со снегом», «туман и гололед» и «октябрьских красоток в лабутенах». Проходит год, наступает новый октябрь. И поэт, гуляя по бульвару, «ловит флюиды осени», наблюдает, как «снежок и листья желтые буксуют по брусчатке». А через два года в стихотворении «28 октября» отмечает, что это «последний теплый день, / жаль, загорать нельзя». Казалось бы, пишет об одном и том же времени года, а получается совершенно по-разному.

В зависимости от настроения поэта образы в стихотворных строчках носят соответствующие оттенки, что напрямую связано с эмоциональной силой воздействия на читателя. Светлое, радостное настроение у автора, – и август уже «медовый и дынный» и чуточку «винный». А угрюмый октябрьский дождь рождает сходство с персонажем из фильмов ужаса. Поэт чутко улавливает изменения в природе и передает ее настроение в стихах.

Обычное явление природы – дождь, но и он у Андрея Пятака всегда разный. Летом даже гроза «смеется в неумытое окно», а дожди в это время года становятся «звездными», и «зонтики с людьми за руку идут», и «лужа в пузырях для детей батут», и «дождь – это весело… дождь – это грустно… дождь – это здорово…». А вот другое настроение поэта, душа его скорбит по ушедшему человеку, и, соответственно, такая строка: «дождь – слезы усопших…».

Андрей Пятак не ограничивается лирическими стихами о природе, он высказывает свое мнение о событиях, которые происходят в окружающем мире не только на расстоянии вытянутой руки, но и гораздо дальше. Это стихи о пожаре в ТЦ «Зимняя вишня», о фестивале имени А. Бельмасова, о поездке по Прибайкалью, о цирке «Шапито», об эпидемии, охватившей планету в 2019 году, о предназначении поэта. Конечно, не обходит он стороной и тему любви, размышляет об отношениях мужчины и женщины, о скоротечности жизни и уходе из этого мира. Поэтому в канву своих стихов поэт где-то философскую ниточку вплетает, где-то вставляет ироничную или загадочную нотку, где-то чуть ли не частушку. В стихотворении Андрея Пятака «Новое время» есть строка «я со временем в дружбе, похоже», где явно звучит голос Игоря Киселева: «я со временем нашим не спорю» (стихотворение «Скорость»).

Андрей Пятак – мастер по выдумке новых слов. У него в запасе россыпь оригинальных и сложносочиненных словечек, которые придают стихам неповторимость и своеобразие. Вот примеры таких слов: «дождепад» (который «китайской швеей семицветною лентой прошит»), «вженщиновлюбленным», «дождепузые», «ожурналят», «окнижат», «омакулатурят», «вечногазетной прозы», «оянваренье», «драконосе-

ледкой», «куцеснежие», «распоэтился». Поэт свободно вводит в строфы иностранные слова в английской и русской транскрипциях, в большом количестве использует простонародные и вышедшие из употребления слова, а также уличные жаргонизмы и сленг определенной категории людей. Получается, что суммарный словарный запас поэта велик, но хочется спросить: а все ли эти слова могут облагородить читателя, стать бальзамом для больной души, повести за собой в «прекрасное далеко»? Почему-то думается, что не все. Такая свободная крутизна, как мне кажется, способна уменьшить читательскую аудиторию не только по возрасту, но и по нравственно-этическим соображениям. Несколько смущает также предложенная свободная рифмовка: «киоск – не плосок», «слоями – двигателями», «берегу – Пегу», «белее – не батареит», «степь – отражается небь». Хотя, наверное, для некоторых читателей это не является существенным критерием в определении качества стихотворных строк.

Лицевая сторона обложки сборника окрашена в цвет солнца, обратная – в цвет луны. День да ночь – сутки прочь, как говорится в русской народной поговорке. Так и стихи в сборнике. Они выстраиваются один за другим, от лета к осени, от осени к весне, и год сменяется годом, как в зеркале отражая земной круговорот и человека в этом солнцевороте. «Мы сгораем, как свечи на алтаре», «Оторваны от неба и земли, / живем в домах из шлака и бетона. / Нас по утрам не будят журавли, / и взгляд на женщину всего лишь взгляд с балкона».

И все же лирический герой, находясь в изоляции во время пандемии, увидел в своей соседке… Мону Лизу. Удивился? Нет, испугался! А зря. Если задуматься, в каждой женщине живет эта самая Мона Лиза. И слово «мона» в данном случае – своеобразный шифр. Это не только производное от «мон-на», сокращения от «мадонна» или «моя госпожа», оно имеет один корень со словом «монос» – один, что у пифагорейцев обозначало «божество». По философскому учению Лейбница, в каждой такой единице в потенциале свернута Вселенная. И вполне можно представить, что в душе любой из единичных «мон» живет целое космическое пространство. И пусть не будет у нее загадочной улыбки, которую много лет дарит человечеству Джоконда, пусть она «такая домашняя» и «скорей не Ева», а «девчонка вздорная», это все же – любимая единственная женщина, как та «мона» с кошкой на руках, что на обложке сборника.

Лирический герой поэта Андрея Пятака говорит, что мы «разучились слушать добрые стихи и нюхать первые цветы», «мы научились получать земные ласки, / забыв про «гениев чистейшей красоты». А ведь «любовь – спасение одной души, другой, / не в Царствии Небесном – в этом мире». Именно этой мыслью в последнем стихотворении поэт и завершает сборник.

Татьяна ГОРОХОВА,
г. Топки

ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРОНИКА

23 февраля в Кемеровском госпитале ветеранов войн прошла встреча с представителями творческой интеллигенции города. В День защитника Отечества к ветеранам пришли участники патриотического проекта «Дружина милосердия» общественного движения «Культурный фронт России». Выступить, поздравить с праздником, выразить самые лучшие чувства и пожелания, вручить подарки участникам боевых действий вызвались поэты Б. Бурмистров, С. Донбай, Н. Мурзина, секретарь международной наградной коллегии ордена «Звезда Достоевского» Э. Вистерман. Молодое поколение представляли учащиеся губернаторской школы-интерната МЧС Э. Выдриганов и А. Бегун, которые на аккордеоне и балалайке замечательно исполнили песню «Смуглянка». В состав концертного коллектива также вошли ребята из творческого объединения «Серебряные струны», действующего при Центре детского и юношеского туризма им. Ю. Двужильного и Доме детского творчества Рудничного района. Руководит объединением талантливый педагог Т. Чукреева. Ребята пели под гитару известные и любимые всеми бардовские песни.

Особое внимание в ходе концерта уделили новой песне «Тыловая» (слова Н. Мурзиной, музыка М. Шамporова). Эта песня родилась 7–8 декабря 2022 года в Кемерове. Облетев за короткий срок всю страну, песня вызвала горячий отклик слушателей. Авторы получили лавину писем с благодарностью. Различные исполнительские коллективы попросили разрешения взять ее в свой репертуар. Песня была опубликована на каналах Дмитрия Медведева, Рамзана Кадырова, Амана Тулеева, Владимира Соловьева, военных обозревателей Михаила Онуфриенко и Юрия Подоляки. Общее количество просмотров видеороликов в социальных сетях насчитывает более 4 миллионов. Популярный певец Олег Газманов представил «Тыловую» в хит-параде проекта патриотической песни «Родники». Она звучала на радио «Комсомольская правда», «Крым», «Радио России. Ямал». За короткий срок песня приобрела широкую известность и признание, став всенародной. 23 февраля «Тыловую» проникновенно спели и для ветеранов, находящихся в кемеровском госпитале.

Как и в годы Великой Отечественной войны, сейчас необходимо наладить работу творческих бригад для выступлений перед бойцами СВО. Это поможет сохранить душевное равновесие в обществе и как можно быстрее реабилитировать раненых. Ответственность за исполнение проекта должны взять на себя различные творческие коллективы, включая участников движения «Культурный фронт России».

27 февраля в пгт Верх-Чебула прошла творческая встреча с поэтом Д. Филиппенко.

27 февраля в с. Березово (Кемеровский округ) прошла встреча ветеранов. На встрече присутствовал поэт В. Шумилов, который почитал стихи, посвященные проводимой на Украине СВО.

28 февраля в детской библиотеке им. А. М. Береснева состоялась творческая встреча «Яркий свет “Огней Кузбасса”». Главный редактор журнала С. Донбай и ответственный секретарь Д. Мурзин познакомили учеников 77-й школы с материалами, печатающимися в журнале «Огни Кузбасса», представили книгу «ПоZыVной – Победа!» со стихами о Донбассе, почитали свои стихи.

28 февраля в школе № 7 г. Кемерово прошла творческая встреча с поэтом Д. Филиппенко.

1 марта в Музее шахтерской славы Кольчугинского рудника прошла творческая встреча поэта Д. Филиппенко с сотрудниками Сибирской угольной энергетической компании и презентация книги «Подземное притяжение».

2 марта в библиотеке им. И. Киселева отмечали 90-летний юбилей поэта. Филологи, читатели, барды читали стихи и пели песни на стихи юбиляра. Среди выступающих было два лауреата премии им. И. Киселева: И. Фролова и Д. Мурзин.

3 марта в Мариинске состоялся литературный фестиваль-эксперимент «Чивилихинский март» в рамках празднования 95-летия со дня рождения писателя В. Чивилихина. В городской библиотеке им. В. Чивилихина прошли культурный брифинг «Точка роста – малая родина» и мастер-класс «На честном слове» для начинающих поэтов и прозаиков, которые провели поэты Б. Бурмистров и Д. Мурзин.

4 марта в с. Борисово (Крапивинский район) состоялась встреча выпускников Борисовской средней школы, посвященная 70-летнему юбилею школы. Во встрече принял участие выпускник школы поэт В. Шумилов, он подарил школьной библиотеке три тома антологии «Классика земли Кузнецкой», познакомил присутствующих со своим творчеством.

6 марта в Юргинском военном госпитале в рамках проекта «Дружина милосердия» общественного движения «Культурный фронт России» состоялась встреча с бойцами, участниками СВО, в которой приняли участие поэты Б. Бурмистров, Т. Колач, секретарь международной наградной коллегии ордена «Звезда Достоевского» Э. Вистерман и творческий коллектив русских народных инструментов и песни «Скоморохи» под управлением заслуженного артиста РФ А. Соловьева.

Поэты Д. Мурзин, А. Назаров вошли в короткий список литературной премии «Гипертекст» (Москва).

6 марта в Березовском в детской школе искусств № 14 прошло представление книги Д. Филиппенко «Подземное притяжение».

7 марта в Ленинске-Кузнецком в Центральной городской библиотеке им. Н. К. Крупской прошла презентация первого номера литературного альманаха «Образ» за 2023 год.

9 марта поэт Д. Мурзин выступил на семинаре кемеровского городского объединения преподавателей родной литературы. Поэт рассказал, чем журнал «Огни Кузбасса», Союз писателей России и Кузбасский центр искусств могут помочь в становлении нового школьного предмета.

11 марта в Новокузнецком городском отделении КПРФ состоялась встреча прозаика В. Коняева с читателями.

12 марта в г. Топки в библиотеке им. В. М. Баянова прошла творческая встреча с Д. Филиппенко.

13 марта в Доме творческих союзов Новокузнецка прошел семинар, где обсуждали очерк Е. Трухан «Бронебойная литература», посвященный литературной жизни города Сталинска (ныне Новокузнецка) в годы Великой Отечественной войны. В мероприятии приняли участие поэты О. Комарова, Г. Шемелин, прозаики В. Коняев и А. Савченко.

14 марта в Кемеровской епархии в праздновании Дня православной книги приняли участие поэт Б. Бурмистров, краевед В. Ермоленко, бард-дуэт А. и Т. Болотовых.

14 марта в рамках празднования в Кемеровской области Дня православной книги состоялся поэтический вечер в Кузбасском центре искусств на Советском, 40. Профессор Московской духовной академии, наместник Андреевского ставропигиального монастыря в Москве игуменья Дионисия (Шленова) и А. Достоевский (потомок писателя) встретились с поэтами Б. Бурмистровым, С. Донбаем, Д. Мурзиным и читателями журнала «Огни Кузбасса».

15 марта в библиотеке им. Н. В. Гоголя Новокузнецка прошел вечер памяти «Забыть не в силах», посвященный прозаику, журналисту, подполковнику внутренней службы В. Неунывахину. Организаторы (Литературно-мемориальный музей Ф. М. Достоевского, Кемеровское отделение Союза писателей России и Центральная городская библиотека им. Н. В. Гоголя) провели сбор средств на мемориальную доску писателю. В мероприятии приняли участие члены Союза писателей Е. Трухан, В. Коняев, О. Комарова, сестра В. Неунывахина – Г. Галкина.

16 марта в Кузбасском центре искусств на Советском, 40, прошло представление шестого номера журнала «Огни Кузбасса». Поэты М. Брюзгина, А. Бурко, И. Надирова прочитали стихи из номера; Е. Чириков, А. Коваленко, В. Кабин, Б. Дюкин, Ю. Малеванова рассказали о своих публикациях. Д. Мурзин и А. Королев рассказали об авторах, которые не смогли присутствовать на представлении. Вел вечер главный редактор журнала С. Донбай.

16 марта в военном госпитале г. Юрги прошла встреча с А. Достоевским (потомком писателя), волонтеры Кемеровского отделения Культурного фронта России передали книги в библиотеку госпиталя.

18 марта в Ленинске-Кузнецком в библиотеке им. Н. К. Крупской прошла творческая встреча с поэтом, членом Союза писателей России Ю. Перминовым из Омска.

19 марта в Новокузнецке прошло очередное собрание Совета молодых литераторов Кузбасса. В рамках собрания состоялось образование ячейки совета в Новокузнецке.

21 марта в День поэзии в Кузбасском центре искусств на Советском, 40, поэты С. Донбай и Д. Мурзин провели творческую встречу со школьниками из Ижморки. Рассказали о литературе Кузбасса, творчестве, почитали стихи, ответили на вопросы. Авторы лучших вопросов получили в подарок журнал «Огни Кузбасса».

22 марта в Кемерове в библиотеке им. В. Мазаева прошла творческая встреча поэта И. Фроловой «Дороже слов на свете нет…» с воспитанниками детского дома № 105.

22–26 марта в Новосибирске состоялась литературная мастерская Ассоциации союзов писателей и издателей России (АСПИР). Поэт Д. Мурзин в паре с Д. Воденниковым вел поэтическую секцию. От Кузбасса на мастерскую приехали молодые литераторы Я. Орехова, Д. Ячменев и М. Сычева. По результатам мероприятия М. Сычева и Д. Ячменев рекомендованы на семинар в Липки, а Я. Орехова и М. Сычева – к публикации в сборнике АСПИР.

Дан старт новому проекту Совета молодых литераторов Кузбасса «Писатель в маленьком городе». Гостем первого этапа проекта стала поэт, секретарь Союза писателей России, профессор Челябинского государственного института культуры Н. Ягодинцева. С 24 по 26 марта прошли творческие встречи в Березовском, Ленинске-Кузнецком, Белове, Мысках и Калтане.

26 марта в Томске прошла встреча участников конкурса патриотической песни «Родники» с организатором конкурса певцом О. Газмановым. На встрече присутствовали авторы из сибирских городов: Красноярска, Северска, Новосибирска, Томска. Кемерово представляли Н. Мурзина и М. Шампоров, авторы песни «Тыловая».

27 марта в г. Топки в библиотеке им. В. М. Баянова состоялась творческая встреча с читателями «Поэты и портреты» при участии поэтов Б. Бурмистрова, М. Брюзгиной и достоевсковеда Э. Вистермана.

30 марта в Государственном архиве Кузбасса прошел круглый стол «“Посидите со мною, друзья, не кончается песня моя…”: к 90-летию Игоря Михайловича Киселева» с участием членов Союза писателей России

Б. Бурмистрова, И. Фроловой, а также преподавателей-словесников из Кемерова (Н. Налегач, КемГУ; И. Ащеулова, КРИПКиПРО; С. Старовойтова, гимназия № 25), учителей из Мысков (С. Калинина), Гурьевска (В. Гречишкина). Прозвучали стихи и песни на стихи И. Киселева. Директор архива Л. Сапурина представила опись фонда личного происхождения Игоря и Ирины Киселевых.

1 апреля в Гурьевске в модельной библиотеке им. М. А. Небогатова прошла презентация книги Д. Филиппенко «Подземное притяжение».

4 апреля писатель Е. Тюшина провела творческий мастер-класс с участниками литературной студии «Рудничок» в Доме детского творчества Рудничного района.

4 апреля в Кузбасском центре искусств на Советском, 40, прошло представление сборника стихотворений В. Киселева «Небо отражается в стихах».

7 апреля в ДК пос. Новостройка состоялась встреча школьников с поэтом В. Шумиловым. Поэт почитал стихи, написанные в поддержку СВО, ответил на вопросы.

7–13 апреля в Красноярске прошел Международный форум «Литературный диалог по-русски». В форуме принял участие поэт Д. Мурзин, выступивший в Литературном музее Красноярска, в библиотеке им. Н. Добролюбова, библиотеке им. А. и Б. Стругацких г. Канска, библиотеке с. Дзержинского, библиотеке им. В. Астафьева с. Овсянка.

8 апреля в Полысаеве в Центральной городской библиотеке прошла презентация книги Д. Филиппенко «Подземное притяжение».

12 апреля в Кузбасском центре искусств на Советском, 40, состоялось представление книги А. Пятака «Девушка с Красной Горки».

С 14 по 16 апреля в Челябинске прошел Всероссийский форум молодых писателей, в котором приняли участие кузбасские поэты Д. Филиппенко (Ленинск-Кузнецкий) и А. Коржова (Калтан). В рамках форума Д. Филиппенко руководил семинаром поэзии и провел творческую встречу в Копейске.

16 апреля прошла пасхальная встреча в военном госпитале г. Юрги. Волонтеры Кемеровского отделения Культурного фронта России привезли пасхальные куличи; состоялся творческий вечер.

16 апреля в новокузнецкой библиотеке им. Н. В. Гоголя состоялась лекция филолога А. С. Сазыкина «Через призму души», посвященная творчеству поэта, главного редактора журнала «Огни Кузбасса» С. Л. Донбая.

18 апреля в кемеровской библиотеке им. Н. В. Гоголя прошел торжественный вечер, посвященный 70-летнему юбилею поэта И. Куралова.

18 апреля литературному альманаху «Образ» (Ленинск-Кузнецкий) исполнилось 10 лет.

19 апреля поэт Д. Мурзин провел встречу с учащимися КемТИПиСУ в рамках урока «Родная литература».

21 апреля в школе № 50 пос. Ягуновского состоялась творческая встреча Б. Бурмистрова и Э. Вистермана со школьниками.

22 апреля в Прокопьевске в Центральной городской библиотеке прошла презентация книги Д. Филиппенко «Подземное притяжение».

22 апреля состоялся крестный ход в честь Стефана Омского. У Знаменского собора г. Кемерово выступили поэты Б. Бурмистров, С. Донбай, Д. Мурзин. Прозвучали стихи в защиту русского православного мира.

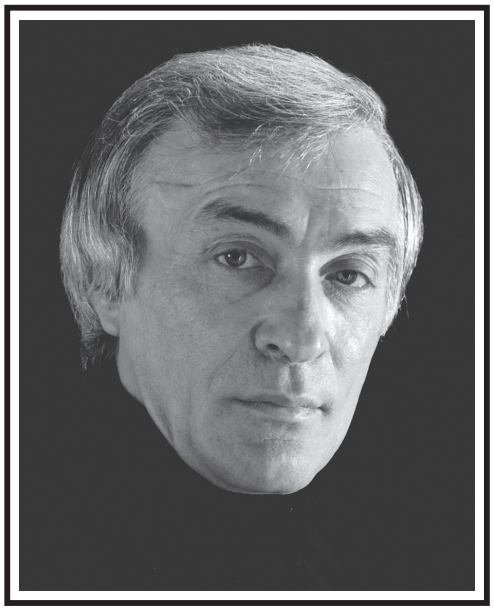
26 апреля в КемГУ на отделении журналистики состоялась творческая встреча поэта Б. Бурмистрова со студентами. Шел разговор о создании гимна Кузбасса, преемственности поколений писателей, о журнале «Огни Кузбасса». Гость представил антологию «Классика земли Кузнецкой».

26 апреля в общественной приемной партии «Единая Россия» прошло представление журнала «Огни Кузбасса». На встрече присутствовали студенты Кемеровского колледжа предпринимательских и цифровых технологий. Выступили поэты С. Донбай, И. Надирова, М. Брюзгина и Д. Мурзин.

ИЗДАНЫ КНИГИ

Киселев В. Небо отражается в стихах..: сборник стихотворений. – Кемерово: Вектор-Принт, 2023. – 120 с.

Пятак А. Девушка с Красной Горки: повесть, рассказы. – Кемерово: Принта, 2022. – 214 с.



11 апреля на 79-м году после продолжительной болезни ушел из жизни русский поэт, член Союзов писателей СССР и России

ОЛЕГ ЕФИМОВИЧ МАКСИМОВ.

Максимов родился 25 декабря 1944 года в Кишиневе Молдавской ССР. В 1948 году депортирован с родителями в поселок Спасск Таштагольского района Кемеровской области (Горшорлаг). В 1962 году жил в Кишиневе, отслужил в армии, вернулся в Кузбасс, работал литсотрудником в газете «Красная Шория», специальным корреспондентом в газете «Красноярский рабочий», публиковался в альманахе «Огни Кузбасса». С 1974-го по 1977 год был уполномоченным в бюро пропаганды художественной литературы Союза писателей РСФСР по Кемеровской области. Снова уехал в Молдавию, где в Кишиневе изданы первые поэтические сборники. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького, вернулся в Кузбасс. Член Союза писателей СССР с 1987 года, член Союзов писателей Молдавии и России. Автор одиннадцати поэтических сборников и трех книг прозы. Был членом редколлегии журнала «Огни Кузбасса». Лауреат премии Кузбасса (2017).

Вечная память нашему другу, талантливому поэту!

Писатели Кузбасса

Ушла из жизни талантливая поэтесса, член Союза писателей России

АНАСТАСИЯ ЕВГЕНЬЕВНА РУССКИХ (КУПРИК).

Так случилось, что эту печальную весть коллеги по перу получили спустя несколько недель после ее смерти. Грустно и больно осознавать, что с нами больше нет талантливой, улыбчивой, немного ироничной, скромной и непритязательной, ранимой и беззащитной женщины, отмеченной ярким литературным даром.

Настя (по-другому ее и не хочется называть) начала писать стихи со школьных лет. Казалось, что поры ученичества у нее и не было, что как поэт она родилась сразу – настолько легко и непринужденно приходили к читателю ее строки. Она работала в издательстве «Союз писателей», библиотеке им. Н. В. Гоголя (Новокузнецк). Возглавляла молодежный поэтическо-бардовский клуб «Апрель» при Центральной городской библиотеке Прокопьевска. Печаталась в литературно-художественных журналах «Огни Кузбасса», «После 12».

...Мы созданы друг друга воскрешать
Из самой долгой и глубокой комы,
Чтоб навсегда чужих и незнакомых
Узнала потрясенная душа,
Просвет во льдах забвенья продышав.
Чтоб изумиться: «Господи! Я дома!»
Чтоб мир мурлыкал, как пушистый шар,
Пригревшийся под ручкой малыша,
Смешную сказку из ушедшей дремы...

Вечная память!

Писатели Кузбасса

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Журнал «Огни Кузбасса» проводит курс на расширение творческих связей с писателями, а также с журналами других регионов России:

«Наш современник» (Москва),
«Родная Ладога» (Санкт-Петербург),
«Сибирские огни» (Новосибирск),
«День и ночь» (Красноярск),
«Врата Сибири» (Тюмень),
«Алтай» (Барнаул),
«Бийский вестник» (Бийск),
«Дальний Восток» (Хабаровск),
«Сибирь» (Иркутск),
«Начало века» (Томск),
«Сихотэ-Алинь» (Владивосток),
«Литературный меридиан» (Приморский край, г. Арсеньев),
«Подъем» (Воронеж),
«Север» (Петрозаводск),
«Енисей» (Красноярск),
«Природа Алтая» (Барнаул),
«Гостиный двор» (Оренбург),
«Роман-журнал. XXI век» (Москва),
«Бельские просторы» (Уфа),
«Русское эхо» (Самара).

По отдельности тиражи наших журналов небольшие, но если их сложить, сумма света, который они несут, будет значительной.

Наше издание распространяется в библиотеках и учебных заведениях Кузбасса, высылается авторам журнала, в редакции вышеперечисленных журналов и литературных газет, а также подписчикам.

Редакция журнала принимает рукописи, отпечатанные на компьютере через полтора интервала (12–14-й кегль), с обязательным приложением флешки с набором текста в любом формате. Вместе с текстом просим присылать краткую биографическую справку, данные паспорта, ИНН и номер страхового свидетельства.

Редакция знакомится с рукописями авторов, не вступая в переписку. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с мнением редакции.

Наш электронный адрес: **sp_kuzbass@mail.ru.**

Наш сайт: **www.ognikuzbassa.ru.**

Журнал «Огни Кузбасса»
Главный редактор ***С. Л. Донбай***
№ 3. Дата выхода в свет: 30.06.2023
Индекс 12234
Тираж 1600 экз.
Формат 60×84⅛. Бумага офсетная № 1. Гарнитура «Arial».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,0 + 0,5 л. цв. вкл. Уч.-изд. л. 20,0. Заказ № 609. Цена свободная

Адрес редакции: 650000, Кемеровская область – Кузбасс, г. Кемерово, пр. Советский, д. 40. Тел. 8 (3842) 36-85-14.
Адрес издателя ГАУК «Кузбасский центр искусств»: 650000, Кемеровская область – Кузбасс,
г. Кемерово, ул. Дзержинского, д. 6. Тел. 8 (3842) 75-04-88.
Адрес типографии ООО «Вектор-Принт»: 650021, Кемеровская область – Кузбасс, г. Кемерово, ул. Стахановская 1-я, д. 39а, оф. 211.

Журнал «Огни Кузбасса» зарегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Кемеровской области.
Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ТУ42-00877 от 10 марта 2017 г.
Учредитель (соучредители) (адрес): Государственное автономное учреждение культуры «Кузбасский центр искусств»
(650000, Кемеровская область – Кузбасс, г. Кемерово, ул. Дзержинского, д. 6),
Кемеровское областное отделение «Союз писателей Кузбасса» Общероссийской общественной организации «Союз писателей России»
(650000, Кемеровская область – Кузбасс, г. Кемерово, пр. Советский, д. 40)

Корректор ***Е.Л. Ясинская***
Верстка: ***Е. К. Метякова***